

II-10.
D-162.

РЕПЕРТУАРЪ

И

ПАНТЕОНЪ

ТЕАТРОВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ө. А. КОНИ.

1847. 11. 1847.

1847.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

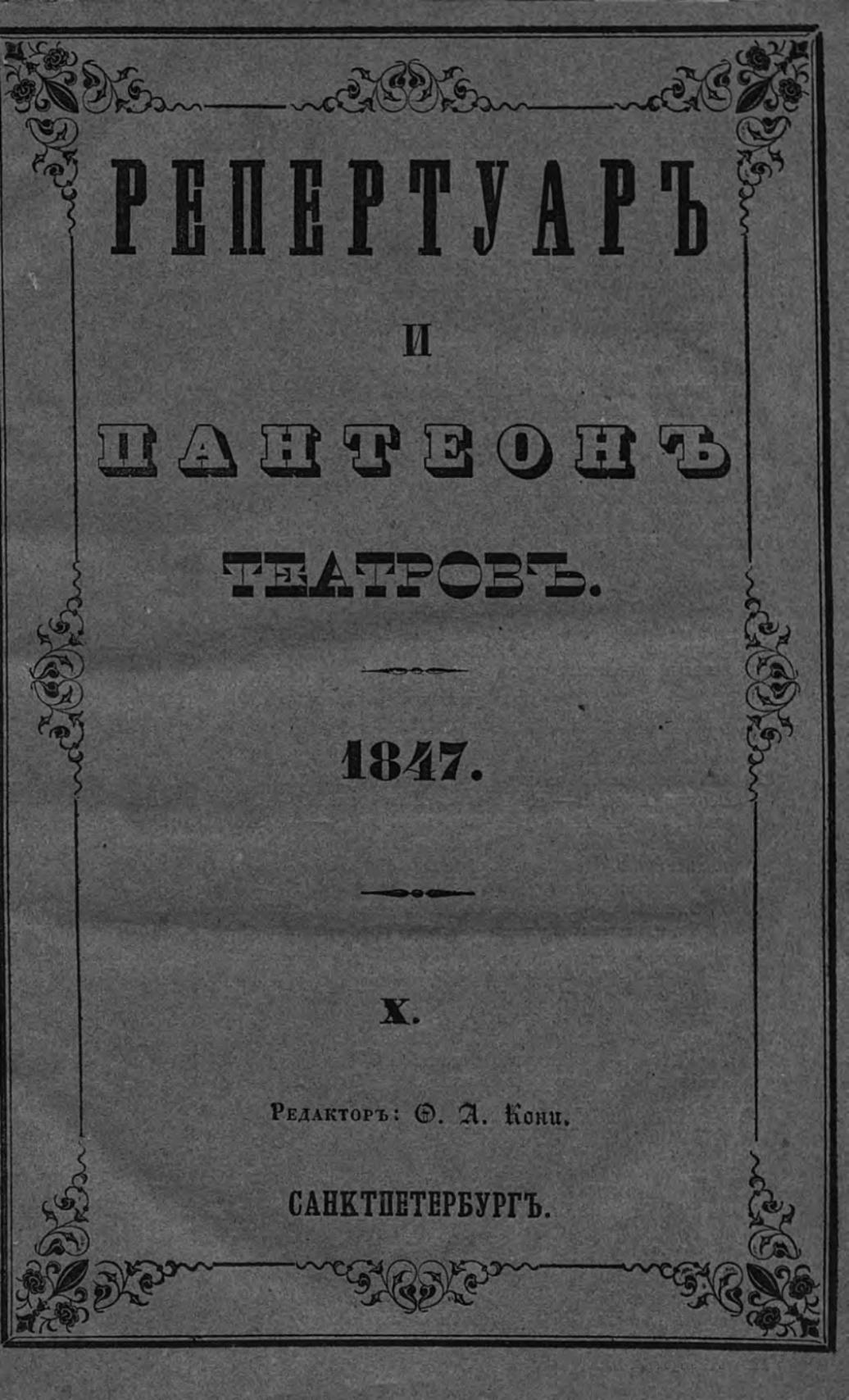
ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. В. ЛУНЧАРОВА
ТЕАТР ДРАМЫ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узакопненное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 15 октября 1847 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

РЕПЕРТУАРЪ
И
ПАНТЕОНЪ
ТЕАТРОВЪ.

1847.

X.

РЕДАКТОРЪ: С. А. Кони.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

1. Семейная война или все на своихъ мьстахъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Пер. съ фр. А. Толченовымъ 3

ПАНТЕОНЪ ТЕАТРОВЪ.

- I. ТРИ СЕСТРЫ, Романъ Арсенія Гуссе. Часть вторая. 3
 II. ИСТОРИЯ ИСКУССТВА.
 1. Хиль Висенте и Португальскій театръ 97
 2. Парижскіе Театры и актеры въ 1847 году. Статья Д. П. Суикова. 122

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ:

1. Александринскій Театръ:
 а) Судь Царя Соломона. Драма въ двухъ дѣйствіяхъ, подраженіе Кенне.
 б) Герой изъ Тысячи одной ночи. Оригинальный водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. г. Толченова 4.
 в) Семейная война или все на своихъ мьстахъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, пер. съ фр. на русскіе нравы.
 д) Артисты между собою или чей фантъ выигреть, что тому дѣлать? Интермедія въ одномъ дѣйствіи.
 е) Гибель Фрегата Медузы. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, соч. Шарля Нойе. Пер. съ фр. П. Е.
 ф) Емелюшка дурачекъ. Оригинальная-комедія водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. К. Гр. К.
 г) За короля. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.
 г) Чуть-чуть въ Казань не уехали. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. А. Кононова.
 и) Гусарская стоялка, или Подмосковныя проказы. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи 142
 Статья О. Ковн. 0

2. Михайловскій Театръ: Французскіе спектакли 148

IV. ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Франція:

1. Два корсара. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Бризбарра и Шарля Потье. — 2. Роза и Маргарита. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Шарль Денос и Леона. — 3. Марійскій швейцарь. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Лёвена и Бруисвика. — 4. Счастье подъ рукою. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Леона и Нюса. — 5. Крестница Нико. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Делины. — 6. Симонъ воръ. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ; соч. Лорансени — 7. Двумужница. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Польде-Кока и Байе. — 8. Прощедшее и будущее. Прологъ въ одномъ дѣйствіи, соч. Мишеля Карре и Шарля Наррея. — 9. Изабелла Кастильская. Драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Жюль Бажо. — 10. Блудурий волосъ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Леона Гозлана. — 11. Дать слово и держать. Комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. Жю. — 12. Пробужденіе льва. Комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Боляра и Гена 153

V. СМѢСЬ.

Миланскій карнавалъ, повесть Лиджи Романи. — Четырнадцатый; статья Мери. — Гете и Лота. — Крушеніе аэрогата. — Добрый мужъ, разсказъ Жюль Сандо. — Венгерская драматическая литература. — Джанъ Баттиста Перголеа. — Ночь въ дилижансѣ, разсказъ Варелана. — Некрологъ Фредерика Сулье. — Письмо Гектора Верліоза объ Россіи 1

VI. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Новое средство покорять суровыя сердца. — Литераторъ-спекулантъ — Найдочивость и эксцентрическія выходы Листа. — Англійскій драматургъ Даніэль Ли. — Золтики въ Сѣвероамериканскихъ штатахъ — Новый комозиторъ. — Забавный процессъ. — Россіи. — Театральныя вѣсти. 65

VII. АНЕКДОТЫ.

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

СЕМЕЙНАЯ ВОЙНА

или

ВСѢ НА СВОИХЪ МѢСТАХЪ.

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

Передъпланный съ Французскаго.

А. ТОЛЧЕНОВЫМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Марья Андрѣевна Веселовская, вдова	Г-жа Сосницкая.
Александръ Ивановичъ, сынъ ея	Г. Марковецкій.
Софья Петровна, жена его	Г-жа Лаврова.
Върочька, дочь Марьи Андрѣевны	Г-жа Самойлова 1.
Василій Федоровичъ Замоскворецкій—старин- ный пріятель Марьи Андрѣевны	Г. Пруссаковъ.
Аннушка, горничная	Г-жа Волкова 2.

Дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ Веселовскихъ.

СЕМЬЯ ИВАНОВА
(Театръ представляет гостиную. — Двери въ глубину и по бокамъ. Окно).

ЯВЛЕНІЕ I.

АНУШКА, (смотритъ въ окно). Ну, какая же сегодня погода—чудесная... только бы на Крестовскій ѣхать... да у насъ недождешся этого... и въ праздникъ то точно каторжная... Ну, ужъ хозяйки... (звонятъ на льво). Вотъ и Софья Петровна зазвонила... бѣжать къ ней... она любитъ, чтобъ ей мигомъ услуживали... (только хочетъ войти въ комнату на льво — на право раздается сильный звонокъ), Ну, и Марья Андрѣевна затрезвонила!.. Эга тоже любитъ, чтобъ ей духомъ все подавляли... (снова звонятъ на право) сейчасъ!.. (снова звонятъ на льво). сейчасъ!.. къ которой же идти прежде?..

ЯВЛЕНІЕ II.

АНУШКА, АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, — ПОТОМЪ ЗАМОСКВОРЕЦКІЙ.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, (выглядывая изъ среднихъ дверей). Анушка!.. негодная дѣвченка!.. оглохла ты что ли?.. (входитъ) Неслышишь, что тебя зовутъ?..

АНУШКА. Слышу очень хорошо.. да незнаю куда прежде бѣжать... (Въ это время звонятъ съ обѣихъ сторонъ разомъ). Извольте послушать!..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Да... это затруднительно... если ты

не послушаешься моей матери—она будет просить, чтобъ я тебя прогналъ... и я тебя выгоню.. а если ты непослушаешься жены—она будет просить, чтобъ я тебя выгналъ... и я тебя прогоню!.. (Звожки удваиваются—Замоскворѣцкій входитъ изъ среднихъ дверей).

анюшка. Господи! что же мнѣ дѣлать?..

замоскворѣцкій. Эге! что у васъ тутъ за трезвонъ?..

анюшка, (въ сторону). Уйду—лучше совсѣмъ!.. (уходитъ).

Я В Л Е Н І Е Ш І.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, ЗАМОСКВОРѢЦКІЙ.

замоскворѣцкій. Я пришелъ, кажется, не совсѣмъ во время... Впрочемъ, любезный Александръ Ивановичъ—если дожидаться удобнаго времени—г. е. такого, чтобъ у васъ было все спокойно въ домѣ—такъ тогда—очень рѣдко придется дѣлать вамъ визиты!..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Ваша правда, ваша правда!..

замоскворѣцкій. Я не знаю, какъ вы такъ ловко распоряжаетесь... только у васъ дома безпрерывная война...

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Это происходитъ оттого—что я представляю изъ себя вольный городъ—изъ-за котораго дерутся двѣ державы, каждая хочетъ подчинить меня своему вліянію...

замоскворѣцкій. Я васъ непонимаю...

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Эхъ, какой вы, Василій Федоровичъ!.. Это очень ясно... Я живу вмѣстѣ съ женой—и съ матерью: ну, онѣ-то воюютъ между собою... изъ-за меня... или лучше сказать—изъ-за права владычества!..

замоскворѣцкій. Да, да... понимаю, понимаю...

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Еслибъ нужно было повиноваться одной только женщинѣ—ну—такъ это еще натурально, но повиноваться ввругъ двумъ женщинамъ—рѣшительно невозможно.. известное дѣло, что двѣ женщины никогда нехотятъ одного и того же!..

замоскворѣцкій. Да, это очень затруднительно...
 Александръ Ивановичъ. Тогда-то начинаются крики... споры... упреки... бьются съ одной стороны... злятся съ другой... одна требуетъ уваженія къ своему званію матеря... другая требуетъ привилегій, свойственныхъ сану жены... и я нахожусь вѣчно среди двухъ враждующихъ державъ—подверженный всѣмъ непріятностямъ войны!...

замоскворѣцкій. Вы меня удивляете... Марья Андрѣевна—ваша матушка—такого тихаго, ровнаго характера...

Александръ Ивановичъ, Это правда...

замоскворѣцкій. Вотъ уже сорокъ лѣтъ, какъ я питаю къ ней чувства почтенія и удивленія... къ несчастью—не отъ меня зависѣло сдѣлаться вашимъ отцомъ... мнѣ предпочли виновника вашихъ дней...

Александръ Ивановичъ. Послушайте, сказать вамъ правду—я очень радъ, что ваша свадьба съ моей матерью несостоялась... Кто знаетъ? можетъ быть я вышелъ бы не такъ хорошъ... а теперь, я очень доволенъ собою...

замоскворѣцкій. Послушайте—однакоже — кто же причину всѣхъ этихъ ссоръ у васъ?.. что касается до вашей матушки...

Ее давнымъ давно я знаю—

Она всегда была скромна...

Александръ Ивановичъ.

Да я ее не порицаю...

Недаромъ же мнѣ мать она!..

Замоскворѣцкій.

Но также уваженія стоитъ

И ваша нѣжная жена...

Александръ Ивановичъ.

Она на Ангела походитъ...

Замоскворѣцкій.

Такъ кто-жъ у васъ здѣсь сатана?

отъ Александръ Ивановичъ. Рѣшительно незнаю; порознь—вся чудесныя женщины—но какъ сошлись вмѣстѣ—такъ бѣда!.. замоскворѣцкій. Въ такомъ случаѣ, мой любезный другъ—вамъ остается одно средство...

Александръ Ивановичъ. Одно средство?... а я думаю, что нѣтъ никакого средства примирить ихъ... говорите же, говорите. замоскворѣцкій. Предоставьте всю власть, которой нибудь взъ нихъ... (я предпочитаю вашу матушку) и поддерживайте ее во всѣхъ случаяхъ... говорите, что она права — хоть бы она была виновата...

Александръ Ивановичъ. Прекрасно!.. совѣтъ—то вашъ хорошъ, да жаль исполнить его мудрено!.. замоскворѣцкій. Отчего же?..

Александръ Ивановичъ. Отчего... отчего... ну, да оттого, что тутъ нуженъ характеръ... нужна твердость, а у меня нѣтъ... и какая къ чорту твердость устоитъ противъ хорошенькой женщины!.. замоскворѣцкій. У васъ нѣтъ твердости?... Это плохо... но попробуйте... приневольте себя... стоитъ только сдѣлать одинъ шагъ...

Марья Андрѣевна, (за кулисами). Аннушка!.. Софья Петровна, (за кулисами). Аннушка!..

Александръ Ивановичъ. Вотъ она... вотъ она... Начинается... замоскворѣцкій. Ага!.. Онъ, кажется, идутъ сюда!.. Я не хочу, чтобъ онъ видѣли меня съ вами... я приду послѣ узнать объ вашемъ успѣхѣ... ну, смѣлье... смѣлье... (уходитъ).

Александръ Ивановичъ. Смѣлье!.. чортъ возьми!.. онъ оставилъ меня одного противъ двухъ бѣшеныхъ женщинъ!..

ЯВЛЕНІЕ IV.

Александръ Ивановичъ, Марья Андрѣевна и Софья Петровна.

Марья Андрѣевна, (выходя быстро съ правой стороны.) Это ужасно!..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА, *(выходя быстро съ левой стороны.)* Это пестерпимо!..

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Не идти—когда я звоню!..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Заставлять дожидаться, когда я зову!..

МАРЬЯ АНДРЕВНА. А! ты здесь, Сашинька!..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. А! вы здесь, сударь!..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ *(всторону)*. Зачѣмъ я пемогу провалиться сквозь землю!..

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Это твое дѣло — заставить меня уважать!..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Какъ, маменька... неужели кто нибудь осмѣлился?..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Неужели, сударь, вы позволите меня неслушаться...

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Какъ Сонюшка? неужели, кто нибудь дерзнулъ...!

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Поступать со мной такимъ образомъ!..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Неймѣть ко мнѣ никакого уваженія!..

МАРЬЯ АНДРЕВНА, *(опрокидывая стулъ.)* Это просто неслыханная дерзость!..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, *(всторону)*. Ой, ой!..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА, *(опрокидывая стулъ)*. Это просто разбой!..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ *(всторону)*. Ой, ой!..

МАРЬЯ АНДРЕВНА, *(тихо Александру Ивановичу)*. Что такое съ твоей женой? Она, кажется, сердиться?..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, *(также)*. Она звала Аннушку — а та непослушалась...!

МАРЬЯ АНДРЕВНА, *(съ радостью)*. Неужели?..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, *(тихо, ей)*. Вотъ, еслибъ вы звали ее... такъ дѣло другое... она знаетъ, что я ее тотчасъ бы прогналъ, еслибъ она смѣла послушаться васъ...

МАРЬЯ АНДРЕВНА, *(треплетъ его по щекѣ.)* Ахъ, ты — голубчикъ!..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА, *(отводя Александра Ивановича всторону.)* Что съ твоей маменькой? она, кажется, сердиться?..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, *(тихо ей)*. Она звала Аннушку — а та не послушалась...

СОФЬЯ ПЕТРОВНА, *(съ радостью)*. Въ самомъ дѣлѣ?..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Вотъ еслибъ ты звала ее... о, тог-

да... она знает, что я тутъ — же бы выгналъ ее, еслибъ она смѣла тебя послушаться!..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА, *(треплетъ его по щекѣ.)* О, ты мой мпашка!..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, *(всторону.)* О! мнѣ стыдно самого себя!.. я долженъ быть отвратителемъ!..

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Такъ какъ мы теперь все выѣсть, то я объявляю вамъ, что я намѣрена обѣдать сегодня часомъ позже.

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Это по какой причинѣ?..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Въ самомъ дѣль, маменька, по какой причинѣ?..

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Ко мнѣ придетъ одинъ нужный человекъ въ пять часовъ!..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, *(своей жепи.)* А! въ такомъ случаѣ!..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Но, къ несчастью, мы ѣдемъ сегодня въ театръ... и потому!..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, *(Марья Андреевна.)* А! въ такомъ случаѣ!..

МАРЬЯ АНДРЕВНА, *(съ досадою.)* Дѣлайте, что хотите... по я сказала разъ и довольно!..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА, *(съ досадою.)* А я также, что сказала, то и будетъ сдѣлано!..

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Но это варварство!..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Да это тиранство!..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, *(всторону.)* Опять!.. начали... начали!..

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Я не позволю, чтобы мной командовали!..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Нельзя же для васъ перевернуть весь домъ вверхъ дномъ!..

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Вы вгоните меня въ гробъ своими упреками!..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Вы сведете меня съ ума своими капризами!..

АНПУШКА, *(вбѣгая.)* Александръ Ивановичъ... Софья Петровна!..

МАРЬЯ АНДРЕВНА, *(поспѣшно.)* Что случилось?.. подожди ко мнѣ... и говори!..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Поди сюда... и говори!..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, *(всторону.)* Новая исторія!..

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Чтожъ ты?..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Чтожъ ты?..

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА. Сашинька! она меня неслухается!..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Александръ Ивановичъ! она меня знать не хочетъ...

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, (всторону.) Я желалъ бы, чтобъ она приближала сказать, что у насъ въ домъ пожаръ!..

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА, (въ ярости.) Будетъ ли конецъ?..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА, (въ бѣшенствѣ.) Отвѣчай же!..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Нѣтъ — надо мнѣ самому рѣшиться...

(подходя къ Аннушкѣ.) Говори мнѣ, что случилось...

АННУШКА. Вѣра Ивановна пріѣхала...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА. Глухая... чтожъ ты раньше не сказала!..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Сумашедшая!.. чтожъ ты молчала то!..

Я В Л Е Н И Е V.

ВѢРОЧКА, (выходитъ изъ среднихъ дверей — и прямо идетъ къ Софьѣ Петровнѣ.) Здравствуй, сестрица!.. О, какъ я рада что вижу съ тобой!.. (идя къ матери.) Здравствуйте, мамаша!..

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА. Прекрасная нравственность!.. прекрасное воспитаніе!..

ВѢРОЧКА. Чтожъ я такое сдѣлала, мамаша?..

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА. Гдѣ это васъ учили — чтобъ пройти мимо матери и не поздороваться!..

ВѢРОЧКА. Извини, мамаша.. я тебя не замѣтила...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА. Прекрасно!.. я здѣсь просто дрянь... меня даже замѣтить нехотятъ...

ВѢРОЧКА. Но, мамаша...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА. Довольно, сударыня.. я нехочу имѣть съ вами никакихъ объясненій.. о, нравственность, нравственность!

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, (всторону.) О, маменька, маменька!..

АННУШКА, (входя.) Марья Андреевна — къ вамъ пришли изъ магазина...

МАРЬЯ АНДРѢВНА. А! хорошо... (Александрѣ Ивановичу.) Вы помните, что я сказала?..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, (тихо ей.) Будьте покойны: мы съедемъ обѣдать въ шесть часовъ.

СОФЬЯ ПЕТРОВНА, (тихо мужу.) Не забудьте — что я сказала..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, (тихо ей.) Небезпокойся: мы будемъ обѣдать въ пять часовъ...

МАРЬЯ АНДРѢВНА, (уходя, всторону.) И такъ, я поставила на своемъ!..

СОФЬЯ АНДРѢВНА, (всторону.) И такъ, будетъ по моему!..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, (уходя.) Придется идти въ гости обѣдать!..

ЯВЛЕНІЕ VI.

СОФЬЯ ПЕТРОВНА, ВЪРОЧЬКА.

ВЪРОЧЬКА. Наконецъ то насъ оставили однихъ... мнѣ такъ много, много надо тебѣ пересказать...

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Я слушаю тебя...

ВЪРОЧЬКА. Тебѣ смѣло можно повѣрить секретъ... ты такая добрая и снисходительная...

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Чтожъ это за секретъ?..

ВЪРОЧЬКА. Вотъ видишь ли: я сама незнаю — зачѣмъ меня держали ло-сихъ-поръ у твоей тетки... но тамъ я познакомилась съ однимъ молодымъ человѣкомъ...

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Съ молодымъ человѣкомъ...?

ВЪРОЧЬКА, (живо). Съ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ!.. Онъ очень часто ходитъ къ твоей теткѣ... и какъ я всегда вышиваю въ гостинной...

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Такъ онъ разговариваетъ съ тобою...

ВЪРОЧЬКА. Самъ то онъ очень мало разговариваетъ!.. онъ больше слушаетъ, а я говорю...

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. И вѣроятно — безъ умолку...

ВЪРОЧЬКА. Еслибъ ты знала, какъ онъ скромецъ и робокъ

должно догадываться о томъ, что онъ думаетъ, а самъ онъ не скажетъ...

софья петровна *(вздыхая)*. Робкій молодой человекъ!.. какъ ты счастлива!..

вѣрочка. Несовсѣмъ... вотъ ужъ мѣсяца три—какъ я замѣтила, что этотъ молодой человекъ вздыхаетъ—все вздыхаетъ.. я подумала—вѣрно недаромъ онъ вздыхаетъ... и старалась направить его на путь истинный... но напрасно!

софья петровна. Какъ Вѣрочка?

вѣрочка. Вздохи продолжались... и больше ничего... тогда—я сказала себѣ: если я ему не помогу, то мы никогда не кончимъ...

софья петровна. Ахъ, Боже мой! ты меня пугаешь...

вѣрочка. И такъ, вчера—мы были одни въ гостиной, онъ смотрѣлъ на меня... И какъ смотрѣлъ!.. Хоть онъ язычекъ держитъ на привязи, но глазенки у него преболтливыя!..

софья петровна. Вотъ что!..

вѣрочка. Онъ смотрѣлъ на меня печально... Я подошла къ нему и сказала: «Владиміръ Петровичъ»... Его зовутъ Владиміромъ... «У васъ есть какое нибудь горе?»... «Да, есть!» отвѣчалъ онъ, вздыхая... «Можетъ быть вы кого нибудь любите?»...—О, да!.. «За чѣмъ же краснѣть—то! на вашемъ мѣстѣ—я прямо сказала бы это той, которую вы любите!»—О, вѣтъ—я никогда не осмѣлюсь!—«Напрасно! попытайтесь—я увѣрена, что это доставитъ ей удовольствіе»... При этихъ словахъ—онъ слѣблался багровымъ... уронилъ свою шляпу—и упалъ передомной на колѣна... И чтобъ принудить его встать—я принуждена была сказать ему: Владиміръ Петровичъ, вставайте—я готова быть вашей женою!»...

софья петровна. Вѣрочка, Вѣрочка... помплуй... какъ это можно... О, молодыя дѣвушки! молодыя дѣвушки!..

Вѣрочка. Ты, кажется, сердилась?..

софья петровна. Да, какъ же не сердиться, прежде должно роднымъ объясниться.

вѣрочка. Да что роднымъ тутъ объясняться!

софья петровна. И съ ихъ согласія жениться.

вѣрочка. Изволь дожидаться согласія родныхъ! Къ тому же онъ такой робкой!..

софья петровна. О, выпяшніе молодые люди со всемъ не робкаго десятка!..

вѣрочка. Развѣ ты испытала это?..

софья петровна. Я, въ свою очередь, хочу тебѣ сдѣлать признаніе...

вѣрочка. Вотъ что! О, молодые жены, молодые жены!..

софья петровна. Ты ошибаешься... Я не забыла своего долга... Но ты видишь меня въ сплинѣйшемъ безпокойствѣ... Одинъ молодой человекъ, съ которымъ я встрѣчалась въ свѣтъ—влюбился въ меня до безумія.. Онъ преслѣдуетъ меня въ театрахъ... на гуляньяхъ...—вездѣ...

вѣрочка. Ахъ, еслибъ Владиміръ Петровичъ былъ похожъ на него.. Скажи, пожалуйста, не тотъ ли это блондинъ молодой человекъ — съ маленькими усиками, который въ прошлую субботу — въ Михайловскомъ театрѣ — неспускалъ съ тебя трубки?..

софья петровна. Ты его замѣтила?..

вѣрочка. Еще бы вѣтъ.

софья петровна. Твой братъ—рано или поздно долженъ замѣтить его преслѣдованіе... и что тогда выйдетъ?..

— вѣрочка. Успокойся... мы какънибудь это устроимъ... А признаться, я очень желала бы, чтобъ Владиміръ Петровичъ имѣлъ побольше храбрости...

софья петровна. Марья Авдѣевна кажется идетъ сюда... Она возненавидитъ тебя за дружбу ко мнѣ... и потому—я лучше уйду...

вѣрочка. И прекрасно... а я постараюсь расположить ее немножко въ пользу Владиміра Петровича... И такъ, надѣйся на меня...

софья петровна. Но — смотри!.. храни тайну...

вѣрочка. Будь покойна!..

софья петровна. Я надѣюсь на тебя!.. *(уходитъ къ себѣ)*.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Марья Андрѣевна, Вѣрочька.

МАРЬЯ АНДРѢВНА. А! вы здѣсь, сударыня!..

ВѢРОЧЬКА. Да, мамаша...

МАРЬЯ АНДРѢВНА. Съ кѣмъ это вы изволили здѣсь разговаривать?

ВѢРОЧЬКА. Съ сестрицей.

МАРЬЯ АНДРѢВНА. (съ досадою). Съ сестрицей, которая, старалась настроить васъ противъ меня...

ВѢРОЧЬКА. Ахъ, мамаша... какъ же можно...

МАРЬЯ АНДРѢВНА. Довольно... благодаря Бога вы не долго будете вмѣстѣ.

ВѢРОЧЬКА. Что ты хочешь сказать, мамаша?..

МАРЬЯ АНДРѢВНА. Вы это сейчасъ узнаете... Подвиньте мнѣ кресло... Я хочу съ вами поговорить...

ВѢРОЧЬКА. Вотъ и хорошо... Я сама хочу съ тобою поговорить...

МАРЬЯ АНДРѢВНА. Такъ какъ я ваша мать, а вы моя дочь — то, я надѣюсь, что вы позволите мнѣ говорить первой?..

ВѢРОЧЬКА. Говори, говори, мамаша...

МАРЬЯ АНДРѢВНА. То, что я хочу вамъ сказать — очень важно!..

ВѢРОЧЬКА. Неужели?.. вѣдь и то, что я хочу сказать — чрезвычайно важно!..

МАРЬЯ АНДРѢВНА. Хотя вы еще очень молоды, но я должна, по причинамъ, которыхъ вамъ не нужно знать, — я должна подумать о вашемъ замужствѣ!..

ВѢРОЧЬКА. Въ самомъ дѣлѣ?.. вообрази, мамаша — вѣдь и я объ этомъ же хотѣла говорить съ тобою!..

МАРЬЯ АНДРѢВНА. А!.. тѣмъ лучше... стало быть ты не имѣешь отвращенія къ браку!..

ВѢРОЧЬКА. Со всѣмъ напротивъ, мамаша!..

МАРЬЯ АНДРѢВНА. Молодая, хорошо воспитанная дѣвушка — не должна выражаться такъ... свободно!..

ВѢРОЧЬКА. Виновата, мамаша!..

МАРЬЯ АНДРѢВНА. И такъ, я рѣшилась выдать тебя за мужъ!..

вѣрочка. Еслибъ не было дурно говорить то, что думаешь— я сказала бы, что ты прекрасно вздумала, мамаша...

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Я не отдамъ тебя иначе, какъ за чело- вѣка вполне достойнаго тебя...

вѣрочка. Разумѣется, мамаша...

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Хотя красота и не есть необходимая при- надлежность мушны...

вѣрочка. (всторону) Вотъ новости...

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Что?..

вѣрочка. Ничего, мамаша... Я говорю, что не худо бы, чтобъ...

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Да..да.. разумѣется нужно, чтобъ твой мужъ имѣлъ пріятную физиогномію...

вѣрочка. Даже очень нужно...

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Чтобъ онъ имѣлъ положеніе въ свѣтъ...

вѣрочка. Да.. да...

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Былъ бы богатъ...

вѣрочка. (всторону) Какое счастье, что Владиміръ Петро- вичъ богатъ...

МАРЬЯ АНДРЕВНА. И какъ Чернявкинъ имѣетъ все это — то я и дала согласіе его матери...

вѣрочка. Чернявкинъ?.. Что ты, мамаша... Эта сватъба не- возможна...

МАРЬЯ АНДРЕВНА. (вскакивая) Какъ? почему?..

вѣрочка. Да потому, что я не люблю Чернявкина...

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Прекрасная причина!.. Любовь придетъ по- слѣ брака...

вѣрочка. Нѣтъ, мамаша — я никогда небуду любить Чер- нявкина... потому, что я люблю другаго!..

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Что?..

вѣрочка. Да, мамаша... другаго... который меня любитъ, котораго я никогда не забуду—и которому я общала—выати за него за мужъ...

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Замолчи... О, девятнадцатый вѣкъ!.. Дѣвушка—безъ воли родителей влюбляется и общаетъ свою руку...

вѣрочка. Да, какъ же ты, мамаша хочешь?.. когда тутъ про- сить позволенія влюбиться?.. любовь нелождается... какъ вид- но, мамаша, ты сама никогда не любила...

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Кто вамъ сказалъ? съ чего вы взяли? можетъ быть, у меня сердце почувствительнѣе вашего...

ВЪРОЧЬКА. Ага, мамаша...
 МАРЬЯ АНДРЕВНА. Я тоже любила, но родители отдали меня за другаго... я не смѣла противорѣчить... и была довольно счастлива съ своимъ отцомъ... Точно тоже будешь и съ нами, вы будете госпожею Чернявкной!..

ВЪРОЧЬКА, (въ слезахъ). Это ужасно... называться какой-то Чернявкной...

Я В Л Е Н І Е УШ.

ТѢ ЖЕ, СОФЬЯ ПЕТРОВНА, АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ,
 ВЪРОЧЬКА, АННУШКА.

СОФЬЯ ПЕТРОВНА, (выходя съ лѣвой стороны, сопровождаемая Аннушкой). Очень просто... Вѣрочька будетъ спать въ спальнѣ Марьи Андреевны...

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Спать въ моей спальнѣ...
 СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Разумѣется...

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Я этого не позволю...

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, (выходя изъ среднихъ дверей). Ну!

такъ... опять спорятъ...

ВЪРОЧЬКА. Отчего же не въ моей комнатѣ?...

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Изъ твоей комнаты я слышала свой рабочий кабинетъ...

ВЪРОЧЬКА. А! это другое дѣло...

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Тѣмъ болѣе, что эта комната совершенно отдѣльна... а Вѣрочька теперь большая дѣвица... она должна быть подле матери...

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Это невозможно—малѣйшій шумъ нарушаетъ мое спокойствіе... причиняетъ мнѣ мигрень...

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, (въ сторону). Она не любитъ шуму!.. а сама шумитъ за десятерыхъ!...

ВЪРОЧЬКА. Небойся, мамаша... я буду ложиться тихонько... и поутру постараюсь не пѣть...

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Ничего нехочу слушать...

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Надо же наконецъ Вѣрочкѣ гдѣ-нибудь спать...

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Пусть ее положить въ гостиной...

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Вотъ прекрасно...

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Разумѣется...

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. А гдѣ же мы будемъ принимать гостей?..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же мы будемъ принимать гостей?..

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Мнѣ какое дѣло!.. я хочу, чтобъ было по моему...

ВѢРОЧКА. Мамаша.

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Отстаньте отъ меня, сударыня...

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Будетъ по моему...

ВѢРОЧКА. Сестрица...

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Оставь меня, Вѣрочка...

ВѢРОЧКА. О, еслибъ я не была дѣвушкой... еслибъ я была на мѣстѣ брата...

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, *(въ сторону)*. Она говоритъ правду... я мужчина—и позволяю увижать свои права главы семейства...

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Здѣсь скоро меня пошлютъ спать въ переднюю... или въ кухню...

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Никто не хочетъ меня слушать...

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Я здѣсь хуже кухарки...

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Я немогу сказать слова...

МАРЬЯ АНДРЕВНА. А все любезный сынокъ...

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. А все мой милый муженекъ...

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Я же виноватъ?.. Конечно... смѣрно... всѣ по своимъ мѣстамъ... мое терпѣнье лопнуло... слышите.. безначалию конецъ!... я—здѣсь хозяйнѣ!... я..

ВѢРОЧКА, *(въ сторону)*. Недумаю,...

ВМѢСТѢ. } МАРЬЯ АНДРЕВНА. Позвольте... надо же...
                  } СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Послушайте—однако...

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Молчаніе!.. и вниманіе!.. Я требую, чтобъ всѣ слушали меня... и повиновались мнѣ... потому-что, я здѣсь господинѣ!..

ВМѢСТѢ. } МАРЬЯ АНДРЕВНА. Но...
                  } СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Однако...

Т. X, Отд. I.

АЛЕКСАНДРЪ ПЬАНОВИЧЪ. Молчаніе и вниманіе!.. если есть господинъ—госпожа необходима... потому, что есть нѣкоторыя подробности въ хозяйствѣ, въ которыя я немогу входить... однимъ словомъ—я хочу имѣть госпожу—потому—что я...

ВЪРОЧЬКА, *(договаривая)*. Господинъ!..

АЛЕКСАНДРЪ ПЬАНОВИЧЪ. Этой госпожѣ, каждый долженъ повиноваться, какъ мнѣ... болѣе, чѣмъ мнѣ...

ВЪРОЧЬКА, *(съ стороны)*. Это вѣроятно!..

АЛЕКСАНДРЪ ПЬАНОВИЧЪ. Я этого требую, потому—что я господинъ!..

МАРЬЯ АНДРЪЕВНА. И прекрасно.. теперь надо только выбрать госпожу..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Выбирайте—кто изъ насъ?..

АЛЕКСАНДРЪ ПЬАНОВИЧЪ. Именно... я хочу выбрать госпожу... и такъ...

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. И такъ...

МАРЬЯ АНДРЪЕВНА. Ну...

АЛЕКСАНДРЪ ПЬАНОВИЧЪ. Сейчасъ... сейчасъ...

ВЪРОЧЬКА, *(съ стороны)*. Онъ боится...

АЛЕКСАНДРЪ ПЬАНОВИЧЪ, *(съ стороны)*. Мудрею рѣшиться.. ту или другую... *(вслухъ)*. И такъ.. внимайте...

СОФЬЯ ПЕТРОВНА, *(нетерпливо)*. Ну...

МАРЬЯ АНДРЪЕВНА, *(нетерпливо)*. Ну...

АЛЕКСАНДРЪ ПЬАНОВИЧЪ, *(нервнито)*. Ну...

ВЪРОЧЬКА, *(смѣясь)*. Ну, ну...

АЛЕКСАНДРЪ ПЬАНОВИЧЪ. И такъ—эту госпожу—я... назову въ другой разъ!..

МАРЬЯ АНДРЪЕВНА, *(съ стороны съ досадою)*. Колпакъ!

СОФЬЯ ПЕТРОВНА, *(съ стороны съ досадою)*. Теленокъ!..

ВЪРОЧЬКА, *(съ стороны, смѣясь)*. Трусишка какой!..

АЛЕКСАНДРЪ ПЬАНОВИЧЪ. Кажется—вы должны быть довольны моимъ рѣшеніемъ!..

МАРЬЯ АНДРЪЕВНА. Нѣтъ... вы сейчасъ же должны назвать хозяйку дома...

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Я требую имени хозяйки дома...

ВЪРОЧЬКА. Да.. да... братецъ...

АЛЕКСАНДРЪ ПЬАНОВИЧЪ. Сейчасъ назвать хозяйку... такъ.. вдругъ...

вмѣстѣ. } МАРЬЯ АНДРѢВНА. Да... да .. скорѣй...
 } СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Я этого требую...
 } ВЪРОЧЬКА. Скорѣй, братецъ...

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, (*въ сторону*). Въ первый разъ весь между собою согласны... Выборъ затруднителенъ... моя любезная маменька кричитъ громче, но моя дражайшая половина кричитъ дольше... сверхъ того... маменьку я слышу только днемъ... тогда какъ жену...

вмѣстѣ. } СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Ну—что же?
 } МАРЬЯ АНДРѢВНА. Александръ Ивановичъ...
 } ВЪРОЧЬКА. Братецъ...

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. И такъ... я призываю разделить со мной бремя правленія.. мою..

вмѣстѣ. } МАРЬЯ АНДРѢВНА. Мать?
 } СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Жену?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Жену!..

МАРЬЯ АНДРѢВНА, (*падала въ кресло на льедо*). Я умираю!..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Я торжествую!..

ВЪРОЧЬКА. Ай, да, братецъ!..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Я очень доволенъ собою!..

(*Уходитъ*).

Я В Л Е Н И Е IX.

МАРЬЯ АНДРѢВНА, ВЪРОЧЬКА.

МАРЬЯ АНДРѢВНА, (*въ бѣшенствѣ*). Она хозяйка!.. она!.. какое униженіе!.. Я должна повиноваться ей.. переносить ея капризы.. никогда!.. Неблагодарные!.. я вела весь дѣла.. я входила во всѣ подробности вхъ хозяйства..

ВЪРОЧЬКА, (*въ сторону*). Оттого-то все такъ хорошо и шло..

МАРЬЯ АНДРѢВНА. Но я ихъ забуду... я ихъ брошу... я ихъ оставлю..

ВЪРОЧЬКА, (*въ сторону*). Они этого-то и жгутъ...

МАРЬЯ АНДРѢВНА. Теперь... буду жить только для тебя, Вѣрочька... Какъ только ты выйдешь за мужъ, такъ я переѣду къ

тебѣ... я хочу послѣднія дни моей жизни провести подлѣ тебя...

вѣрочька, *(съ испугомъ)*. Какъ, мамаша?..

марья андрѣевна. Да, мое дитя... я буду заниматься хозяйствомъ...

вѣрочька, *(въ сторону)*. Ай, ай! вотъ тебѣ разъ!.. *(вслухъ)*. Но, мамаша...

марья андрѣевна. Неужно благодарности... ты достойна того, что я хочу для тебя сдѣлать... Я иду все устроить, чтобъ намъ было можно поскорѣй покинуть этотъ ужасный домъ... Прощай, мое дитя, мое сокровище... мое утѣшеніе... прощай... прощай... *(уходитъ, нѣжно глядя на Вѣрочьку)*.

Я В Л Е Н І Е X.

вѣрочька, *(одна)*.

Ахъ, я несчастная!.. Мамаша переѣдетъ ко мнѣ — какъ я выйду замужъ.. Братъ мой виноватъ, а она хочетъ наказать меня.. Бѣдная мамаша!.. ей непременно надо кого-нибудь мучить. замоскворѣцкій, *(за кулисами)*. Хорошо, хорошо... я подожду?..

вѣрочька. Я не ошибаюсь... это голосъ Василя Федоровича

Я В Л Е Н І Е XI.

вѣрочька, замоскворѣцкій.

замоскворѣцкій. Кого я вижу? Вѣра Ивановна?..

вѣрочька. Здравствуйте, Василій Федоровичъ...

замоскворѣцкій. Вы, значить, переехали отъ тетушки?

вѣрочька. Совсѣмъ!

замоскворѣцкій. Какъ вы похорошѣли, Вѣра Ивановна!
вѣрочка. Да-съ...

замоскворѣцкій, (*глядя на нее съ восторгомъ*). Настоящій
портретъ ея матери—когда той было 18 лѣтъ!..

вѣрочка, (*съ стороны*). Какъ онъ на меня смотритъ.

замоскворѣцкій. Да... да... это ея вѣжливя черты, которыя
теперь немного поглубѣли... Это ея гибкая талія—которую те-
перь несогнешь... это ея восхитительная улыбка, которая Богъ
знаетъ куда пропала...

вѣрочка, (*съ стороны*). Что такое онъ говоритъ?..

замоскворѣцкій. Это сонъ... мечта,.. я вспомнилъ свои мо-
лодые годы... Да, дочка похожа на мечту... а мать... горькая
дѣйствительность...

вѣрочка, (*съ стороны*). Неужели Василій Федоровичъ тотъ
молодой человѣкъ, котораго любила мамаша—и съ которымъ ее
разлучили...

замоскворѣцкій, (*вздыхая*). Увы!.. все прошло...

вѣрочка, (*съ стороны*). Вздыхаетъ... кончено... это онъ...
Ахъ, какая мысль... что если бы мнѣ удалось... я тогда изба-
вилась бы отъ нашествія на мое хозяйство... попытаюсь... по-
пытаюсь,..

замоскворѣцкій. Теперь безъ сомнѣнія, вы скоро выйдете за-
мужъ, Вѣра Ивановна?..

вѣрочка. Я?.. за-мужъ... вкогда... (*съ стороны*). Какъ я
агу...

замоскворѣцкій. Что такъ?..

вѣрочка, (*важно*). Я хочу сохранить свою независимость...
свое спокойствіе...

замоскворѣцкій, (*смѣясь*). Какая оригинальная идея...

вѣрочка. Всѣ мужчины, Василій Федоровичъ, неблагодар-
ные тираны... взмѣнники...

замоскворѣцкій. Кто это вамъ сказалъ?..

вѣрочка. Ихъ любятъ... къ нимъ привязываются... думаютъ,
что можно считать на нихъ... но, не тутъ-то было!..

замоскворѣцкій, (*съ стороны*). Смотрите, пожалуйста... каковъ
пострѣленокъ!..

вѣрочка. Отъ этого дѣлается печальнымъ... брюзгою..
соришь, кричишь... мучаешь своихъ дѣтей... и всѣхъ вокругъ

себя дѣлаешь несчастными... Бѣдная мамаша... я терпѣть немогу мужчинъ—стѣ-тѣхъ—поръ—какъ узнала причину ея горести...

замоскворѣцкій *(въ сторону)* Что это значитъ?...

вѣрочка. Она очень страдаетъ...

замоскворѣцкій. Неужели Марья Андрѣевна вамъ отарыла...

вѣрочка. Мѣнь?.. Какъ это можно... отъ молодыхъ дѣвушекъ всегда все скрываютъ—а кончается тѣмъ, что онѣ сами все отгадываютъ....

замоскворѣцкій. Что-же вы отгадали?..

вѣрочка. О, много... много... во-первыхъ я замѣтила, что мамаша часто бываетъ безпокойна, задумчива... не разъ я слышала, какъ она тяжело вздыхала... но это еще ничего..

замоскворѣцкій. А!... такъ есть еще что нибудь?

вѣрочка. О, да... я могу вамъ это сказать... потому, что вы скромны... насъ никто не подслушиваетъ?..

замоскворѣцкій. Никто...

вѣрочка. *(въ сторону)* Теперь онъ попался... *(ему съ таинственностию)* разъ я вошла въ ея комнату... она неслыхала... такъ она была занята своими мечтами... она подняла глаза къ небу, прижала руку къ сердцу... вотъ такъ... и потомъ сказала очень вѣственно: еслибъ онъ меня любилъ... онъ просилъ бы моей руки, когда я овдовѣла...

замоскворѣцкій. Она сказала это?.. *(въ сторону)* Она меня все еще любитъ!..

вѣрочка. Потомъ она прибавила.

Нѣтъ, нѣтъ—ужъ онъ меня не любитъ—

Но отчего-же я люблю?..

И кто меня за то осудить,

Что я по немъ все слезы лью?

О, тяжелы мои страданья:

Я провожу всю жизнь въ слезахъ...

Ужели же въ любви моей признанья

Невидитъ онъ въ моихъ глазахъ?..

замоскворѣцкій. *(въ сторону)* Какъ?... она бы согласилась...

вѣрочка. *(въ сторону)* Попался, попался... *(ему)* Но въ ту минуту, когда она можетъ быть хотѣла произнести имя... она обер-

нула и увидѣла меня!.. прогнала прочь... ужъ я ломала, ломала себя голову... думала, думала... никакъ не могу придумать кто-бы такой это былъ... не поможете-ли вы мнѣ, Василій Федоровичъ?...

Замоскворѣцкій. О, да, да... мы подумаемъ... мы откроемъ..

Марья Андрѣевна. (за-кулисами) Аннушка... Аннушка...

Вѣрочька. Мамаша... она идетъ сюда...

Замоскворѣцкій. Это она!.. какъ у меня бьется сердце... ноги подкашиваются...

Вѣрочька. (въ сторону) Опъ, пожалуй, прямо бросится передъ ней на колѣна... а она ничего не знаетъ... надо его выпроводить... (ему) Послушайте. Василій Федоровичъ... мамаша на меня сердита.. она будетъ бранить меня, а мнѣ не хотѣлось-бы, чтобъ она бранила меня при васъ... уйдите, на минутку, Василій Федоровичъ...

Замоскворѣцкій. Да... да... я ухожу... ухожу... но не надолго... я скоро возвращусь... (уходитъ)

Я В Л Е Н І Е XII.

Вѣрочька. (одна) О! какъ онъ бѣжитъ!.. какъ онъ разгорячился!.. это не то, что мой Владиміръ Петровичъ.. Впрочемъ говорятъ, что старшій домъ всегда сильнѣе горитъ...

Марья Андрѣевна. (за кулисами) Я буду обѣдать въ своей комнатѣ...

Вѣрочька. Какъ мнѣ приняться за мамашу... не знаю... Дочь хочетъ выдать замужъ мать!.. это не такъ-то легко...

Я В Л Е Н І Е XIII.

Марья Андрѣевна, Вѣрочька.

Марья Андрѣевна. А!.. ты здѣсь, моя радость... Какъ ты замучива... что съ тобой?..

ВѢРОЧЬКА. (*въ сторону*) Какъ ее приготовить?..

МАРЬЯ АНДРѢВНА. Ну, полно... открой мнѣ свое сердце...

ВѢРОЧЬКА. (*въ сторону*) Это ужасно трудно...

МАРЬЯ АНДРѢВНА. Ну, скажи же мнѣ, кого ты любишь?..

ВѢРОЧЬКА. Кого я люблю?.. (*въ сторону*) О, какая мысль!...

МАРЬЯ АНДРѢВНА. Ну, назови мнѣ этого молодого человека...

ВѢРОЧЬКА. Кто вамъ сказалъ, мамаша—что я люблю молодого человека?...

МАРЬЯ АНДРѢВНА. Я такъ думала...

ВѢРОЧЬКА. Неужели непременно надо любить молодого человека?...

МАРЬЯ АНДРѢВНА. О, разумеется, нѣтъ...

ВѢРОЧЬКА. Я такъ вѣтренна... такъ сумасбродна... что мнѣ необходимо нуженъ осторожный и разсудительный руководитель..

МАРЬЯ АНДРѢВНА. Тебя ли я слышу, ВѢРОЧЬКА?...

ВѢРОЧЬКА. Впрочемъ—тотъ, о которомъ я хочу говорить... такъ добръ... такъ любезенъ... маленькую—онъ носилъ меня на рукахъ... когда я немного подросла—онъ кормилъ меня конфетами... теперь—онъ каждую минуту старается быть мнѣ пріятнымъ, но что особенно я люблю въ немъ — это его привязанность, его уваженіе къ вамъ...

МАРЬЯ АНДРѢВНА. А!.. Василий Федоровичъ — рѣчь кажется идетъ о немъ—знаешь твои чувства къ нему?..

ВѢРОЧЬКА. (*скромно*) Я увѣрева, что онъ ихъ раздѣляетъ!

МАРЬЯ АНДРѢВНА. Какое ребячество!.. но чтожь тебя заставило думать...

ВѢРОЧЬКА. О, многое, многое...

МАРЬЯ АНДРѢВНА. (*въ сторону*) Вотъ хорошо... ай, да Василий Федоровичъ!..

ВѢРОЧЬКА. Напримѣръ: вы знаете, что въ прошломъ мѣсяцѣ я прожила здѣсь цѣлую недѣлю... Василий Федоровичъ приходилъ къ вамъ очень часто...

МАРЬЯ АНДРѢВНА. Всякій день... по обыкновенію...

ВѢРОЧЬКА. Разъ, вечеромъ—я помню вы сидѣли тутъ... на вашемъ креслѣ—я работала у вашихъ ногъ на скамейкѣ.. онъ былъ здѣсь.. и безпрестанно посматривалъ въ нашу сторону...

МАРЬЯ АНДРѢВНА. (*удивленная*) Безпрестанно посматривала... въ нашу сторону...

ВѢРОЧЬКА. Безпрестанно... мнѣ даже было досадно...

МАРЬЯ АНДРѢВНА. *(вз сторону)* А я думала, что онъ забылъ меня...

ВЪРОЧЬКА. И когда мы ѣздили въ Павловскъ... онъ предложилъ вамъ руку—и осыпалъ васъ любезностями и комплиментами!...

МАРЬЯ АНДРѢВНА. Ты думаешь...

ВЪРОЧЬКА. Вся это очень хорошо замѣтили...

МАРЬЯ АНДРѢВНА. *(вз сторону)* Вся!.. одна я ничего не замѣтила... онъ еще любитъ меня...

ВЪРОЧЬКА. Надо было слышать какъ онъ, сейчасъ, вотъ здѣсь, говорилъ о той, которую любитъ...

Нѣтъ, нѣтъ она меня не любитъ...

Но отчего же я люблю?

И кто меня за то осудитъ

Что я по ней все слезы лью?

О, тяжелы мои страданья—

Я провожу всю жизнь въ слезахъ...

Ужели же въ любви моей признанья—

Она не зреть въ моихъ глазахъ!...

МАРЬЯ АНДРѢВНА. *(вз сторону)* А я глупая—ничего не могла замѣтить въ его глазахъ!...

ВЪРОЧЬКА. Еслибъ вы слышали, съ какимъ негодованіемъ говорилъ онъ о поступкѣ братца съ вами!.. Какъ! осмѣлиться слѣзать ей такую обиду... ей, которая рождена для того, чтобы повелѣвать!!.. Тутъ онъ посмотрѣлъ на меня такими глазами... и взявъ меня за руку, сказалъ: мы вознаградимъ ее за эту обиду: теперь мы только вдвоемъ будемъ ее любить...

МАРЬЯ АНДРѢВНА. *(вволнени)* Онъ сказалъ это!..

ВЪРОЧЬКА. Да, мамаша...

МАРЬЯ АНДРѢВНА. *(вз сторону)* Послѣ сорока лѣтъ... о, какое постоянство!.. это нынче рѣкость!..

АННУШКА. *(входя)* Василій Федоровичъ спрашиваетъ, можно ли васъ видѣть, сударыня.

МАРЬЯ АНДРѢВНА. *(носпышно)* Проси въ гостиную... *(громко)* я иду... иду...

(уходитъ въ среднія двери)

ЯВЛЕНИЕ XIV.

вѣрочька, (одна).

Ха, ха, ха!.. какъ мамаша торопится... вѣдь это такое счастье, что я пріѣхала сюда: я возвращаю спокойствіе братцу... счастье сестриць... мамашу выдаю за-мужъ, однимъ словомъ—дѣлаю всѣхъ счастливыми.. Но кто-же выдастъ меня за-мужъ за Владиміра Петровича?.. никто не хочетъ и думать объ этомъ и если я незаймусь...

ЯВЛЕНИЕ XV.

вѣрочька, софья петровна.

софья петровна. (быстро входя съ лѣвой стороны.) Боже мой, Боже мой! что дѣлать!..

вѣрочька. Что съ тобою?..

софья петровна. Что подумаетъ мой мужъ... что скажетъ Марья Андрѣевна...

вѣрочька. Да что такое случилось?..

софья петровна. Слушай. Помнишь того молодого человѣка, о которомъ мы сегодня еще говорили?..

вѣрочька. Да... да... блокурый... съ усиками...

софья петровна. Онъ имѣлъ дерзость написать мнѣ письмо...

вѣрочька. Вѣдь вотъ этого никогда не придетъ въ голову Владиміру Петровичу...

софья петровна. И въ ту минуту, когда человѣкъ, посланный имъ, отдавалъ это письмо Аннушкѣ, которая не хотѣла его брать... вдругъ является твой братъ и схватываетъ письмо... Аннушка испуганная пріѣхала ко мнѣ...

александръ ивановичъ, (за кулисами.) Подите... подите сюда...

софья петровна. Ахъ!..

вѣрочька. Ай!.. (убѣгаетъ налѣво.)

Я В Л Е Н И Е Х V I .

СОФЬЯ ПЕТРОВНА, АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ И
МАРЬЯ АНДРЬЕВНА.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, *(сходитъ трагически, ведя за руку удивленную Марью Андрьевну.)* Подите сюда, добрая маменька... подите сюда... посмотрите на эту преступницу... посмотрите на эту коварную женщину... посмотрите на эту... я удерживаюсь!..

МАРЬЯ АНДРЬЕВНА. Что это все значить?..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Что это значить?.. вы сейчас узнаете.. Эта женщина.. я нехочу называть ее своей женой..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Однако...

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. *(грозно.)* Молчите, сударыня!

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Но..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. *(еще грознѣе.)* Молчите... преступница!..

МАРЬЯ АНДРЬЕВНА. Да говорите... что это значить...

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Приготовьтесь, маменька... вы сейчас услышите самое скверное дѣло... О, зачѣмъ я немогу вывести ее на Исакиевскую площадь и предать всеобщему поруганію..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Я васъ заклинаю...

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Молчите... у меня въ рукахъ очевидное доказательство вашей измѣны?..

МАРЬЯ АНДРЬЕВНА. Что я слышу...

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Неправда-ли—это гадко, мамаша?.. у меня въ рукахъ письмо...]

МАРЬЯ АНДРЬЕВНА. Письмо..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Письмо, маменька... и прескверно написанное... Слушайте... и содрогайтесь: «Звѣзда вы моя!.. съ тѣхъ поръ, какъ я васъ увидѣлъ, вашъ лучезарный образъ освѣщаетъ бѣднѣйшій путь моей жизни. Я васъ люблю!» Знакъ восклицанія!..

МАРЬЯ АНДРЬЕВНА. Какой ужасъ!..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Какая гадость!.. *(читал)* «Чтобы достигнуть до васъ — я уничтожу все препятствія!» Онъ хочетъ меня уничтожить!.. и даже не подписалъ своего имени...

МАРЬЯ АНДРЬЕВНА. О, какой ужасъ... у меня кружится голова... мнѣ дурно... *(падаетъ въ кресло.)*

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Посмотрите, несчастная... вы убили мать мою!.. вы дважды преступница!..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. Ахъ... что со мной... душно... душно... умираю... умираю... *(падаетъ въ кресло.)*

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. О! и она тоже... что мнѣ дѣлать?.. бѣжать... *(бѣжитъ къ среднимъ дверямъ — и сталкивается съ Вѣрочкою и Замоскворѣцкимъ.)*

Я В Л Е Н И Е XVII.

ТѢЖЕ, ВѢРОЧКА И ЗАМОСКВОРѢЦКІЙ.

ВѢРОЧКА И ЗАМОСКВОРѢЦКІЙ. Ахъ, Боже мой! что случилось...

Вѣрочка бросается къ Софьѣ Петровнѣ — Замоскворѣцкій къ Марьѣ Андрѣевнѣ — и стараются привести ихъ въ чувство.)

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Что случилось?.. Эта несчастная убила своей измѣной мать мою... а я поразилъ ее своимъ справедливымъ гнѣвомъ...

ВѢРОЧКА. Измѣна... какая измѣна?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. На, читай... *(отдаетъ ей письмо.)*

ЗАМОСКВОРѢЦКІЙ. Марья Андрѣевна... приите въ себя...

МАРЬЯ АНДРѢЕВНА, *(приходя въ себя.)* Ахъ... ахъ...

ВѢРОЧКА, *(пробѣжавъ письмо, всторону.)* Письмо безъ подписи.. прекрасно... *(Софья Петровнѣ.)* Приди въ себя, сестрица, успокойся... я открою всю истину...

СОФЬЯ ПЕТРОВНА, *(приходя въ себя.)* Добрая Вѣрочка...

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ И МАРЬЯ АНДРѢЕВНА. Что?.. какую истину?..

ВѢРОЧКА. Пусть меня бранятъ за вѣтренность, за сумасбродство... но я должна все открыть...

СОФЬЯ ПЕТРОВНА, *(тихо, Вѣрочкѣ.)* Что ты хочешь дѣлать?..

ВЪРОЧЬКА. Это письмо было прислано... ко мнѣ...

МАРЬЯ АНДРЕВНА, АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ и ЗАМОСКВОРЪЦКІЙ. Какъ? возможно-ли?.. неужели?..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА, (*тихо Върочькѣ*). О, какъ я благодарна тебѣ!..

ВЪРОЧЬКА (*тихо ей*). Не-за-что!..

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Какъ, сударыня?.. вы, въ ваши лѣта, изволите переписываться?..

ВЪРОЧЬКА. Я запрещала ему писать, онъ не послушался... онъ такъ любитъ меня, бѣдный Владиміръ Петровичъ...

ЗАМОСКВОРЪЦКІЙ. Владиміръ Петровичъ?..

ВЪРОЧЬКА. Прекрасный молодой человекъ!.. Фамилія его Кротовъ... я видала его у тетушки...

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Замолчите, сударыня..

ВЪРОЧЬКА. Вы его знаете, Василій Ѳеодоровичъ?..

ЗАМОСКВОРЪЦКІЙ. Да... но онъ мнѣ казался такимъ тихимъ...

ВЪРОЧЬКА. Въ обществѣ... но наединѣ...

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Наединѣ?..

ВЪРОЧЬКА. Напрямѣръ — какъ-то разъ онъ схватилъ меня за руку—и вскричалъ: Вѣра Ивановна! если насъ разлучать... я васъ увезу... и я обѣщала съ нимъ не разставаться...

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Какъ!..

ЗАМОСКВОРЪЦКІЙ. Если вы хотите — послушать меня—Марья Андреевна, то лучше согласитесь на этотъ бракъ... онъ изъ хорошей фамиліи и судя потому, въ какихъ отношеніяхъ они находятся...

МАРЬЯ АНДРЕВНА. И такъ Вѣрочка... въ награду за то, что ты возвратила мнѣ счастливое время моей жизни.. (*нѣжно глядитъ на Замоскворѣцкаго*). Я позволяю тебѣ выйти за того, кого ты любишь... Наши свадьбы будутъ въ одинъ день!..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Какъ, что?..

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Да, мой сынъ... Я выхожу за Василія Ѳеодоровича... котораго я успѣла вполне оцѣнить...

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Поздравляю... поздравляю... (*жестъ*), Простишь-ли ты меня, мой ангелъ?..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА. На колына!.. (*Александръ Ивановичъ становится на колына — Софья Петровна протягиваетъ ему руку*).

МАРЬЯ АНДРЕВНА. Василій Ѳеодоровичъ... вотъ вамъ моя рука...

ЗАМОСКВОРЪЦКІЙ. (*становится на колѣна*). О, какое счастье!..
ВѢРОЧКА. Ну, все на своихъ мѣстахъ.. и все обязаны
этимъ мнѣ!..

Я всемъ возвратила довольство и счастье,..
Я всемъ возвратила согласие, покой..
И еслибъ я въ васъ поселила участь—
Такъ страхъ бы довольна была я судьбой!..
И все съ одинаковымъ мы восклицаньемъ..
Ръшились окончить войну — мировой!..
Ужлиже своимъ вы суровымъ *рѣшеньемъ*..
Рѣшитесь нарушить семейный покой?..

К О П Е Ц Ъ.

ПАНТЕОНЪ
ТЕАТРОВЪ.

ТРИ СЕСТРЫ.

РОМАНЪ АРСЕНІЯ ГУССЕ.

Часть вторая.

ХІІ.

СРЕБРОЛЮБИЕ.

Морицъ позвонилъ съ вѣкоторымъ безпокойствомъ, какъ чело­вѣкъ, незнающій еще, что ему предпринять.

Лакей доложилъ о пріѣздѣ графа Морица д'Орбессака.

— Я съ нетерпѣніемъ ждала васъ, — сказала ему графиня, очаровательно улыбаясь.

Морицъ сѣлъ напротивъ ея въ небольшое кресло, закрытое чехломъ, потому-что роскошь графини была очень ограничена. Изъ двухъ сестеръ—богачѣею казалась та, которая не имѣла ничего, потому-что въ замѣнъ богатства она обладала художе­ственнымъ инстинктомъ и умѣла кстатѣ бросать деньги на эти изящныя бездѣлушки, которыя при первомъ взглядѣ очаровы­ваютъ наши глаза. У де Фаріэль все было прилично — по не великошвпно, — это была роскошь богатыхъ людей,

любящихъ въ золотъ—самое золото. Она нанимала обширную квартиру, немного мрачную, немного печальную и казавшуюся необитаемою. Мебель, крытая шелкомъ и бархатомъ, была вся въ чехлахъ—этихъ саванахъ изящнаго — вѣроятно избрѣтенныхъ какимъ-нибудь раззорившимся дворянномъ, вдохновленнымъ Калемомъ. Признаемся откровенно, мы не понимаемъ, для чего хорошую мебель покрывать мертвыми чехлами.

И такъ Морицу съ перваго взгляда не понравился салонъ графини.

— Графъ... сказала графиня, не зная, съ чего ей начать: вы провожали актрису въ театръ?

— Да, и потомъ въ ея квартиру.

— А! такъ и у этихъ прелестницъ есть квартиры?

Морицъ, который не былъ расположенъ смѣяться, не отвѣтилъ ни слова. Де Фаріэль, кусая губы, продолжала:

— Продолжаетъ ли она свою шутку, все ли еще убѣждена она, что отецъ мой былъ непростительно виновенъ, забывъ ее въ завѣщаніи?

— Ваша правда! отвѣчалъ Морицъ, можетъ-быть вы не знаете всего. Конечно, графъ де Парфондаль...

— О, Боже мой! живо перебила де Фаріэль. Я все знаю... лучше васъ. Вчера, отецъ мой, вышелъ изъ забытья, подозвалъ меня и разсказалъ все. Онъ говорилъ мнѣ то же, что эта дѣвченка, отравившая его послѣднія минуты...

— Ваша сестра?

— Сестра! моя сестра! бормотала де Фаріэль съ досадою.

— Я право незнаю, что васъ заставляетъ такъ отчаиваться; Мамзель Клотильда де Парфондаль прекрасная дѣвушка, съ душой и сердцемъ...

— Но все-таки она нисколько не сестра моя, потому-что она дочь... не моего отца. Парфондаль не могла бы быть актрисой...

— Предубѣжденія, графиня, вѣчно предубѣжденія! Шекспиръ и Мольеръ были актерами,—но я незнаю, кто-бы отказался назваться братомъ ихъ?

— Ну, положимъ, она сестра моя. Но что же изъ этого?

— Она ваша сестра, это уже рѣшено; и это-то должно нисколько измѣнить послѣднія распоряженія де Парфондаля... тѣмъ

болье, что не одна Беатриса будетъ оспаривать у васъ право на наследство...

— Знаю, даже очень хорошо знаю—у актрисы есть сестра— но замѣтите, я вижу во всемъ этомъ только фарсъ, шутку...

Де Фаріэль одушевилась—въ ея словахъ просвѣчивала злоба. Она продолжала:

— Но, чѣмъ болѣе я думаю, графъ, тѣмъ непонятнѣе мнѣ то, что вы хотите быть адвокатомъ въ неправомъ дѣлѣ. Развѣ такъ пріятно быть моимъ врагомъ?

Говоря это, графиня посмотрѣла на Морица слишкомъ нѣжно.

— Вашимъ врагомъ! Помилуйте! развѣ вы не знаете, что я васъ люблю!

Де Фаріэль сдѣлала движеніе, которымъ хотѣла показать Морицу, что онъ зашелъ далеко;—но боясь вражды его, могшей ее лишить двухъ третей наследства, она разсудила лучше показать, что она вѣритъ въ этомъ только шутку.

— Вы меня любите! сказала она съ улыбкой: не вѣрю!

Морицъ взялъ ее за-руку.

— Помните ли? спросилъ онъ: какъ назадъ тому дней восемь, я встрѣтилъ васъ по капризу случая, какъ видимъ мы нѣкоторые сны, сны дорогіе... которые намъ иногда вѣспосылаетъ судьба. — Вы были хороши, какъ хороши сегодня, и будете еще прекраснѣе завтра. Это цѣлый романъ, достойный другихъ Елисейскихъ полей.

— Да, правда, задумчиво сказала графиня: это романъ, который я желала бы позабыть!

Она склонила голову и покраснѣла.

— Подождите, по-крайней-мѣрѣ, конца романа, а потомъ забудьте!

Де Фаріэль не отвѣчала. Морицъ смотрѣлъ на нее съ любовью; онъ восхищался ея блюю, лебединою шеєю, ея гордою, величественною головою, гибкимъ и стройнымъ станомъ, сходивъ съ-ума отъ бѣленькой ручки, игравшей буклею прически, отъ маленькой ножки, такъ нѣжно и кокетливо лежавшей на скамейкѣ.

Но въ то же время, какъ онъ любовался этимъ идеаломъ женщины, онъ не могъ забыть, что она была безъ сердца, безъ души. Однимъ словомъ, онъ былъ влюбленъ и не любилъ нисколько.

Послѣ нѣкотораго молчанія, онъ обратился къ графинѣ.

— Развѣ, обладая вашею красотою, можно хотя на минуту сомнѣваться, когда говорятъ: я васъ люблю! Конечно, и красота имѣетъ свои пятнушки, напримѣръ вы. мнѣ кажется, ничего не можете любить, кромѣ своей красоты.

—Моей красоты! сказала де-Фаріэль съ восхитительной улыбкой,—я ее незнаю, потому что никогда невидала.

—А я, я имѣлъ счастье видѣть ее только нѣсколько минутъ, но клянусь вамъ, что если-бы я прожилъ еще 100 лѣтъ, я не позабылъ бы ни одной черты, ни одного изгиба этой поражающей красоты. Морицъ продолжалъ общія мѣста, съ страстнымъ выраженіемъ, но, какъ человекъ умный, онъ хотя и окольными дорогами, приближался къ своей цѣли.

Онъ всталъ, потомъ, будто въ разсѣяніи, сѣлъ полѣ де-Фаріэль—и это было сдѣлано такъ естественно, что де-Фаріэль немогла ничего замѣтить.

Еще за минуту, она хотѣла не отвергать любви Морица, чтобы привлечь его на свою сторону въ дѣлѣ наслѣдства, но теперь, несмотря на то, что въ ней умъ заглушалъ чувство, она нѣсколько заинтересовалась сртастными выраженіями, красотою, умомъ и ловкостью Морица.

И эту-то бѣлую ручку, столько хваленую имъ, Морицъ держалъ въ своихъ рукахъ. Уже два раза жарко прикладывался онъ къ ней, но такъ, что де-Фаріэль не могла разсердиться, такъ мило и граціозно совершалъ онъ этотъ маневръ.

Но это еще не все: Морицъ приложился горячими устами и къ очаровательной шейкѣ, вселявшей въ сердце столько буйныхъ желаній.

Де-Фаріэль поняла, что пора остановить пылъ молодого человека.

—Развѣ я для этого, шутливо сказала она, пригласила васъ къ себѣ?

—А для чего-же, позвольте узнать? отвѣчалъ Морицъ въ томъ же тонѣ.

—Я сама незнаю зачѣмъ.

Графиня пригласила Морица для того только, чтобы узнать, не продолжаетъ-ли Беатриса предъявлять свои права на наслѣдство, — но не хотѣла признаться Морицу, что онъ игралъ въ этой интригѣ такую страдательную роль.

—Да, помню, помню, продолжала она, я звала васъ, чтобы попросить...

—Я васъ слушаю.

—Нѣтъ, нѣтъ: это безумство!

—Все равно, скажите, это должно быть прелестно.

—Я хотѣла просить васъ, бросить эту комедьянтку...

Графиня, хотѣла показать, что она ревнуетъ.

—А, такъ вы ее любите? продолжала она, съ видомъ глубокаго огорченія.

Морицъ былъ изумленъ ея гордой и грозной осяпкой. Она никогда не была такъ хороша. Де Фаріэль, какъ героиня греческихъ трагедій, создана была скорѣе для ненависти, нежели для любви.

—Я въ отчаяніи, графиня, что не могу сблизить васъ съ Беатрисой.

—Никогда, графъ!

—Но подумайте, какую бы радость доставило де Парфондалю видѣть въ часъ своей смерти трехъ дочерей своихъ, обнимающихся въ изліаніи сердца.

—Это однѣ только фразы.—Назадъ тому 10 лѣтъ, это было бы хорошо. Я знаю сама, чѣмъ обязана я памяти моей матери и любви отца; но г-жа де Парфондаль съ той минуты, какъ она стала виновна—уже не мать моя: для чего-же хотите вы, чтобы ея дочери, были моими сестрами.

—Вы, графиня, жестоки! вы осуждаете, не выслушавъ обвиненнаго, какъ тѣ сѣдые судьи, которые такъ поступаютъ.

Говоря это, Морицъ вынулъ изъ кармана письмо, порученное ему Беатрисой.

—Вотъ, сказалъ онъ, показывая письмо де Фаріэль—вотъ что можетъ доказать вамъ, что вы были жестоко несправедливы.

Графиня холодно схватила письмо; по инстинкту злобы, она отгадала, что письмо это было отъ Амазіи.

—Мать моя! вскричала она, поблѣднѣвъ.

—Да, ваша мать: продолжалъ Морицъ тономъ торжества—потому—что крикъ этотъ вырвался изъ вашего сердца.

Графиня, совершенно растерявшаяся, не отвѣчала ничего, она смотрѣла на письмо, перевортывала его, опять смотрѣла.

—Это письмо, сказалъ Морицъ, то же завѣщаніе въ своемъ

родъ, только подѣйствительныѣ вчерашняго, когда г. де Парфон-
даль прочтегъ его....

—Мой отецъ! это письмо будетъ отдано отцу моему? гово-
рила де Фаріэль съ душевнымъ волненіемъ.

—Да, графиня, завтра будетъ оно отдано отцу вашему Бе-
атрисой.

—Завтра?

—Если она меня послушаетъ, то мы даже сегодня возьмемъ
въ замокъ де Марви, но она жлетъ сестру свою, или върнетъ,
ищетъ ее, потому—что, по игръ случая, дѣвица Маргарита де Пар-
фондаль оставила назадъ тому около трехъ дней монастырь
кармелитокъ.

—А! Маргарита была въ монастырь? сказала разсѣянно де
Фаріэль, потому что всѣ мысли ея сосредоточивало письмо ма-
тери.

—Я надѣюсь, сударыня, что и вы будете присутствовать въ
замкѣ при чтеніи этого письма, и можетъ ли для васъ быть боль-
шая радость, какъ узнать невинность вашей матери.

—Это письмо не дойдетъ до отца моего.

—Почему, графиня?

—Потому, графъ, что воспоминаніе о жевцинь, которая имѣ-
ла такое роковое вліяніе на отца моего, быть-можетъ, сократитъ
остатокъ дней его.

—Я думаю напротивъ, что письмо это отъ умершей къ
умирающему, наполнитъ душу его миромъ и любовью и прод-
литъ ему жизнь.

—Вы можете думать все, что вамъ угодно; но я рѣшилась
оставить письмо это у себя.

Морицъ граціозно приблизился къ де Фаріэль.

—Сударыня, сказалъ онъ, протягивая руку, отдайте мнѣ
письмо!

—Нѣтъ! отвѣчала рѣшительно графиня.

Въ каминѣ салона былъ разложенъ огонь. Де Фаріэль под-
нялась и пошла къ камину.

—Но, сударыня....

Морицъ приблизился къ графинѣ съ ужасомъ.

—Не находите ли вы, сказала она обворожительнымъ то-
номъ, что сегодня довольно холодное утро?

—Напротивъ, графиня, солнце во всемъ своемъ блескѣ....

Морицъ безпечно облокотился на каминъ, де Фаріэль опустила небрежно въ большія кресла и стала грѣть свои ножки, чтобы выставить ихъ въ выгодномъ свѣтѣ.

Она была прелестна въ этомъ положеніи; никогда на свѣтѣ ни кокетка, ни актриса на сценѣ не садилась съ такимъ искусствомъ.

Морицъ, который не выпускалъ изъ виду письма, не могъ не благоговѣть передъ красотою графини. Послѣ молчаливаго удивленія, онъ невольно подошелъ къ ней; хотѣлъ что-то сказать, но слова замерли на губахъ его. Онъ не зналъ, какъ ему сразиться съ такимъ опаснымъ врагомъ.

—Вы хотите мнѣ что-то сказать? замѣтила насмѣшливо графиня.

—Я хотѣлъ сказать вамъ, графиня, что вы всегда восхитительны, въ какомъ-бы положеніи вы не находились, какая бы мысль не занимала васъ, какому бы движенію вы не подчинялись. Есть женщины, которыя родились, чтобы любить; другія—чтобы быть добрыми, третьи—добродѣтельными, вы же родились, чтобы быть красавицей.

—Вы прекрасно вводите это даже и въ комплиментъ.

—Но здѣсь право не мѣсто говорить ни эпиграммъ, ни комплементовъ; вы знаете мое мнѣніе о красотѣ вашей; оно написано у васъ на рукѣ.

И говоря это, онъ вѣжливо взялъ руку де Фаріэль, въ которой было письмо.

Де Фаріэль оставила ему руку, но другою живо перехватила письмо.

—Я говорю вамъ, сударь, что это письмо будетъ отдано де Парфондаю не ранѣе восьми дней.

—Но въ восемь дней, графъ де Парфондаль успѣетъ умереть.

—Богъ знаетъ, но я не должна нарушать покоя его послѣднихъ дней.

Морицъ, который стоялъ облокотясь на спинку креселъ де Фаріэль, замѣтилъ, что она хотѣла бросить письмо въ огонь.

—О! нѣтъ! нѣтъ! сказалъ онъ твердымъ голосомъ, схватывая насильно письмо: Вы хотите его бросить въ огонь? Я не вѣрю тому, это было-бы преступленіе, недостойное женщины! Вы хотите быть еще несправедливѣе отца вашего; сжечь

письмо, кроткую исповѣдь женщины, возстановляющую добрую память о той, которую вы называли своею матерью. И для чего, для чего посягаете вы на это святотатство? — Для того, чтобы бѣдныя дѣвушки, оставленные отцемъ своимъ, не могли получить своей законной части изъ наслѣдства. Ахъ! графиня, вы прекрасны, но....

Мориць взялся за шляпу и хотѣлъ уйти.

—Графъ!...

—Графиня!....

Онъ вернулся. Де Фаріэль поднялась съ умоляющимъ видомъ.

—Я прощаю васъ за мое осужденіе, но вы не знаете всей ненависти, какою я питаю въ памяти женщины, бывшей любовницею Пьера Марбольта, крестьянина, мужика—и носившей имя графини де Парфондадь!

Мориць д'Орбессакъ низко поклонился и вышелъ, не отвѣчая.

—А, сказалъ онъ, сходя съ дѣстницы, война; этого-то мнѣ и надо!

XIV.

УТРО У БЕАТРИСЫ.

Въ этотъ же самый день, въ два часа, между-тѣмъ, какъ Мориць былъ у де Фаріэль, Беатриса принимала посѣщенія своихъ знакомыхъ.

Она была тѣмъ прекраснѣе, что надѣялась видѣть всѣхъ, не ожидая никого. Она перелистывала какой-то романъ, ничего не понимая въ немъ, по своему обыкновенію, потому-что, когда она любила или читала, то не могла связать двухъ мыслей.

Она бросилась, какъ потерянная въ свѣтъ, не заглядывая въ будущее, не оглядываясь назадъ, чуждая всему, что вокругъ нея происходило. Справедливо можно было-бы сказать, что она жила со-дня на день, съ сердцемъ открытымъ, съ цвѣтами въ рукахъ, какъ тѣ беззаботныя дѣвушки, которыя существуютъ только, чтобы блистать красотою, быть любимыми и любить, если это позволяетъ имъ время.

—Это удивительно, сегодня никто не ѣдетъ, сказала Беатриса, смотря на часы.

Эти часы, рококо, были мнѳологическіе. Буше оставилъ намъ ихъ модель на Севрскомъ фарфорѣ. Они представляли сѣдое крылатое время, съ косою въ рукахъ, надъ циферблатомъ изъ арабесковъ, изображены были три парки съ нитью человѣческой жизни. Несмотря на то, что Беатриса уже около года каждый день видѣла эти часы, она еще не понимала глубокаго смысла этого мнѳа.

Она три или четыре раза пересаживалась на диванѣ, три или четыре раза перемѣняла страницу перелистываемой книги. Наконецъ, она увидѣла своего грума, который доложилъ у дверей салона о прїѣздѣ принца де Вальдесталь.

Сама не зная, для чего она притворилась неслыхавшею этого доклада, она съ большимъ вниманіемъ стала читать страницу, бывшую у ней передъ глазами.

Принцъ, прошедши салонъ, поднялъ почтительною рукою портьеру бодуара. Такъ-какъ она все еще показывала видъ, что его не замѣчаетъ, то онъ могъ на-досугѣ налюбоваться этой воплощенной Венерою, лежавшею съ очаровательною прелестію.

Сладкое благоуханіе женщины и любви было распространено въ этомъ маленькомъ раѣ Магомета. Во всемъ пышность:—отъ арабесковъ потолка до прелестнаго Гобелиновскаго ковра, который скрадывалъ шумъ шаговъ Принца. Онъ вошелъ развязно, какъ входилъ повсюду.

—Ахъ! это вы, разсѣянно сказала Беатриса, я не надѣялась болѣе встрѣтить васъ здѣсь.

Она перевернула страницу и продолжала чтеніе.

— Но, сударыня....

— Да, да, я вамъ совѣтую защищаться. Вы очень милы.

— Я нахожу васъ самихъ прелестными. Но я подарилъ вамъ карету, за которую заплатилъ 8,000 фр.

— О, конечно, есть чѣмъ похвалиться, сказала Беатриса, кладя книгу на колѣна. Вотъ нынѣшніе принцы: они дарятъ намъ кареты безъ лошадей!

— А развѣ я поступилъ дурно? Д'Орбессакъ смѣялся надо мною. И вправдѣ-ли былъ я доказать ему, что мнѣ надо было смѣяться надъ нимъ...

— И заставить насъ прогуляться вдвоемъ, какъ влюбленныхъ херувимовъ, какъ Аркадскихъ пастушковъ. Но знаете ли вы, что это-то и послужило мнѣ къ важному открытію;

я отыскала отца своего, отца, какого нынѣ можно встрѣтить только въ комедіяхъ, съ которымъ не видалась—двадцать лѣтъ!

— Ахъ! освободите меня отъ семейныхъ тайнъ, мнѣ право надобно всякія тайны! Какой это романъ читаете вы?

— Право, незнаю заглавія, стойте!. Беатриса закрыла книгу и поглядѣла на обертку: *Лилія въ долинь* де Бальзака. Вы читали?

— Да.

— Боже мой! какъ меня забавляетъ этотъ смѣлый Гранде, и какъ грустно завтракаетъ бѣдняжка, женихъ своей двоюродной сестры.

— И это все вы прочли въ *Лилія въ долинь*?

— Ахъ! да, я ошиблась! это изъ моей послѣдней роли; но не все ли равно намъ? Видѣли вы Морица?

— Вы все еще имъ интересуетесь?

— Да, интересуюсь.

— Ахъ, разсѣянно сказалъ принцъ, это удивительно: женщины готовы влюбиться во всякого фертика.

— Фертика! сказала Беатриса, Морицъ д'Орбессакъ право лучше васъ. Онъ дворянинъ, а вы нѣтъ. Германскій принцъ—фуй! Вы вѣрно забыли слова Людовика XV: Принцъ де... дворянинъ ли онъ? спросилъ онъ однажды, когда ему представляли принца вашихъ странъ.

— Гдѣ вы это читали?

— Это мнѣ рассказывалъ Морицъ. Всякій разъ, когда мы говоримъ объ васъ, мысленно мы припоминаемъ слова Людовика.

Принцъ былъ взбѣшенъ.

— Морицъ! Морицъ! говорилъ онъ, ходя взадъ и впередъ въ волненіи, мы должны драться!

— Изъ васъ обоихъ, продолжала Беатриса, онъ скорѣе принцъ—по-крайней-мѣрѣ по моему мнѣнію. Развѣ онъ подарилъ бы мнѣ карету безъ лошадей? нѣтъ ужъ, скорѣе лошадей безъ кареты.

Принцъ былъ раздраженъ до крайности. Доложили о мамзель Камиле. Она войдя, чуть не бросилась въ ноги принца.

— А! здравствуйте сударыня, сказалъ онъ ей, вы прекрасно танцовали ваше па четвертаго див.—Что-бы сказала Камарго, увидя васъ?

— Ахъ! принцъ, я тронута до глубины сердца.

— Не вѣрьте! сказала Беатриса, у ней нѣтъ сердца.

Въ то же время почти доложили объ одномъ банкирѣ, о сверхкомплектной трагической актрисѣ, о жирномъ журналистѣ. Стали говорить о послѣдней парижской сплетнѣ и о послѣднихъ скачкахъ.

Журналистъ говорилъ съ энергіею, принцъ мало, банкиръ не сказалъ ни слова.

— Что-же вы не скажете ничего? спросилъ его журналистъ.

— Можно подумать, сказала Беатриса, что вы попали сюда за деньги.

— Да, сударыня, сказалъ съ упрекомъ банкиръ, потому-что я очень дорого купилъ позволеніе быть у васъ. При-томъ же, продолжалъ онъ, злобно улыбаясь, когда я вмѣстѣ съ литераторомъ, я отдыхаю подъ прикрытіемъ его дара — говорить краснорѣчиво и обо всемъ. Онъ говоритъ и за себя и за меня.

— Но съ подписаніемъ своего имени! сказалъ журналистъ, принимая торжествующую осанку.

— Не огорчайтесь, продолжалъ банкиръ холодно, вы довольно богаты, чтобы принять на себя всѣ издержки разговора.

— Однако, сказала танцовщица, всѣ вмѣшиваются въ разговоръ, чтобы показать, что и у нихъ есть умъ.

— Только одна прелестная Беатриса не хочетъ выказаться умной... сказалъ журналистъ.

— Да, подхватилъ принцъ, все еще сердитый, но Беатриса только тогда и умна, когда молчитъ!

— Такихъ-то женщинъ я и люблю, продолжалъ журналистъ. Развѣ мадамъ Сталь умнѣе Маноны Леско? Но незаблудайтесь, французское остроуміе лучшими своими страницами обязано простяку — Лафонтену. Беатриса въ своей наивности и шуткахъ — иногда поражаетъ насъ какою-нибудь необыкновенною острою.

— Оттого, что я не такъ какъ вы, книга всегда открытая... на одной и той же страницѣ, прибавила она улыбаясь.

— Ахъ! Беатриса, вы теряете свою оригинальность.

— Это оттого, что смотря по обществу, человѣкъ принимаетъ его манеры.

— Но пожалуйста, остерегайтесь переменить вашу обворожительную природу, давшую вам цѣною ума. Я замѣчаю съ прискорбіемъ, что на лобкѣ, любимомъ мною, видна морщинка, въ глазахъ вашихъ какой-то грустный оттѣнокъ.

— Это происходитъ отъ сердца, сказала она, думая о Мо-рицѣ.

Стали говорить о *Вирили*, которая была играна нѣсколь-ко времени назадъ.

— Я, сказала Беатриса, не могла высидѣть до конца, я ушла, когда увидѣла, что въ 3-мъ актѣ Павелъ не является. Романъ о Павлѣ и Виргиліи мнѣ гораздо болѣе нравится.

Сверхкомикетная трагическая актриса стала изподтишка смѣяться надъ Беатрисой.

— Но, милая Беатриса, Виргилія—истинное происшествіе.

Сказавъ это, актриса театра Сень-Мартенскихъ воротъ робко посмотрѣла на журналиста.

— Да, да, вы не ошиблись, это истинное происшествіе, сказалъ онъ, съ видомъ одобренія.

— Развѣ нельзя было какъ-нибудь передѣлать, сказала разсѣянно Беатриса.

— Да, сказалъ банкиръ, развѣ нельзя было передѣлать?

Грумъ доложилъ Беатрисѣ, что молодая женщина, одѣтая въ монашеское платье, хочетъ ее видѣть.

— Надо принять ее, сказала танцовщица.

— Посмотримъ на ея осанку, подумала трагическая актриса.

— Она насъ разсѣетъ немного, сказалъ принцъ.

— Это будетъ прекрасной образецъ героини для повѣсти, подумалъ журналистъ. Банкиръ не сказалъ ни слова. Онъ полагалъ, что онъ въ театрѣ, и не желалъ прерывать актеровъ.

— Беатриса тихо приподнялась.

— Господа! сказала она съ достоинствомъ, никому изъ васъ нельзя видѣть моей гостьи.

— Почему?

— Для чего?

— Отчего?

— Потому-что, я такъ хочу. Извините меня, я должна принять ее у себя въ комнатѣ. Это моя прихоть. Если вамъ угодно сойти въ садъ, вы найдете тамъ сигары.

Беатриса поклонилась и ушла. Она вбѣжала въ переднюю и бросилась на шею къ монахинѣ.

— Сестра моя! Маргарита! вскричала она, безсчетно цѣлуя ее: о, какъ давно я не видала тебя!

Она ввела Маргариту въ свою спальню со слезами и ласкою.

XV.

МАРГАРИТА.

Читатель уже узналъ кармелитку, сестру Маргариту.

Войдя въ комнату Беатрисы, она сбросила покрывало на плечо.

— Ахъ! сестра, какъ ты хороша, сказала актриса съ восхищеніемъ: какъ эта мраморная бѣлизна идетъ къ твоему строгому лицу. Но какимъ образомъ ты здѣсь?

— Предъ постриженіемъ — мнѣ возвратили свободу. Развѣ ты не знаешь, что послѣ долгаго заключенія насъ снова подвергаютъ всѣмъ искушеніямъ свѣта. Вотъ уже два дни я ищу тебя, я была сегодня утромъ въ томъ театрѣ, гдѣ ты играешь. Наконецъ я поняла, что мамзель Беатриса должна быть моя сестра Клотильда. Беатриса рассказала въ короткихъ словахъ все то, что произошло съ нею, во время ихъ разлуки; она также ей много рассказывала о непредвидѣнномъ свиданіи съ де Парфондалемъ и г-жею де Фаріэль.

Едва она окончила свой рассказъ, двадцать разъ прерываемый ея маленькими шалостями, какъ позвонилъ Мориць, возвратившійся съ визита отъ де Фаріэль.

— Г. Мориць д'Орбессакъ! сказалъ грумъ, полутворяя дверь, куда прикажите имъ идти, сюда или въ садъ?

— Нѣтъ! сказала Беатриса, покраснѣвъ отъ удовольствія — пусть онъ войдетъ сюда. Монахиня покраснѣла, какъ и сестра ея. — Ты не знаешь, сказала она Беатрисѣ, назадъ тому два дни, онъ былъ въ монастырѣ, я узнала его, потому-что когда ты жила въ улицѣ де Briffaut, я встрѣчала его раза два въ твоёмъ маленькомъ салонѣ.

— Неправда-ли, онъ прекрасенъ? сказала Беатриса.

Маргарита опустила голову и не отвѣчала.

Графъ д'Орбессакъ вошелъ. Онъ протянулъ руку Беатрисѣ и поклонился вѣжливо кармелиткѣ.

— Право, сударыня, сказалъ онъ съ нѣкоторымъ волненіемъ, только горы не сходятся. Я былъ далекъ отъ мысли, разставаясь съ вами въ монастырѣ, встрѣтить васъ снова, у актрисы.

— Это моя сестра, сказала Маргарита въ свою очередь, сжимая руку Беатрисы.

— О! думалъ Морицъ: это конечно игра судьбы? До-сихъ-поръ мнѣ случалось любить трехъ женщинъ разомъ, но я никогда еще не любилъ трехъ сестеръ.

— Неправда-ли Морицъ, сказала Беатриса, смотря то на графа, то на сестру: у меня очень хорошенькая сестра. О сколько изъ-за нея было исторій! Не сердись, Маргарита, пожалуйста.

— За что мнѣ сердиться? сказала Маргарита, склонивъ голову. Когда я переходила этотъ порогъ, то знала, что услышу за нимъ смѣхъ, а не молитвы.

— Кстати, сказала Беатриса, обращаясь къ Морицу: что сказала вамъ графиня де Фаріэль?

— Графиня де Фаріэль продолжаетъ не признавать своихъ сестеръ,—но она и по красотѣ сестра вамъ, хотя не такъ печальна, сказалъ онъ, обращаясь къ Маргаритѣ, и не такъ обворожительна, какъ вы, продолжалъ онъ обращаясь къ Беатрисѣ.

— Неправда, сказала актриса: графиня не хороша ужъ потому, что зла.

Много говорили о де Фаріэль. Маргарита спрашивала то Беатрису, то Морица: еще въ первый разъ слышала она о сестрѣ своей.

— Для меня это цѣлый романъ, сказала она; право, я едва вѣрю!

— Но вы все вскорѣ увидите сами, потому-что намъ не зачѣмъ медлить, мы должны ѣхать въ замокъ де Марви защищать права наши (ваши права въ этомъ случаѣ мои.) Если-бы вы видѣли, какъ я за нѣсколько минутъ сражался съ де Фаріэль! Точно сирена и демонъ! Знаете-ли вы, она хотѣла бро-

снѣтъ въ огонь письмо это, письмо вашей матери, святое письмо, чрезъ которое вы выигрываете свою тяжбу!

Грумъ полуоткрылъ дверь.

— Подожди! вскричала нетерпѣливо Беатриса.

— Сударыня, директоръ театра прислалъ узнать; будете ли вы на репетиціи?

— Нѣтъ! нѣтъ! пусть онъ подождетъ! я напишу нѣсколько словъ.

Беатриса живо вышла.

Морицъ видя, что онъ одинъ съ Маргаритой, приблизился къ ней и спросилъ ее; неужели она пострижется?

— Да, отвѣчала она, вѣрѣя въ Морица свои большіе голубые глаза, печальныя и влажныя:

— Но сколько радостей ожидаютъ васъ въ свѣтъ? право, только старымъ дѣвамъ простиительно любить уединеніе, а вы, будучи такъ молоды, такъ хороши...

Маргарита замѣтила, что огонь выстываетъ на мраморѣ ея щекъ:

— Вы, которыя чувствуете; какъ сердце ваше бьется избыткомъ жизни, продолжалъ д'Орбессакъ, отчего не любите вы свѣта? Ахъ! если бы вамъ было угодно мнѣ вѣрить...

Морицъ сжалъ руку Маргариты; которая не могла противиться.

— Маргарита, я люблю васъ, какъ сестру. Позвольте мнѣ назвать васъ этимъ сладкимъ именемъ:

Морицъ почувствовалъ слезу, упавшую на его руку.

XVI.

АКТРИСА И КАРМЕЛИТКА.

Морицъ д'Орбессакъ оставилъ Беатрису и Маргариту, чтобы сыскать адвоката. Онъ началъ серьезно смотрѣть на жизнь. Никогда такъ глубоко не чувствовалъ онъ ее какъ въ послѣдніе пять дней. Въ понедѣльникъ онъ любилъ де Фаріэль съ восторгомъ, на слѣдующій день Маргариту—благоговѣнно, че-

резь четыре дни Беатрису безумно. Когда Беатриса осталась одна съ Маргаритой, она съ плачемъ бросилась на маленькое канапе, Маргарита удивленная, потому-что еще въ первый разъ видѣла сестру плачущею, подошла къ ней и молча смотрѣла на нее.

— О чемъ ты плачешь? спросила она послѣ нѣкотораго молчанія. Маргарита нѣжно взяла ее за руку.

— Я сама незнаю, сказала она, но слезы эти изъ сердца.

— Ахъ! Маргарита, со вздохомъ продолжала она, поднимая глаза къ небу. Маргарита, ты очень счастлива!

— Счастлива?

Маргарита смотрѣла горько на сестру.

— Да, очень счастлива, потому-что ты принадлежишь Богу,—а я землѣ. Ты и въ любви чиста, какъ ангелъ Божій, а я... я для всѣхъ...

— Право, сестра, я тебя больше не понимаю, эта грусть все не въ твоемъ характерѣ. Что случилось съ тобою? разскажи.

Беатриса не отвѣчала.

— Я тебя знаю лучше, чѣмъ ты сама, теперь тебѣ болѣе всего недостаетъ безпечности, забвенія сердца...

Беатриса встала, какъ бы преслѣдуемая роковою мыслию.

— Забвенія сердца! Ахъ Маргарита, прежде ты понимала меня—но не теперь...

Беатриса подошла къ венеціанскому зеркалу.

— Ты развѣ не видишь, что взглядъ мой измѣнился. И эта перемѣна со мною сдѣлалась въ одни сутки. Вчера я сожалѣла о тебѣ, я не понимала, какъ можно жить въ четырехъ стѣнахъ душевой кельи, которую ты мнѣ описывала. Сегодня, я тебѣ завидовала. О! какъ бы я желала быть теперь въ кельѣ. Да, я буду молиться Богу всею душой и сердцемъ.

Я найду въ этомъ святую радость, которая освѣтитъ мою душу. Если бы я провела только недѣлю въ молитвѣ, мнѣ кажется, я имѣла бы право любить.

— Что ты говоришь?

— Развѣ ты не понимаешь, что я люблю Морица, развѣ ты не понимаешь, что я его люблю, какъ еще никого не любила. О, это и счастливить и печалить меня!... Милая Марга-

рита, какъ хорошо ты сдѣлала; что пришла ко мнѣ: кому бы безъ тебя повѣрила я мои радости; мое горе.

— Я, сказала Маргарита послѣ нѣкотораго молчанія, я никогда не завидовала тебѣ. Но признаться, зная твой характеръ, я не думала тебя найти плачущую среди удовольствій свѣта; гдѣ оставила я тебя годъ тому назадъ. Сестра, я вижу, что обольщены твои глаза, а не сердце: для тебя; были-бы модныя платья, прекрасная мебель; чудныя лошади...

— Модныя платья! вскричала Беатриса въ гнѣвъ и бросилась въ свою комнату; Маргарита слѣдовала за нею.

— Модныя платья! повторила она, отворя шкафъ, вотъ они!

Она схватила нѣсколько бархатныхъ, газовыхъ и кашемировыхъ платьевъ, бросила ихъ на коверъ, и начала съ презрѣніемъ топтать ногами.

Монахиня, отказавшаяся отъ міра, вздохнула, смотря на это.

— Я постигаю чувства, заставляющія тебя, милая Беатриса, ненавидѣть роскошь; но къ чему это ведетъ?

— А я почему знаю? шептала Беатриса. Говоря это, она подняла съ полу прекрасное индійское платье, шитое шожкомъ и золотомъ.

— Какъ оно шло ко мнѣ! подумала Беатриса, но вспомнивъ о Морицѣ, снова бросила его.

— Я нехочу его болѣе видѣть, сказала она, оттолкнувъ его ногою. Его мнѣ подарилъ этотъ старій глупецъ.

Она вышла въ салонъ и начала ходить въ волненіи.

— Эта прекрасная мебель, говорила она, останавливаясь то предъ позолоченнымъ консолемъ, украшеннымъ мраморомъ и мозаикою, то предъ часами съ рѣзбою Бенвенуто Челлини, то предъ фортопьянами Эрара, то предъ картинкою Дешана, или предъ какою нибудь другою мебелью, которая сдѣлала бы честь царскимъ чертогамъ, эта мебель не принадлежитъ мнѣ, я хочу ее отослать ко всѣмъ этимъ....

Она позвонила. Вошелъ слуга.

— Жакъ, ты помнишь, кто прислалъ мнѣ эту картину.

— Помню, сударыня.

— Хорошо; не говори мнѣ его имени. Сними эту картину и отошли къ тому, кому она принадлежитъ. То же самое ты сдѣлаешь со всею мебелью, которую не я сама купила.

— Не сошла ли она съ ума? подумаль слуга, смотря съ удивленіемъ на свою госпожу.

— Но, сударыня, подумайте: вѣдь эта картина здѣсь на своемъ мѣстѣ.

— Ни слова болѣе, сказала Беатриса, исполнить тотчасъ мои приказанія. Но прѣжде всего, вели Гильому заложить лошадей, и позови сюда привратницу.

Хотя слуга имѣлъ обыкновеніе выражать предъ Беатрисой свои мысли, но теперь она говорила такъ рѣшительно, что онѣ не посмѣлъ что-либо ей замѣтить. Онѣ вышелъ, бросилъ недовольный взглядъ на платье Маргариты, которая молчала во время этого разговора.

— Охъ мнѣ, эта птица-вѣщунья, бормоталъ онѣ, затворяя за собою дверь.

— Милая Маргарита, сказала актриса, обнимая сестру, мнѣ жаль, что тебѣ приходится быть свидѣтельницею всѣхъ этихъ нелѣпостей; но кажется это послѣдняя.

— Незнаю, что сказать тебѣ на это, отвѣчала Маргарита, потому-что незнаю до-сихъ-поръ, происходятъ-ли онѣ отъ безумія или отъ ума. Однако, я довольна твоимъ обращеніемъ, послѣдняя глупость всегда бываетъ началомъ добраго дѣла.

Раскаяніе, уже добродѣтели; но твое раскаяніе не приведетъ тебя къ добродѣтели, потому-что только грѣшная страсть заставляетъ тебя ненавидѣть все бывшее.

— Послушай, бѣдная сестра моя, ты не понимаешь здѣсь ничего; и я не хочу тебѣ объяснять.

Вошелъ слуга и доложилъ, что привратница ждетъ приказаній въ прихожей.

— Пусть войдетъ.

Когда привратница появилась на порогѣ, Беатриса спросила, нѣтъ ли въ домѣ отдающейся въ наймы маленькой квартиры?

— Смотри потому, кто будетъ наймать, отвѣчала привратница, почтительно кланаясь. Не для этой-ли барышни?

— Нѣтъ, для меня, отвѣчала Беатриса.

Привратница казалось не понимала, но между тѣмъ, замѣтивъ блѣдность и грустное выраженіе Беатрисы, она поняла, что съ ней произошла какая нибудь катастрофа.

— Для васъ? спросила она голосомъ вмѣстѣ шутливымъ и сострадательнымъ, потому-что привратница тоже была въ слѣбѣ.

Дѣтъ за 20, она съ успѣхомъ занимала амплуа въ балетѣ театра Сентъ-Мартенскихъ воротъ.

— Да, для меня, съ достоинствомъ произнесла Беатриса.

— Боже мой, сударыня! Наша маленькая квартирка въ 700 фр. съ балкономъ, такъ близка къ чердаку.

— Миѣ такую и надо, сказала Беатриса.

— Но замѣьте сударыня, при этой квартирѣ нѣтъ ни сарая, ни конюшни.

— Такъ чтожъ? отоприте тамъ окошки: я черезъ часъ переѣду.

Привратница вышла, покачавъ головою.

— Лошади готовы.

— Подожди меня немного.

Она вышла изъ комнатъ и сбѣжала съ лѣстницы.

Около шести мѣсяцевъ, у ней въ конюшнѣ были двѣ удивительныя лошади, самыхъ лучшихъ статей, чистой арабской крови, эти гордые животныя дорого обошлись Беатрисѣ и ея обожателямъ, какъ сама она выражалась за кулисами.

Когда она сошла съ лѣстницы, одна изъ этихъ лошадей радостно заржала, она привыкла къ ласкамъ и ходенью Беатрисы, это была лошадь, легкая какъ серна, граціозная и умная, такъ, что ее можно было счесть за дрейсированную у Франкони или Лежара; морда ея выражала всѣ инстинкты благороднаго животнаго; при видѣ госпожи она ловко подняла голову и длинная, черная грива ея заволновалась.

Беатриса, какъ обыкновенно, потрепала ее по шен.

— О, какъ ты хорошъ сегодня, мой Фениксъ, какой огненный, величественный взглядъ! Дай, я тебя поласкаю!

Фениксъ опустилъ голову передъ Беатрисой, она встала между обѣими лошадьми и ласкала то ту, то другую.

— Вильгельмъ! сказала она обращаясь къ своему кучеру, ты отправишь эту коляску къ принцу Вальдесталю, въ улицу св. Домивика, потомъ ты отведешь самъ этихъ лошадей къ г. де Гранлионъ!

Кучеръ смотрѣлъ на Беатрису съ удивленіемъ.

— Что-жъ? развѣ ты не слышишь, что я говорю!

— Слышу, сударыня, но невѣрю ушамъ своимъ!

— Миѣ нѣтъ никакого дѣла, вѣришь ты или нѣтъ— испол-

ной только, что тебѣ говорятъ. Когда ты отведишь лошадей, то самъ возвратись, къ тому, кто тебѣ платитъ жалованье.

Кучеръ стоялъ внѣ себя отъ удивленія.

— Какъ? вы меня отпускаете?

— Да, такъ чтожъ?

— Но, сударыня...

— Глухой ты человекъ, что же мнѣ дѣлать съ тобою, когда я не буду имѣть ни лошадей, ни кареты?

Кучеръ не могъ ничего отвѣчать на этотъ доводъ; онъ задумался.

— Правда, сударыня, но мнѣ жаль оставить ваше мѣсто, я такъ былъ имъ доволенъ.

— А бѣдныя мои лошади, внѣ себя сказала Беатриса, имъ-то каково оставлять. Что ты такъ грустенъ Фениксъ... опустилъ голову... кто-то теперь будетъ кормить тебя бѣлымъ хлѣбомъ! Помнишь наши прогулки въ лѣсахъ, какъ я восхищалась твоимъ галопомъ. А теперь? теперь и ты и Ревекка— Богъ знаетъ будутъ ли васъ также дѣлать.

Она пошла къ лѣстницѣ, знаками прощаясь съ лошадьми и поклонившись кучеру, который все еще немогъ придти въ себя.

Беатриса съ трудомъ удерживая слезы, у входа на лѣстницу, позвала привратницу.

— Госпожа Дюпаркъ, гдѣ у васъ ключъ отъ маленькой квартиры?

— Здѣсь, сударыня...

— Дайте мнѣ его!

И получа отъ привратницы ключъ, она незамѣтно опустила ей въ руку 20-ти франковую монету.

— Ахъ! сударыня, какъ я сожалею о вашемъ несчастіи!

— Я вовсе не въ несчастіи, сухо перебила Беатриса. Послушайте, что я вамъ скажу. Черезъ полчаса я поселяюсь тамъ, на чердакѣ, потому-что все-таки надо имѣть время перенести кой-какую необходимую мебель, все, что я оставлю въ большой, принадлежитъ моимъ кредиторамъ: пусть они дѣлятся, какъ сами знаютъ. Говорите всѣмъ, кто будетъ меня спрашивать, что я уѣхала въ Итацію. Съ сегодняшняго дня я уже не Беатриса, а дѣвица Клотильда де Парфондаль.

Привратница не вѣрила ни ушамъ, ни глазамъ своимъ. Бе-

атриса живо поднялась на лѣстницу, когда она взшла на площадку, то оборотилась, чтобы сказать, что она все-таки будетъ принимать Морица д'Орбессака.

Возвратясь, Беатриса нашла сестру свою задумчиво сидѣвшую у камина.

— Милая, добрая Маргарита, я принесла сейчасъ большую жертву, и это зачтется мнѣ на небесахъ: я отослала лошадей своихъ—бѣдныхъ животныя.. немогу вспомнить объ нихъ безъ слезъ.

Беатриса отдала приказанія и сама съ сестрою взшла на новоселье. Маленькое жилище это, чистенькое и простенькое, походило на убѣжище какого-нибудь поэта, потому-что, какъ извѣстно, поэты всегда жили, живутъ и будутъ жить на чердакахъ.

— Какъ хорошо здѣсь, сказала Беатриса, выходя на балконъ, я разведу здѣсь маленькій цвѣтникъ, ты помнишь Маргарита—мой большой садъ съ фонтанами, оранжереями и прудами?

Беатриса вдыхнула изъ глубины души.

— Не находишь ли ты, продолжала она, что здѣсь, какъ-то даже самый воздухъ чище.

Въ самомъ дѣлѣ, какая разница между двумя этажами. Здѣсь небо, (она смотрѣла на небо), а тамъ—преисподняя: О, какъ рада я своему обращенію! я хочу жить малымъ, безъ избытка—только бы сердце и умъ—мои были свободны. Онъ удивится, найдя у меня такую перемену, но онъ пойметъ...

— Кто?

— Морицъ, котораго ты знаешь. Я люблю его, потому-что онъ молодъ, хорошъ, храбръ, добръ—и не похожъ на этихъ куццовъ, которые на любовныя письма отвѣчаютъ ассигнаціями. Одно слово изъ устъ его дороже мнѣ ста лундоровъ изъ кошелька стараго скряги.

Можетъ быть я тебѣ надоѣла сестра своими разсказами, но будь ко мнѣ снисходительна. Ты все еще не сказала мнѣ, для чего ты вышла изъ монастыря?

— Для чего? отвѣчала грустно Маргарита, для того, чтобы возвратиться туда снова, а уже сказала тебѣ, что по-обрядамъ, меня передъ постриженіемъ снова предали всѣмъ искушеніямъ свѣта, чтобы я лучше могла испытать свои силы.

— Такъ ты возвратишься къ кармелиткамъ?

— Да, и куда-же мнѣ иначе пріютиться? отвѣчала Маргарита, поднимая глаза къ небу.

— На грудь любящей сестры твоей. Живи со мною, потому-что и я отказалась отъ свѣта. Завтра я разорву свой контрактъ съ дирекціею—и буду жить въ совершенномъ уединеніи, одна.

— Одна?

— Да, одна, и ты по этому можешь жить со мною.

— А графъ д'Орбессакъ?

— Ахъ, я и забыла, но развѣ жить съ нимъ не все равно, что жить одной: въ немъ вся моя жизнь.

— Значить, я не могу жить съ тобою!

— Дитя! Морицъ женится на мнѣ и тебѣ нечего бояться.

— Нечего бояться? Но развѣ ты не отгадала до-сихъ-поръ, что я люблю Морица.

Маргарита закрыла лицо обѣими руками.

XVII.

ДОЧЕРНЯЯ ЛЮБОВЬ.

Возвратимся отъ актрисы къ знатной дамѣ.

Едва ушелъ Морицъ, де Фаріэль, испуганная и сердитая, вскочила съ кресель и подошла къ зеркалу. Она боялась, не замѣтилъ ли Морицъ на ея хорошенькомъ лицѣ жажды денегъ, пожиравшей ее.

Но какъ женщина, находившаяся подъ безпрестаннымъ вліяніемъ ума, а не сердца, она въ своей наружности сохраняла холодное безстрастіе и непобѣдимое очарованіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, повторяла она невольно, онъ не могъ разгадать истины. Встрѣтивъ его въ первый разъ въ Елисейскихъ поляхъ я не была ни свѣжее, ни привлекательнѣе, чѣмъ сегодня.

— Я читаю въ глубинѣ его сердца, продолжала де Фаріэль, небрежно опускаясь на оттоманъ—если я читаю вѣрно: онъ меня любитъ, напрасно хочетъ онъ со мною враждовать, напрасно подъ вліяніемъ добрыхъ чувствъ хочетъ онъ быть защитни-

комъ потерявшейся женщины, добрыя чувства пройдутъ—порокъ возьметъ свою власть.

— Между тѣмъ, продолжала она послѣ нѣкотораго молчанія, кто знаетъ, не поспѣетъ ли онъ во время въ Марви, чтобы, какъ говоритъ онъ, воздать Кесарю Кесарево. Можетъ быть онъ и успѣетъ въ своемъ добромъ дѣлѣ.. но это еще не рѣшено. Сказавъ эти слова, Беатриса встала, чтобы позвонить.

— Адель, скажи Бастьяну, что черезъ полчаса я поѣду въ Марви. А ты приди одѣть меня.

И чрезъ полчаса де Фаріэль садилась въ карету. Проѣзжая бульваромъ, она приказала кучеру остановиться у *магазина траурныхъ издѣлій*; когда коляска остановилась, она вошла въ лавку задумчиво, пересматривала всѣ траурныя матеріи. О чемъ думала она тогда? вы это знаете. Она спрашивала у самой себя, какая матерія болѣе идетъ къ цвѣту ея глазъ, къ ея лицу и осанкѣ, чтобы знать, какъ одѣться по смерти отца.

Уже около восьми дней, она изъ уваженія къ болѣзни отца своего, не заглядывала въ магазинъ, по этому—то она женщина модная, первую заботою которой—были наряды и не могла противиться желанію, купить что нибудь новенькое въ магазинѣ, дьявольское желаніе, имѣющее роковую силу надъ мужьями парижскихъ франтихъ.

Прикащикъ разложилъ передъ ней всѣ траурныя модныя матеріи—мрачное утѣшеніе неутѣшенныхъ вдовъ, она около часу провела въ разглядываніи матерій и кончила тѣмъ, что выбрала пять или шесть кусковъ, чтобы отдать шить изъ нихъ платья, сообразныя всѣмъ степенямъ траура, или говоря безъ метафоръ, *постепенному ослабленію печали*.

Она вошла въ карету и приказала кучеру ѣхать въ Марви какъ можно скорѣе. Кучеръ, какъ всегда, обязанъ былъ повиноваться, хоть бы для исполненія требованія госпожи надо было загнать лошадей, по этому-то, никогда по парижской мостовой не мчалась быстрѣе коляска.

Вошедши въ замокъ, она не спросила о состояніи здоровья отца. Отдавъ приказанія слугамъ, никого не допускать къ отцу, она спросила, былъ-ли докторъ? Ей отвѣтили, что онъ уже уѣхалъ. Она снова сѣла въ коляску и приказала кучеру немедленно везти себя въ улицу à Beaumont.

— Но графъ желалъ бы видѣть васъ, сказалъ старшій слуга замка, вышедшій на встрѣчу де-Фаріэль.

— Я сейчасъ буду—сухо отвѣчала графиня.

— Но графъ сейчасъ проснется. Сегодня онъ спрашивалъ васъ разъ пять или шесть.

— Приѣдетъ ли сегодня опять докторъ?

— Наврядъ-ли; мы ждемъ его завтра утромъ.

— Не говорите отцу моему, что я приѣзжала—черезъ часъ я вернусь. Бастьень поѣзжай.

Графскій докторъ былъ человекъ не старшій, за нѣсколько лѣтъ онъ рѣшился поселиться внѣ Парижа, именно въ помѣстьи графа, гдѣ онъ курилъ, читалъ и вскорѣ сталъ извѣстенъ небольшимъ садомъ, разведеннымъ имъ самимъ, гдѣ онъ довелъ до совершенства разнообразныя сорты розъ и далій. Путешествовалъ-ли онъ, жилъ-ли дома, единственными спутниками и товарищами его были лошадь и двѣ гончихъ.

Когда экипажъ графини остановился у калитки, докторъ былъ въ глубинѣ сада и поливалъ кусты розъ, по этому онъ не двинулся съ мѣста, однако и не далъ ей времени дойти до половины сада, какъ пошелъ къ ней на встрѣчу.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, докторъ, мнѣ надо сказать вамъ только пару словъ.

Докторъ неловко поклонился съ непривычки принимать такія посѣщенія. Окрестные жители присылали иногда за нимъ свои кареты, но никогда не приѣзжали сами.

— Сударыня, не угодно-ли будетъ вамъ пожаловать въ комнаты?

— Не беспокойтесь, г. Делапортъ, я побуду и въ саду.

— Въ моемъ бѣдномъ саду! сказалъ Делапортъ съ гордостію, уже около мѣсяца онъ потерялъ свою привлекательность: всѣ розы отцвѣли.

— Ахъ, докторъ, да у васъ цвѣтовъ цѣлая коллекція, я не скажу достойная владѣтельной особы, но очень достаточная для любителя.

Де-Фаріэль дотронулась до самой чувствительной струны Делапорта. Она продолжала въ томъ же тонѣ.

— Сами ли вы г. Делапортъ развели этотъ садъ? Этѣ куртины прелестны, а разрисовка сада—чудо. Какое прекрасное дерево! Сколько у васъ десятицъ докторъ?

— Ахъ, сударыня, вамъ угодно смѣяться надъ бѣднымъ, сельскимъ Анахоретомъ, и садъ и домъ мой вмѣстѣ, едва занимають одну десятину.

— Не можетъ быть! Значить вы превосходно изучили перспективу, или такъ сказать—искусство обманывать взоры. Посмотрите сами, я васъ беру въ свидѣтели, эта аллея кажется теряется въ безконечности. Я знала только, что вы очень свѣдущій докторъ, но не полагала, что съ знаніемъ медицины вы соединяете и знаніе архитектуры. Теперь я уже болѣе не буду совѣтоваться съ вами о моемъ здоровьи, а о моемъ Мосъенскомъ паркѣ. Но Боже мой! дѣло не въ паркѣ! Видѣли вы сегодня отца моего?

— Да, сударыня.

— Какъ вы его находите?

— Въ довольно плохомъ положеніи.

— Хуже вчерашняго? спросила де Фаріэль, остановясь передъ Делапортомъ.

— Нѣтъ, сударыня, и сегодня, какъ вчера, и вчера—какъ завтра.

Де Фаріэль, которая съ трудомъ скрывала тайную радость свою при извѣстіи, что отцу хуже, при послѣднихъ словахъ мгновенно опечалилась.

— Боже мой! думала она: онъ можетъ прожить еще шесть мѣсяцевъ и тогда все пропало!

— Ахъ! докторъ, какъ я рада словамъ вашимъ, стало-быть есть надежда?..

Докторъ поклонился съ выраженіемъ лица, на которомъ ясно можно было прочесть: никакой!...

— Я незнаю, быть-можетъ, меня ослѣпляетъ дочерняя любовь, но мнѣ кажется, что онъ поправится. Онъ еще не старъ, почему же ему не прожить до 80-ти лѣтъ?

— Почему? Почему? сказалъ докторъ задумчиво.

— Г. Делапортъ, вы уже такъ привыкли къ умирающимъ. Скажите мнѣ: можете ли вы спасти отца моего?

— Нѣтъ, сударыня, это невозможно. Тутъ можетъ пособить только чудо!

— Я имъ не вѣрю, но повѣрю искусству того, кто вылечитъ отца моего!

Де Фаріэль съ беспокойствомъ смотрѣла на Делапорта,

она не хотѣла высказать прямо, но намекнуть на то, что хотѣлось ей знать.

— Какъ вы полагаете г. Делапортъ, можно ли мнѣ дней черезъ восемь перевезти графа въ Парижъ, къ себѣ?

— Нѣтъ, сударыня, это невозможно, потому-что въ теченіи 8 дней....

Докторъ не смѣлъ продолжать. На лицѣ де Фаріэль выразилась мрачная радость.

— Докторъ, сказала она огорченнымъ голосомъ, вы меня ужасаете.....

— Что дѣлать, сударыня? въ положеніи отца вашего надо ждать съ - часу - на - часъ... малѣйшій кризисъ... малѣйшее волненіе....

Въ рукахъ у де Фаріэль былъ дорогой вышитой платокъ, который она поднесла очаровательно къ глазамъ, съ такою не поддѣльною печалью, что слабонервный докторъ едва не заплакалъ.

— Прощайте, г. Делапортъ, чтобы не случилось, рассчитывайте на мою признательность, я никогда не забуду, съ какою заботою старались вы объ излеченіи отца моего.

Де Фаріэль скоро пошла по одной изъ аллей, ведущихъ къ калиткѣ,

Докторъ почтительно проводилъ ее, не говоря ни слова. Когда она подошла къ коляскѣ, онъ посадилъ ее и просилъ приказать сидѣлкѣ исполнить все, что ей приказано о де Парфондагѣ.

Де Фаріэль сѣла въ коляску съ видомъ глубокаго огорченія.

— И такъ, черезъ восемь дней онъ умретъ!.. Морницъ! Морницъ!.. произнесла она невольно, когда была уже далеко.

Когда она приѣхала въ замокъ, графъ засыпалъ.

— Графъ отдыхаетъ, сказалъ ей старый слуга,

— Я хочу его видѣть.

— Но графиня вѣроятно знаетъ, что наступающая ночь будетъ для него безпокойна, потому-что докторъ сказалъ, что онъ уже не можетъ рассчитывать на двѣ спокойныя ночи сряду.

Графиня, не слушая его, подошла къ комнатѣ отца. На порогѣ ее встрѣтила сидѣлка.

— Сударыня, сказала она шопотомъ; не угодно-ли вамъ будетъ подождать.

Но графиня, вмѣсто отвѣта подошла къ постели больного, и поднявъ занавѣску, смотрѣла на него съ нѣжностью члена Конвента, любовавшагося своей жертвой. Отъ шума шаговъ и свѣта, при поднятіи занавѣски, графъ проснулся.

— Ахъ! это вы... дочь моя? я ждалъ васъ такъ долго... Проговорилъ онъ, сжимая ея руку.

— Ну, какъ вы себя чувствуете сегодня? я сейчасъ встрѣтилась съ докторомъ и онъ очень огорчилъ меня.

— Что дѣлать, моя милая Регина? докторъ долженъ былъ сказать вамъ это, но какъ женщина умная, вы должны покориться предъ ударомъ судьбы. Я знаю, что жить мнѣ осталось мало; смертныя томленія уже настали — первый кризисъ и смерть вступитъ въ свои права. За часъ передъ этимъ, когда былъ у меня Делапортъ, я уже не думалъ увидѣть васъ, но Богъ милостивъ... вы здѣсь!.. Регина! умоляю васъ, не уѣзжайте въ Парижъ прежде трехъ или четырехъ дней!

— Три или четыре дня, подумала де Фаріэль, это цѣлый вѣкъ. Извольте, если вамъ угодно. Развѣ до-сихъ-поръ вы не замѣтили, что я, проводя половину времени своего въ Парижѣ, дѣлала это для того только, чтобы дать вамъ отдыхъ и спокойствіе. Докторъ мнѣ не приказалъ говорить съ вами, какъ только въ извѣстные часы дня. Онъ знаетъ сердце ваше: малѣйшее расстройство можетъ васъ убить... но каково-то было мнѣ оставлять васъ!

— Вы говорите о моемъ сердцѣ Регина.... О! Знаете ли, что съ третьяго дни — оно разбито. Съ той минуты, какъ увидѣлъ я эту дѣвушку...

— Актрису? сказала графиня.

— Да, ее; съ-тѣхъ-поръ въ воображеніи моемъ воскресла вся былая жизнь.

Въ болѣзненномъ раздраженіи моемъ, мнѣ представляется безпрестанно ваша мать, сестры ваши, потому-что онѣ вамъ сестры — онѣ дочери вашей матери...

— Батюшка, для чего такъ долго думать о созданіяхъ, недостойныхъ ни души вашей, ни сердца? Дѣвченка, занимающая васъ — не сестры мои, потому-что мать моя съ-тѣхъ-поръ, какъ она низко обманула васъ, перестала быть моею матерью!

— Ваша правда, сказалъ де Парфондалъ, сжимая ея руки.

И собравшись съ силами, онъ поднялся на постели — лучъ

мести загорѣлся въ глазахъ его, но въ ту же минуту, ослабленный, онъ упалъ на подушки и тихо вздохнулъ:

— Да, дочь моя, вы правы, эта женщина уже не была женою мнѣ; эта мать перестала быть вашей матерью; но я однако, до-сихъ-поръ незнаю всего достоверно. Съ того вечера, какъ я написалъ завѣщаніе, каждую ночь видится мнѣ Амалія. Я не вѣрю призракамъ — но едва сидѣлка оставляетъ меня одного, предъ глазами моими являются тѣни, эти тѣни сливаются, и я вижу Амалію, блѣдную, умоляющую, растроганную, такую, какая была она въ день нашей разлуки; она подводитъ ко мнѣ дѣтей *своихъ*, кто знаетъ, быть-можетъ—*моихъ* дѣтей—и наконецъ, признаться ли, дѣвушка эта меня очень растрогала. Голосъ ея былъ такъ похожъ на голосъ Амаліи. Я слушалъ его съ грустною радостію. Если это дочь моя—то сколько я виноватъ передъ нею, оставивъ ее въ этомъ мѣрѣ, полномъ обольщеній и коварства. Я встрѣтилъ дочь свою — актрисой, любовницей всего міра!..

— Батюшка! къ чему это безпокойство, я даю вамъ слово заботиться объ ней и сестрѣ ея въ будущемъ, но пожалуйста, забудьте ихъ, не вспоминайте несчастія тяжелымъ гнѣтомъ упавшаго на вашу душу и отравившаго вашу жизнь.

— Но развѣ вы не знаете, что актриса эта, если она умна, можетъ испортить всѣ мои надежды. Предъ глазами закона, она сестра ваша. — Она заставитъ нарушить мое завѣщаніе. Какой стыдъ, какое пятно, поднимется процессъ. Журналы будутъ судить мой поступокъ. О стыдѣ моемъ узнаетъ вся Франція, весь міръ!

— Но какое же средство избѣгнуть этого? живо спросила де Фаріэль.

— Къ счастью, я уже подумалъ объ этомъ: вчера писалъ я къ своему банкиру, чтобы онъ привезъ мнѣ мои деньги — сумма ихъ составляетъ около 800,000 франковъ — и ихъ вы не раздѣлите съ тѣми, кого законъ признаетъ за сестеръ вашихъ.

— 800 т. франковъ! проговорила графиня нѣжнѣе, нежели бы сказала она: *я васъ люблю!*

— Кромѣ того у меня есть небольшой капиталъ при себѣ, вы знаете мою привычку имѣть при себѣ деньги на всякой случай—я получаю на дняхъ за полгода доходъ, а мои двѣ пи-

кардійскія фермы надо будетъ постараться продать до смерти. Такимъ образомъ, когда все мое состояніе будетъ въ наличныхъ деньгахъ, вамъ не надо будетъ дѣлиться съ сестрами вашими; изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ, одинъ полковникъ де Фортевилъ можетъ мнѣ помочь въ этомъ. Мы можемъ сдѣлать съ нимъ частную бумагу, заднимъ числомъ, гдѣ я означу, что продалъ ему свои фермы, и тогда никому, кромѣ васъ, не достанется наслѣдства послѣ меня; пригласите сегодня-же вечеромъ полковника. Вы можете послать за нимъ свою карету—это недалеко.

— Если вамъ угодно, батюшка... де Фаріэль небрежно подошла къ сидѣлкѣ и отдала ей приказанія.

— Но, продолжалъ графъ, когда дочь возвратилась къ нему, что ты бѣдная женщина будешь дѣлать съ наличнымъ капиталомъ? Я сожалею, что не успѣлъ переписать вичего на твое имя. Я виноватъ, что принялся за это слишкомъ поздно; но думалъ ли я такъ рано умереть?

Слова эти произнесъ больной задыхающимся голосомъ, де Фаріэль видѣла, что ему было нужно говорить, но она небрежно спросила его, какъ будто думая совершенно о другомъ.

— А когда банкиръ привезетъ вамъ деньги?

— Завтра, милая Регина, прошепталъ больной, закрывая глаза подъ поцѣлуями дочери.

Надобно, думала графиня, замѣтя взоромъ вмѣстѣ боязливымъ и радостнымъ признаки близкой смерти, надо, чтобы онъ уснулъ до завтра.... Но, продолжала она съ безпокойствомъ: завтра, быть-можетъ, эта актриса съ сестрой своей и д'Орбессакомъ — явится сюа; я не боюсь женщины, но Морницъ мужчина...

Слуга доложилъ о пріѣздѣ принца де Вальдесталя.

— Скажите принцу, чтобы онъ подождалъ меня въ залѣ.

И она сошла съ лѣстницы.

— Онъ можетъ спасти меня, подумала она на концѣ лѣстницы, если только захочетъ завтра драться съ маркизомъ, онъ его задержитъ.—Но онъ можетъ убить его!...

XVIII.

ПРИНЦЪ ДЕ ВАЛЬДЕСТАЛЬ.

Принцъ де Вальдесталь былъ нѣмецкой владѣтель безъ владѣній, мѣсяцевъ за шесть онъ приѣхалъ въ Парижъ, гдѣ прожилъ почти все свое состояніе, онъ надѣялся во время поправиться выгодной женитьбой, поэтому его выдали у актрисы и свѣтскихъ женщинъ — можетъ быть онъ не отчаявался вознаграждать свои расходы на Беатрису расположеніемъ де Фаріэль.

Несмотря на свои гордыя и повелительныя привычки, де Фаріэль приняла принца очень радушно.

— Принцъ, сказала она, протягивая ему руку, я не ждала васъ, потому-что не вѣрила обѣщаніямъ вашимъ, какъ невѣрять обѣщаніямъ женщинъ.

— Прекрасно сказано, сказалъ принцъ—какъ и все, что произносятся эти миленькія губки.

Графиня сѣла на диванъ.

Де Вальдесталь сѣлъ у открытаго окна.

— А батюшка вашъ? продолжалъ онъ съ разсѣяннымъ видомъ. Назадъ тому 8 дней, я обѣщалея побывать у него, и вотъ я здѣсь по простому правилу, что люди гораздо болѣе привязываются къ тѣмъ, кто ихъ покидаетъ, нежели къ тѣмъ, кто съ ними остается.

— Что новаго въ Оперѣ?

— То же самое, что было и за десять лѣтъ—застой, графиня, ужасный застой. Мы уже стали восхищаться бульварными театрами.

— Не знаете ли вы на этихъ театрахъ актрису, очень извѣстную по своимъ похиженіямъ.

— Л**?

— Нѣтъ, Л** славится своею добродѣтелью — я хочу сказать о Беатрисѣ.

— Ахъ, эта закулисная герцогиня, полу-княжна, полу-Мононъ Леско. Съ ней случалось много комедій.

— Это она и есть. Не знаете ли вы чего нибудь объ ея происхожденіи?

— Я отвѣчалъ бы вамъ, что знаю, если бы принадлежалъ

къ трибуналу, потому-что женщины этого рода обыкновенно заводятъ процессы съ своими матерями. Да и что кому за дѣло до ихъ происхожденія. Срывая розу, развѣ заботятся о кустѣ, съ котораго она сорвана? Но имѣя хорошую память, я могу сказать вамъ, что она, кажется, не въ простыхъ... говорили, что отецъ ея графъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Постоите—фамилія ея де Парфондаль...

— Право? вы думаете?

— Это имя трудно—я какъ-то слышалъ въ фойе, какъ она рассказывала о своихъ предкахъ, но право трудно вѣрить всѣмъ рассказамъ актрисъ.

— Она никогда не упоминала объ отцѣ своемъ?

— И очень хорошо дѣлала; что за дѣло было ея обожателямъ до ея семейныхъ дѣлъ! какая нибудь привратница, дочь благородныхъ, но бѣдныхъ родителей, надоѣдаетъ всѣмъ разговоромъ о несчастіяхъ своей семьи.

— Значитъ, у нея есть обожатели?

— Много, или лучше сказать, ни одного, потому-что это одно и то же.

— То есть, она никого не любитъ?

— Можетъ-быть, да право хорошенькимъ женщинамъ, созданнымъ, чтобы ихъ любили, самимъ нѣкогда влюбляться.

Но рассказывали о какомъ-то Морицѣ д'Орбессакѣ.

— Вы ее знаете?

— Да, немножко. Я ее гдѣ-то видѣла.

Де Фаріэль оборотилась къ окошку, чтобы скрыть свое волненіе.

— Вѣроятно, она посмѣшила васъ своимъ юморомъ и дерзостью.

— Нѣтъ, въ тотъ разъ, какъ я ее видѣла, она была довольно холодна. Вы знаете д'Орбессака?

— Кто-же его не знаетъ? Онъ тоже въ своемъ родѣ юмористъ. Мы съ нимъ очень дружны, и одинъ изъ насъ долженъ еще отблагодарить другаго ударомъ шпаги.

— Я предчувствовала, подумала радостно де Фаріэль.

— Когда же ваша дуэль? спросила она, желая показать, что жизнь принца ей очень дорога.

— Завтра, если онъ не забылъ моего вызова, потому— что кажется я его вызвалъ.

Принцъ засмѣялся, припоминая прогулку Морица и Беатрисы.

Онъ разсказалъ это происшествіе графинѣ, которая въ свою очередь, разсказала, что Морицъ и Беатриса, вѣроятно послѣ этой прогулки, посѣтили этотъ замокъ.

— Ахъ! сказала она, чтобы попротиворѣчить принцу, Морицъ д'Орбессакъ прекрасный человѣкъ, человѣкъ съ умомъ и чувствомъ, и я должна вамъ признаться, что онъ наговорилъ мнѣ много любезностей.

— Право! вскричалъ принцъ съ худоскрываемой злобой, это ужъ черезъ чуръ, онъ не только отбиваетъ у меня актрисъ, но и знатныхъ дамъ. О, я запрещаю ему являться къ вамъ на глаза!

— Онъ можетъ вамъ сказать то же самое!

— Но вы, графиня, продолжалъ принцъ со взглядомъ, вмѣстѣ оскорбленнымъ и умоляющимъ! Что вы скажете ему.....

— Я?

Графиня вздохнула.

— Право, я незнаю что отвѣчать вамъ.

Она остановилась.

— Я нисколько не сержусь за ваше предпочтеніе, но мы деремся. Я удивляюсь, что онъ до-сихъ-поръ мнѣ не присылаетъ своихъ секундантовъ! Не ужели онъ по обыкновенію уѣхалъ куда-нибудь далеко отъ Франціи? Но человѣкъ проживавшій 200,000 годового дохода, долженъ наконецъ когда-нибудь попасть въ руки кредиторовъ.

— У графа Морица д'Орбессака есть кредиторы? сказала графиня.

— Есть, но стоитъ ли объ нихъ говорить? онъ долженъ только за лошади, квартиру, и такъ далѣе...

— И его кредиторы терпѣливы?..

— Да какъ же иначе, это все люди преобразованные, исключая только жида Соломона, которому онъ задолжалъ четыре или пять тысячъ франковъ подъ залогъ какого-то воображаемаго графства. Этотъ жидъ, какъ и все ихъ племя, если увидитъ во-снѣ свои деньги, то утромъ уже теряетъ великое состраданіе. Онъ нанимаетъ стражу и преслѣдуетъ своихъ остроумныхъ

заимодавцевъ до-тѣхъ-поръ, пока ему не заплатятъ или онъ не засадитъ ихъ въ тюрьму.

Въ эту зиму, Морицъ то же чуть не испыталъ пріятностей тюремнаго заключенія, но жидъ возвратилъ ему свободу, Богъ знаетъ, какимъ чудомъ.

— А гдѣ живетъ этотъ вѣчный жидъ?

— Зачѣмъ вамъ?

— Я право сама незнаю, по мнѣ хотѣлось бы знать, не живетъ-ли этотъ жидъ старичишка съ дикимъ взглядомъ, въ этой улицѣ. Куда бы я ни пошла, онъ всюду попадается мнѣ на встрѣчу. Право, это мнѣ ужасно надоѣло.

— О, нѣтъ! это не нашъ, (я говорю нашъ, потому-что, рѣдкой молодой человѣкъ нынче не знаетъ этого жида,) нашъ живетъ въ улицѣ de la Michodière, подлѣ бульвара. Это большой чудакъ: со-всѣми его милліонами онъ живетъ на маленькихъ антресоляхъ, лучше которыхъ комнаты вашихъ лакеевъ, и оттуда-то располагаетъ по своему произволу всѣми современными интересами. Безъ него не обойдется ни свадьбы, ни похоронъ. Это наше провидѣніе, вѣрнѣе Архимедовъ винтъ, вертящій всюю свѣтскою молодежью, всѣми свѣтскими аристократами.

— Можетъ быть, онъ будетъ и моимъ провидѣніемъ, подумала де Фаріэль.

— Принцъ, спросила она громко, вы будете сегодня въ Парижъ?

— Да, графиня, я былъ по сосѣдству въ аббатствѣ, но не встрѣтилъ кого мнѣ было нужно—и хотѣлъ бы туда вернуться, но солнце уже заходитъ.

— Не хотите ли проводить меня туда, я отослала свою карету, а лошади моего отца переступаютъ съ ноги на-ногу, какъ быки въ идилии.

— Я почту за счастье исполнить ваше желаніе. Лошади мои понесутъ насъ, какъ вихрь; если вамъ будетъ угодно завтра воротиться назадъ: онѣ къ вашимъ услугамъ.

— Благодарю васъ, но я прикажу моему кучеру, чтобы по возвращеніи, онъ приѣхалъ за мною.

XIX.

РОСТОВЩИКЪ.

Было еще не поздно, когда де Фаріэль подошла къ одному изъ низенькихъ домиковъ улицы Michodière, соедѣнной съ бульваромъ. Принцъ проводилъ ее до ея дома, потому она бросилась въ первый фіакръ и наконецъ достигла цѣли своего путешествія.

— Господинъ Соломонъ, спросила она у привратницы.

— Здѣсь, что вамъ угодно?

— Говорить съ нимъ.

— Прекрасно, сказала вставая привратница, но г. Соломонъ не принимаетъ всѣхъ, кто приходитъ къ нему; бѣдняжка такъ занятъ!

Привратница выглянула за окошко, чтобы взглянуть на поѣздителя, и осмотрѣвъ ее съ ногъ до головы, сказала:

— Быть-можетъ, онъ васъ и приметъ!

— Въ которомъ этажѣ живетъ онъ?

— Не горячитесь — я провожу васъ...

— Это будетъ напрасно — скажите мнѣ только.....

— А, вы такъ думаете?

Боясь разсердить этого Цербера, грубаго отъ природы, де Фаріэль молча стала входить по лѣстницѣ.

— Кудажъ вы идете, развѣ можно жить на крышѣ? Привратница остановилась и вынула изъ кармана ключъ отъ комнатъ г. Соломона. Съ-тѣхъ-поръ какъ этотъ человекъ овдовѣлъ, вся прислуга его заключалась въ привратницѣ.

Де Фаріэль прошла двѣ желтыя комнаты, загроможденныя мебелью; при звукѣ ея шаговъ, Соломонъ появился на порогѣ своего кабинета, какъ кровожадный волкъ, выглядывающій изъ своей берлоги.

— Г. Соломонъ, я пришла сюда по рекомендаціи принца де Вальдесталъ.

Жидъ знакомъ приказалъ привратницѣ выйти. Она вышла по своему обыкновенію, ворча.

Де Фаріэль вошла въ кабинетъ, страннаго котораго трудно найти что-нибудь въ Парижѣ, центрѣ странностей. Магазины подержанныхъ вещей, день переѣзда съ квартиры, можетъ

дать объ немъ нѣкоторое понятіе. Драгоцѣнныя картины, золотыя вещи, статуи, фарфоръ всѣхъ странъ, Гобелиновскіе ковры, — все было разбросано безъ всякаго порядка. Густой слой пыли покрывалъ все это, потому-что Соломонъ не позволялъ никому смѣтать паутинъ въ своей комнатѣ изъ боязни, чтобы по неосторожности не разбили какую нибудь драгоцѣнную вазу Севрскую или Саксонскую, Китайскую или Японскую.

— О! у васъ много драгоцѣнностей, сказала де Фаріэль, входя.

— Ужъ не говорите, сказалъ жидъ, пожимая плечами, вся эта дрянь стоитъ мнѣ дорого и не приноситъ ни полушки...

— А развѣ не удовольствіе быть окруженнымъ всѣми прехотными искусствами?

— Чортъ-ли мнѣ въ искусствѣ! Я бы желалъ лучше имѣть различными половину того, что стоятъ эти побрякушки. Но всякій даетъ мнѣ, что можетъ. Когда раззорившемуся вельможѣ понадобятся мои 50,000 фр., и онъ не можетъ дать мнѣ въ залогъ свои земли—я довольствуюсь и этимъ. Теперь только и сталъ понимать цѣну Рафаэля и Рембрандта. Видите ли вы эту Богородицу! Пойдите, я сотру пыль...

Де Фаріэль была такъ удивлена, увидѣвъ такъ много драгоцѣннаго, на такомъ маленькомъ пространствѣ, что почти позабыла, зачѣмъ пришла. Она посмотрѣла на картину, приписываемую Рафаэлю.

— Ну, какъ находите вы ее, сказалъ онъ, склонивъ голову. Можно ли найти, что нибудь лучше этого въ Луврскомъ Музеѣ. И не дешево досталась она мнѣ—я далъ подъ залогъ ея двадцать тысячъ луддоровъ.

— Вы заплатили за нее 20.000 луддоровъ? развѣянно спросила де Фаріэль.

— Да, потому-что она, такъ какъ вы ее видите, принадлежитъ одному Итальянскому Музею. Одинъ итальянскій великій герцогъ заложилъ мнѣ ее года на два. Говорятъ, какой-то живописецъ долженъ снимать съ нея копию, но я такъ привыкъ видѣть эту картину, что когда герцогъ принесетъ мнѣ за выкупъ 40.000 луддоровъ...

— 40.000 луддоровъ! я полагала, что эти вещи вамъ не даютъ никакой прибыли.

— Никакой—до извѣстнаго срока. Меня нельзя обвинять въ томъ, что я беру 100 на 100, я подвергаюсь такой опасности за заложенные вещи, меня могутъ обворовать, я безъ отдыха долженъ стеречь ихъ, кромѣ того: война, пожаръ — я въ отвѣтственности. Но заговорившись, я и позабылъ предложить вамъ кресла—вотъ за эти я ссудилъ 10 т. фран.

— 10 т. фр! вскричала де Фаріэль—за простое, вышитое кресло, это невѣроятно!

— Что же тутъ невѣроятнаго?

— Признаюсь...

— Это очень просто: кресло это вышивала одна свѣтская женщина своему любовнику, предъ глазами мужа. Однажды, когда любовнику понадобились деньги, чтобы пустить пыль въ глаза одной оперной хористкѣ, онъ далъ мнѣ эти кресла, какъ вѣрный залогъ. Если къ 15-му іюля (въ тотъ день они оба ѣдутъ на воды)—онъ не отдастъ мнѣ мои 20 т. фр., я зная связь его съ свѣтской женщиной..

— Стало-быть, мнѣ говорили правду, сказала де Фаріэль все болѣе и болѣе удивленная, что вы играете важную роль во всѣхъ современныхъ интересахъ парижской жизни.

— Надобно же для чего нибудь жить. Но все, что вы видѣли, ничего незначить. Вотъ подъ этимъ стекломъ у меня до 200 т. автографовъ, которые я не отдамъ за миллионъ. Этотъ залогъ не бездѣлица. Въ самомъ дѣлѣ, молодому человѣку нужны деньги, онъ обращается ко мнѣ, и я выдаю ихъ ему подъ залогъ любовнаго письма, если по какому нибудь случаю, этотъ молодой человѣкъ не можетъ мнѣ возратить денегъ въ срокъ, я пишу нѣсколько словъ къ той, къ кому оно написано, разумѣется къ аристократкѣ, потому—что я писемъ прѣстныхъ не принимаю, и она сѣшится и не торгуется долго. Я слышалъ объ нѣкоторыхъ романистахъ, продававшихъ свои сочиненія по 2 или по 3 франка за строку, я продаю каждую строку этихъ записокъ по 3 тысячи франковъ. Иногда однакожъ мнѣ случается имѣть дѣло съ женщинами, не рѣшающимися на такой дорогой выкупъ, тогда я приглашаю мужа; если онъ человѣкъ умный и опытный въ этихъ дѣлахъ, что случается рѣдко, онъ будетъ смѣяться надо мной и женой своей, но тогда я обращаюсь къ отцу. Вы видите, что у меня много порукъ. Но я все это говорю вамъ, прекрасная незнакомка, не

изъ хвастовства, но чтобы дать вамъ время придти въ себя, потому—что мнѣ кажется, что цѣль вашего посѣщенія....

— Предложить вамъ поручительство за несостоятельнаго...

— О! говорите, говорите, сударыня, все, что вы не скажете, останется между нами.

Жидъ сталъ себя бить въ грудь.

— Вы знаете графа Морица д'Орбессака?

— Д'Орбессака? какъ не знать, сказалъ весело отецъ Соломонъ: это мой блудный сынъ. Какая бездна! какая пронасть! Какой вулканъ! Я его облилъ золотомъ, и Богъ знаетъ, когда мнѣ будетъ заплачено.

— Сколько онъ долженъ вамъ? спросила де Фаріэль, которая не хотѣла далеко распространяться.

— Это—смотря по обстоятельствамъ.

— Послѣдній заемъ?

— О не знаю, какъ сказать вамъ.

— Сверхъ денегъ, должныхъ вамъ Морицомъ, я плачу вамъ 50.000 фр., если вы посылите Морица на 8 дней въ Клиши.

— Это очень просто, кто тратитъ мои деньги — въ рукахъ моихъ — конечно, если вамъ угодно на нѣсколько времени заключить нашего общаго друга, (я думаю, что и я вамъ другъ, если вы желаете ему зла) — я согласенъ, хотя это и не легко; когда онъ на лошади, то развѣ вѣтръ, надѣвъ полицейской мундиръ, можетъ догнать его, когда онъ идетъ пѣшкомъ, то вся полиція не осмѣлится подойти къ нему. Чтобы намъ поймать его въ капканъ, надо, чтобы вы на время протянули ему руку.

— Это говорите вы мнѣ, сударь?

— Кто хочетъ достигнуть цѣли, не пренебрегаетъ никакими средствами.

Развѣ можно бы было взять Самсона безъ Далилы? Женщина всегда сильнѣе мужчины. Я знаю, что говорю — и вы послушайте меня. Съ вашимъ умомъ можно поступать съ д'Орбессакомъ, какъ съ ребенкомъ.

— Можетъ ли это быть?

— Перестаньте, я не люблю женщинъ, которые сомнѣваются въ своихъ силахъ. И отвѣчаю вамъ за успѣхъ. Потрудитесь подойти къ этому столу—вотъ перо, чернила—пишите!

Де Фаріэль немедленно повиновалась.

— Что же буду я писать ?

Ростовщикъ взялъ съ баула лампу и поставилъ ее на столъ.

— Пишите то, что я буду говорить вамъ !

Де Фаріэль выбрала перо и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ посмотрѣла на отца Соломона.

XX.

ЛОВУШКА.

— Пишите же, повторилъ жидъ, видя что де Фаріэль колебалась.

И она написала со словъ банкира :

«Я нижеподписавшаяся обязуюсь заплатить г. Соломону, банкиру, проживающему въ Парижѣ, въ улицѣ Мюшодьеръ подь № 40 — по первому его востребованію сумму въ 50 т. фр., за заемъ, повѣренный мнѣ Морицомъ д'Орбессакомъ...»

Де Фаріэль выронила перо.

— Я нехочу писать этого ?

— Нехотите ? однако надобно, чтобы было все по формѣ.

— Для чего же тутъ имя Морица д'Орбессака ?

— Чтобы васъ компрометровать и тѣмъ обезпечить платежъ. Отъ васъ зависеть, чтобы вексель этотъ не шелъ ни куда, онъ возвратится въ ваши руки ; такъ чего же вы боитесь ?

— И такъ поспѣшимъ !

— Теперь не остается ничего болѣе, какъ подписаться и выставить число.

— Я уже подписала.

— Теперь моя очередь.

Жидъ живо написалъ на другой сторонѣ векселя: «Если, несмотря на всѣ старанія, графъ Морицъ д'Орбессакъ не упадетъ завтра въ Клыши, я буду считать удовлетворенными всѣ свои взысканія, подписанныя на оборотѣ госпожею... госпожею, госпожею... мнѣ трудно прочтаты ваше имя !

— Графиня де Фаріэль, сказала Регина, старая отъ стыда.

— Вотъ прочтите, и вы увидите, что я знаю дѣла.

Де Фаріэль прочла и сложила бумагу.

— Но это не все. Теперь состроили капканъ господину графу. Напомните ему, чтобы завтра онъ приѣхалъ къ вамъ... Я незнаю куда... Но Боже мой, неужели я долженъ за васъ думать. Надобно только пригласить его куда-нибудь поближе къ Клиши, чтобы легко было схватить его.

— Я знаю, что сдѣлать, сказала де Фаріэль, взявъ перо.

Она написала.

«Графъ!»

«Мнѣ надо видѣть васъ, можетъ-быть, даже проститься съ вами. Приходите завтра къ 10 часамъ на бульваръ Магдалины, гдѣ вы встрѣтите мою карету.»

Готовая къ услугамъ.

«Графиня де Фаріэль»

— Прекрасно! сказалъ Соломонъ, который заглядывалъ сзади Рейны въ письмо; вы могли бы быть хорошею дипломаткою.

Де Фаріэль сложила письмо, запечатала и подписала: графу д'Орбессаку, въ улицу, Chaussée-d'Antin.

— Но если его не будетъ дома? спросилъ ростовщикъ.

— Вся моя надежда на Бога! сказала де Фаріэль. Она встала и вышла съ письмомъ въ рукахъ.

Возвратясь домой, она сказала человѣку, отворившему ей дверь, отнеси письмо это графу Морицу д'Орбессаку, въ улицу Chaussée-d'Antin, я не знаю, въ который №, надобно всѣми силами постараться, чтобы онъ прочелъ его сегодня.»

Морицъ возвратился домой около полуночи; изъ любопытства онъ распечаталъ письмо графини.

«Мнѣ надобно видѣть васъ, можетъ быть проститься съ вами.»

— Я пойду, все, что она ни скажетъ мнѣ, послужитъ только въ мою пользу.

Немного раньше 10 часовъ, Морицъ прогуливался по бульвару, смотря на рѣдкіе экипажи, проѣзжавшіе въ то время, когда парижане еще спятъ.

Онъ замѣтилъ коляску де Фаріэль; лошади шли шагомъ, такъ-что онъ не торопясь, могъ подойти къ дверцамъ. Коляска на этотъ разъ была закрыта. Онъ холодно поклонился.

— Ахъ! здравствуйте графъ, небрежно сказала графиня, я совсѣмъ и забыла...

— Я слушаю васъ...

— Пойдите, сказала де Фаріэль, я немогу ничего припомнить, такъ сильно занята я опасностію отца моего. Послушайте, я ѣду сейчасъ въ Марви. Говоря все это, де Фаріэль бросила бѣглый взглядъ въ сосѣднюю улицу, потому-что тамъ находились альгвазилы Клиши.

— Вы ѣдете въ замокъ? медленно спросилъ Морицъ, я надѣюсь увидѣться съ вами тамъ завтра, можетъ быть, даже сегодня вечеромъ, съ дѣвцами Клотильдой и Маргаритой де Парфондаль.

— И такъ до завтра, сказала де Фаріэль, которая видѣла, что Морицъ окруженъ со-всѣхъ сторонъ. Я буду очень рада увидѣть васъ тамъ, продолжала она (это была кошка, играющая съ мышью); то, что хотѣла я сказать вамъ, я скажу въ замкѣ.

— Вы все еще хотите сражаться со мною? спросила она съ легкой улыбкой.

— Увидѣвъ васъ, можно быть только другомъ, а не врагомъ вашимъ.

Въ это время кучеръ ударилъ по лошадямъ и онѣ понеслись. Стража недолго оставила Морица одного на шоссе.

— Графъ Морицъ д'Орбессакъ! сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Морицъ былъ такъ далекъ отъ всякой мысли о заключеніи, что отвѣчалъ разсѣянно.

— Да, я графъ д'Орбессакъ?

— Если такъ, то я долженъ взять васъ и проводить въ Клиши, сказалъ полицейскій, предъявляя приказъ.

— Въ Клиши! сказалъ Морицъ, гордо подымая голову.

Только тогда замѣтилъ онъ, что былъ въ рукахъ цѣлаго кордона.

— Не можете ли вы сказать мнѣ, спросилъ онъ, какая благодѣтельная особа заботится о моей квартирѣ?

— На бумагѣ написано имя, которое нельзя разобрать.

— Ахъ! я понимаю, сказалъ Морицъ, топя ногою: я былъ

игрушкой де Фаріэль! Фіакръ былъ приведенъ. Морицъ, зная, что заключеніе его не могло долго продолжиться, спокойно сѣлъ въ фіакръ, и какъ его всѣ знали, то и тутъ обра- щались съ нимъ хорошо.

— Есть ли у васъ съ собой сигары? спросили у него: знаете ли, вашъ знакомый, этотъ бѣдный длинноволосый барончикъ, здѣсь уже со вчерашняго дня.

— Я очень радъ, разсѣянно сказалъ Морицъ, потрудитесь проводить меня къ нему. Морица провели въ комнату барона.

— Боже мой! сказалъ этотъ новопришедшему: на долго ли вы здѣсь?

— Смотря по обстоятельствамъ, быть-можетъ до завтрашняго утра.

— Значить не стоило и приходить.

— Но мнѣ Клиши нравится, въ цѣломъ свѣтѣ это единственное мѣсто, гдѣ я могу на досугъ углубляться въ самого себя. Однако надо замѣтить, что я пришелъ сюда только для друзей своихъ. Но вы, чертъ возьми, какъ вы-то сюда попали? Вѣрно черезъ послѣднюю вашу шалость?

— Говоря безъ метафоръ, сказалъ баронъ, желавшій всегда казаться остроумнымъ, какъ водевилистъ, смотря на случай этотъ окомъ философіи, я вижу, что женщины тотъ локомотивъ, который привезъ меня въ Клиши. Пожалуйста, графъ, если вамъ случится ѣхать изъ Стразбурга въ Базель, разгласите тамъ мои похождения. Я тамъ прожилъ 175.000 фр., я воротился: увы! весь свѣтъ соединился, чтобы меня раззорить. И дама, и король, и валець—все вооружилось противъ меня.

Баронъ отъ-слова-до-слова разказалъ всѣ свои неудачи въ игрѣ. Онъ кончилъ тѣмъ, что раззорился—и надолго.

Морицъ, какъ хорошій товарищъ велѣлъ подать цѣнвстаго шампанскаго—и вспомнивъ всѣ парадоксы, которые дѣлаютъ изъ Клиши чуть ли не земной рай для должниковъ, сталъ весело съ нимъ разговаривать.

Между-тѣмъ, онъ думалъ и передумывалъ о всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ средствахъ избавиться отъ тюрьмы и всѣхъ ея удовольствій— не для себя, потому что онъ зналъ, что не пробудетъ тамъ долѣе недѣли, но для Клотильды и Маргариты, которымъ въ войнѣ съ де Фаріэль, каждая минута была дорога.

Онъ взялъ перо и написалъ:

«Милая, прелестная, несравненная Беатриса, не пугайтесь, узнавъ, что я въ тюрьмѣ, по проискавъ сестры вашей де Фаріэль, — у которой много способностей для дипломатіи. Но на этотъ разъ расчетъ ея не вѣренъ. Она рассчитываетъ, что завтра она меня не увидитъ въ замкѣ де Марви—но ошибается, я вмѣстѣ съ вами и съ Маргаритой буду тамъ. Намъ нѣкогда терять времени; я замѣчаю, что дѣлаю фразы, это очень некстати. Ступайте, не теряя ни минуты, въ улицу Мишподьеръ, не далеко отъ бульвара, къ старому банкиру Соломону. Этотъ жидъ—моя судьба: онъ ссудитъ васъ деньгами на мое имя! Вы скажете ему, что утромъ меня засадили въ заключеніе за нѣкоторые старые долги. Подпишите все, что не предложитъ онъ вамъ подписать, этотъ человекъ не слишкомъ жаденъ, кромѣ залога онъ беретъ только 50 на 100—и счастливъ этимъ. Я его блудный, избалованный сыночекъ, я увѣренъ, что при первомъ вашемъ словѣ, онъ возвратитъ мнѣ свободу—нужную мнѣ только на нѣсколько дней.

Это письмо объяснить вамъ, почему я не возвратился вчера къ вамъ, обворожительная женщина. Ахъ! какъ я люблю тебя, Беатриса! Но какъ ты вѣрно выразилась вчера, я тебя *грустно* люблю. Я принуждаю себя къ веселости, но душа моя страдаетъ. Неужели насъ ожидаетъ несчастье? Одинъ поэтъ сказалъ: «Предчувствіе эхо, отвѣчающее будущему.» Я уже слышу эхо. Но я самъ незнаю, что говорю. И такъ прощай—я люблю тебя—вотъ и все.

Цѣлую твои темныя рѣсницы и кончики розовыхъ пальчиковъ.»

Графъ д'Орбессакъ.

Когда Беатриса получила письмо это, она ожидала Морнца. Она прочла письмо съ печальнымъ удивленіемъ.

— Да, да, говорила она, вотъ уже начало моихъ несчастій, не даромъ такъ трудно было мнѣ отыскать отца моего! Нало исполнить приказанія Морнца.

Она набросила мантилю, сошла съ лѣстницы и отправилась нѣшкомъ къ Соломону. Ей казалось, что Морницъ или кто нибудь другой уже говорилъ ей о Соломонѣ.

Она нашла его, вдыхавшаго пыль своихъ мебелией. Послѣ де Фаріэль, онъ еще никого не принималъ.

— О! О! подумалъ онъ про себя: вотъ еще незнакомая красotka.

Онъ вѣжливо поклонился.

Мы позабыли сказать, что Соломонъ принималъ обыкновенно только тѣхъ женщинъ, которыя молоды и хороши

— Потому-что, выражался онъ, съ ними быть всегда прибыльно.

Онъ былъ пораженъ блестящей, ослѣпительной красою актрисы.

— Какъ хороша! какъ молода! бормоталъ онъ сквозь зубы— вѣроятно она пришла не затѣмъ, чтобы заключить своего любезнаго.

— Государь мой, сказала Беатриса, я прислана къ вамъ г-мъ Морисомъ д'Орбессакомъ.

— Хорошо, подумалъ жидъ, дѣло запутывается.

— Онъ въ Квиши? спросилъ онъ громко.

— Кто вамъ сказалъ это?

— Я все знаю.

— Стало-быть вы знаете и за чѣмъ я пришла?

— Чтобы освободить его. Это уже рѣшено. Черезъ 8 дней...

— Черезъ 8 дней! вскричала съ ужасомъ Беатриса, но если онъ не будетъ освобожденъ завтра, то все потеряно!

— Завтра! это невозможно!

Соломонъ попросилъ Беатрису сѣсть на тоже самое кресло, гдѣ менѣе, чѣмъ за 2 часа, сидѣла де Фаріэль.

— Подождите меня одну минуту!

Онъ подошелъ къ своимъ манускриптамъ.

Тремя ключами, которыя онъ всегда носилъ при себѣ, отперъ онъ крышку и вынулъ изъ ящика вексель въ 50 т. фр. г-жи де Фаріэль.

— Вотъ, сказалъ онъ, подавая его Беатрисѣ.

Онъ показалъ ей число 50 т., закрывъ рукою подпись графини.

— Я знаю, кто подписалъ этотъ вексель, злобно сказала Беатриса, это сестра моя—графиня де Фаріэль!

— Такъ что-же! вскричалъ жидъ, какъ человѣкъ, который привыкъ къ запутанностямъ семейной жизни.

— Вы видите, что освобожденіе графа будетъ мнѣ стоить 50 т. фр. Чортъ возьми это не валяется на полу; — трудно

найти ихъ у ногъ хорошенькой женщины, только Карлота Гризи и Фанни Эльсеръ.....

— Но если я отдамъ вамъ этѣ 50 т.?

— Это другое дѣло, но у васъ ихъ нѣтъ! я тотчасъ узналъ это—какъ вы вошли. Тѣмъ болѣе, я далъ слово задержать его только на 8 дней. Право, этотъ вѣтренникъ Морицъ и безъ свободы довольно счастливъ, имѣя двухъ такихъ прекрасныхъ сестеръ — любовницъ.

— Но, государь мой, Морицъ никогда не былъ любовникомъ сестры моей.

— Тѣмъ хуже для него! Тѣмъ хуже для меня! чтоже я долженъ для васъ сдѣлать?

— Я уже сказала, возвратить ему свободу...

— Свободу, свободу! вы говорите объ этомъ какъ будто-бы дѣло идетъ объ освобожденіи государственнаго преступника.. Но постойте.. мнѣ кажется, что въ обязательствѣ, данномъ мною де Фаріэль, я долженъ былъ только его заключить. Она говорила конечно о 8 дняхъ, но этого не написано.. Вамъ надобно Морица завтра?

— О! да, я васъ умоляю, сказала Беатриса, ломая руки.

— И такъ! онъ будетъ свободенъ, вотъ мое письменное позволеніе, но вы дадите мнѣ 50 т. фр.

— 50 т. фр., когда у меня ничего нѣтъ!

— Двадцать—пять тысячъ?

— Теперь у меня нѣтъ и того.

— Но вы ихъ достанете, сказалъ жидъ, усмѣхаясь сардонически. Еще время не ушло, всѣ богатства міра у ногъ вашихъ.

— И такъ, сказала Беатриса, вставая, я рассчитываю на васъ!

— Всѣ рѣшено! но подпишите вотъ это.

— Для чего же? я даю слово.

— Я ему вѣрю—дайте мнѣ вашу ручку! жидъ протянулъ руку Беатрисѣ.

Бѣдная дѣвушка была такъ довольна, исполнивъ цѣль своего посѣщенія, что отъ всей души подала жиду руку и живо сбѣжала съ лѣстницы.

— Это удивительно! сказалъ Соломонъ, оставшись одинъ—еще въ первый разъ случилось мнѣ дать въ займы день-

ги, безъ росписки, на честное слово. О женщины! женщины!

Вышедши на улицу, Беатриса бросилась въ первый, попавшійся фiakръ и приказала везти себя въ Клиши.

— Ахъ! сказала она, обнимая Морица съ безумнымъ жаромъ: какъ мнѣ было грустно безъ тебя. Мнѣ казалось, что ты уже цѣлый вѣкъ въ тюрьмѣ. Люби меня, Морицъ—въ тебѣ моя жизнь, моя радость. Если отецъ не приметъ насъ, что намъ за дѣло—я живу только для тебя и желала бы для тебя умереть.

XXI.

ИСТОРИЯ МАРГАРИТЫ.

Утромъ въ 10 часовъ, Морицъ былъ освобожденъ. Онъ побѣжалъ къ Беатрисѣ. Ему было очень трудно отыскать новую квартиру ея, однако, дошедши до 5-го этажа, онъ позвонилъ на всякой случай—служанка Беатрисы, отворившая ему дверь, въ короткихъ словахъ рассказала все.

— Беатриса хотѣла и меня отослать какъ и прочихъ, прибавила она, но отпустить меня можно только выгнавъ.

Она проводила Морица къ Маргаритѣ, которая въ эти дни не оставляла сестры. Она, сидя у окна, читала журналъ.

— Видите ли, сказала она; покраснѣвъ, что я начинаю перенимать дурныя привычки свѣта. Сестра моя, только-что ушла, не сказавъ мнѣ, куда....

Морицъ распространился горячо въ похвалахъ благородному порыву Беатрисы, рѣшившейся вырваться отъ постыдныхъ сѣтей страсти, какъ птичка, которую оживляетъ лучъ солнца, и она свободная, стремится въ свннй воздухъ, купаться въ эфирѣ.

— Повѣрьте, сказала Маргарита, никогда я не видала въ ней такого благороднаго порыва. Она оставила все, безъ малѣйшаго сожалѣнія. Она заплакала только объ лошадахъ своихъ—но за то всѣ платья и драгоценности, она сбросила горло, какъ вещи не достойныя ея.

— Все, что вы мнѣ говорите, живо трогаетъ сердце, потому-что вы знаете, какъ я люблю Беатрису.

Маргарита ничего не отвѣчала; Морицъ сѣлъ подлѣ нея, онъ, все еще думая о Беатрисѣ, уже удивлялся очаровательной красотѣ монахини; мало-по-малу образъ Беатрисы изглаживался, и наконецъ одна Маргарита была у него предъ глазами и на сердцѣ.

— Есть женщины, сказалъ онъ, смотря на Маргариту слишкомъ нѣжно, есть женщины, которыхъ нельзя видѣть, не полюбивъ.... Я люблю Беатрису и васъ люблю... какъ сестру...

— Берегитесь, сказала Беатриса, съ выраженіемъ глубокой печали: вы скоро сами не будете знать, кого вы любите.

Эти неожиданныя слова удивили Морица.

— Я знаю всю вашу жизнь, сказалъ онъ на-угадъ; вы чисты какъ небо и прекрасны какъ день. Вы слишкомъ возвышенны, чтобы жить съ людьми, и потому обратились къ Богу.

— По этому портрету, я немогу сама узнать себя, вы говорите о какомъ-то ангелѣ, а я только женщина. Вы думаете, что я приношу людямъ съ собой благодать, а я ввожу въ общество ихъ — одно только зло. Есть мѣсто въ Св. Писаніи: «Печаль преслѣдуетъ меня и всѣхъ, кто окружаетъ меня» надъ моею могилою можно подписать роковой стихъ. Выслушайте меня!

Морицъ все болѣе и болѣе удивленный, восхищался одушевленною головкою Маргариты.

— Вотъ, сказала она, моя жизнь, въ короткихъ словахъ: едва родилась я, какъ умерла мать моя, и какъ отецъ мой бросилъ ее на смертномъ одрѣ, считая виновною.

Вы знаете, какъ ужасно сиротство съ дѣтства и въ бѣдности? дѣтство безъ любви и ласкъ! Я много училась, не для того, чтобы образоваться, но чтобы учить другихъ; есть ли что нибудь печальнѣе этой мысли.

Я впервые стала чувствовать, что я живу, гуляя по свѣжимъ пажитямъ нашего Бурбоне—мнѣ было 15 лѣтъ, общая, добрая мать наша—природа, была моею матерью; я съ безумнымъ жаромъ привязывалась къ цвѣтамъ, росинкамъ, солнечнымъ лучамъ... но мнѣ должно было оставить село, чтобы ѣхать въ

Парижъ; потому, что тамъ только могла я приобрести себѣ хлѣбъ.

«Я не воображала, чтобы во Франціи, образованномъ государствѣ, женщины исполняли другія работы, кромѣ священной обязанности—обучать дѣтей. Но все не рѣшалась я сдѣлаться наставницей; между-тѣмъ представился случай. Обо мнѣ говорили нѣкоторымъ знатымъ лицамъ. Виконтесса д'А.... имѣла 8 лѣтнюю дочь, которую хотѣла оставить при себѣ, она обратилась ко мнѣ и настоятельно просила меня заняться ея ребенкомъ, или вѣрнѣе — играть съ нимъ; я на это согласилась съ трудомъ, какъ бы предчувствуя, что внесу несчастье въ этотъ домъ.

«Я занимала небольшую комнатку на антресолахъ у комнаты Виконта, я жила довольно скучно, но всею сердцею привадалась къ моей маленькой ученицѣ.

«Однажды, при Дворѣ былъ дѣтскій балъ. Виконтесса повезла туда дочь свою: Виконокъ, подъ предлогомъ ожиданія приказовъ отъ министра, остался дома (онъ былъ дипломатъ). Виконтесса повхала одна, я вошла въ свою комнату, развела огонь и раскрыла книгу.

«Вдругъ услышала я легкій шумъ; я обернулась, предомцою былъ Виконокъ.... «Развѣ Виконтесса Л^{***} еще не на балѣ?» спросила я его.

Онъ казался очень разстроеннымъ.

«Жена моя уже въ Тюильри, я пришелъ сюда говорить не объ ней, но объ васъ». Я стала беспокоиться.

—Но, судары!....—Маргарита, сказалъ онъ, сжавъ мою руку, развѣ вы давно не могли замѣтить, что я люблю васъ какъ безумный.

«Я такъ испугалась, что пошла прямо къ дверямъ. Онъ меня схватилъ и силою привлекъ на средину комнаты.

«Маргарита, выслушайте, сказалъ онъ рѣзко, что хочу я сдѣлать: я назначенъ консуломъ въ Америку и уѣзжаю—я не сказалъ объ этомъ жепъ ни слова, потому—что она все узнаетъ изъ журналовъ. Черезъ часъ почтовый дилижансъ перевезетъ меня въ Гавръ. Я не хочу вхать одинъ и похищаю васъ». Я все болѣе и болѣе начинала бояться — и пыталась обезоружить Виконта холоднымъ презрѣніемъ.

— Для чего вамъ похищать меня, я не люблю васъ! — сказала я сухо. — Вы меня не любите? все равно — полюбите пожалуйста. Для васъ уѣзжаю я за 4 тыс. миль, потому-что я хорошо поняла, что вы не изъ числа тѣхъ женщинъ, какія могутъ быть нашими любовницами, в которыхъ на нѣсколько дней увозятъ въ Фонтенебло или Сентъ-Жерменъ. Если еще не поздно, я женюсь на васъ предъ лицомъ всего свѣта, потому-что въ васъ вся моя жизнь.

«Между-тѣмъ, какъ онъ говорилъ это, я все приближалась къ дверямъ, тихо отворила ихъ и скоро выбѣжала. Онъ догналъ меня на дворѣ отеля: «Если вы отказываетесь любить меня, говорилъ онъ съ дикимъ выраженіемъ, мнѣ остается только умереть.» Несмотря на то, что мнѣ рассказывали, будто влюбленные всегда говорятъ о смерти, я была растрогана словами Виконта, въ которыхъ просвѣчивалось отчаяніе. Я нѣсколько знала Виконта, это была добрая, вѣтренная голова, готовая на все — всѣхъ шалостей его нельзя было перечислить. Но я все-таки не рѣшалась ѣхать съ нимъ въ Америку; «Живите — позабудьте меня!» сказала я и снова убѣжала. Въ этотъ разъ я счастливо дошла до каморки привратницы — Виконтъ гнался за мною, рѣшетка была отворена, быстрее птички я выпорхнула за нее, и побѣжала къ выходу на улицу: онъ погнался за мною въ улицу Belle-Chasse.

«Я увидѣла почтовый дилижансъ, на которомъ взяты были намъ 2 мѣста. Удаляясь, я не могла не пожалѣть о блестящей участи, которая ожидала меня.

«Въ полночь, когда Виконтесса возвратилась домой, она спросила, спитъ ли мужъ ея? Горничная, которая дремала все время, отвѣчала: что не знаетъ. Виконтесса пошла въ кабинетъ его; — отворивъ дверь, она испустила крикъ и позвала людей на помощь: Виконтъ плавалъ въ крови — онъ только-что застрѣлился — в еще дышалъ. Жена подошла къ нему. Онъ произнесъ мое имя.

«Утромъ узнала я объ этомъ ужасномъ происшествіи и сдѣлалась больна отъ испугу; — я не знала, что должно мнѣ было дѣлать. Между бѣдными дѣвушками, которыхъ я видала въ домѣ г-жи Лефобюръ (старушка, у которой мы жили по пріѣздѣ въ Парижъ) я знала одну прелестную и добрую дѣвушку, которую любила почти такъ, какъ люблю Клотильду. Она составляла

радость и подпору всей семьи. Она выработывала себя хлѣбъ, переписывая ноты и раскрашивая эстампы съ такою изумительною скоростью, что всякой день получала до 8 франковъ. Конечно она вставала очень рано и ложилась поздно, и кромѣ воскресныхъ прогулокъ по бульвару, не имѣла ни часу отдыха.

«Эта скромная жизнь такъ согласовалась съ моимъ положеніемъ, что я упростила Гортензію, позволить мнѣ поселиться съ нею. Она согласилась—къ своему несчастію. У ней былъ женихъ—молодой докторъ безъ практики и состоянія. Гортензію восхищала мысль, что она трудами своими будетъ помогать мужу—и мы стали работать съ наслажденіемъ. Мы любили музыку, любили живопись, пѣли, копируя ноты, разговаривали о Тицианѣ и Рубенсѣ, раскрашивая эстампы. Это было лучшимъ временемъ въ моей жизни,—но рассказывать ли, чѣмъ оно кончилось?»

«Гортензія уже готовилась къ вѣнцу, каждый день докторъ Ричардъ обѣдалъ съ нами—шутилъ, смѣялся—и какъ онъ былъ очень уменъ, мы не видали, какъ шло время. Знаете-ли вы слабость 16-ти лѣтняго сердца? Отгадали-ли вы? Я полюбила его—не говоря о томъ ни слова Гортензію, не смѣя сознаться самой себя.

—«Былая дѣвушка! ты не оставишь насъ: когда придетъ милая шалуныя—Клотильда, мы и ее оставимъ у себя: ахъ! какъ это будетъ весело! говорила мнѣ Гортензія, сжимая мои руки.

«Я не могла тогда ничего отвѣчать ей и смотрѣла на Ричарда, который день ото-дня становился грустнѣе: онъ уже любилъ меня.—Я не понимаю, сказала мнѣ однажды Гортензія,—право, мнѣ кажется, что я никогда не выйду замужъ—Ричардъ все откладываетъ нашу свадьбу со-дня на-день, то у него нѣтъ позволенія отъ начальства, то онъ ждетъ согласія своей матери.

«Я по обыкновенію молчала. Весь домъ сдѣлался печальнымъ—Ричардъ потерялъ охоту шутить—Гортензія была тревожна, мать ея начинала безпокоиться.

«Однажды вечеромъ я переходила улицу, идя къ г-жѣ Лесфебюръ (гдѣ все еще оставалась постель моя), какъ молодой человекъ попался мнѣ на встрѣчу.—Сударыня!.. я узнала голосъ Ричарда— я задрожала, онъ взялъ мою руку—я не сопротивилась.

— Понимаете ли вы, что я уже раздумалъ жениться на Гортензіи? — Какъ! отвѣчала я, отдергивая руку.

«Признаться ли, что говорилъ онъ, шло мнѣ прямо къ сердцу. — Я хорошо понимаю, что вы сочтете поступокъ мой неблагороднымъ, продолжалъ онъ, но что дѣлать, я уже рѣшился; вамъ не угодно выслушать меня — Гортензія отъ этого ничего не выиграетъ; я ее любилъ... васъ люблю... но я люблю васъ въ тысячу разъ сильнѣе. — Послушайте! продолжала я замирающимъ голосомъ — прежде всего, я другъ Гортензіи; женитесь на ней, я не возвращусь туда болѣе; не хочу разстроить ваше счастье.

«Я живо возвратилась къ г-жѣ Лефевюръ. Утромъ написала я записку Гортензіи, что я больна; я ее не обманывала, потому что прошедшій день меня сильно поразилъ. Я страдала жестоко...

«Около вечера, въ комнату мою вошла г-жа Лефевюръ съ письмомъ въ рукахъ. Возьми, Маргарита: письмо это отъ сестры твоей.

«Въ первый разъ тогда я солгала — да, письмо это отъ сестры моей; сказала я, сламывая печать. — Но я знала, отгадала, предчувствовала, что оно было отъ Ричарда.

«Это письмо заключало въ себя отчаяніе, любовь, энергію, безнадежность. Я ничего не отвѣчала на него. На-утро, послѣ безсонной ночи, я открыла окно. Первый взглядъ мой упалъ на окно Гортензіи. Повѣрите ли, видъ этого окна не пробудилъ во мнѣ добрыхъ чувствъ, но возбудилъ только ревность.

«На другой день, какой-то господинъ спрашивалъ г-жу Лефевюръ, чтобы, какъ говорилъ онъ, поговорить о Гортензіи. Ее не было дома и человекъ въпустилъ его въ мою комнату.

«Едва затворилась дверь, какъ онъ бросился передо мной на колѣна — и былъ такъ краснорѣчивъ и страстенъ, что я не могла произнести имени Гортензіи. Я стала плакать, но слезы эти были скорѣе слезами радости, нежели горя.

«По моему смущенію, блеску глазъ моихъ, по нервному біенію сердца, особливо — по слезамъ, повялъ онъ очень хорошо, что я его люблю. — Какая неожиданная радость! вскричалъ онъ, совершенно потерявшись.

«Онъ цѣловалъ мои руки, припадалъ къ ногамъ моимъ.

Окно было полуоткрыто—онъ привлекъ меня къ окну, самъ не зная, что дѣлалъ.

«Увы! Гортензія была у своего окна—это былъ часъ, когда онъ приходилъ къ ней, она смотрѣла на улицу, какъ бы желая ускорить приходъ его.

«Вдругъ, желая сдѣлать мнѣ какой-то знакъ, она увидѣла насъ.

»Совершилось, она все поняла; вскрикнула и безъ чувствъ упала, у окна гдѣ такъ часто мечтала объ немъ, обо всѣхъ насъ. Бѣдная дѣвушка, такъ храбро сражавшаяся съ несчастіемъ, пала подъ тяжестію перваго удара, поразившаго ея сердце.

«Старая мать ея прибѣжала на крикъ; она подняла ее и перевесла на постель. Гортензія больше не вставала, съ-тѣхъ-поръ она стала призывать меня, потому-что послѣ жениха любила меня больше всѣхъ, она звала меня, чтобы поговорить о любви своей.

«Но когда я пришла, она посмотрѣла на меня съ горькой улыбкой оскорбленной дружбы. Я была какъ въ аду—страдала, какъ Дантъ во время мученій своихъ? — Гортензія, Гортензія, говорила я ей, чувствуя, что сама недостойна себя, это была только шалость, онъ не любитъ меня—я любила его прежде, но кланусь душой, я не люблю его больше.

«Гортензія меня не слушала.—Она прожила только 8 дней, 8 столѣтій для меня, въ продолженіе которыхъ она переходила отъ любви къ безнадежности, отъ мечты къ дѣйствительности.

«Она умерла.

«Была печаль, сильнѣе печали ея матерп—это была моя.

«Я во все это время не видала г. Ричарда. Узнавъ, что Гортензія смертельно больна, онъ отъ угрызений совѣсти сталъ играть. Черезъ три дни послѣ смерти, я пошла на кладбище, Ричардъ встрѣтилъ меня на улицѣ; я горло прошла мимо, онъ послѣдовалъ за мною, догналъ и опередилъ меня.

— Маргарита—я люблю васъ! сказалъ онъ мнѣ съ страстнымъ выраженіемъ.—А я, я презираю васъ, сказала я съ ужасомъ: вы убили кроткое созданье и ни разу во время болѣзни ея не пришли воскресить ее.

«Слова мои были жестоки.—Я убилъ ее! Нѣтъ, это вы убили ее, сказалъ онъ, силою останавливая меня: развѣ могъ я не забыть ее, увидѣвъ васъ? Развѣ могъ я устоять, видя въ глазахъ вашихъ любовь, слыша волненіе въ голосѣ, когда вы говорили со мною. Она умерла. Я потерялъ ее, но не васъ... Онъ сжалъ мнѣ руку и хотѣлъ увлечь меня. Я оттолкнула его со злобою: Убейте меня, но не прикасайтесь ко мнѣ! сказала я ему.

«Вокругъ васъ столпились прохожіе. Онъ не зналъ, что отвѣчать мнѣ; я поспѣшно ушла, сама не зная, куда иду. Моя сестра, думала я, одна только согласится меня выслушать.

«Беатриса жила недалеко; я нашла ее среди веселой и безумной молодежи... Помните ли вы, тамъ я увидела и васъ? Вѣрно я васъ хорошо замѣтила, потому-что узнала во время вашего странствованія по монастырю.

«Кто эта хорошенькая дѣвочка? спрашивали сестру при входѣ моемъ, потому-что я не имѣла ни изящныхъ манеръ, ни блистательной одежды. Я огорчилась—увлекла сестру въ сосѣдную комнату, и тамъ со слезами рассказала ей свое несчастіе. Она не поняла меня.

— Что это за страданія сердца? сказала она мнѣ весело, а ихъ не понимаю. . . . Ты была бы хорошею монахиней, прибавила она съ хохотомъ.

— Монахиней! вскричала я съ мрачною радостью — да, я буду монахиней; монастырь—лучше эгихъ удовольствій свѣта. И такъ, сказала Беатриса, ты вступаешь въ монастырь, если надо сдѣлать вкладъ, я готова: надобно же помогать родственникамъ.

Однако, прибавила она, размысли: монастырь темень: какое молчаніе, какіе мрачныя дни и ночи... О! ночи тамъ страшны и долги! Я не смѣю тебѣ совѣтовать, и лучше желаю бы раздѣлтъ съ тобою свѣтскія удовольствія. — Въ монастырь! закричала я съ увлеченіемъ и энергіею.

«Въ тотъ же вечеръ я представилась игуменьѣ кармелитокъ, зная, что эготъ монастырь самый мрачный. Она согласилась меня принять, съ тѣмъ, чтобы сестра внесла за меня девьги. Вы видите, что бынынѣмъ лъвушкамъ, безъ приданого, трудно не только выдти за мужъ, но даже понасть въ монастырь.

«Монастырская жизнь моя не богата приключеніями; иногда только я понимала ту небесную радость, которая насъ посѣщаетъ въ молитвѣ. Сначала, признаюсь въ своей слабости, мнѣ стало жаль моихъ платьевъ, но одно воспоминаніе о Гортензій, могло побудить меня всей душой предаться монастырю.

«Когда вы меня встрѣтили, я пересчитывала въ умѣ все грустное время моего пребыванія тамъ.

«Я такъ была истомлена этой жизнью, что спрашивала себя: достанетъ ли у меня силъ перейти въ новый монастырь? Я не рождена жить въ свѣтъ, но не рождена жить и безъ всякаго развлеченія.»

«Св. Тереза сказала: «счастливы тѣ, которыя раздвѣтаютъ только для смерти!» и сказала правду.» Такъ окончила Маргарита разсказъ свой. Морицъ выслушалъ ее съ грустнымъ участіемъ. Весьмъ извѣстный по своей храбрости, онъ не былъ чуждъ нѣкотораго суеврія.

— Удивительно! подумалъ онъ, смотря на блѣдную и печальную Маргариту; я самъ начинаю болѣть этого мрачнаго и роковаго обаянія ея красоты!

XXII.

ПРИЗРАКЪ.

Въ ту минуту, какъ Маргарита окончила свой разсказъ, Бетриза вошла въ комнату.

— Наконецъ-то! сказала она, увидя Морица Я пошла къ тебѣ на встрѣчу, но вышла довольно поздно, твой освободитель предупредилъ меня и лишилъ удовольствія, продолжала она комическимъ тономъ, самой освободить тебя изъ оковъ.

— Чтобы еще крѣпче заковать въ другія, сказалъ бы я, если бы претендовалъ на остроуміе, шеннулъ онъ, цѣлуя ее руки.

— Какъ я рада видѣть тебя снова свободнымъ, видѣть тебя вмѣстѣ со всемъ семействомъ моимъ, потому-что Клодильда никогда не будетъ сестрой моею... Кстати Морицъ, не пора ли въ Марви?

— Я уже распорядился. Черезъ часъ, моя коляска будетъ у подъезда.

Беатриса подошла къ Маргаритѣ, которая задумчиво сидѣла въ амбразурѣ окна.

— Будь немного повеселѣе моя бѣдная Маргарита, если мы ко всему еще будемъ отчаиваться, то пропадемъ совершенно. Право не о чѣмъ грустить. Кто знаетъ? Завтра, быть можетъ, мы будемъ богаты.

— Деньгами! грустно произнесла Маргарита.

— За что же ихъ такъ презирать. Деньги роса, в дѣя многихъ надежда.

Если отецъ призываетъ насъ, и мы будемъ получать 25 т. ливровъ годоваго доходу, кто знаетъ? Можетъ-быть Морицъ...

Беатриса покраснѣвъ, устремила глаза на Морица.

— Я понимаю тебя, любезная Беатриса, ты хочешь сказать, что я женюсь на тебѣ за богатство.

Если я это сдѣлаю, то развѣ въ крайней необходимости, не для себя, но для тебя. Ты вступишь въ свѣтъ. Но что такое нынче свѣтъ? Нынче катаются, курятъ, читають журналы? Прежде умѣли болтать, нынче....

— Читають журналы, сказала Беатриса, оканчивая фразу.

— Прежде щеголяли пріятностью манеръ, теперь...

— Пускають дымъ въ лицо дамъ...

— Прежде представлялись ко Двору, теперь...

— Взять верхомъ.

— Но развѣ для того, чтобы читать журналы, курить или смотрѣть какъ курятъ, кататься верхомъ, падо необходимо быть законною женой? Я говорю не для того, чтобы я не любилъ тебя. Пожалуй, я и женюсь, если ты хочешь сдѣлаться сестрой милосердія, раздавать милостыню въ Сентъ-Ронъ, составлять лотереи для бѣдныхъ и предаваться другимъ подобнымъ удовольствіямъ. Если ты меня послушаешься Беатриса, то останешься актрисой. Впрочемъ поступай какъ тебѣ угодно, но влеченію сердца и прихоти.

— Морицъ, ты меня не понимаешь! О! какъ бы я засмѣялась въ лицо тому, кто бы еще вчера заговорилъ мнѣ о замужествѣ! Но вчерашней Беатрисы уже нѣтъ, пожалѣйте о Беатрисѣ, игравшей на сценѣ, любите Беатрису, которая васъ любитъ. Ты мнѣ говоришь о свѣтъ, онъ не для меня. Вся

мои мечты, надежды, желанія, заключаются въ одной любви твоей, но въ любви безграничной, вѣчной, безпредѣльной...

Привратница доложила, что кучерь у крыльца.

— Возьмемъ Беатриса, мы поговоримъ дорогою.

Маргарита, пожалуйста мнѣ вашу ручку.

— Я пойду одна, сказала печально монахиня, вы знаете, что я всегда должна идти одна.

Въ этотъ день де Фаріэль около 2-хъ часовъ пришла въ замокъ де Марви. Де Парфондаль, дѣлавшійся все слабѣе и слабѣе, едва могъ ей улыбнуться, когда она подымала занавѣсы постели.

— Милая Регива, какъ я радъ, что еще разъ удалось мнѣ тебя увидѣть. Сейчасъ прочелъ я на лицѣ моего доктора, что я не переживу уже этой ночи. Благодарю Бога, что ты со-мною, я спокойно умру — когда я одинъ, мое бользненное раздраженіе представляетъ мнѣ безпрестанно роковые призраки... я боюсь ихъ, просто—теряю разсудокъ...

— Отецъ мой, сказала графиня голосомъ, заглушаемымъ рыданіями, я съ вами—не покину васъ ни на минуту, вы не увидите никого, кромѣ меня.

— Да, да, сказалъ онъ, прижимая руку ея къ сердцу—будете со-мною, потому—что мнѣ страшно—я боюсь бѣдной, безутышной Амаліи, которая машетъ на меня своимъ саваномъ... Съ-тъхъ-поръ, какъ эта бѣдная дѣвушка...

— Забудьте, забудьте ее! почему вы знаете, что это настоящая Клотильда? можетъ—быть, узнавъ тайну нашего семейства, актриса эта захотѣла только подурачиться, полюбоваться на ваше смущеніе...

— Нѣтъ! нѣтъ! сурово вскричалъ де Парфондаль, я узналъ ее по зеленымъ глазамъ!..

— Пожалуйста, сказала графиня съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, перестанемъ говорить объ этомъ...

— Но Клотильда и Маргарита—сестры ваши... развѣ бросивъ мать ихъ, я не долженъ былъ заботиться о бѣдныхъ дѣтяхъ?

— Положитесь на меня, сказала де Фаріэль, играя великодушіемъ, я буду заботиться объ ихъ. Вы знаете, какъ я лю-

бно бѣдныхъ. Для Клотильды и Маргариты кошелекъ мой не будетъ закрываться. Развѣ вы не знаете моего сердца?

— Пусть будетъ, что Богу угодно. Но кажется въ поступкѣ моемъ, я болѣе слушался голоса оскорбленнаго самолюбія, чѣмъ голоса сердца. Я отомщенъ жестоко, — но и оскорбленіе было сильно. .

Потомъ, послѣ нѣкотораго молчанія, графъ продолжалъ болѣе слабымъ голосомъ:

— Милая Регина, я не могъ передать тебѣ завѣщаніемъ всего, что имѣю, но по-крайней-мѣрѣ, я хочу обратить въ твою пользу законныя распоряженія: я написалъ вчера духовную, гдѣ я передаю тебѣ все мое недвижимое имѣніе — но я очень жалью, что полковникъ де Форжевилъ вчера не привхалъ. Но вотъ шкатулка, она заключаетъ въ себѣ 900 т. фр., которые ты получишь тотчасъ послѣ моей смерти.

Графъ показалъ на маленькій розовый ящичекъ между двѣя окнами.

— Что же до этаго замка, то его раздѣлять на равныя части, и это составитъ 75 т. на твою долю. Нужно-ли говорить, что если ты захочешь владѣть имъ всею, то тебѣ стоить только *задобрить* адвокатовъ сестеръ твоихъ.

Де Фаріэль, съ разсѣяннымъ видомъ, еще разъ переспросила отца о положеніи дѣлъ наследства, потомъ она сошла въ садъ, чтобы на свободѣ привести въ порядокъ свои мысли. Съ побѣдительнымъ видомъ пересчитывала она въ умъ все свои макиавеллическіе продѣлки, посредствомъ которыхъ она почти уже завладѣла наследствомъ, и мысль ея невольно перешла къ сожалѣнію о бѣдномъ Морицѣ, скучавшемъ въ Клиши.

— Никогда еще, сказала она сардонически, ни одна умная женщина не запутывала такъ своего обожателя въ свои сѣти.

Когда де Нарфондаль остался одинъ, онъ по обыкновенію обратился къ своимъ сладкимъ и печальнымъ воспоминаніямъ, которыя въ 20 лѣтъ только изрѣдка его покидали. Живя въ Марви, онъ мысленно все еще продолжалъ жить въ Бурбоне. Амалия, блѣдная, печальная, съ ребенкомъ у сердца, съ ребенкомъ на рукѣ — была постоянно передъ его глазами.

— О! какъ рана еще глубока! тихо простоналъ онъ.

— Я былъ жестокъ: я убилъ ея любовника, покинулъ ея, отвѣлъ у нея старшую дочь и оставилъ двухъ другихъ, когда онъ еще не повимали себя, на произволь судьбы.

Больной провелъ рукою по лбу.

— Что, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, если я ошибался, если любовникъ ея былъ только ея другомъ!

Графъ де Парфондаль взялъ кипу бумагъ семейныхъ дѣлъ, лежавшую у ногъ его, которую онъ часто перелистывалъ во время своего горя и отчаянiя.

— Если я ошибался! повторилъ онъ, отыскавъ копію съ письма Амаліи къ Пьеру Марьболту; вотъ что было писано наканунѣ роковаго дня:

«Пьеръ! я умираю, развѣ доктора еще не сказали вамъ этого? Но я не боюсь смерти—Пьеръ, потому-что сердце не умираетъ. Иреже, въ наши долгія прогулки по берегу пруда, вы часто говорили мнѣ о безсмертіи души — я слушала васъ — теперь я вамъ вѣрю всемъ существомъ моимъ; завтра, быть-можетъ, я буду лежать уже на кладбищѣ, но душа моя уже свѣтлѣетъ предчувствіемъ вѣчнаго блаженства; когда я умру, я не покину васъ, напротивъ—я буду еще ближе къ вамъ.

— Буду еще ближе! съ гнѣвомъ прервалъ себя графъ. Но, продолжалъ онъ хладнокровнѣе, они знали другъ-друга съ дѣтства, почему не простить ей этого выраженія?

Больной продолжалъ чтеніе письма:

«Кто знаетъ? Вы говорили мнѣ также о Метапсихосѣ, «той очаровательной фантазіи Пифагора. Вы не можете представить себѣ, въ сколькихъ восхищенныхъ образахъ представляю я свою душу, гдѣ не бываетъ она! но всего чаще я представляю себѣ, что я у той изгороди, гдѣ впервые увидѣла васъ.

Де Парфондаль остановился.

— До-сихъ-поръ нѣтъ ничего подозрительнаго. Поэзія сердца... не больше... Я поздно явился, чтобы осуществить ея мечты, она составила себѣ въ умъ иной міръ, и уже не могла выйти изъ очарованной черты... Посмотримъ конецъ.

«Вы видите изъ письма моего, что разсудокъ совершенно «покидаетъ меня, но что дѣлать, смерть дѣлаетъ насъ мечтательными!.. Пьеръ, у меня до васъ есть просьба! я не смѣю...

«боюсь! перо дрожитъ въ рукъ моеи... но къ чему скрыватьсь? Я прошу, умоляю васъ, придти на ферму во вторникъ или въ среду, если погода не позволитъ сдѣлать этого, во вторникъ. Тамъ въ полдень буду я въ послѣдній разъ—я скоро умру—и намъ надобно проститься. Узкая въ далекой путь, прощаются съ своими добрыми друзьями. Какъ же мнѣ не пожалѣть «руки моему лучшему, единственному другу? есть ли путь да-«же могилы?..»

Амалия.

— Единственному другу! прощенталъ графъ, отбрасывая письмо—она писала, не думая обо мнѣ. Но чѣмъ болѣе читаю это письмо, тѣмъ менѣе преступной кажется мнѣ Амалия.

Между-тѣмъ, едва де Фаріэль прошлась одинъ разъ по парку, какъ человекъ доложилъ ей, что ее кто-то спрашиваетъ у сада.

— Кто такой? спросила она.

— Незнаю сударыня, человекъ передалъ мнѣ то, что я сказалъ вамъ. Кажется, что общество, желающее видѣть васъ, боится обезчестить графа. Кажется, что это принцъ де Валь-десталь, потому что я узналъ его ливренъ.

— Вѣрно это онъ, подумала де Фаріэль, подходя къ калиткѣ, ведущей къ лѣсу. Что нужно отъ меня принцу? неужели онъ хочетъ предложить мнѣ свою руку?—о люди! люди! я получаю наследство—вотъ и женихъ; конечно и глаза мои нѣсколько...

Между-тѣмъ, какъ де Фаріэль съ волненіемъ шла по тропинкѣ, ведущей на большую дорогу въ Парижъ, другая женщина, съ волненіемъ едва ли не большимъ, переходила къ амен, шедшей къ замку.

Несмотря на то, что графиня запретила всемъ слугамъ допускать кого-бы-то ни было въ комнату отца, исключая Бомонскаго священника и доктора, когда Маргарита вошла въ переднюю и просила впустить ее къ де Парфондалю, никто не сталъ ей противиться, потому—ли, что приказаніе де Фаріэль было забыто, или потому, что мрачное оляніе Маргариты показало имъ, что она была изъ тѣхъ существъ, которыя должны быть пропускаемы всюду, гдѣ только страдаютъ люди. Человекъ даже проводилъ ее къ двери графа. Онъ ударилъ слегка три раза, никто не отпиралъ.

— Вѣрно, сказалъ онъ Маргаритѣ, спялка вышла куда нибуль, но все равно, вы можете войти. Если графъ почиваетъ, вы молча подождите пробужденія и помолитесь за него Богу. Если онъ проснулся, то скажите ему, что вамъ нужно. Маргарита поблагодарила его знакомъ и тихо вошла въ комнату.

Де Парфондаль спалъ,—она, на цыпочкахъ пошла къ его кровати, но видя, что онъ спитъ, она, не смотря на живѣйшее желаніе броситься въ его объятія, или вѣрнѣе на колѣна, отошла въ глубину комнаты.

Де Парфондаль былъ жертвою того тревожнаго забытья, когда безчисленные признаки обременяютъ воображеніе. Малѣйшія впечатленія принимаютъ тогда образы, воображеніе открываетъ пропасти, ползаетъ горы, вызываетъ мертвыхъ и хоронитъ живыхъ. Шторы были опущены. Пувцовыя занавѣсы остановили лучи солнца. Комната больного была въ какомъ-то полумракѣ, сообщавшемъ еще большую таинственность его видѣніямъ. Маргарита грустная, молчаливая, стояла въ глубинѣ комнаты между библіотекою и окномъ. Увидѣвъ ее, больной задрожалъ, онъ видѣлъ въ ней не болѣе, какъ знакомый призракъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, тысячу разъ видѣлъ онъ ее, то въ длинномъ, бѣломъ саванѣ, готовую упасть къ ногамъ его, то въ облакѣ, съ дѣтьми.

Въ этотъ разъ ему казалось, что онъ снова видѣтъ Амалію, но еще въ первый разъ подъ мрачнымъ покрываломъ кармелитки.

Маргарита, видя, что отецъ ея открылъ глаза, хотѣла подойти къ нему, но едва сдѣлала она одинъ шагъ...

— Нѣтъ! нѣтъ, съ ужасомъ вскричалъ де Парфондаль.

Маргарита остановилась, холодная, недвижная, какъ статуя. Больной смотрѣлъ на нее блуждающими глазами.

— Боже мой! все ли это еще ужасный сонъ!

Маргарита дрожа, подвинулась.

Де Парфондаль закрылъ лицо.

— О Боже, Боже мой! Неужели до самой могилы, суждено мнѣ страдать... Но, сказалъ онъ, поднимая голову: я дитя, испугался пустаго призрака.

Маргарита была въ двухъ шагахъ отъ кровати, она откинула покрывало.

— Амалія! Амалія! вскричалъ глухо старикъ, онъ вглядывался въ лицо монахини, которая была вѣрнымъ портретомъ своей матери: тотъ же взглядъ, та же пріятность, то же кроткое выраженіе.

— Амалія! развѣ ты не умерла?

Маргарита, задыхаясь отъ чувствъ, волновавшихъ ее, не могла произнести ни слова, она молча протянула руку графу, но больной, боясь тронуть за руку привидѣніе, забился въ уголъ кровати.

Маргарита въ отчаяніи не могла остановить своихъ рыданій, голосъ ея то же былъ похожъ на голосъ матери, и больному послышалось снова, что онъ слышитъ вопли Амаліи, въ часъ ихъ разлуки.

— Амалія, чего хочешь ты отъ меня?

Маргарита, не зная, что сходство ея съ матерью, произвело это недоразумѣніе, сказала дрожащимъ голосомъ.

— Для чего вы такъ жестоко отталкиваете меня? Что я сдѣлала?

— Что ты сдѣлала? Развѣ ты уже забыла свое преступленіе?

— Что вы говорите? Какое преступленіе?

Маргарита упала на колѣна передъ ложемъ отца, она протирала къ нему руки, и на одномъ изъ ея пальцевъ де Парфондадь замѣтилъ кольцо, которое долгое время носила жена его.

— Амалія! Амалія! скажи мнѣ, я тебя умоляю, что со мною говорить не призракъ, не мечта. Увѣрь меня, что это ты, ты сама!

Маргарита поднялась и снова протянула руку отцу.

— Не матушка моя передъ вами, а я—дочь ваша, Маргарита.

— Маргарита!

Больной открылъ свои объятія, монастырка упала къ нему на грудь.

Въ эту минуту вошла сидѣлка.

— Урсула, сказалъ больной, подними шторы и открой завѣски.

Сидѣлка исполнила и то и другое.

— Теперь ты можешь уйти, потому что я хочу быть одинъ.

Когда сидѣлка ушла, графъ схватилъ Маргариту за обѣ руки и смотрѣлъ съ радостнымъ выраженіемъ ей въ глаза, какъ будто счастье его должно было продолжаться не долѣе минуты.

— Ахъ! какъ ты похожа на мать. Я снова вижу ее, глядя на тебя, тѣ же голубые глаза, глубокіе какъ небо, то же ангельское, задумчивое выраженіе лица—я не вижу волосъ твоихъ, но увѣренъ, что онѣ русые; но дочь моя, ты въ такомъ нарядѣ, это покрывало, четки... неужели и ты умерла для свѣта, какъ мать твоя? О, какъ виноватъ я: одна съѣзжалась актрисой, другая пошла въ монастырь, и все черезъ мою ошибку.

Де Парфондаль упалъ отъ изнеможенія—но все не выпускалъ руки Маргариты.

— Батюшка, сказала она дрожащимъ голосомъ, какъ будто не смѣла произносить этого имени — я увидѣла васъ и этого уже довольно для моего счастья — я не жалею, къ чему обвинить васъ, если надъ моею колыбелью заблестала роковая звезда!..

— Обвиняйте меня, я былъ несправедливъ, жестокъ, но теперь я заглажу вину свою.

Вотъ завѣщаніе, которымъ я отказывалъ наслѣдство дочери, которая и безъ того богата, — посмотри, я рву его въ клочки.

Говоря это, графъ разорвалъ бумагу, выпнутую имъ изъ-подъ подушки.

— Не забудьте, сказалъ онъ слабымъ голосомъ, не забудьте, когда я умру—что въ шкатулкѣ этой, которая стоитъ на окнѣ, болѣе 900.000 фр.

Маргарита думала о монастырѣ.

— 900 т. фр., вскричала она совершенно обольщенная.

Всѣ искушенія свѣта живо представились ей въ мечтахъ. Чего нельзя сдѣлать на 900 т. фр.

XXIII.

ИСТОРИЯ Г-жи ДЕ ФАРИЭЛЬ:

Между-тѣмъ де Фаріэль все еще шла по тропинкѣ къ лѣсу.

Выйдя на большую дорогу, она при первомъ взглядѣ увидѣла прекрасную, легкую карету, запряженную парою англійскихъ лошадей.

Она не без удивленія подошла къ экипажу, который показался ей знакомымъ, только она не знала, гдѣ видѣла его; у отца ли въ замкѣ, или у себя въ Парижѣ. Подойдя ближе, она увидѣла гербы д'Орбессака, но она не узнала ихъ, потому-что до того не видала ни разу.

— Неужели это онъ! Нѣтъ! это не возможно, проговорила она съ внезапнымъ движеніемъ злобы и страха.

Но въ ту же минуту она замѣтила Морица и Беатрису, полу-закрытыхъ тѣнью деревьевъ. Она тихо прогуливалась, оглядываясь, идетъ ли де Фаріэль по дорогѣ изъ замка. Но они не замѣтили, какъ она подошла; де Фаріэль хотѣла сначала возвратиться въ замокъ, но потомъ разсудила, что благоразумнѣе узнать, зачѣмъ они пріѣхали. Ей хотѣлось въ то же время отгадать, какимъ чудомъ Морицъ вырвался изъ Клиши. По этому она сказала самымъ привѣтливымъ голосомъ.

— Ахъ! Боже мой, — вы здѣсь, какъ я рада, я все это время безпокоилась объ васъ, потому-что убѣжая во время свиданія съ вами, я замѣтила, что васъ обружила стража.

— О, Боже мой! насмѣшливо произнесъ Морицъ, послѣ почтительнаго и холоднаго поклона, я всегда зналъ, что женщины хитрѣе мужчинъ, но не всякаго Самсона можетъ покорить Дамила.

Де Фаріэль стала кусать губы, все еще показывая видъ, что она ничего не понимаетъ.

Она обратилась къ Беатрисѣ.

— Развѣ сегодня есть скачка въ Шантильи?

— Нѣтъ, сударыня, сухо отвѣчала Беатриса, сегодня въ замкѣ де Мрави есть умирающій; этотъ умирающій отецъ—вашъ и мой, и я пріѣхала помолиться за него.

Графиня пробовала улыбнуться.

— Знаете ли, что меня очень удивляютъ слова эти въ устахъ дѣвицы Беатрисы, которой одно слово заставляетъ смѣяться—весь партеръ на одномъ изъ самыхъ забавныхъ театровъ.

Беатриса гордо подняла голову.

— Сударыня, всякой играетъ на сценѣ того театра, къ которому принадлежитъ: вы избрали лучшій — и только! Но знаете ли вы, для чего я пріѣхала?

— Признаюсь, что я до-сихъ-поръ немогу принять за серьезное...

— Я не для того пріѣхала сюда, чтобы насмѣхаться, или жаловаться; хотя вашъ пріемъ довольно холоденъ, но видите я здѣсь, потому-что я ваша сестра и убѣждена, что и вы когда-нибудь согласитесь съ этимъ.

Морицъ отошелъ въ сторону, чтобы сестры могли объясниться на свободѣ.

Беатриса попросила графиню, проводить ее къ де Парфонда-лю, но напрасно было все краснорѣчіе сердца, которое отыскиваютъ всегда въ затруднительномъ положеніи, де Фаріэль холодно отвѣчала, что она никому на свѣтъ не позволитъ тревожить послѣднія минуты отца своего.

— Теперь, когда вы знаете мое рѣшеніе, прибавила она съ нетерпѣніемъ, что вамъ отъ меня угодно?

— Ничего, отвѣчала Беатриса съ едва замѣтной улыбкой, но знайте, что я задерживала васъ здѣсь только для того, чтобы сестра Маргарита имѣла время дойти къ отцу моему.

Де Фаріэль отпрыгнула, какъ раненная серна.

— Сестра ваша Маргарита пошла въ замокъ?

— Да, что же страннаго, что дочь влѣтъ проститься съ отцомъ. Когда вы пришли сюда, она уже была въ аллеи.

— Какое низкое коварство! вскричала де Фаріэль, скорыми шагами уходя къ аллеи.

Но Морицъ не хотѣлъ, чтобы она такъ рано помѣшала Маргаритѣ. Онъ пошелъ къ ней.

— Сударыня, сказалъ онъ съ почтительною сухостію, вамъ неприлично однѣмъ возвращаться въ замокъ. Позвольте предложить вамъ руку?

Де Фаріэль посмотрѣла на Морица, чтобъ увидать, не шутилъ ли это.

— Я не понимаю васъ, сказала она съ недоумѣніемъ.

Все желаніе Морица состояло въ томъ, чтобы какъ можно дольше задержать графиню, онъ просилъ ее съ вѣжливостію не отказать ему. Между тѣмъ, пока онъ упрашивалъ, а де Фаріэль отказывала, Беатриса уже приближалась къ замку.

Тогда графиня замѣтила, что уже нельзя было ничего перемѣнить и лучше всего оставить все на произволъ судьбы, которая до-сихъ-поръ не бывала ея врагомъ.

Она подала графу руку, а онъ началъ расхваливать ей прекрасное мѣстоположеніе Марви, старые дубы, лѣса, пруды, каскады, луга. Фаріэль его не слушала.

Беатриса все шла впередъ, Морицъ обѣщалъ ей постараться еще въ послѣдній разъ обратитъ сердце графини къ добрымъ чувствамъ.

Де Фаріэль, увидя, что она одна съ Морицомъ, предложила ему пройти къ замку паркомъ,—какъ женщина, она не могла отказать себѣ въ удовольствіи побыть нѣсколько времени съ любимымъ человѣкомъ.

Морицъ на это поклонился въ знакъ согласія. Едва вошли они въ паркъ, какъ Морицъ увидѣлъ прудъ.

— Не прокатиться ли намъ? спросилъ онъ у графини.

Она подошла къ пруду.

— А вотъ и чѣльн! сказалъ Морицъ, заноса одну ногу въ лодку, привязанную къ берегу. Онъ знакомъ пригласилъ туда графиню, она покраснѣла отъ одной мысли объ удовольствіи прокатиться съ нимъ—разсудокъ противился—но она съѣла.

— Вотъ околная дорога! сказалъ Морицъ, смѣясь, чтобы разогнать сомнѣнія смутницы.

Онъ отчалилъ; лодка выплыла на середину, Морицъ зналъ, что Маргарита въ это время уже должна была отстоять дѣло свое и сестры своей.

— Неправда ли, сударыня, что замокъ де Марви—одна изъ самыхъ пріятныхъ окрестностей—мы увѣжаемъ за сотни верстъ, чтобы любоваться утесами и прелестью природы, здѣсь въ замкѣ есть и другое: скала и каскадъ....

Морицъ остановился.

— Не бывала ли вы когда-нибудь въ Швейцаріи, графиня?

— Никогда, отвѣчала она.

— Удивительно, сказалъ онъ, смотря на нее испытующимъ взглядомъ,

— Что-же тутъ удивительнаго? спросила съ трепетомъ графиня.

— Да такъ, на дняхъ рассказывали мнѣ происшествіе, и бюсь объ закладъ, вы не отгадаете, кто именно мнѣ рассказывалъ! Это жидъ Соломонъ, вашъ знакомый...

— Я не люблю романовъ, сказала она, волнуя воду оконечності своего зонтика.

— Но это не романъ, а истинное провсшествіе. Послушайте. Де Фаріэль поблѣдывла.

— Послушайте сударь, намъ надо пристать къ берегу.

Въ самомъ дѣлѣ Морицъ плылъ все дальше и дальше, оставляя берегъ въ сторонѣ.

— Вы правы, сказалъ онъ голосомъ побѣдителя, но какъ же быть?

Часто ли случается вамъ путешествовать въ такомъ прекрасномъ обществѣ? почему не пожертвовать четверти часа на пріятную прогулку; но я вамъ не разсказалъ еще моей исторіи.

— Дайте мнѣ весла, посмотрите, какъ я хорошо ими дѣйствую!..

— Э! да кто же въ этомъ и сомнѣвается?

— Неужели онъ осмѣлится? подумала графиня.

— Фамплія моей героини.. но все равно, возьмемъ псевдонимъ... Г-жа де Ренневиль.

— Знаете ли, графъ, перебила его графиня, что шутка ваша переходить границы. Какъ можетъ благовоспитанный человѣкъ насильно принуждать даму кататься съ нимъ — и въ добавокъ, еще выслушивать свои бредни... Сказавъ это, графиня отвернулась. Морицъ продолжалъ рѣшительно:

— Вотъ моя исторія въ короткихъ словахъ. Г-жа де Ренневиль родилась быть прекрасною; въ этой женщинѣ умъ, или вѣрнѣе—расчетъ кокетства, такъ часто замѣняющій у женщинъ умъ, заглушилъ все благородныя качества. Про г-жу Ренневиль можно было сказать, что она никогда не была молода, молода, какъ понимаемъ это мы, то есть, рѣзва и беззаботна съ теплою вѣрою во все прекрасное. Для нѣкоторыхъ женщинъ жизнь заключается въ любви, другія сосредоточили ее въ искусствѣ—вравиться. А наша героиня не думала ни о чемъ, исключая красоты своей, красоты точно обворожительной. Когда она достигла того возраста, который называютъ возрастомъ разсудка, и въ которомъ женщина всегда отыскиваетъ пьедесталъ для красоты своей; (а пьедесталъ однихъ—любовь, другихъ—умъ, нѣкоторыхъ—интриги, немногихъ — добродѣтель;) г-жа де Ренневиль выбрала — деньги.

Де Фаріэль вскричала съ нетѣрпеніемъ:

— Перестанете ли вы, я уже сказала вамъ, что я васъ не слушаю.

— Что мнѣ до этого? сказалъ рязко Морицъ, я рассказываю это самъ для себя «чтобъ скуку разогнать пути» какъ сказалъ одинъ поэтъ.

Я продолжаю.

Въ 16 лѣтъ, когда сердце дѣвушки переходитъ отъ очарованія къ очарованію, отъ мечты къ мечтѣ... мечтала и г-жа Ренневиль; да она часто говорила сама себѣ: «когда мой отецъ умретъ, у меня будетъ 50 т. ливровъ доходу.»

Когда ей минуло 18 лѣтъ, двое предложили ей руку. Одинъ 30 лѣтъ и съ 600 т. франковъ, другой 50 лѣтъ и съ капиталомъ немного большимъ милліона, одинъ былъ хорошъ, ловокъ и готовъ разориться для малѣйшаго каприза обожаемой женщины, другой былъ скупъ и безобразенъ—это былъ г. Ренневиль, и она вышла за него.

Кончено, мужъ ея имѣлъ много достоинствъ — во времена Реставраціи. Онъ женился пятидесяти лѣтъ для того, чтобы чѣмъ нибудь да кончить.

Съ первыхъ дней супружества, г-жа Ренневиль пустила въ ходъ все обаяніе своего кокетства, чтобы незамѣтно довести графа до мысли написать духовную, въ которой бы жена была единственною наследницею всего движимаго и недвижимаго его имѣнія. Когда завѣщаніе было подписано, супруга обвила своими пухленькими ручками шею своего мужа и голосомъ, сладкимъ какъ любовь, прошептала: несмотря на твое распоряженіе, я чувствую... что умру раньше тебя! Мать моя умерла въ молодости!

Графъ пустился разувѣрять жену свою.

Черезъ три года они путешествовали по швейцарскимъ ледникамъ. Они поѣхали туда, по-просбѣ г-жи Ренневиль, которая желала подышать воздухомъ Альповъ.

Передъ отъездомъ изъ Парижа, графиня говорила одному молодому другу графа, протягивая ему руку: «Я улѣзжаю безъ васъ! но я надѣюсь, что мы будемъ путешествовать вмѣстѣ?» Въ одинъ вечеръ, изъ гостиницы Шамунійской, она написала небольшую записку, тому, съ кѣмъ такъ нѣжно простилась: «Завтра мы будемъ всходить на ледяныя высоты Альповъ. О! если-бы ты былъ со мною, я бы отдохнула на горныхъ вер-

«пинахъ—и тамъ, наконецъ, за преступную любовь къ тебѣ, я «искупила бы слезами у Бога прощеніе... потомъ бросилась «бы въ бездну... но увлекла бы съ собою и тебя»

На слѣдующее утро г-жа де Ренневиль точно отправилась въ путешествие, не чуждое опасностей.

Неохотно согласилась на эту прогулку мужъ, но можно-ли было отказать женѣ, она такъ умоляла! Онъ пошелъ и не возвращался болѣе!

Де Фаріэль уронила зонтикъ въ воду.

— Мой зонтикъ! вскричала она съ испугомъ, безъ сомнѣнія, чтобы прикрыть имъ свое волненіе.

— Ничего; сказалъ холодно Морницъ.

И продолжалъ разсказъ свой.

— Вечеромъ, г-жа де Ренневиль возвратилась одна въ гостиницу, полумертвая отъ ужасу.

Она призвала доктора и умоляла его открыть ей средство, чтобы умереть, потому-что, говорила она заливаясь слезами, я не въ силахъ пережить единственное существо въ мірѣ, къ которому была привязана.

На слѣдующій день она заговорила объ отцѣ и рѣшилась жить. Черезъ восемь дней она уѣхала въ Итацію, умоляя доктора, спасаго ее противъ желанія, написать къ отцу ея и нѣкоторымъ друзьямъ, что послѣ ужаснаго удара судьбы, ей необходимо уѣхать въ Ниццу, гдѣ благодатный климатъ можетъ быть побѣдить силу горя, но чтобы ее не ждали скоро въ Парижъ, потому-что она больна почти смертельно. «Чтобы не такъ сильно испугать ихъ, прибавила она, не пишите, отчего умеръ графъ, скажите пожалуй, что отъ апоплексіи!»

Въ Ниццѣ г-жа де Ренневиль искусно притворялась больною около шести мѣсяцевъ. Она встрѣтила тамъ нѣсколько знакомыхъ, и просила ихъ не спрашивать ее объ несчастіи, одно воспоминаніе о которомъ разстраивало еще незажившія раны ея сердца. Даже съ своимъ духовникомъ, котораго всегда имѣютъ при себѣ придворныя дамы, она почти не говорила о мрачныхъ подробностяхъ его смерти.

Между прочимъ, вотъ что разсказывалъ проводникъ, сопровождавшій на вершинну ледника графа и графиню.

Напрасно онъ предостерегалъ ихъ идти тихо. Графиня, казалось, была въ какой-то восторженности, бросалась то туда, то

сюда, то одна, то увлекая за собою мужа, рѣзвясь, какъ только-что выпущенная пансіонерка; едва дошли они до извѣстнаго мѣста, называемаго Рошъ де Пякъ, какъ она остановилась и поддозвола мужа, чтобы полюбоваться восхитительнымъ и ужаснымъ зрѣлищемъ, раскрывавшимся предъ глазами. Но едва вожка ея коснулась края бездны, она закричала. Ахъ! у меня закружилась голова и протянула руки впередъ, какъ бы желая за что нибудь ухватиться, графъ хотѣлъ ее поддержать и увести отъ пропасти, но графиня стала противиться и графъ упалъ въ бездну.

— Это пустой романъ! вскричала де Фаріэль, которая продолженіе всего разсказа не смѣла обратить глазъ на Морица и казалось, не слухала его.

Морицъ важно продолжалъ:

— Быть-можетъ, графъ потерялъ равновѣсіе, быть-можетъ и у него закружилась голова... быть-можетъ.... но кто-бы осмѣлился обвинять графиню.... Она такъ долго его оплакивала!

Между-тѣмъ, въ половинѣ зимы, въ Ниццу приѣхалъ и молодой другъ графа, онъ, какъ человекъ, напоминавшій графинѣ мужа, былъ допущенъ къ ней и злые языки заговорили, что она съ-тѣхъ-поръ успокоилась.

Возвратясь въ Парижъ, она бросилась во все развлеченія, стала ѣздить на все праздники, спектакли, балы; и какъ свѣтская женщина, вполне обратила всю свою любовь къ самой себѣ и лошадямъ своимъ.

Изявка только видалась она съ отцомъ своимъ — который нарочно для нея купилъ замокъ де Марви и поселился въ немъ, въ надеждѣ, что во время вдовства, дочь его вѣроятно согласится провести съ нимъ 6 или 8 мѣсяцевъ—но увы! ему едва-посвятитъ только 6 или 7 дней.

Графиню обвиняли въ томъ, что она имѣла любовниковъ. Въ числѣ самыхъ главныхъ полагали и принца де Вальдесталя, не потому, чтобы онъ былъ любезнѣе другихъ, но потому, что онъ былъ принцъ, а графиня желала бы сдѣлаться принцессой.

Скажете ли вы теперь, сударыня, что это пустая сказка?

— Такъ чтожъ такое, отвѣчала она съ худо-скрываемымъ волненіемъ, можетъ-быть это происшествіе... чего не бываетъ на свѣтъ? Сознайтесь однако, что вашъ кацканъ нѣсколько невѣжливъ.

—Зло за зло, добро за добро, графиня! Мы квиты. Вы засадили меня въ Клиши, гдѣ я слышалъ только одни проклятія. Вы прогулялись по моему желанію въ лодкѣ, и я рассказалъ вамъ кое-что изъ вашихъ историческихъ воспоминаній.

Де Фаріэль прервала Морица:

—Но чѣмъ же вы все это кончите.

—Я уже почти кончилъ. Женщина слаба и не можетъ въ отмщеніе—вызвать насъ на дуэль; конечно, умная изобрететъ другія, болѣе утонченныя средства. Но все это, однако-же не мѣшаетъ мнѣ находить васъ прекрасною, обожать ваши длинныя, густыя локоны, удивляться стройной ножкѣ, шейкѣ, которою позавидовала бы сама Діана, — ручкѣ...

Морицъ оставилъ весло, чтобы сжать руку графини. Онъ хотѣлъ изучить страсть во всѣхъ ея измѣненіяхъ, страсть, увлекавшую его къ де Фаріэль, обворожительной даже въ самомъ развратѣ своемъ.

Графиня подала ему руку, видя въ этомъ единственное средство, скорѣе причалить къ берегу, она обольстительно протянула свою шейку почти подъ губы Морица и она рассчитала вѣрно.

Въ самомъ дѣлѣ, Морицу трудно было управлять одною рукою, онъ присталъ къ берегу. Графиня поднялась и выскочила съ легкостью волшебницы. Морицъ выпустилъ ея руку.

Почувствовавъ себя свободною — она поспѣшила по дорогѣ къ замку.

—Я хотѣлъ только, сказалъ ей Морицъ, испытать, могу ли я сражаться съ вами...

Вы видите, я васъ знаю... знаю и ваши слабыя стороны... Когда вы найдете сестеръ вашихъ у постели отца, повѣрьте мнѣ, вы сдѣлаете прекрасно, если первыя раскроете имъ свои объятія.

— Никогда! закричала графиня.

—

XXIV.

ПИСЬМО АМАЛИИ.

Черныя тучи носились надъ лѣсомъ, порывистый вѣтеръ колебалъ столѣтніе дубы; была гроза — птицы безпокойными

группами прятались въ свои гнѣзда — ласточки порхали надъ прудами.

Де Фаріэль тихо взошла на крыльцо со стороны парка; обезсиленная грозой и предвѣдущею сценою, она уже не имѣла силъ *сражаться* даже въ дѣль наслѣдства, отъ котораго зависло ея будущее благосостояніе. Морицъ молча вошелъ за нею.

Въ передней встрѣтила она доктора.

— Мы должны ждать кончины сегодня послѣ обѣда, сказалъ онъ, склоня голову.

Разгнѣванныя небеса, не предвѣщаютъ ничего утѣшительнаго, тѣмъ болѣе, что свиданіе графа съ монахиней очень его разстроило.

Де Фаріэль одушевилась.

— Посмотримъ! сказала она съ новою вспышкой гнѣва, г. Деланпортъ, потрудитесь идти впередъ.

Докторъ повиновался.

Она пошла молча за докторомъ.

Морицъ за нею.

— Г. Морицъ д'Орбессакъ, сказала она, замѣтивъ это, я совершенно убѣждена въ вашемъ знаніи общежитія, а потому и не полагаю нужнымъ говорить вамъ, чтобы вы подождали въ салонъ.

— Г-жа де Фаріэль! надо уровнять оружіе. — Что могутъ сдѣлать противъ васъ двѣ неопытныя дѣвушки—безъ меня? Вы однѣ замѣните въ сраженіи двухъ мужчинъ.

— Теперь не время фразировать; я вамъ запрещаю сударь, входить въ комнату отца моего.

Говоря это, де Фаріэль разстала руки, какъ бы желая этимъ воспрепятствовать Морицу войти, онъ вѣжливо взялъ ее подъ руку.

— Зачѣмъ всѣ эти задержки, графиня, вы знаете, что намъ время дорого!

Они вмѣстѣ вошли въ комнату де Парфондала: больной сидѣлъ на кровати, слушая Маргариту, которая рассказывала ему въ короткихъ словахъ свою исторію.

Беатриса молча сидѣла въ ногахъ—еще незамѣченная имъ. Докторъ и священникъ стояли въ амбразурѣ окна.

Де Фаріэль поблѣднѣла отъ злобы, когда увидѣла руку Маргариты въ рукѣ отца.

Между тѣмъ несравненная красота Маргариты тронула ея сердце, почти нечувствительное къ красотѣ человѣческой. Но, не имѣя довольно силы помѣшать отцу, она подошла къ священнику, который ей поклонился.

Морицъ, какъ провинціалъ или артистъ, разсматривалъ картины, украшавшія комнаты.

Послышался шумъ кареты. Де Фаріэль подошла къ окну и узнала лошадей принца де Вальдесталя.

— Я немогу принять его, сказала она, возвращаясь къ постели больного.

Послѣ минутнаго размышленія, она подошла къ Морицу.

— Г. д'Орбессакъ, принцъ де Вальдесталь прихалъ ко мнѣ! будьте такъ добры, потрудитесь взойти въ залу и сказать ему, что я очень сожалею, что не могу принять его.

Эти слова — были словами мщенія. Де Фаріэль понимала, какъ приметъ принцъ отказъ изъ устъ Морица.

Морицъ не могъ отказаться отъ порученія, несмотря на то, что ему очень хотѣлось видѣть продолженіе этой сцены, въ которой до-сихъ-поръ онъ игралъ роль лица безъ рычей. Но онъ далъ себѣ обѣщаніе не долго говорить съ принцемъ. Они встрѣтились въ передней.

— Принцъ, сказалъ онъ холодно — если бы я былъ дома, то говорилъ бы съ вами отъ своего лица, какъ должникъ вашъ — за прогулку въ лѣсу; но сегодня дѣло не въ томъ, мнѣ поручено г-жею де Фаріэль сказать вамъ, что она не можетъ принять васъ!

Несмотря на свое германское происхожденіе, принцъ былъ не флегматикъ. Онъ худо управлялъ своими чувствами.

— Государь мой, сказалъ онъ — вы позабыли о моемъ вызовѣ?

— Какъ можно! отвѣчалъ Морицъ, дергая себя за бакенбарды: это уже рѣшено, завтра въ 7 часовъ, если вамъ угодно, я буду ждать васъ у Венсенской башни.

— Я не заставляю себя ждать! отвѣчалъ принцъ, надѣвая шляпу. Онъ вышелъ; графъ опять возвратился въ комнату умирающаго.

Беатриса приблизилась къ отцу.

— Ахъ! это вы, дитя мое, сказали больной, узнавъ ее, я умираю.... но счастливъ тѣмъ, что еще разъ вижу васъ...

Беатриса наклонилась, чтобы поцѣловать его руку, онъ при-
влекъ ее и поцѣловалъ въ лобъ.

— Батюшка! сказала она съ волненіемъ, Маргарита вѣр-
но уже сказала вамъ, что я принесла письмо отъ матери
нашей.

— Письмо отъ Амаліи! вскричалъ старикъ съ выраженіемъ
радости и отчаянія.

Де Фаріэль въ мнвуту подошла къ кровати и стала между
двухъ сестеръ.

— Это письмо nebudeтъ прочитано! сказала она рѣши-
тельно.

Всѣ посмотрѣли на нее съ недоумѣніемъ, особливо де Пар-
фондаль, который казалось сурово спрашивалъ ее: отъ чего-
же это?

— Письмо это не будетъ прочитано сегодня, потому-что
отецъ мой очень слабъ и я не позволю его подвергнуть но-
вому удару. Докторъ, который приблизился, казалось, одо-
бралъ ее.

— Но, дитя мое, сказалъ де Парфондаль, снова принимая
свой отеческій видъ, я нехочу ждать до завтра, чтобы про-
честъ письмо это. Богъ знаетъ, наступитъ-ли еще для меня
завтра! И такъ отдайте мнѣ, продолжалъ онъ, обращаясь къ
Беатрисѣ, ваше письмо!

Беатриса вынула изъ кармана завѣтное письмо, поцѣло-
вала его и молча передала больному.

Графъ задрожалъ и сжалъ письмо въ рукахъ. Слезы пока-
зались на глазахъ его, смертная блѣдность покрыла лицо.

— Амалія! Амалія! вскричалъ онъ голосомъ, прерываемымъ
рыдавіями, не ты была преступна, а я!

Онъ посмотрѣлъ на адресъ. До-сихъ-поръ онъ былъ убъ-
жденъ въ проступкѣ жены, но при взглядѣ на письмо это, онъ
почувствовалъ перемѣну на сердцѣ, онъ понялъ, что еще не
переставалъ любить Амалію.

— Господа, сказалъ онъ твердо доктору и священнику; вы
пользовались полною моею довѣренностію, поэтому вы можете
присутствовать при чтеніи.

— Да, да, сказала Беатриса съ одушевленіемъ, надо, чтобы весь свѣтъ узналъ, что мать моя невинна.

— О, да, отвѣчалъ больной; меня ослѣпила ревность — до сихъ поръ слышу я въ сердцѣ своемъ голосъ, умоляющій за г-жу де Парфондаль, покинутую мною. Это письмо гг., послѣднее прощаніе умирающей, напрасно обвиненной, оправданіе той, чьихъ оправданій тогда я не хотѣлъ слышать. Эти двѣ дѣвушки, которыхъ вы видите — мои дочери, потому что онѣ принесли мнѣ это письмо, изъ котораго хочу я почерпнуть оправданіе для ихъ покинутой матери.

Де Фаріэль, блѣднѣе смерти, подошла къ отцу и тихо сказала ему:

— Ваши чувства — увлекаютъ васъ до смѣшной крайности, можно ли вѣрить словамъ женщины, обманувшей васъ. Она обманывала васъ при жизни, почему же не обмануть и по смерти, на-примѣръ говоря, что это дочери ваши?

Де Парфондаль посмотрѣлъ на графиню, съ худо скрываемымъ неудовольствіемъ, печальное выраженіе показалось на лицѣ его, онъ приложилъ руку къ сердцу и тяжело вздохнулъ.

— Регина, тихо прошепталъ онъ, ты ли произнесла это? Размыслила ли ты, что говоришь о своей матери?

Какъ? ты сомнѣваешься въ ея добродѣтели? отказываешься вѣрить ей и за могилою?... Амалія! Амалія!

Де Парфондаль отеръ слезу и упалъ на подушки.

— А я, продолжалъ онъ замирающимъ голосомъ, клянусь, я повѣрю всему, что прочту въ письмѣ этомъ!

Грустное молчаніе царствовало въ комнатѣ, всѣ ждали съ безпокойствомъ *чего-то*, де Фаріэль уже не смѣла взглянуть ни на отца своего, ни на сестеръ, ни на Морица. Она подошла къ доктору, опустивъ глаза.

— Полагаете ли вы, сказала она, пряча лицо въ платокъ — что отецъ мой, безъ опасности можетъ выслушать письмо это? Не права-ли, это невозможно? Говорите, вѣдь вы отвѣчаете за его жизнь!

Докторъ былъ добрый человекъ, но слабый и не могъ ей противорѣчить.

— Ваша правда, графиня, онъ долженъ остерегаться сильныхъ ощущеній.

Де Фаріэль вздохнула свободнѣе. Въ это время Морицъ, слышавъ

шій слова доктора, подошелъ къ нему, взялъ его за руки и сказалъ тономъ челоуѣка, не привыкшаго, чтобы ему возражали.

— М. Г., я приказываю вамъ сказать, что письмо это можетъ-быть прочтено безъ вреда. Развѣ вы не слышали, что оно рѣшаетъ участь двухъ покинутыхъ сиротъ!..

Де Фаріэль бросила на Морица взглядъ гienы, но какъ Морицъ смотрѣлъ прямо въ лицо доктора, тотъ сказалъ:

— Мнѣ кажется, сударыня, что письмо это должно быть прочитано, какъ можно скорѣе.

Въ это время де Парфондаль разломалъ печать и бѣглымъ взглядомъ просмотрѣлъ весь страницы, но напрасно хотѣлъ онъ прочесть письмо, слабые глаза его видѣли почеркъ Амаліи, но немогли ничего разобрать.

Де Фаріэль подошла къ отцу. Последняя надежда улыбнулась ей; она могла настроить мысли отца по своей волѣ.

— Не хотите ли, батюшка, сказала она, я прочту вамъ это письмо, потому-что ваши глаза слабы.

— Это права, читай! Или лучше, продолжалъ онъ, обращай къ Маргаритѣ, пусть она сама прочтетъ!

Чтобы смягчить отказъ свой, онъ прибавилъ:

— У нея-же голосъ ея матери. Слушая ея чтеніе, я буду думать, что это говоритъ мнѣ сама Амалія.

Тогда, безъ словъ, съ отчаяніемъ въ душѣ, де Фаріэль отошла въ сторону. Она сожалѣла о своей нерѣшительности въ ту минуту, когда сражалась съ Морицомъ, держала письмо въ рукахъ и могла разорвать его или бросить въ огонь.

Между-тѣмъ, Маргарита съ величайшимъ благоговѣніемъ взяла письмо изъ рукъ отца; Беатриса, сидѣвшая у ногъ де Парфондаля, смотрѣла попеременно, то на него, то на Морица и сестру, и насмѣшливо слѣдила за блѣдною и отчаянною де Фаріэль.

Она съела у камня между священникомъ и врачомъ.

— Все-таки, думала она, смотря на ларчикъ изъ розоваго дерева—эти 900 т. фр. будутъ мои!

Маргарита до-тѣхъ-поръ стоявшая у кровати, бросилась на колына, чтобы читать письмо матери.

Никогда эта прекрасная дѣвушка, покрытая врачною одеж-

дою, не была такъ одушевлена; можно было сказать, что душа ея матери перешла въ ея взглядъ.

— Притомъ, утѣшала себя мысленно де Фаріэль, если онъ и признаетъ ихъ за дочерей своихъ — успѣетъ ли онъ слышать завѣщаніе! Быть-можетъ, онъ мнѣ же поручитъ исполнить его послѣднюю волю, и объявитъ это при нихъ!

Но она боялась болѣе всего, чтобы графъ не отгадалъ чувствъ ея, высказанныхъ нѣсколько раньше и такъ неудачно, въ сомнѣніи о невинности матери.

Маргарита прочла растроганнымъ голосомъ, прерывая слова свои, чтобы отирать слезы:

Парфондаль, январь 1822 г.

«Когда вы будете читать эти строки, я уже, можетъ-быть, буду давно въ могилѣ, но я увѣрена, что Богъ не допуститъ письму дойти до васъ слишкомъ поздно. Вы были жестоки, очень жестоки, когда не хотѣли выслушать моего оправданія: неужели мои слезы и горестъ не поселили въ сердце вашемъ ни малѣйшаго состраданія? Никакой суровый судья, если бы вы случайно подверглись его обвиненію, не оттолкнулъ бы васъ такъ жестоко. Въ душѣ моей, разбитой, разтерзанной, есть еще слабая надежда, что замогильныя рыданія мои смягчатъ васъ, вы не захотите помолиться за меня, но и не отгоняте мою душу, стремящуюся къ вамъ. О, графъ! графъ! если бы я имѣла силу высказать вамъ все, что у меня на сердцѣ: всю мою печаль, все отчаяніе, всю безнадежность! Никогда молодая женщина не умирала такъ ужасно. Вы отняли у меня Регину, но для чего не всѣхъ трехъ дочерей нашихъ? Что могу я сказать въ утѣшеніе этимъ бѣднымъ созданіямъ, плачущимъ у моей постели. Бывали примѣры, что отцы проклинали дѣтей своихъ, но былъ ли когда-нибудь такой жестокосердый отецъ, который-бы проклялъ своихъ дѣтей еще въ колыбели? Еще вчера вы играли съ ними при ихъ пробужденіи, съ какою любовью онъ улыбались вамъ? потому-что я передала имъ свое сердце, чтобы любить васъ...»

Де Парфондаль, задыхаясь отъ волненія, протянулъ руки къ Беатрисѣ. Обѣ сестры бросились вмѣстѣ въ его объятія.

Сцена была печальная, трогательная и возвышенная. Она

имѣла такой характеръ величія, что на щекахъ доктора показались слезы, а священникъ, которому казалось, что душа де Парфондаля отойдетъ въ этомъ изліяніи любви, благословлялъ его.

Одна де Фаріэль была чужда и нечувствительна ко всемъ этимъ возвышеннымъ чувствамъ, наполнявшимъ души всѣхъ присутствовавшихъ. Она медленно поднялась и отворила окно, проговоривъ:

— Какъ здѣсь душно!

Морицъ, который не упускалъ ее изъ вида, наблюдалъ за всеми движеніями этой женщины, которую пожирало сребролюбіе.

— Маргарита, сказалъ графъ, письмо это меня радуетъ, прочти мнѣ его до конца и потомъ перечти снова.

— Что продолжать мнѣ? шептала Маргарита.

Мгновенная краска выступила на лицъ ея по обыкновенію такъ блѣдномъ.

На лицъ де Фаріэль замѣтно было, что блеснула злобная радость.

— Что же, сказала она, почти увѣренная въ побѣду, читайте далѣе!

— Нѣтъ, отвѣчала Маргарита плача, я не буду читать его.

— Ну такъ я его прочту! сказала де Фаріэль, протягивая руку къ письму.

— Вы! вскричала Беатриса, сжимая письмо, нѣтъ, вы не имѣете права читать его.

Де Парфондаля съ безпокойствомъ смотрѣлъ на трехъ дочерей своихъ.

Сцена у постели умирающаго живо измѣнилась. Всѣ лица, которыя за минуту еще радовались счастливой развязкѣ, погрузились въ уныніе и безнадежность. Мрачная тишина настала въ комнату. Беатриса и Маргарита съ отчаяніемъ переглядывались.

XXV.

КОНЕЦЪ ПИСЬМА.

Морицъ взялъ графиню за руку.

— Если у васъ есть сердце, то вы не захотите, чтобы отецъ вашъ скончался съ чувствомъ ненависти къ вашей матери.

— Графъ, отвѣчала графиня, освобождая свою руку: письмо это написано для того, чтобы его прочли!

— Такъ ли вы думали объ этомъ третьяго дни?

— Положительныхъ мнѣній нѣтъ! Я даже удивляюсь постоянству, съ какимъ вы преслѣдуете меня. Сердце мнѣ продиктовало слова, сказанныя мною въ понедѣльникъ въ Елисейскихъ поляхъ: «я нехочу, чтобы мы видѣлись» — человекъ, который слышалъ ихъ, оставилъ у меня на сердцѣ живое воспоминаніе, онъ былъ очень похожъ на васъ, назывался тоже Морицомъ д'Орбессакомъ... но это были не вы!

— Въ понедѣльникъ, графиня, Морицъ д'Орбессакъ не встрѣчалъ сестеръ вашихъ, а онъ ихъ любитъ, можетъ-быть, даже потому, что онъ ваши сестры.

Все это было сказано чрезвычайно скоро.

Де Фаріэль, которая противъ желанія любила Морица, Морицъ, который самъ того не зная, нѣсколько любилъ графиню, почти позабыли, что драма остановилась у развязки.

Они были прерваны и снова обращены къ главной идеи сцены, словами де Парфондалла, который приказывалъ Беатрисѣ прочесть окончаніе письма.

— Слезы мѣшаютъ мнѣ читать, прошептала Беатриса.

Впрочемъ, сказала она, поклонившись больному, я исполню вашу волю.

Маргарита отошла отъ кровати.

Докторъ вынулъ свои часы, чтобы показать тѣмъ, что онъ не будетъ слушать семейной тайны. Де Фаріэль приблизилась къ отцу, оттолкнувъ Морица, который вздумалъ ее удерживать.

Беатриса продолжала чтеніе письма:

«Я преступна, графъ, но я была бы еще преступнѣе, если бы не призналась во всемъ! Я любила Пьера Марбольтя, любила до-тѣхъ-поръ, какъ вышла за васъ за мужъ, любила и послѣ замужества. Богъ ниспослалъ мнѣ эту любовь съ неба; обязанность супруги не могла истребить изъ сердца этой «пагубной страсти; но Богъ свидѣтель, что въ борьбѣ долга и страсти, я употребляла всѣ свои силы (силы женщины!), но я не могла ничего сдѣлать и наконецъ пала.....»

— Довольно! Довольно! не читай далѣе, вскричалъ де Парфондадь съ ожесточеніемъ.

— Но тутъ осталось всего двѣ или три строки, сказала де Фаріэль, которая никогда не оставляла оружія.

— Увы! вскричала Беатриса, роняя съ отчаяніемъ письмо на колѣна, и въ послѣднихъ строкахъ заключается не оправданіе, а просьба о прощеніи...

Съ больнымъ съдѣлся внезапный бредъ.

— Я знаю все, все знаю, кричалъ онъ съ ожесточеннымъ видомъ. Я видѣлъ какъ писала она письмо, я перехватилъ его изъ рукъ посланнаго. Амалія звала его въ маленькій замокъ отца своего, чтобы въ послѣдній разъ пожать ему руку. Я самъ отправилъ письмо это Марбольту. На утро, она ушла на свиданіе. Они встрѣтились въ Бетизиской аллеи. Я ждалъ ихъ тамъ, хорошо вооруженный, потому-что шелъ... на охоту. Они вошли вмѣстѣ въ маленькую комнату Амаліи. Какъ волкъ, прокрался я по слѣдамъ ихъ... Бѣдные, они не дѣлали тамъ ничего дурнаго! Амалія отдала Пьеру букетъ изъ колокольчиковъ, совершенно завялый.

«Возьмите Пьеръ, вы нарвали мнѣ цвѣты эти.» Онъ не отвѣчалъ ни слова.

«Пьеръ, Пьеръ, я умираю! сказала она. Не правда-ли? я «блѣдна? Не похожа-ли я на привидѣніе, вышедшее изъ могилы? «Да моя могила уже готова.» — «Я не переживу тебя, сказалъ «Пьеръ.» — «Нѣтъ! нѣтъ! живи, чтобы вспоминать обо-мнѣ!» «Сердце не умираетъ!—Наконецъ, если ты умрешь, что будетъ «съ этими бѣдными дѣвушками, кто будетъ любить ихъ?..»

— Кто будетъ любить ихъ? сказалъ графъ, прерывая самого себя: о сколько слезъ и страданій стоило мнѣ это слово!

Онъ продолжалъ все съ большимъ олушевленіемъ.

«Когда ты умрешь, сказалъ Пьеръ, я умру тоже. Мы будемъ тамъ вмѣстѣ!» Черезъ минуту Амалія поблѣнѣла еще болѣе:

«Пьеръ, Пьеръ, сказала она замирающимъ голосомъ, мнѣ «дурно... кажется, что я умираю!»

Пьеръ приблизился къ ней и принялъ ее въ свои объятія. Другъ, я преступна... напрасно искать искупленія вины моей!

Въ ту же минуту я показался на порогъ:

«Графъ! вскричала она съ ужасомъ. Она безъ чувствъ упа-

«ла на его руки. Я не произнесъ ни слова, но прицѣплялся. «М. г., сказалъ мнѣ твердо Пьеръ, убейте меня, если вамъ «это угодно, но берегитесь оскорбить умирающую женщину.» Раздался выстрѣлъ, г-жа де Парфондадь живо поднялась: «это поллюсть!» сказала она задыхаясь. Запахъ пороха привелъ ее въ чувство. Пьеръ Марболль мертвый упалъ на плиту.

Графъ остановился, и закричалъ съ отчаяніемъ.

— Смерть! смерть! повсюду страшная смерть, и я..

Потомъ онъ продолжалъ, какъ будто все еще говоря съ самимъ собою:

— Я не сказалъ ни слова: я лѣсомъ прошелъ къ замку, нисколько не беспокоясь объ Амаліи, которая сдѣлалась мнѣ больше, чѣмъ ненавистною. Она пришла въ замокъ послѣ меня. Берлинъ былъ уже заложень и ждалъ меня на дворѣ; она подошла ко мнѣ. Я молчалъ, ко мнѣ поднесли Регину, одѣтую по дорожному. Развѣ она тоже влетѣ? сказала Амалія съ ужасомъ.

— Да, отвѣчала Регина, потому-что ты больше не мать моя! — Я больше не мать ея!

Амалію унесли полумертвую и полуобезумѣвшую. Черезъ полчаса я сходилъ съ лѣстницы съ Региной. Дверь отворилась. Я въ послѣдній разъ увидѣлъ Амалію, державшую на рукахъ Клотильду и прижавшую къ сердцу Маргариту. О! какъ долго преслѣдовало меня это зрѣлище!

Она не сказала мнѣ ни слова.

Черезъ 8 дней я узналъ, что въ тотъ-же вечеръ она умерла. Вотъ и все! Маргарита, приблизьтесь.

Дѣвушка подошла къ больному:

— Вы, по-крайней-мѣрѣ, похожи на мать вашу.

Онъ посмотрѣлъ на Беатрису.

— А она, съ зелеными глазами...

Онъ приподнялся—испустилъ крикъ и упалъ на полушки.

Послѣдовало грустное молчаніе.

Де Парфондадь сталъ задыхаться. Докторъ подбѣжалъ къ нему и приподнял его голову.

— Отворите окно, закричалъ онъ.

Де Парфондадь испустилъ духъ.

Священникъ и Маргарита стали молиться. Беатриса опустила голову на плечо Моррица.

— Все кончено! сказала она, онъ умеръ, не признавъ насъ. Уйдёмъ!

Де Фаріэль позвонила.

— Сказать Бастьяну, чтобы онъ сходилъ за натаріусомъ и мѣстнымъ судьёю! Сказавъ это, графиня вышла, бросивъ на Морица торжествующій взглядъ.

Морицъ отвѣчалъ взглядомъ, который можно было бы перевести такъ: «выигрышь еще не вѣрентъ!»

Онъ увлекъ Беатрису къ окну.

— Для чего-же уѣзжать намъ? Отецъ не призналъ насъ, но въ глазахъ закона вы все-таки его дочери.

— Для чего? Если я не дочь де Парфондала, къ чему мнѣ его золото? Поѣдемъ. Она подошла къ Маргаритѣ и знакомъ просила ее следовать за собою.

— Я не пойду!

— Что же станешь ты дѣлать? молиться?

— Нѣтъ!

— Ты съ ума сошла?

— Нѣтъ!

Черезъ два часа д'Орбессакъ и Беатриса въѣзжали въ Парижъ, стараясь объяснить поведение Маргариты.

— Я понимаю ее, она тебя избѣгаетъ, потому что любитъ. Бѣдная дѣвушка! Съ самаго рожденія—она отвергнута всѣми. Что будетъ съ нею?

Что будетъ и со мною, грустно прибавила она, склонивъ голову на плечо Морица, у меня нѣтъ болѣе ничего, исключая любви твоей.

— Тѣмъ лучше, сказалъ Морицъ въ измѣненіи добрыхъ чувствъ. За то я твой на всю жизнь.

Говоря это, Морицъ съ жаромъ сжалъ руку Беатрисы.

Они пріѣхали къ ней:

— Какъ люблю я тебя, Беатриса, сказалъ Морицъ, какъ хорошо это удивленіе, оно лучше, чѣмъ весь ослѣпительный блескъ роскоши. Какъ хороша бѣдность той, которая такъ благородно отвергла весь сокровища, какими только могутъ располагать королевы Голконды и театровъ! Ты отослала своихъ лошадей — какая жертва! Но я не хочу, чтобы ты нуждалась, располагай моими. Я не богатъ, но все мое — твое. Мы будемъ счастливы, потому что счастье — въ любви нашей.

— Какой романъ въ двое сутокъ! сказала задумчиво Беатриса.

— Романъ, который окончится бракомъ, какъ водевиль. Надо попросить твоихъ водевилистовъ написать его.

Между тѣмъ, какъ Морицъ и Беатриса такъ мечтали о *будущемъ* счастьи... вотъ что происходило въ замкѣ де Марви.

Нотаріусъ, мирный судья и секретарь его пришли.

Священникъ и Маргарита молились.

Де Фаріэль пять разъ приходила, чтобы выгнать Маргариту, но видя ее постоянно печальною, блѣдною и прекрасною, она вспоминала о своей матери и уходила, не сказавъ ни слова.

Едва показался нотаріусъ, она побѣжала къ нему на встрѣчу.

— Тамъ, навѣрху есть монахиня, присутствіе которой мнѣ не нравится. Развѣ эта дѣвушка имѣетъ право оставаться здѣсь?

— Нѣтъ сударыня, отвѣчалъ Ружаръ, мы попросимъ ее перейти въ другую комнату.

Но на просьбу нотаріуса, Маргарита отвѣчала:

— Я имѣю право молягся Богу у постели мертваго отца моего.

— Еще одна! проворчалъ Ружаръ, который еще не позабылъ Беатрисы, этой, какъ онъ называлъ *злокачественной* комедьянтки, которая помѣшала ему составить хорошее завѣщаніе.

— Я очень хорошо понимаю, что сестрицъ моей г- жѣ де Фаріэль очень желалось бы остаться одной въ этой комнатѣ, потому что она тоже знаетъ, что въ этомъ розовомъ ларчикѣ 900 т. франковъ.

— 900 т. франковъ! вскричала де Фаріэль съ испугомъ.

— Да, мнѣ сказалъ объ этомъ *отецъ!*

— Но вѣдь есть завѣщаніе! сказала совершенно потерявшаяся графиня.

— Было, графиня! отвѣчала Маргарита, *отецъ мой* его изорвалъ!..

— Не вѣрьте ей, господа! она вовсе не дочь отца моего!

Нотаріусъ послѣ сцены завѣщанія зналъ, что де Парфондадь поклянулъ двухъ дочерей своихъ, но уже послѣ брака.

— Сударыня, сказалъ онъ, обращаясь къ де Фаріэль, если

завѣщанія пѣтъ, онѣ имѣютъ одинакое съ вами право на наследство.

— Де Фаріэль была поражена, какъ громомъ.

XXV.

ИГРА СУДЬБЫ.

Вечеромъ, въ 10 часовъ, Морицъ сталъ прогуливаться съ Беатрисой.

— Морицъ, мнѣ страшно одной!

— Завтра, послѣ 10 часовъ, я буду съ вами, чтобы уже не разставаться, но въ настоящую минуту мнѣ надобно идти въ Оперу, чтобы видѣть нѣкоторыхъ друзей!

Морицъ подѣловалъ Беатрису нѣжно и страстно. Онъ побѣжалъ въ Оперу.

— Я дерусь завтра! сказалъ онъ двоимъ изъ друзей—будьте моими свидѣтелями.

Онъ возвратился домой и написалъ завѣщаніе въ пользу Беатрисы и брата своего. Сестра его была замужемъ за миллионеромъ, почему онъ и оставилъ ей только семейныя вещи.

— Какая глупая мысль! сказалъ онъ, докуривая сигару и перечитывая завѣщаніе: неужели этотъ нѣмецъ убьетъ меня?

Богъ, какъ добрый отецъ посылаетъ намъ во время нашихъ величайшихъ страданій успокоительныя сновидѣнія, сладкія грезы. Часто случается на оборотъ, послѣ самыхъ счастливыхъ дней нарушаютъ покой нашъ смутныя, роковыя сны. Беатриса провела ночь безпокойную, но зато полную очаровательныхъ видѣній: двадцать разъ видѣла она Морица, улыбавагося ей, глядѣваго на нее взорами любви.

Она была пробуждена стукомъ, наскоро отворенной двери.

— Сударыня! сударыня! вскричала, подбѣжавшая къ ней, горничная, я незнаю, тамъ налѣстницѣ что то случилось!..

— Я не понимаю, что ты говоришь, сказала Беатриса, вставая.

— Я сама не понимаю. Тамъ говорятъ... толкуютъ; вѣрно

случилось какоенибудь несчастіе; слышите ли вы... плуть сюда.

Ужасное предчувствіе поразило сердце Беатрисы.

— Морицъ! вскричала она съ безпокойствомъ.

Она сироталась за завѣсу кровати, и живо набросила капоть.

Почти въ тоже время на порогъ показался Морицъ, поддерживаемый двумя свидѣтелями; онъ никогда не былъ такъ хорошъ, какъ въ эту минуту, когда смертная блѣдность покрывала его лицо благородное и печальное.

Беатриса бросилась къ нему на встрѣчу, она хотѣла прижать его къ сердцу, но отъ волненія утала безъ чувствъ на кресла. Потомъ вдругъ приподнялась.

— Морицъ! Морицъ! поговори со мною!.. что ты молчишь! хоть одно слово!

Морица положили на кровать Беатрисы.

— Что скажу я тебѣ? прошепталъ онъ, протягивая ей руки, что я скажу тебѣ... мнѣ остается жить такъ мало!..

— Умереть? нѣтъ, ты не умрешь!.. Беатриса бросилась на грудь къ Морицу.

— О Боже мой, сказала она съ изступленіемъ, онъ весь въ крови!..

Морицъ былъ раненъ у сердца. Беатриса положила свои руки на рану.

— Но это невозможно! Морицъ! Морицъ? ты молчишь... какъ онъ блѣденъ.... О, какой ужасный совѣ!..

Она обратилась къ одному изъ свидѣтелей.

— Г. Бланже, объясните мнѣ...

— Не опасайтесь ничего, сударыня, сейчасъ прійдетъ докторъ и вы повѣрите ему, когда онъ скажетъ, что рана эта хотя и опасна, но не смертельна.

— Не будемъ обманываться, сказалъ Морицъ съ своею очаровательной улыбкой, заслуга жизни — уметь умереть. Я прошу васъ только объ одной милости, не разлучать меня до послѣдней минуты съ милой Беатрисой, прекрасный образъ которой я увесу съ собою въ могилу. Если душа бессмертна, я не забуду ее и тамъ!

Морицъ потерялъ силы.

Трудно описать отчаяніе Беатрисы, она бросалась на постель, цѣловала руки друзьямъ его, умоляя его спасти, бро-

салась передь образомъ на колѣна и со слезами молилась Богу.

— Беатриса, прошептала умирающій, я сожалею въ жизни одну любовь твою, но я счастливъ, умирая вблизи тебя.

Ему было трудно говорить и потому онъ прерывалъ себя на каждомъ словѣ.

— Помнишь ли, Беатриса, нашу лѣсную прогулку, которую мы общали другъ другу напоминать вѣчно... ты спросила меня: «Ролриго, есть ли у тебя сердце?» Когда глаза мои закроются, когда духъ мой вылетитъ изъ груди, ты приложи свою бѣленькую ручку къ моему сердцу, и тогда поймешь, что я умеръ... но не умерла любовь къ тебѣ!

Морицъ опустилъ голову, какъ бы засыпая.

— О, если бы онъ могъ уснуть! сказалъ докторъ, который уже пришелъ, показавъ головою знакъ, что нѣтъ никакой надежды.

— Замѣтите, сказалъ онъ шопотомъ, показывая на часы...

— Скоро пробьютъ 10 часовъ.

— Что жь?

— Что? когда пробьютъ часы... Есть ли у него мать, сестра?

— Откуда же знать намъ это, сказалъ другой секунданта, разсѣдованный на судьбу за то, что она лишала его такого прекраснаго товарища.

— Когда было ему рассказывать намъ о семействѣ? Назадъ тому 10 лѣтъ, онъ прїѣхалъ въ Парижъ съ большимъ состояніемъ, но почти все промоталъ на женщинъ и лошадей. Я знаю только, что онъ былъ добръ и благороденъ—еще у него былъ какой-то братъ Рауль, отъ долговъ бѣжавшій сражаться въ войска Африки.

Эти слова были произнесены тихо, на другомъ концѣ комнаты, но умирающіе, въ высокій моментъ разлученія съ землею, все видятъ, все слышатъ.

— Кажется, сказалъ Морицъ, вы уже читаете мнѣ надгробную, но она несправедлива — въ ней много похвалъ. Въ бумагахъ моихъ найдется завѣщаніе въ пользу Беатрисы и брата.

— Вотъ, продолжалъ онъ, цѣлуя руку Беатрисы, глядѣвшей на него глазами полными слезъ, вотъ кто будетъ говорить мнѣ надгробную; она утѣшится, снова предастся удовольствіямъ

своимъ, но когда-нибудь, послѣ веселаго ужина, полнося къ губамъ покаянъ шампанскаго, она уронитъ туда слезу и быть можетъ, скажетъ со вздохомъ:

«Жиль Морицъ д'Орбессакъ, онъ умѣлъ любить!»

Свидѣтели подошли къ кровати.

— Я утѣшусь, я? о, нѣтъ Морицъ.., возьми меня съ собою въ могилу.

Раненный полукрылъ губы.

— Ахъ, Боже мой! вскричала Беатриса... блѣная дѣвушка поднесла руку къ сердцу жениха.

— Морицъ! Морицъ; ты говорилъ мнѣ, что твое сердце!

Она безъ чувствъ упала на трупъ.

. . . . .

Когда она пришла въ себя, коленно-преклоненная женщина молилась со слезами за упокой души усопшаго...

— Ахъ! сказала Беатриса: молись за него, но плачь обо мнѣ.

— Я плачу о себѣ! отвѣчала Маргарита.

. . . . .

Въ этотъ же день около полудня всадникъ, весь въ пыли, прискакалъ въ Марви.

Лошадь его была вся въ мыль и пѣнь.

Онъ соскочилъ на землю, привязалъ лошадь къ рѣшеткѣ парка и пошелъ къ крыльцу: де Фаріэль узнала принца.

— Простите меня, что я тревожу васъ въ такой грустный день: я узналъ о кончинѣ г. де Парфовлаля.

— Не случилось ли чего-нибудь? вашъ взоръ меня пугаетъ!

— Графиня, я прошу у васъ убѣжища, черезъ два часа меня будутъ преслѣдовать, за то что... неужели вы не угадали, я драмса съ д'Орбессакомъ...

Де Фаріэль поблѣднѣла, какъ смерть: въ эту минуту она замятила, что у нея было сердце.

— Вы его убили? спросила она съ отчаяніемъ.

Она немогла подавить перваго движенія сердца, но какъ женщина, владѣвшая своими чувствами, она скоро поправилась, въ головѣ ея мелькнула адская мысль: «Морицъ убить—принцъ живъ.»

— Войдите, сударь, сказала она съ вѣжливой улыбкой, изученной ею передъ зеркаломъ.

XXVII.

ТРИ СЕСТРЫ.

Маргарита всю ночь молилась за Парфондаля: возвратясь въ Парижъ на слѣдующій день около полудня, она нашла Беатрису, обезумѣвшую отъ печали и полагавшую, что ее живую или мертвую, снесутъ въ одну могилу съ Морицомъ, и снова должна была провести ночь передъ смертнымъ оловомъ.

Во время похоронъ д'Орбессака въ церкви св. Магдалины на колѣнахъ стояли три женщины.

Одна, боясь бытъ узнаною, была въ самомъ углу. Другая молилась у престола Божіей Матери и поддерживала третью на рукахъ своихъ.

Когда тѣло понесли на кладбище, послѣдняя испустила дикій крикъ и упала на плиты.

Въ тотъ же день г-жа де Фаріэль уѣхала въ Германію съ принцомъ де Вальдесталемъ, поручивъ сперва свое дѣло тремъ знаменитымъ адвокатамъ. Жестокосердая женщина была жестоко наказана Богомъ... она впервые начинала любить Морица...

Въ тотъ же вечеръ Маргарита старалась утѣшить Беатрису.

Но она даже не имѣла силы жаловаться. Молча, съ глазами полными слезъ, смотрѣла она на сестру.

— Маргарита, спросила она вдругъ, ты возвратишься въ монастырь?

— Нѣтъ, отвѣчала Маргарита.

— Ну... такъ я пойду туда!

— Беатриса! Беатриса—ты тамъ найдешь не смерть, а могилу!

— Мнѣ это и нужно! сказала Беатриса съ мрачною радостію. Когда ты была въ монастырь, то никого не оплакивала!..

— Я оплакивала моего единственнаго друга, котораго я убила!

— Друга? что такое другъ? Я буду оплакивать Морица.

Въ монастырь воздухъ могильный, я буду думать, что я съ Морицомъ!..

Маргарита вздохнула, вспомнивъ мрачную келью въ Вожи-

рарской улицѣ, Беатриса подошла къ окну и смотрѣла на сіявшія звѣзды.

— Тѣмъ болѣе, сказала она, я страшная грѣшница! можетъ быть, за мое раскаяніе Богъ позволитъ мнѣ тамъ увидѣть Морица.

— А я, думала Маргарита, я хочу жить новою жизнью. Я не такъ чиста, чтобы любить только Бога, я знаю, что я привязана къ землѣ!

— Ты знаешь, что у каждой изъ насъ по 500.000 фр. наследства отъ де Парфондаля, сказала она Беатрисѣ.

— Мнѣ оно не нужно—у меня есть наследство отъ Морица, но я не хочу ничего, кромѣ его лошадей, которые привезли его съ поединка... И такъ, милая Маргарита я отъ души передаю тебѣ мои права.

Не забывай меня среди свѣтскихъ разсѣяній!

Маргарита задумалась.

— Свѣтъ..., о какъ бы онъ увлекъ меня своими очарованіями... Когда я увидѣла Морица, я поняла, что еще не умерла, но Морицъ...

— Да, сказала Беатриса, я и забыла... но ты любила его не такъ, какъ я!

Беатриса казалось была поражена странною мыслию.

— Маргарита! я презираю тебя!

Маргарита подняла голову и съ удивленіемъ посмотрѣла на Беатрису.

— Не помышалась ли она—подумала монахиня.

— Да, да, я тебя ненавижу, презираю, продолжала Беатриса, за то, что ты любила его, а твоя любовь приносить смерть.

— Сестра!

— Да, твоя любовь мертвить. Въ ту самую минуту, какъ ты вошла ко мнѣ въ комнату, я почувствовала внезапную дрожь... это было прелчувствіе.

— Да, отвѣчала Маргарита съ отчаяніемъ, я всюду вносила печаль и несчастіе. Развѣ это правда, о Боже мой, что дѣти отвѣчаютъ за грѣхи матерей? Беатриса, Беатриса, я, а не ты, должна идти въ монастырь—наирасно ишу жизни, я всюду встрѣчу смерть!

XXVIII.

ПОСТРИЖЕНИЕ ВЪ КАРМЕЛИТСКОМЪ МОНАСТЫРЬ.

30-го июля, все Парижское духовенство собралось въ новый Кармелитскій монастырь, гдѣ должна была постригаться молодая дѣвушка.

Церковь была пуста, колокола торжественно звонили, возвѣщая вѣрующимъ, что заблудшая овца возвращалась къ своему пастырю.

Съ утра, двѣ кармелитки подошли къ дверямъ кельи той, которая должна была въ этотъ день посвятить себя Богу; молодая затворница, не отворяя дверей, просила ихъ оставить ее одну, до торжественной минуты.

Черезъ нѣсколько времени, кармелитки снова подошли къ кельи: они услышали рыданія.

— О Боже мой! говорила бѣдная дѣвушка, я недостойна любви Твоей, потому-что обратилась къ ней тогда только, когда оставила меня радость!

Одна изъ кармелитокъ постучалась въ дверь:

— Сестра! пора выходить.

Монахиня отворила дверь: я готова, сказала она.

Въ самомъ дѣлѣ, она была одѣта въ бѣлое платье и въ длинное бѣлое покрывало, какъ невѣста.

— Ахъ, сестра, какъ вы хороши.

— Младшая изъ кармелитокъ немогла удержаться отъ этого восклицанія. Бѣдная дѣвушка отвернула лицо.

— Да, да, грустно говорила она сама съ собою, я еще хороша—но никто, никто не увидитъ красоты моей, не исключая и меня.

Она взошла на хоры, гдѣ уже собрался весь монахиини. При ея вхождѣ все поклонилось въ землю.

Почтенная игуменья взяла ее за руку, привела въ церковь, и съ материнскимъ чувствомъ говорила ей о всѣхъ святыхъ радостяхъ, ожидающихъ ее, и упавшихъ на нее такъ внезапно, какъ залогъ благодати Божией.

Дѣвушка не отвѣчала ни слова. Она думала о смерти.

Когда она стала на колѣна передъ алтаремъ, окруженная

всѣми монахинями, въ церкви послышался внезапный шумъ. Вошелъ архіепископъ съ причтомъ, органы радостно приветствовали его приходъ; нѣсколько любопытныхъ, праздныхъ Парижанъ спорили за мѣста.

Это было, какъ будто какой-то праздникъ. Самыя затворницы, казалось, были вновь призваны къ жизни этою торжественностію, свѣтло горѣвшія свѣчи, золотыя облаченія духовенства и звуки органа и св. гимновъ возбудили въ сердцахъ самыхъ ревностныхъ монахинь какую-то дѣятельность, потому что эти бѣдныя сестры не пѣютъ даже католическихъ церемоній, для поддержанія своего рвенія. Онѣ молятся каждая по-рознь, въ мрачной молчаливой кельѣ.

Между тѣмъ, священникъ сталъ служить обвѣнью. Архіепископъ взомелъ на кафедру и произнесъ трогательную рѣчь. Но дѣвушку, казалось, она не тронула. Наступила великая минута, двѣ кармелитки взяли ее подъ руки и повели въ склепъ, она потеряла силу, потеряла волю... какъ ей было блѣднѣть, руки опустились. Всѣ зрители были тронуты до глубины сердца сочувствіемъ къ этому, еще не совсемъ распустившемуся и уже погребаемому, цвѣтку.

Священники соборомъ пропѣли: *Miserere*. Бѣдную дѣвушку положили въ гробъ. Когда ее покрыли саваномъ она не сопротивлялась, но когда до шеи ея коснулись холодныя ножницы, обрѣзавшія ея дивные волосы, она вздрогнула и тихій крикъ вырвался изъ ея устъ.

— Морицъ! Морицъ! прошептала она.

Въ это мгновеніе, можно было замѣтить двухъ женщинъ, одѣтыхъ съ большою щеголеватостію, нежели какой требовала важность мѣста, шумно вошедшихъ въ церковь и громко спросившихъ: началась ли церемонія.

Нѣсколько дней назалъ, около 11 час. утра, одна актриса бульварнаго театра, пріѣхавшая изъ провинціи, и оперная корифея, только что возвратившаяся съ водъ, вмѣстѣ подошли къ бывшей квартирѣ Беатрисы.

— Проходите!

— Послѣ васъ!

— Вы вѣрно идете къ Беатрисѣ?

— И вы тоже?

— Онѣ вмѣстѣ взошли на лѣстницу.

— Кого вамъ угодно? закричала привратница имъ вслѣдъ.

— Мы идемъ къ Беатрисѣ.

— Беатрисы нѣтъ больше. Она оставила театръ. Тенерь живетъ здѣсь мамзель де Парфондаль.

— Ахъ да, сказала Корифея, это не настоящее ея имя.

— Не ошибитесь дверями, продолжала привратница, въ пятомъ этажѣ.

— Что-бы это значило? спрашивала сама себя актриса, всходя по лѣстницѣ. Какая перемена!

— Да, сказала корифея, вчера у насъ въ фойе говорили объ этомъ. Кажется, она бросила своихъ любовниковъ, лошадей, экипажи, картины, брильянты. Какая глупость!

— Бросить своихъ любовниковъ, еще пожалуй, но лошадей... Кажется, мы уже въ пятомъ этажѣ? Что-то скажетъ она намъ?

Въ эту минуту горничная Беатрисы отворила дверь.

— Здѣсь, сказала актриса, я узнала Жульетту — и вооружилась въ комнаты.

— Постойте, кричала ей вслѣдъ служанка. Но она ничего не слушала и вошла въ маленькую спальню, гдѣ за нѣсколько недель, лежалъ Морницъ—мертвый.

За фортепьяно сидѣла молодая дѣвушка и разыгрывала *Серенаду Шуберта*.

Она была одѣта съ большимъ вкусомъ, свѣжестію и простою: темное фулярное платье съ плерезами, газовая косынка, небольшой батистовый воротничекъ, бѣлыя манжеты и шелковые полусапожки, вотъ весь ея нарядъ. Небольшой траурный токъ, прихотливо надвинутый на ея маленькую головку, дѣлалъ ее похожею на итальянку.

— Ахъ! милая Беатриса, какъ идетъ къ тебѣ трауръ! по комъ это?..

Она вдругъ остановилась.

— Извините сударыня, я думала... видѣть Беатрису.

Та, къ кому относились слова эти, была Маргарита де Парфондаль.

— Беатрису?.. развѣ вы не знаете... она поступила въ Кармелитки...

— Вы ошибаетесь сударыня, не Беатриса, а сестра ея въ Кар-

мелитскомъ монастырѣ, такъ, по-крайней-мѣрѣ, сама она часто говорила мнѣ.

Маргарита отвѣчала покраснѣвъ:

— Сестра Беатрисы... я.

Въ это время вошла и корифея, поговорившая съ горничною.

— Знаешь ли, сказала актриса, Беатриса въ монастырѣ?

— Да, да, Жульетта сказала мнѣ тоже самое, но мнѣ не вѣрится.

— Однако это истина, сказала Маргарита: я была послушницей, а она постригается. На дняхъ будетъ эта печальная церемонія, потому что Беатриса писала къ Архіепископу и просила его сократить срокъ ея послушничества.

— Это удивительно! такъ молода и идти въ монастырѣ. Людѣ мы пойдемъ на церемонію?

— Конечно! когда начнется эта трагедія?

— Въ 12 часовъ, отвѣчала Маргарита.

Когда онѣ ушли, Маргарита снова хотѣла играть, но подъ вліяніемъ печальныхъ мыслей, руки ея безъ силы падали на стонавшія клавиши. Маргарита думала то о сестрѣ, то о Морицѣ и самой себѣ.

— О еслибъ онъ любилъ одну меня! онъ бы не умеръ. Поздно заняла я мѣсто Беатрисы.

Глаза ея наполнились слезами.

Мы уже сказали, что въ минуту постриженія въ церковь вошли двѣ дамы: не трудно угадать, что это были актриса и корифея.

— Гдѣ же она сама? спросила корифея у молвившейся на-колѣнахъ дѣвушки.

Дѣвушка (это была Маргарита де Парфондаль), неподнимая глазъ, отвѣчала, что уже все кончилось. Подруги, небрежно расталкивая вѣрующихъ и опрокидывая стулья, пробрались на середину.

— Вотъ и наша блѣдная Беатриса, сказала одна.

Беатриса узнала знакомый голосъ.

— Гдѣ я? спросила она.

Казалось наминуту еще представилось ей все прошлое, и прошлая жизнь и прекрасное лицо Морица, но она твердо от-

толкнула прошедшее и встала, попирая ногами волосы свои, которые Морицъ такъ любилъ: теперь я чувствую, что я у пристани.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Отрывокъ изъ письма Маргариты къ Беатрисъ.

Сестръ Клотильда, въ Кармелитской монастырь.

«Вчера я была одна; печальная, по обыкновенію, я думала «о тебѣ. Не кажется ли и тебѣ, что мы съ тобою составляемъ «одно? Не я ли еще въ Кармелитскомъ монастырь? Не ты ли еще «живешь въ улицѣ de Provence? Клотильда, я не выѣхала изъ тво- «его дома, но переселилась въ первый этажъ. Суета суетъ! Я также «ваняла и садъ твой и это—то меня и заставило нанять большую «квартиру. Тѣмъ болѣе, что состояніе мнѣ это позволяетъ.

«Вчера еще, я сидѣла съ грустью, какъ мнѣ доложили о г. «Рауль д'Орбессакъ. Онъ вовсе не похожъ на Морица—даже «фамильное сходство очень слабо. Солнце Африки его совершен- «но закоптило. Онъ гордо носитъ крестъ, полученный имъ въ «последнемъ сраженіи, часто говоритъ также о своей лошади, «выносившей его невредимо изъ самой жаркой сѣчи. Но для «чего я говорю тебѣ все это? для того, что незнаю, какъ на- «чать говорить о важномъ.

«Онъ былъ очень грустенъ, и много плакалъ о своемъ люби- «момъ братѣ: «я пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы поклониться его «праху и распорядится съ наслѣдствомъ. Онъ зналъ о завѣща- «ніи, но не зналъ, что ты пошла въ монастырь. Я ему все раз- «сказала: Вы поймете, сказала я ему, что въ монастырь ей «нечего дѣлать съ деньгами. Она передаетъ вамъ всѣ права «свои.» — Надо уважить послѣднюю волю друга и брата моего, «отвѣчалъ онъ, я не возьму ни сантима больше того, что «назначилъ онъ мнѣ.

«Но у Беатрисы есть родныя... прибавилъ онъ.

—«Я одна-все ее семейство, отвѣчала я. Наслѣдство послѣ отца моего сдѣлало меня гораздо богаче, чѣмъ я надѣялась. «Я стоже, сказалъ онъ, удалился отъ свѣта—война въ Африкѣ была «моимъ Кармелитскимъ монастыремъ. Тамъ я простился съ «этою безумною жизнію, въ которой прошла моя молодость «Чтобы исполнить завѣщаніе, сказалъ онъ нѣжно, смотря на «меня, надобно, чтобы я и Беатриса наслѣдовали ему, мѣсто «Беатрисы замѣнили вы... если еще не поздно... я бы желалъ «просить вашей руки... я не могла отвѣтить ни *да* ни *нѣтъ*, «и онъ ушелъ полный надежды и снова придетъ завтра.»

. . . . . Маргарита де Парфонцаль.

Отрывокъ изъ письма Беатрисы къ Маргаритѣ.

17 апрѣля, 1846 г.

«Ты часто пишешь мнѣ сестра, но для чего напоминать «мнѣ о буряхъ моря, мнѣ, приставшей уже къ берегу. Для че- «го говорить о землѣ, которую я забыла для неба? Но что бы- «ло мнѣ и забывать тамъ, гдѣ я имѣла только одно твое серд- «це, непотерянное мною и теперь? Теперь я уже достигла той «божественной любви, которая наполняетъ мое сердце. То, «чего не могла ты найти въ кельѣ, я нашла. Богъ мой «всегда со мною, имъ бьется мое сердце, на него смотреть «глаза мои. Чго мнѣ за дѣло, что келья моя темна и мрачна. «Свѣтла душа моя и всюду свѣтло мнѣ.

«Сначала затворническая жизнь мнѣ трудною показалась, но «теперь я привыкла къ ней и люблю ее. Въ благодарность за «восемь дней любви Морица, развѣ нельзя на всю жизнь посвя- «тить себя Богу.»

«Выходи замужъ за Рауля; будь счастлива, я не буду зави- «довадь, потому что не променяю святое спокойствіе кельи на «всѣ удовольствія свѣта. Благодарю Бога, что онъ вложилъ въ «меня душу любящую, на землѣ я любила земное а теперь лю- «блю небо.»

«Прощай, я стану молиться за мать и Пьера Марбольта — «Богъ проститъ ихъ и перестанешь наказывать въ дѣтахъ. Ты «будешь счастлива, у тебя будутъ дѣти....»

«Я не смѣю молиться за Морица. Молясь за него, я какъ «будто сожалею о прошломъ. Нѣтъ! я благодарю его, потому

«что онъ избранъ былъ отъ Бога орудиемъ, цѣлю, которая привела меня бурными волнами къ стопамъ Создателя. Я имѣла силу расторгнуть цѣпь эту...

«Но къ чему обманываться? и на небѣ я люблю Морща!..»

Сестра Клотильда.

К О Н Е Ц Ъ .

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА.

ХИЛЬ ВИСЕНТЕ И ПОРТУГАЛЬСКИЙ ТЕАТРЪ.

Португальцы не хуже всякаго другаго народа надѣлены національнымъ самолюбіемъ; но они имѣютъ несчастную слабость пренебрегать богатствами своей литературы. Такимъ образомъ, Хиль Висенте, столь знаменитый въ XVI вѣкѣ, въ продолженіе слишкомъ двухъ столѣтій былъ въ совершенномъ забвеніи; а между-тѣмъ онъ до-сихъ-поръ первый и послѣдній оригинальный драматическій поэтъ Португаліи; никто послѣ него не воздвигъ зданія, достойнаго положеннаго имъ основанія. Произведенія его современника, Са-де-Миранды ни что иное, какъ рабскіе сколки съ образцовъ классической древности; *Инеса-де-Кастро* Антоніо Феррейры, народное по содержанию, но по плану и покрою произведеніе чисто греческое; эта болѣе изящная, чѣмъ патетическая трагедія — единственное произведеніе, на которое Португальцы указываютъ съ гордостью, когда хотятъ доказать иностранцамъ, что у и нихъ есть достойная драматическая литература. Наконецъ, какъ ни справедливо они гордятся мнимыми комедіями Хорче-Феррейры де Васконселось, (*Anulographia, Ulisippo, Eufrosina.*) полными ума и здраваго смысла, насмѣшекъ и правоученія, однакоже нельзя не согласиться, что эти комедіи столько-же похожи на драматическія сочиненія, какъ разговоры Лукіяна.

Между-тѣмъ какъ испанскій театръ былъ въ особенности богатъ народными произведеніями, съ самаго его начала до 1700 года, Португалія только изрѣдка покушалась состязаться съ сосѣдями. Она однако-же имѣла въ Хиль Висенте поэта умнаго и оригинальнаго, еще задолго до Сервантеса, Лопе де Веги и Кальдерона. До Сервантеса испанскій театръ былъ въ младенствѣ, и Хиль Висенте могъ быть его первымъ учителемъ. Многія сочиненія Хиль Висенте писаны на испанскомъ языкѣ; но испанцы никогда не хотѣли учиться у сосѣдей; и мудрено-ли, что они пренебрегли заслугами Хиль Висенте, когда сами Португальцы забыли его?

Монашеское сословіе изъ личныхъ видовъ должно было желать его забвенія; бѣлое духовенство и самое дворянство считали долгомъ раздѣлять вражду монаховъ. Хиль Висенте, не вдаваясь въ личности, былъ смѣлымъ, безопаднымъ сатирикомъ, онъ преслѣдовалъ пороки и слабости вездѣ и подъ всякою личиною. Всего болѣе доставалось отъ него духовенству; но онъ не оставлялъ въ покоѣ и подлаго сердца подъ золотою звѣздою; никакая власть, никакія почести не укрывали порока отъ бича его сатиры; не разъ поучалъ онъ и государей; но въ этомъ случаѣ слагалъ оружіе насмѣшки. Нѣтъ сомнѣнія, что внезапная пропажа его твореній вскорѣ послѣ втораго изданія, была слѣдствіемъ, если не формальнаго запрещенія ихъ инквизиціею, то возрастающаго ея вліянія. Не много было подражателей Хиль Висенте, да и тѣ не вмѣли его таланта и не оставили по себѣ слѣдовъ. Самое имя Хиль Висенте встрѣчалось только тамъ-сямъ въ лексиконахъ, какъ сильный авторитетъ въ пользу какого нибудь устарѣлаго оборота или въ запискахъ Лиссабонской Академіи; въ массѣ же народа его какъ не бывало. Европа, разумѣется, была въ такомъ же невѣдѣніи, до-тѣхъ-поръ, пока два, три нѣмецкіе критика не напомнили о немъ забывчивому потомству. А слѣдовало бы, кажется, Португальцамъ догадаться, что не могла его слава быть вовсе незаслуженною, если Эразмъ рѣшился изучить португальскій языкъ за тѣмъ только, чтобы читать его въ подлинникѣ.

Лѣтъ двадцать назадъ, Альменда Гарретъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ португальскихъ драматурговъ въ наше время, обѣщалъ новое изданіе Хиль Висенте, но другія литературныя

и политическія занятія отвлекли его отъ этого предпріятія, и наконецъ Баррето Фейо и Хозе-Гомесъ Монтейро предупредили его. Во время занятія Португаліи французами, въ Лиссабонской Библіотекѣ были только два экземпляра сочиненій Хиль Висенте, которые считались чрезвычайною рѣдкостью. Эти два экземпляра были перевезены въ Бразилію, откуда, въ 1814 году возвратился съ Брагантскимъ Домомъ только одинъ изъ нихъ; и къ сожалѣнію экземпляръ втораго изданія, 1585 года, искаженнаго духовною цензурою; даже библіографы не подозрѣвали существованія другаго экземпляра. Но Баррето Фейо и Гомесъ Монтейро случайно узнали, что въ библіотекѣ Гёттингенскаго Университета сохранился экземпляръ перваго изданія, 1561 года, менѣе искаженный. Съ этого экземпляра они перепечатали свое изданіе, которымъ воскресили одно изъ самыхъ замѣчательныхъ именъ въ литературѣ Европы.

Жизнь Хиль Висенте очень мало извѣстна. Барбоза Мачадо, сохранившій о немъ наиболѣе подробностей, говоритъ, что онъ принадлежалъ къ знатному дому, и родился, по вѣсѣмъ вѣроятностямъ, около 1480 года; на счетъ мѣста его рожденія много споровъ; одни утверждаютъ, будто онъ родился въ Гимараэсъ, другіе — въ Барселосъ, третьи — въ Лиссабонѣ. Сначала онъ изучалъ юриспруденцію въ Лиссабонскомъ Университетѣ, но скоро возненавидѣлъ этотъ предметъ. Въ то время Хуанъ де-ла-Энсіна восхищалъ испанскій дворъ введенными имъ пастораліями, которыя исполнялись въ присутствіи самаго отборнаго общества; успѣхи этихъ представленій побудили Хиль Висенте испытать свои силы на драматическомъ поприщѣ. Современникъ, Гарсія де Ресенде, въ своей поэмѣ *Miscellanea*, описывая роскошь двора короля Эммануила, съ осторгомъ отзываясь о его пасторальныхъ драмахъ, въ которыхъ, говоритъ онъ, Висенте превзошелъ самого изобрѣтателя, Хуана де-ла-Энсіна.

Уже въ 1502 году были представлены при дворѣ два такія сочиненія, слабыя, нестройные опыты, въ которыхъ Хиль Висенте рабски слѣдовалъ за своимъ испанскимъ образцомъ. Первое изъ нихъ ничто иное, какъ монологъ; говоренный авторомъ, въ нарядѣ пастуха, пробившагося локтями и кулаками во дворецъ, чтобы поздравить короля съ новорожденнымъ наслѣдникомъ, принцемъ Ю-

анномъ. Эта сцена была представлена во дворцѣ, нѣсколько дней послѣ разрѣшенія отъ бремени королевы доньи Маріи, въ присутствіи короля и его матери, доньи Беатрисы, которая была такъ восхищена этою новизною, что пожелала, чтобы таже пьеса была представлена въ сочельникъ передъ Рождествомъ Христовымъ, въ честь великаго праздника. Благочестивой Беатрисѣ казалось весьма естественнымъ славить рожденіе Спасителя тѣми же стихами, которыми воспѣвалось рожденіе ея внука; но Хиль Висенте взялся написать къ этому случаю другую пьесу, которую онъ назвалъ *Кастильянской эколою* (*Pastoril castillana*). Это произведеніе понравилось доньѣ Беатрисѣ еще болѣе перваго, и она просила автора написать третью на Крещеніе Господне. Написанная имъ по этому случаю пьеса, *Os Reis Magas, Цари—Волхвы*, не нова по изобрѣтенію, но была значительнымъ шагомъ впередъ. Скоро Хиль Висенте показалъ, чего можно было ждать отъ него; онъ не только оставилъ далеко за собою Хуана де-ла Эспину, что было не такъ трудно, но сумѣлъ выкупить смѣшной выборъ сюжетовъ, который должно приписать вкусу и наивному суевѣрію вѣка, комизмомъ и богатствомъ воображенія; въ этомъ ему едва ли найдется соперникъ между сочинителями *мистерій* и *правоученій*, (*mysteres et moralités*) у другихъ народовъ. Если онъ не первый, по времени, драматическій писатель Европы, то онъ безспорно первый далъ что-то похожее на правильную форму театральнымъ представленіямъ, первый сумѣлъ начертать характеръ, выдержать дѣйствіе. Драмы его испанскаго современника, Торреса Нохарро, сколько намъ извѣстно, никогда не были играны, ни въ Испаніи, ни въ Неаполѣ, гдѣ онъ въ первый разъ изданы, въ 1517 году. Сервантесъ, упоминая о немъ въ «Галатеѣ», не говоритъ о немъ ни слова въ своемъ комическомъ очеркѣ начала испанскаго театра; онъ вѣроятно зналъ его только по наслышкѣ. Трудно также предполагать, чтобы Хиль Висенте читалъ его. Кто прочтетъ того и другаго, убѣдится, что между ними нѣтъ никакого сходства, что они оба вполне оригинальны.

Португальскіе издатели упрекаютъ Хиль Висенте въ томъ, что онъ часть своихъ сочиненій писалъ на испанскомъ языкѣ. Но это было весьма естественно. Испанскій языкъ былъ въ модѣ въ Лиссабонѣ; онъ почти одинъ употреблялся при дворѣ;

тѣмъ болѣе, что первыя двѣ жены короля Эммануила были Кастильскія принцессы, третья была сестра Карла V; жена Иоанна III была также Кастильянка; какъ же было Хилу Висенте, трудившемуся собственно для увеселенія двора, не писать по испански? Историкъ Барроузъ въ своемъ *похвальномъ разговорѣ о португальскомъ языкѣ*, говоритъ, что Хиль Висенте находилъ испанскій языкъ болѣе гибкимъ, и болѣе удобнымъ для выраженія комическихъ и шуточныхъ идей; но, читая его сочиненія, каждый увидитъ неосновательность этого мнѣнія; многія изъ самыхъ серьезныхъ сочиненій Хиль Висенте писаны на испанскомъ языкѣ, а многія шутки на португальскомъ; нѣтъ сомнѣнія, что единственнымъ побужденіемъ его писать по испански было то, что этотъ языкъ былъ языкомъ придворнымъ.

Хиль Висенте, по словамъ Барбозы, былъ женатъ на какой-то доньѣ Бранхѣ Бесерра, и имѣлъ отъ нея двухъ сыновей, Хилу и Люиса, и дочь Паулу. Тотъ же Барбоза рассказываетъ, ссылаясь на Мануэля де Фариа — Э — Суза, что Хиль также посвятилъ себя драматической поэзій, и даже превзошелъ отца; приписываетъ ему множество сочиненій, изъ которыхъ называетъ только драму *Донъ Дуардосъ*, за которую будто бы отецъ, завидуя его дарованію, послалъ его въ Индію, гдѣ онъ погибъ въ войнѣ съ туземцами. Но позднѣйшіе критики доказали, что все это чистый вымыселъ, и что Хиль Висенте младшій никогда не существовалъ.

Посвятивъ много лѣтъ своей жизни на увеселеніе португальскаго двора, Хиль Висенте, казалось, имѣлъ право ожидать за свои труды вознагражденія, которое обезпечило бы ему скромное, но беззаботное существованіе; однакоже послѣ двадцати пяти лѣтнихъ трудовъ, года черезъ три послѣ смерти своего покровителя и друга, короля Эммануила, онъ уже жаловался на нищету. Еще позднѣе, когда моровая язва опустошала Лиссабонъ, и посѣтила его домъ, онъ писалъ графу Виміозо, которому король передалъ его прошеніе, горестныя слова: «Потому что я самый неискательный изъ королевскихъ слугъ, мною пренебрегаютъ; кто не наскучаетъ просьбами, ничего не получить; кто ждетъ безъ домогательства, будетъ вѣкъ терпѣть; кто не лѣзетъ безпрестанно на глаза, скоро забывается.» Далѣе онъ пишетъ, что трудится надъ прекрас-

ною комедією, подъ названіемъ. *Погони за тайнами* (а саза dos segredos), и что еслибы трудъ обезпечивалъ успѣхъ, и заслуги цѣнились, какъ слѣдуетъ, онъ не только имѣлъ бы чѣмъ жить, но могъ бы даже что нибудь подарить ближнимъ или завѣщать имъ по смерти. «Еслибы я поучился у Кастильянца Гонзало д'Алло, продолжаетъ онъ, я научился бы безстыдному пронырству, и былъ бы богатъ. Я болѣе чѣмъ когда либо желалъ бы сдѣлать угодное моимъ покровителямъ, но способности мои притуплены нуждою!» Сочиненіе, которое онъ представлялъ вниманію двора, никогда не было окончено, и никто о немъ не позаботился. Впрочемъ, нельзя упрекать дворъ въ равнодушіи въ такое время, когда чума раззоряла городъ; но забудемъ притомъ, что одного представленія комедіи могло быть достаточно для того, чтобы занести заразу и во дворецъ, потому что авторъ не только самъ ставилъ свои прозведенія, но даже, подобно Шекспиру и Мольеру, самъ игралъ въ нихъ главныя роли съ дочерью Паулою.

Въ *Португальской эклогѣ* (Pastoril portuzueg), Хиль Висенте также упоминаетъ о лучшемъ времени, когда онъ не былъ безъ гроша. Видно Іоаннъ III былъ не такъ щедръ, какъ его отецъ.

Всего страннѣе намъ кажется, что государь, учредившій въ Португаліи инквизицію, не только терпѣлъ Хиле Висенте, но даже поощрялъ его. Въ доказательство его уваженія къ поэту, стоитъ только привести весьма любопытный документъ, письмо, писанное послѣднимъ къ королю по случаю землетрясенія, бывшаго въ Португаліи въ январѣ 1531 года. Открытый, гордый языкъ его ясно свидѣтельствуетъ, что онъ считалъ себя въ глазахъ короля не просто царскимъ потѣшникомъ. Сантаремское духовенство, вмѣсто того, чтобы стараться успокоивать народъ, еще усиливало его волненіе, объявляя въ церквахъ, что это землетрясеніе было не физическимъ явленіемъ, а небесною карою, ниспосланною на Португалію Богомъ, за покровительство врагамъ вѣры. Нѣкоторые фанатики доходили даже до того, что предсказывали день и часъ, когда городъ подвергнется еще ужаснѣйшему землетрясенію. Крещенные евреи, противъ которыхъ изувѣры такимъ образомъ возбуждали народъ, разбѣжались во все стороны, чтобы скрыться отъ неистовой черни. Одно мужество Хиль

Висенте спасло ихъ. Онъ собралъ всѣхъ проповѣдниковъ въ монастырѣ св. Франциска, увѣщевалъ ихъ и внушилъ имъ болѣе христіанскія понятія о ихъ долгѣ; проповѣдники снова взошли на свои кафедры, «не затѣмъ уже, чтобы воздвигать гоненіе, говорить онъ, а чтобы поучать и увѣщевать народъ.» Смятеніе утихло и несчастные бѣглецы возвратились въ свои жилища. Человѣкъ, который дѣйствовалъ такъ смѣло, и имѣлъ такое сильное вліяніе на умы, который такъ благородно давалъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ суевѣрному государю, долженъ былъ крѣпко полагаться на его уваженіе и доброе расположеніе. Доказательствомъ, что король, не смотря на свою скупость, никогда не лишалъ его своего покровительства, можетъ служить и то, что нѣсколько лѣтъ спустя, Хиль Висенте вздумалъ посвятить ему собраніе своихъ сочиненій; изъ посвященія видно, что одно желаніе короля могло преодолѣть скромность поэта и побудить его издать свои творенія.

Смерть не позволила Хилю Висенте исполнить это намѣреніе. Барбоза утверждаетъ будто онъ умеръ до 1557 года, въ Эвирѣ, куда переселился вмѣстѣ съ дворомъ. Но этотъ годъ, очевидно, поставленъ по ошибкѣ вмѣсто 1537. «Если сообразить, говоритъ Монтейро, что Хиль Висенте писалъ письмо свое изъ Сантарема, въ 1531 году, уже на краю могилы, и что послѣднее его сочиненіе, *Садъ обмановъ*, принадлежитъ къ 1536 году, то покажется несомнѣннымъ, что онъ умеръ въ 1536 или въ слѣдующемъ году.» Къ тому-же Барросъ, въ своей *Бесѣдѣ о португальскомъ языкѣ*, напечатанной въ 1539 — 40 годахъ, говоритъ о немъ, хотя и неясно, какъ о человѣкѣ умершемъ.

Хиль Висенте похороненъ въ монастырѣ св. Франциска; на могилѣ его вырѣзали имъ самимъ сочиненную надпись: «изнуренный жизнью, только здѣсь, о прохожій, нашелъ я успокоеніе, и жду, когда пробьетъ часъ страшнаго суда. Когда хочешь знать меня, я былъ такой же человѣкъ, какъ ты, и ты скоро будешь подобнымъ мнѣ прахомъ, ибо все на свѣтѣ рождается за тѣмъ, чтобы умереть. Я могу тебѣ служить зеркаломъ; взгляни: и ты увидишь свой образъ.»

Въ которомъ бы году ни умеръ Хиль-Висенте, но не ранѣе какъ въ 1561 году дочь его, Паула Висенте, получила

отъ королевы Екатерины, управлявшей въ малолѣтство внука своего, донъ-Себастьяна, позволеніе напечатать первое полное собраніе его твореній. Это собраніе вышло только въ 1562 году, и издано сыномъ Хиль-Висенте, Люпсомъ; оно посвящено восьмилѣтнему королю. Если вѣрить издателю, донъ-Себастьянъ уже въ этомъ равномъ возрастѣ съ восхищеніемъ читалъ и смотрѣлъ драмы великаго поэта.

Люпсъ-Висенте говоритъ также, что не смотря на всѣ свои старанія, многихъ рукописей отца онъ никакъ не могъ отыскать. До насъ дошло сорокъ два сочиненія; двѣнадцать религиозныхъ драмъ (*autos*), четыре комедіи, десять траги-комедій, двѣнадцать шутокъ (*farças*), и нѣсколько стихотвореній и прозаическихъ статей. Впрочемъ, не должно искать въ этомъ дѣленіи слишкомъ большой строгости; многіе религиозные ауто Хиль-Висенте можно бы, пожалуй, причислить къ разряду фарсовъ. Простодушное благочестіе XVI вѣка не оскорблялось, когда сочинители мистерій и нравоченій искажали эпизоды изъ священнаго писанія самыми смѣшными и нелѣпыми вымыслами. Это было въ понятіяхъ времени, и всѣ драматическіе писатели раздѣляли ихъ; а Хиль-Висенте, сколько онъ ни превосходитъ своихъ предшественниковъ и сверстниковъ, все-таки еще принадлежитъ къ этому періоду драматическаго искусства. Какое вліяніе, благотворное или вредное, эти представленія могли имѣть на религиозныя вѣрованія, здѣсь разбирать не мѣсто; намъ остается только принять религиозныя драмы Хиль-Висенте, какъ они есть, въ томъ видѣ, какъ они игрались въ шестнадцатомъ вѣкѣ, передъ однимъ изъ самыхъ благочестивыхъ дворовъ въ Европѣ, передъ юнымъ государемъ, котораго усердіе къ религіи привело къ преждевременной смерти на Алькасеръ-Кебирскихъ поляхъ.

Около четверти сочиненій Хиль-Висенте писаны на испанскомъ языкѣ; около половины на португальскомъ; въ остальныхъ оба языка перемѣшаны. Въ *Ауто-да-Фе* (т. е. *драма о вѣрь*, (ибо въ то время инквизиція еще не была введена въ Португалію, и слово это еще не получило того значенія, которое имѣетъ нынче,) поселяне, получившіе первыя понятія о христіанствѣ, которыя «на ихъ твердыя головы падаютъ, какъ семя на камень,» выражаютъ свое изумленіе и не-

доумѣніе на народномъ испанскомъ нарѣчїи, а одна *опера*, поучая ихъ, говоритъ португальскимъ языкомъ; это любопытная черта патріотизма автора. *Auto-da-Fe* одна изъ немногихъ драмъ, которой издатели не назначили года; но при внимательномъ чтенїи ея не трудно узнать время ея сочиненїя: одинъ поселянинъ спрашиваетъ, сколько прошло лѣтъ времени рожденїя Мессїи; Вѣра отвѣчаетъ ему: «1510.»

Драма о св. Мартинѣ (*Auto da San Martinho*), сочиненная въ 1504 году, заимствована изъ извѣстной легенды, которою не разъ пользовались живописцы. Нищїи-калека, сидя на большой дорогѣ проситъ милостыню у прохожихъ. Проѣзжаетъ св. Мартинъ верхомъ съ тремя пажами. Нищїи обращается къ нему; но ни у святаго ни у его пажей нѣтъ денегъ; нищїи, привыкшїи къ подобнымъ отговоркамъ, не отстаетъ. Святой Мартинъ вынимаетъ мечъ, рѣжетъ пополамъ свой плащъ, и отдаетъ половину несчастному старику.

Вотъ вкратцѣ содержанїе *драмы о душѣ* (*auto da alma*): какъ путникамъ на землѣ, такъ и душѣ на пути ея въ вѣчность нужны гостиницы, гдѣ бы имъ отдохнуть отъ труднаго странствїя и подкрѣпить силы. Эта гостиница души есть Церковь; путниковъ принимаютъ четыре отца церкви Св. Августинъ, Св. Амвросїи, Св. Иеронимъ и Св. Тома. Одному ангелу-хранителю поручено вести туда душу; дорогою онъ ведетъ съ нею самую назидательную бесѣду. Къ несчастью, ангелу вздумалось уйдти впередъ отъ своей спутницы; дьяволъ, пользуясь этимъ случаемъ, старается соблазнить душу. Онъ льститъ ей, забавляетъ ее, надѣваетъ на нее богатые наряды, въ которыхъ ей трудно ходить, и она уже почти готова отказаться отъ продолженїя своего странствїя; но ангелъ-хранитель подоспѣваетъ къ ней на помощь, ободряетъ ее, убѣждаетъ идти далѣе, и приводитъ изнуренную въ гостиницу. Благодетельные совѣты святыхъ отцовъ и духовная трапеза, символъ св. Причастїя, подкрѣпляютъ ея силы; она скидаетъ съ себя пагубные наряды, и, полная умиленїя и искренняго раскаянїя, снова пускается въ путь. Всѣ труды искушителя были напрасны.

Эта аллегорїя, писанная для страстной недѣли, одна изъ немногихъ религіозныхъ драмъ Хиль Висенте, которыя сначала до конца сохраняютъ серьезный, поучительный характеръ; всѣ прочїя болѣе или менѣе перемѣжаются комическими

сценами и выходками. Комическій элементъ то сливается съ самыми высокими предметами, то служитъ контрастомъ слишкомъ глубокимъ мыслямъ; авторъ будто пускаетъ безразсудство въ борьбу съ мудростью, отдавая однако же всегда побѣду послѣдней. Иногда комическія сцены совершенно независимы отъ главнаго предмета.

Драма о царяхъ-волхвахъ, самое запутанное изъ произведеній Хилы Висенте. *Кастильская эклога* представляетъ борьбу чувственныхъ увлеченій съ божественными началами въ грубомъ умѣ. *Португальская эклога* (pastoril portuguez) писана для прославленія великаго таинства воплощенія Сына Божія; но это только предлогъ; содержаніе драмы составляетъ чрезвычайно любопытная, и довольно запутанная, картина сельской жизни, крестьянскихъ любовныхъ продѣлокъ, сплетеніе простодушныхъ, но тѣмъ не менѣе колкихъ замѣчаній, шутокъ и насмѣшекъ. Хиль Висенте нигдѣ не бываетъ такъ хорошъ, какъ въ описаніи крестьянъ: тутъ онъ даетъ полную свободу своему живому уму, онъ тутъ въ своей сферѣ; подумаешь, что онъ весь свой вѣкъ прожилъ въ деревнѣ. Принарядится его крестьянинъ, когда вздумается причудливой фантазіи поэта перенести его ко двору, или въ придворную церковь, но никогда праздничное платье не уничтожаетъ его смысленаго простодушія, его оригинальной прямоты.

Мопина Мендесъ также имѣетъ цѣлью прославленія Рождества Христова. Эта драма дѣлится на три части; предметъ первой части *Благовѣщаніе*; предметъ третьей рожденіе Спасителя. Между ними вставленъ эпизодъ вѣтренной пастушки Мопины Мендесъ, теряющей все стало своего господина. Этотъ эпизодъ не имѣетъ никакой видимой связи съ остальными двумя частями, кромѣ того развѣ, что Мопина разговариваетъ съ нѣсколькими пастухами, которые разставшись съ нею, ложатся спать, и ангелъ будитъ ихъ и возвѣщаетъ имъ рожденіе Мессіи. Въ первой и третьей части дивныя картины Богородицы, сопровождаемой вѣрою, благоразуміемъ, бѣдностью и скромностью. Не для большаго ли отгѣненія этихъ образовъ вставлена между ними причудливая, взбалмочная Мопина Мендесъ. Переносясь въ тѣ времена простодушнаго вѣрованія и поэтической фантазіи, не трудно представить себѣ, какое дѣйствіе мистеріи производили на зрителей. Читайте Висенте безъ

предубѣжденія; устранивъ на время опытъ трехъ вѣковъ, изучайте его съ такимъ же вниманіемъ, какъ стали бы, на-примѣръ, изучать вторую часть *Фауста*, представляющаго много сходства съ старинными мистеріями, и вы не будете жалѣть о пожертвованномъ на нихъ времени. Переводить Хиль-Висенте, къ сожалѣнію, почти не возможно; никакой переводъ не передастъ, на-примѣръ, дивнаго лиризма Кассандры.

Еще полнѣе лиризма драма *Четыре времени года* (*Os quatro tempos*), сочиненная также къ Рождеству, по желанію сестры короля Эмануила. Эта пьеса открывается прологомъ, въ которомъ серафимъ возвѣщаетъ одному изъ архангеловъ и двумъ ангеламъ роженіе Искушителя; за тѣмъ всѣ четверо сходятъ на землю, и поклоняются святому Младенцу въ ясляхъ. Потомъ, приходятъ другъ за другомъ, поклониться воплотившемуся Богу, четыре времени года: зима, въ видѣ грубаго, дурно одѣтаго крестьянина, дрожащаго отъ холода; весна съ пѣснью радости и любви, смѣется надъ сухопарымъ, загорѣлымъ лѣтомъ, которое можетъ служить только пугаломъ для птицъ; лѣто отвѣчаетъ насмѣшками надъ молодостью весны и ея скоротечнымъ цвѣтомъ; осень, степенный, сельскій мудрецъ, довольный всѣмъ, прекращаетъ споръ, посовѣтовавъ каждому заняться своимъ дѣломъ, и не биться изъ пустяковъ. Въ заключеніе Юпитеръ возвѣщаетъ совершенное паденіе боговъ Олимпа, въ дивномъ гимнѣ, напоминающемъ знаменитую оду Мильтона, написанную почти цѣлымъ столѣтіемъ послѣ Хиль-Висенте.

Въ 1517 году явилась *Ладья ада*; она представлена для утѣшенія благочестивой Доньи Маріи, третьей жены короля Эмануила, страдавшей жестокою болѣзнію, отъ которой и умерла въ томъ же году. Это забавное, остроумное сочиненіе, нерѣдко выходящее изъ границъ благопристойности; вообще странное утѣшеніе для умирающей. Оно составляетъ собственно только первую часть религіозной драмы, которой вторая и третья части были играны въ придворной церкви.

Хиль Висенте, трудясь для увеселенія двора, не могъ совершенно отказаться отъ лести; но искусство его въ этомъ дѣлѣ далеко уступаетъ его откровенности въ осужденіи и сатиры. И въ этой пьесѣ нельзя не подивиться его смѣлости; но

еще гораздо поразительнѣе она въ другой пьесѣ, въ *Ярмаркѣ*, (*auto da feira*), писанной гораздо позднѣе, въ 1527 году.

Въ прологѣ, вложенномъ въ уста Меркурія; онъ осмѣиваетъ гаданіе по звѣздамъ и знакамъ задиака, одно изъ суевѣрій, бывшихъ въ наибольшемъ ходу въ его время. Хиль Виценте преслѣдовалъ всѣхъ шарлатановъ; преимущественно же приписывавшихъ себѣ могущество, въ которомъ отказано человѣку.

Вотъ содержаніе *Ярмарки*. Въ праздникъ Рождества Христова при дворѣ Португальскомъ, происходитъ ярмарка, не простая торговая ярмарка, а ярмарка духовная. *Время*, первый торговецъ на этой ярмаркѣ; оно выложило всякаго рода добрыя качества: справедливость, истину, терпимость, здравое сужденіе, страхъ Божій. Мало покупателей въ лавкѣ *Времени*, хотя оно отдаетъ свой товаръ за безцѣнокъ, даже просто даромъ. Но рядомъ съ временемъ открылъ лавку сильный соперникъ, дьяволъ. — Онъ раскладываетъ только свои безчисленные товары; все тутъ есть: всякаго рода мошенничества; зелья для забвенія того, чтобы слѣдовало-бы помнить; духи и притиранія для женщинъ; средства вести распутную жизнь. *Время* оспариваетъ право нечистаго сосѣда торговать на ярмаркѣ; дьяволъ поддерживаетъ свое право съ ловкостью и хитростью достойною старшины защитниковъ нечистыхъ дѣлъ. Онъ чванится, хвастаетъ своими знатными связями, дружбою съ богатыми и сильными.

Является *Римъ*. «Его мнѣ только и нужно» говоритъ дьяволъ съ злою усмѣшкою. «Знаю какъ онъ торгуетъ. Друзья измѣнили ему, онъ и пришелъ покупать миръ, истину.»

Какъ не смѣяться дьяволу, когда *Римъ* принужденъ покупать истину. Онъ безъ обиняковъ говоритъ ему, что ему некуда будетъ дѣваться съ истиною; а что онъ, дьяволъ, отложилъ для него славный товарецъ, двадцать тысячъ новыхъ лжей; что вотъ ужъ подлинно по немъ товаръ; и дешево продастъ своему старому куму и благопріятелю. *Римъ* отвергаетъ предложеніе сатаны, по причинамъ, которыя Хиль Виценте, не смотря на свою дерзость и на покровительство короля, едва ли посмѣлъ бы привести, если-бы португальскій дворъ не былъ въ то время въ ссорѣ съ папою. «Знаю, ты держишь этотъ товаръ, отвѣчаетъ *Римъ*; но, къ несчастью, я

уже слишкомъ много накупилъ этой дряни. Я промѣнялъ любовь Божью на ложь, страхъ Господень на его гнѣвъ; взамѣнъ моей доброй славы, моего святаго блаженства, ты подавалъ мнѣ тысячи подлыхъ ухищреній. Я сбросилъ съ себя всѣ свои добродѣтели, и облекся въ одни пороки.» Подобныя выходы можно отыскать развѣ только въ ѣдкихъ комедіяхъ, внушенныхъ реформаціею.

Вотъ главная мысль этой любопытной драмы. Она обставлена очаровательными картинами сельскаго быта, въ которыхъ авторъ бичуетъ вправо и влево, нещадя никого. Такъ, напримѣръ, два поселенина идутъ на базаръ, и дорогою бесѣдуютъ о своихъ семейныхъ дѣлахъ. Одинъ изъ нихъ надѣется сбыть свою жену. По словамъ его, это сущій чертъ; до свадьбы его увѣрили, что она слаба здоровьемъ, чуть не чахоточная, а вмѣсто того она жирѣетъ съ каждымъ днемъ, и до того загонала его, что на немъ только кости да кожа. Спутникъ его также недоволенъ своею сожительницею, глупою сонею, которая даетъ кошкѣ утащить рыбу изъ похлѣбья, потому только, что лѣнь ее отогнать; онъ охотно бы промѣнялъ ее на дѣятельную жену, хотя бы пришлось сносить отъ нея побои. Между тѣмъ, подходятъ ихъ жены, и оба прячутся за кусты, чтобы подслушать ихъ разговоръ; вслѣдствіе этого промѣнъ не можетъ состояться; крестьянинъ, желавшій дѣятельной жены, находитъ такую въ женѣ своего товарища, но отказывается отъ нея, услыхавъ, что она готова продать мужа самому чорту. Надо читать подлинникъ, чтобы имѣть понятіе о живомъ комизмѣ этихъ сценъ, о мѣткости замѣчаній и насмѣшекъ крестьянъ и крестьянокъ, насчетъ странныхъ товаровъ, продающихся на базарѣ. Дѣвушки въ отчаяніи; на что имъ добродѣтели, онѣ на нихъ и не смотрятъ. Одна изъ нихъ отвѣчаетъ серафиму, отъ имени своихъ подругъ что въ деревнѣ на добродѣтель хлѣба не купишь, женщиха не достанешь; а будь дѣвушка съ деньгами и хорошенькими глазками, всегда найдется женихъ. Другая, болѣе благоразумная дѣвушка, говоритъ, что пришла на базаръ, потому что знала, что нынче праздникъ Богородицы, которая свою благодать не продаетъ, а раздаетъ даромъ каждому по заслугамъ. Это нравоученіе и гимнъ въ честь Богородицы заключаютъ драму.

Въ заключеніе обзора религіозныхъ драмъ Хиль Висенте,

назовемъ еще драму о *грѣхопаденіи и искупленіи*, въ которой много прекрасныхъ, истинно драматическихъ мѣстъ, и драму о *Капанеенкль*, одна изъ самыхъ оригинальныхъ его произведеній; кромѣ лицъ, являющихся въ легендѣ въ ней являются *Сильвестра*, (естественный законъ,) растерявшая свое стадо; *Эбреа*, (ветхозавѣтный законъ,) которой овцы обратились въ волковъ и лисицъ; *Вередина*, (законъ благодати;) *Сатана* и *Вельзевулъ* представитель фатализма.

Гарретъ и Гомесъ Монтейро считаютъ религіозныя драмы лучшими произведеніями Хила Висенте, за исключеніемъ одной комедіи *Инеса Перейра*. Намъ кажется, что это мнѣніе нѣсколько одностороннее, и что *Амадисъ Гальскій*, *Донъ Дуардосъ*, вторая часть *Торжества зимы* и *Вдовецъ*, въ своемъ родѣ нѣсколько не уступятъ имъ. Вообще, все его комедій и шутки отличаются неподдѣльною веселостію, оригинальнію и богатствомъ фантазій. *Инеса Перейра*, писанная въ 1523 году, имѣетъ передъ другими развѣ то преимущество, что въ ней талантъ автора является въ полномъ развитіи; впрочемъ характеры ея были уже мастерски обрисованы, хотя и не такъ подробно въ нѣкоторыхъ прежнихъ его комедіяхъ, въ *Quem tem farelos?* и въ *Faça da India*. Первый мужъ Инесы соединяетъ въ себѣ слабого и причудливаго деревенскаго дворянина первой пьесы и грубаго кастильянскаго хвастуна второй. Сама Инеса безпрестанно напоминаетъ героиню той же пьесы. Впрочемъ, мысль, которую она вбила себѣ въ голову, выдти только за челоуѣка хорошо воспитаннаго, т. е. умѣющаго пѣть и играть на гитарѣ, ея страсть къ танцованію, ея кокетство и отвращеніе ко всякому занятію, чрезвычайно забавны; вельзя также читать безъ смѣха сцену перваго свиданія ея съ богатымъ, и глуповатымъ обожателемъ, Перо — Маркесомъ, и сцену двухъ жидовъ, занимающихся сватовствомъ. Несмотря на безразсудное упрямство Инесы, отвергающей совѣты матери и руку честнаго Перо — Маркеса, чтобы выдти за негоднаго пройдоху, невольно жалешь о ней, когда онъ скидаетъ съ себя личину, и обращается съ нею, какъ съ рабою; но тѣмъ гнуснѣе еще ея поведеніе съ добрымъ Перо — Маркесомъ, за котораго она выходитъ по смерти перваго мужа; смѣшно, правда, видѣть, что она его ласкаетъ и голубитъ, и потомъ обманываетъ, какъ скоро онъ отвернется отъ нея; но она сама становится слишкомъ

отвратительна. Впрочемъ, изъ Инесы Перейры можно бы и въ наше время извлечь очень занимательную пьеса, сливъ ее съ *Беирскимъ судьей* (Inis da Beira), въ которой авторъ представляетъ промахи и нелѣпыя рѣшенія Перо-Маркеса въ должности судьи своего роднаго города. О происхожденіи Инесы Перейры рассказываютъ слѣдующій анекдотъ. Хиль Висенте обвиняли въ томъ, что онъ будто бы все свои сочиненія заимствовалъ изъ иностранныхъ писателей; чтобы доказать свое право на названіе оригинальнаго писателя, онъ вызвался написать пьесу на сюжетъ, который будетъ ему заданъ. Ему предложили пословицу: *mas quego usno que me leve, que cavollo que me digrube*; (лучше оселъ, который везетъ, чѣмъ конь, который сброситъ;) онъ и написалъ эту прелестную комедію.

Сочиняя свои комедіи по большей части для увеселенія двора, Хиль Висенте часто бывалъ принужденъ писать ихъ на разные случаи, вводить въ нихъ лестные намеки на разныхъ лица, похвальные слова королю и его семейству; надо дивиться, съ какою ловкостью онъ умѣетъ связывать эти заказные эпизоды съ дѣйствіемъ, по видимому, самымъ далекимъ; какъ часто, видишь цѣлый рядъ самыхъ забавныхъ шутокъ, самыхъ комическихъ, самыхъ сатирическихъ картинъ, а въ концѣ открывается, что все это было придумано за тѣмъ только, чтобы поздравить короля или какого либо принца съ какимъ нибудь радостнымъ семейнымъ происшествіемъ. Иногда впрочемъ пьесы его имѣютъ болѣе прямое отношеніе къ прославляемымъ происшествіямъ; напримѣръ *Фарсъ о славѣ*, *Лулитанія*, *Кузница любви*, *Корабль любви*; но всѣхъ замѣчательнѣе, какъ по благородству мысли, такъ и по оригинальности вымысла, *Увѣщаніе къ войнѣ*; игранное въ Лиссабонѣ въ 1513 году, по случаю отправленія герцога Брагантскаго и Гимараэнскаго въ походъ противъ Азамара. Сначала является священникъ, объявляетъ, что онъ невромантъ, и самъ безпощадно трунить надъ своимъ искусствомъ. Тѣмъ не менѣе, онъ могучій кудесникъ; заклинаніями своими онъ вызываетъ двухъ демоновъ, и, несмотря на ихъ сопротивленіе и дерзкіе отвѣты, принуждаетъ ихъ пробудить изъ могильнаго сна и привести къ нему, кого онъ прикажетъ. Сперва онъ призываетъ Поликсену. Она приходитъ въ восторгъ отъ великолѣпія Лиссабонскаго двора, котораго и сравнить нельзя съ дворомъ Троянскимъ. Король Эмануилъ ей кажется могущемъ

ственные царя Пріама, королева величественнѣе Гекубы, принцы и принцесы—любимцы неба; всѣмъ она предвѣщаетъ славу и счастье. Затѣмъ она хочетъ удалиться, но кудесникъ удерживаетъ ее и предлагаетъ ей различныя, довольно наивныя вопросы о мукахъ любви, о достоинствахъ дамъ и ихъ обожателей. Онъ добивается отъ нея отвѣтовъ, которые могли бы возбудить мужество въ сердцахъ юныхъ воиновъ, отправляющихся въ Африканскую экспедицію. Восхваливъ воинскія доблести, обѣщавъ въ награду храбрымъ воинамъ любовь прекрасныхъ женщинъ, она обращается къ женщинамъ, и увѣщаетъ ихъ шить португальскимъ героямъ ставки, знамена и перевязи, какъ она сама некогда шила съ сестрами для защитниковъ Трои; она желала бы воспламенить всѣхъ женщинъ воинскимъ духомъ Пентезилей. Услышавъ это имя, кудесникъ посылаетъ своихъ рабовъ за воинственною царицею. Пентезилей приходитъ, и совѣтуетъ Португальцамъ немедленно идти на Мавровъ. Она прославляетъ мужество и великодушіе Португальцевъ, и ссылается въ справедливости своихъ словъ на Ахиллеса. «Бѣгите, ведите его!» кричитъ гадатель своей адской прислугѣ. И тотчасъ является Ахиллесъ быстроногій, «родившійся и воспитанный въ окрестностяхъ Лиссабона,» если вѣрить Пентезилей. Поздравивъ короля и королеву, сынъ Пелеевъ одобряетъ походъ на невѣрныхъ, и приглашаетъ духовенство дать пособіе войску, хотя бы пришлось для того продать серебро, заложить молитвенники, и питаться однимъ хлѣбомъ съ рѣдкою. Ахиллесъ не только подтверждаетъ лестныя отзывы Пентезилей о Португальцахъ, но еще присоединяетъ, что и пріатели его Аннибалъ, Гекторъ и Сципіонъ разделяютъ ея мнѣніе. «Давайте всѣхъ сюда,» кричитъ кудесникъ демонамъ, которые, осыпаютъ его проклятіями, довольно невѣжливо ругаютъ его, но тѣмъ не менѣе принуждены ему повиноваться. Аннибалъ ведетъ рѣчь отъ своего имени, и отъ имени своихъ друзей, Гектора и Сципіона; какъ видите, онъ помирился съ своимъ побѣдителемъ. Онъ обѣщаетъ португальцамъ покореніе всей Африки, приводитъ въ подтвержденіе своихъ словъ тексты изъ священнаго писанія, упрекаетъ духовенство въ равнодушіи къ славы отечества и религіи, въ привязанности къ деньгамъ, увѣщаетъ дворянъ оставить своихъ возлюбленныхъ и возстать за славу христіанскаго оружія; рѣчь его заключается прекраснымъ

воинственнымъ гимномъ *Воззваніе къ войнѣ*, среди причудъ фантазіи и несообразностей, отличающихъ все драматическія произведенія тѣхъ вѣковъ, представляетъ множество истинно поэтическихъ мѣстъ, которыя произвели бы сильное впечатлѣніе и въ наше время, еслибы были вставлены въ болѣе понятную намъ рамку.

Эстрельская гора (*A serra da estrella*), *молитва недовольныхъ* (*O homagem de agravados*), болѣе всѣхъ произведеній Хилья Висенте, навлекли на него неудовольствіе духовенства и гоненіе инквизиціи. Но самая любопытная и занимательная сторона этихъ двухъ сочиненій, — комическое изображеніе крестьянскаго быта, любимаго предмета Хилья-Висенте: въ первомъ есть балетъ, напоминающій отчасти знаменитый эпизодъ Шекспирова *Сна въ Ивановскую ночь*, когда аеинскіе крестьяне даютъ театральное представленіе въ честь Тезею.

Последнимъ сочиненіемъ Хилья-Висенте былъ *Садъ обмановъ*, (*a floresta de enganados*), открывающійся прекраснымъ разговоромъ, въ которомъ авторъ, кажется, представилъ себя самаго въ видѣ философа, съ привязаннымъ къ его ногъ дуракомъ; не укоръ ли это судьбѣ, принуждавшей гениальнаго поэта — философа быть скоморохомъ и сочинять маскаралы и балеты для потѣхи другихъ? — За тѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ остроумныхъ, ѣдкихъ сатиръ, въ которыхъ молодой мотъ, нарядившись кокетливо вловушкою, обираетъ богатаго, влюбливаго купца; купидонъ, влюбленный въ дочь какого-то Фессалійскаго царя, обманываетъ Аполлона, чтобы тотъ обманулъ отца красавицы, и самъ обманутъ своею возлюбленною, которая у него подъ посомъ выходитъ за какого-то царевича; служанка обманываетъ стараго распутнаго судью, который влюбился въ нее, забывъ свои сѣдины и сморщенную рожу; она рядитъ его въ бѣлый передникъ, заставляетъ мѣсить за нее тѣсто, и между тѣмъ призываетъ народъ подивиться на стараго дурака. — Въ этой пьесѣ множество забавныхъ сценъ; а остроумія и сатиры достало бы на десять нынѣшнихъ комедій.

Садъ Обмановъ болѣе всѣхъ сочиненій Хилья-Висенте подходитъ къ нашимъ понятіямъ; но только по мысли, а не по формѣ. Только двѣ его драмы представляютъ довольно правильную форму, т. е. ту, изъ которой развилась наша нынѣшняя драма. Эти два сочиненія — *«Донъ-Дуардосъ»*, котораго такъ справедливо

хвалить Фарія, в *Амалдисъ-Гальскій*. Первая заимствована изъ испанскаго романа *Прималіона*, переведеннаго, или скорѣе передѣланнаго, потому—что въ то время романовъ не переводили, португальскимъ писателемъ Мораэнсомъ; и представляетъ любовь англійскаго принца Эдуарда и Флориды, дочери константинопольскаго императора Прималіона. Вторая заимствована изъ Португальскаго романа Васко-Лобейры. Вспомнимъ, что Сервантесъ, сожигая библіотеку Донъ-Кихота, только эти два романа исключилъ изъ общаго приговора.

Драмы Хила-Висенте, очень близкія къ романамъ, изъ которыхъ заимствованы, построены весьма искусно, и доказываютъ, что авторъ отличался не однимъ богатствомъ фантазіи и сатирическимъ наблюденіемъ нравовъ, но что онъ умѣлъ также читать въ сердцахъ человѣческомъ; и изображать самыя важныя чувства и самыя пламенныя страсти. Можно только упрекнуть Амалдиса въ томъ, что онъ слишкомъ вѣженъ, слишкомъ много жалуется на суровость прекрасной Оріаны; этотъ недостатокъ раздѣляетъ и романъ; онъ не ускользнулъ отъ пронизательнаго критическаго взгляда Сервантеса; и цирюльникъ, разбирая библіотеку донъ-Кихота, замѣчаетъ, что, Галахоръ ему нравится болѣе брата, потому что такъ же храбръ, но гораздо меньше плачетъ.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о *Юпитеровыхъ кортесахъ*, представленныхъ въ 1519 году, по случаю бракосочетанія дочери короля Эммануила, доньи Беатрисы съ герцогомъ Карломъ Савойскимъ. Мы нарочно оставили эту пьесу подъ конецъ, чтобы перейти отъ нея къ связанному съ нею преданію о другомъ Португальскомъ поэтѣ, Бернальдимъ Рибейро, послужившемъ основаніемъ драмъ одного новѣйшаго Португальскаго писателя, Гаррета, подъ названіемъ: *Auto da Gil pizente*; она имѣла въ Лиссабонѣ блистательный успѣхъ.

Въ *Юпитеровыхъ кортесахъ*, одинъ изъ боговъ, въ видѣ процессы съ державою и скиптромъ въ рукахъ, объявляетъ возложенное на него порученіе. Онъ посланъ просить Юпитера, царя Свѣтлхъ и Созвѣздій, собрать кортесы, въ которыхъ планеты и знаки зодіака должны принять мѣры къ благополучному путешествію высокой невѣсты. Юпитеръ отдастъ приказъ своимъ гонцамъ, четверемъ вѣтрамъ, призвать Море. Вѣтры трубить въ свои рупоры, и Море влается, оскорбленное невѣ-

жествомъ Юпитера, призвавшаго его чрезъ вѣчныхъ его враговъ, нарушителей его покоя, между тѣмъ, какъ онъ долженъ бы отправить къ нему послами своихъ спутниковъ, или пригласить черезъ Пиренейскія горы или черезъ впадающія въ него рѣки; въ заключеніе море объявляетъ, что никому не подчивится, кроме своей повелительницы Луны. Юпитеръ посылаетъ за Солнцемъ, Луною и Венерою, которые обѣщаютъ свое покровительство прекрасной принцессѣ. Вѣтрамъ, имѣющимъ вліяніе на Западный Океанъ, и могущимъ благопріятствовать или противиться проѣзду ея въ море «Троянское или внутреннее,» приказано повиноваться ей до самаго прибытія ея въ Италію. Юпитеръ объявляетъ, что изъ Таи до самаго Гибралтарскаго пролива будетъ провожать ее многочисленная свита, составленная изъ главнѣйшихъ жителей Лиссабона, въ видѣ разнаго рода рыбъ, которыя будутъ играть въ волнахъ, вокругъ ея царскаго гальота. Этотъ причудливый эпизодъ авторъ придумалъ кажется для того, чтобы имѣть случай кой-надѣ-къмъ посмѣяться и кой-кого подурaczyć; а для пропуска своей сатиры, включилъ нѣсколько ловкихъ похвалъ и комплиментовъ. Тутъ достается между прочимъ Каноникамъ, за которыми плывутъ грязныя камеристки въ лоханяхъ и поютъ вольныя пѣсни. Марсъ и воинственные знаки Зодіака ракъ, левъ, козерогъ, также обязуются блюсти безопасность принцессы, и восхваляютъ воинскіе подвиги ея соотечественниковъ и ихъ неизмѣнную преданность королямъ.

Свадебный гимнъ, пропѣтый по желанію Марса, Венерою и двумя изъ знаковъ зодіака, разрушаетъ чару, уже двѣ тысячи лѣтъ лежащую на знаменитой маврской волшебницѣ, владыкѣ волшебнымъ перстнемъ, кубкомъ и Роландовымъ мечемъ. Юпитеръ приказываетъ ей поднести эти драгоценные предметы принцессѣ, объяснивъ ей ихъ тайную силу. Мечъ долженъ защитить ее отъ всехъ опасностей; кубокъ представить ей каждого, кого она пожелаетъ видѣть, а съ помощью перстня она будетъ знать все тайны. Этотъ перстень открытъ бы намъ, можетъ быть, какимъ образомъ волшебница, заснувъ волшебнымъ сномъ за двѣ тысячи лѣтъ, достала кубокъ, «принадлежавшій по ея словамъ, матери Магометовой, и мечъ Роланда, найденный по смерти его на Ронсевальскихъ поляхъ.» Но мы уже говорили, что Хиль Висенте анахронизмы ни по чемъ. Этотъ же пер-

стенъ играетъ важную роль въ драмѣ Гаррета, которою мы заключаемъ статью.

Подробностями своей драмы, авторъ обязанъ хроникѣ Гарсіа де Ресенде, оставившаго весьма любопытные очерки своего времени; онъ говоритъ о *Юпитеровыхъ кортесахъ*, какъ о пьесѣ, которую онъ самъ видѣлъ.

Герой Гаррета донъ Бернальдимъ Рибейро, знатный поэтъ, авторъ самыхъ старинныхъ португальскихъ пастушескихъ стихотвореній, но болѣе извѣстный своимъ неконченнымъ романомъ *Меника и Моса*. Романъ этотъ изданъ уже по смерти Рибейро, и очевидно большая часть его, а можетъ быть и вся книга, писана послѣ отъезда принцессы; но нѣтъ сомнѣній, что она была героинею нѣкоторыхъ поэтическихъ мечтаній автора. Гарретъ предполагаетъ въ своей драмѣ, что романъ писанъ еще до свадьбы принцессы, и что Рибейро, влюбленный въ нее, поднесъ ей рукописный экземпляръ его.

Донья Беатриса, до помолвки своей за герцога Савойскаго, подарила поэту перстень, въ залогъ своей дружбы, а можетъ быть и болѣе нѣжнаго чувства. Ее приближенная Паула Висенте, дочь поэта, сама также влюбленная въ Рибейро, знаетъ тайну его любви къ принцессѣ, и знаетъ также, что принцесса платитъ ему взаимною любовью. Между тѣмъ прѣзжаетъ посольство герцога, совершается обрядъ бракосочетанія, и невѣста должна отправляться въ Италію. Наканунъ ея отъезда, во дворцѣ играютъ, въ присутствіи короля и всего двора, сочиненную къ этому случаю пьесу. Рибейро, въ помѣшательствѣ отчаянія, рѣшается играть въ ней коротенькую роль волшебницы; Хиль Висенте очень радъ его предложенію. Представленіе подходитъ къ концу, а Рибейро начинаетъ пугаться своей безразсудной выходки. Какъ ему явиться въ Юпитеровыхъ кортесахъ? не то, чтобы онъ считалъ это недостойнымъ его званія; и другія лица, не уступавшія ему въ знатности происхожденія и почестяхъ, занимали роли въ драмахъ Хила Висенте;—но со времени помолвки принцессы, Рибейро добровольно удалился отъ двора, и внезапное появленіе въ такой роли, и въ такое время, могло имѣть пагубныя послѣдствія и для него самаго, и для еще болѣе дорогихъ ему лицъ; маска можетъ спасти съ лица и выдать его. Между тѣмъ, какъ онъ колеблется, его зовутъ на сцену; ему пора выходить; всѣ зрители съ нетерпѣніемъ

ждутъ появленія марвской волшебницы съ таинственнымъ перстнемъ. Рибейро, одѣвается, выходитъ, приближается къ принцессѣ, кланяется ей по восточному; потомъ, забывъ совершенно свою роль, импровизируетъ нѣжныя, трогательныя сѣтованія на ту, которая такъ жестоко обманула его надежды, и наконецъ, отдаетъ ей тотъ самый перстень, который она ему подарила. Можно себя представить, какая происходитъ отъ этой выходки суматоха; всѣ зрители въ недоумѣннн, король въ негодованнн; но маска скрываетъ черты дерзновеннаго; и онъ бѣжитъ, не давъ публикѣ опомниться отъ изумленія.

Драма Гаррета была бы только довольно скучною плаксивою комедіею, еслибы не спасала ее истинно драматическая роль Паулы Висенте. Паула, повѣренная страсти, равно гибельной для собственнаго ея покоя, какъ и для чести доньи Беатрисы, терзаемая ревностью, обрекаетъ себя страданію, чтобы не обмануть довѣрія принцессы.

Третье дѣйствіе происходитъ на великолѣпно убранномъ галютѣ, приготовленномъ для отправленія высокой невѣсты къ ея супругу; онъ причаленъ къ берегу, съ котораго перекинуть на него трапъ. Полночь. Принцесса съ своею свитою уже на корабль. Всѣ уже разошлись на ночь по каютамъ; принцесса одна сидитъ на палубѣ у входа въ свою каюту, и читаетъ при лунномъ свѣтѣ рукопись *Мещины и Мосы*. Поднявъ случайно голову, она видитъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ себя Шателя, подозрительнаго генуэзца, состоящаго при Савойскомъ посольствѣ; онъ подошелъ, пока она была занята чтеніемъ прекраснаго мѣста, гдѣ авторъ описываетъ смерть соловья, и все время наблюдалъ за нею. Уличенный шпионъ старается оправдаться, но принцесса дѣлаетъ ему строгій выговоръ, и удаляется въ свою каюту въ то самое время, какъ Паула выходитъ на палубу. Послѣ многихъ тщетныхъ усилій вывѣдать что нибудь отъ любимицы принцессы, Шатель также удаляется въ свою каюту, на противоположномъ концѣ корабля. Паула даетъ знакъ платкомъ, и Рибейро, перебѣжавъ по палубѣ, прячется за завѣску, противъ спальни принцессы. Вскорѣ является сама Беатриса, поговорить съ Паулою въ послѣдній разъ о чловкѣ, съ которымъ она рѣшилась никогда уже не видѣться, ибо она до сихъ — поръ еще вздрагиваетъ, когда вспомнить о вчерашнемъ его безразсудномъ поступкѣ. Она не знаетъ, что этотъ

человѣкъ на корабль; Паула, изъ состраданія къ Рибейру, придумала это отчаянное средство доставить ему послѣднее свиданіе съ возлюбленною. Рибейро выходитъ изъ за занавѣса, и бросается къ ногамъ принцессы; Паула съ трудомъ поддерживаетъ ее, между тѣмъ, какъ бѣдный поэтъ изливаетъ передъ нею свою любовь, свое раскаяніе и свое отчаяніе. Вдругъ раздается свистокъ капитана; корабль сейчасъ снимется. Паула умоляетъ любовниковъ разстаться; бѣжитъ на палубу, стараясь увлечь за собою Рибейра; но уже поздно. Она возвращается сообщать новую, нежданную опасность; король пришелъ проститься съ дочерью, онъ уже на палубѣ, нѣтъ спасенія; позоръ и смерть будетъ общимъ ихъ уделомъ. «Не бойтесь, говоритъ Рибейро; прости, Беатриса, прости; увидимся тамъ, на небесахъ! Волны скроютъ меня отъ всѣхъ глазъ, и избавятъ отъ постылой жизни!» Съ этими словами онъ бросается чрезъ окно въ море. Является король и находитъ дочь, лежащую безъ чувствъ на полу; Паула подлѣ нея на колынахъ. Занавѣсъ опускается.

Читателю можетъ быть пріятно будетъ узнать, что Рибейро не погибъ; не большаго умѣнія плавать требовалось для того, чтобы достигнуть берега. Влюбленный поэтъ жилъ еще много лѣтъ по отъѣздъ герцогини Савойской. Рассказываютъ, что онъ былъ потомъ въ Италіи, и что пріемъ Беатрисы совершенно разсѣялъ его любовную дурь, доказавъ, что и она сама совсѣмъ исцѣлилась отъ романической страсти. Онъ получилъ приказаніе, немедленно выехать изъ владѣній герцога.

Возвратившись въ Португалію, донъ Бернальдимъ Рибейро женился, и былъ очень почтеннымъ супругомъ, хотя сохранилась пѣсенка, представляющая его охотникомъ до любовныхъ похожденій. Смерть жены повергла Рибейра въ глубокую тоску, отъ которой онъ скоро умеръ.

Но возвратимся къ драмѣ Гаррета. Преданіе о любви Рибейра къ доньѣ Беатрисы представляетъ болѣе выгоды драматическому писателю, чѣмъ преданіе о любви Тасса, которое столько разъ было избираемо предметомъ драмы. Однако же попытка Гаррета не совсѣмъ удачна; она представляетъ большую часть недостатковъ, которыхъ не могли избѣгнуть писатели, пытавшіеся драматизировать любовь Тасса, и не выкупаютъ ихъ великими достоинствами; не будь въ его пьесѣ роли Паулы Вишен-

те, она была бы рѣшительно скучна. Но не должно судить по этой пьесѣ о талантѣ Гаррета; онъ написалъ много сочиненій, несравненно выше этого; напримѣръ его *Санторемскій пожещикъ*. Онъ далъ португальской литературѣ новое движеніе, новую жизнь, отъ которой можно ожидать обильныхъ и прекрасныхъ плодовъ, потому что она основана не на подражаніи завознымъ модамъ, а на глубокомъ, добросовѣстномъ изученіи прошедшаго Португаліи. Ему принадлежитъ честь возрожденія португальской драмы и онъ же первый покровитель всѣхъ молодыхъ талантовъ, которые пытаются свои силы на великолѣпномъ *Національномъ театрѣ*, основанномъ по его внушенію и его плану.

Главный представитель этого прошедшаго, къ которому обратились новѣйшіе португальскіе драматурги, Хиль Висенте. Его глубокія, живописныя произведенія, къ сожаленію, слишкомъ устарѣли, чтобы ихъ ставить на сцену; но нѣтъ сомнѣнія, что изученіе его будетъ первымъ шагомъ къ образованію новой, живой и оригинальной драмы.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ

и

АКТЕРЫ.

въ 1847 году.

Статья Д. П. Сушкова.

—

Извѣстно, что главное удовольствіе парижанъ составляетъ театр; поэтому нигдѣ вѣтъ столько театровъ и вообще зрелищъ, какъ въ Парижѣ, только не все они стоятъ на одинакой степени и между ними есть аристократическіе, правильнѣе сказать *бон-тонные*, и простонародные, въ которыхъ почти вся публика состоитъ исключительно изъ черни, да развѣ еще изъ студентовъ и ихъ неразлучныхъ спутницъ — гризетокъ.

Вообще, въ Парижѣ можно насчитать до 29 театровъ, включая въ это число Олимпійскій Царкъ, Гипподромъ и такъ—называемый спектакль — концертъ. Не смотря, однакожъ, на такое множество театровъ, все они бываютъ каждый вечеръ полны. Причина этого весьма понятна: въ Парижѣ до милліона жителей, страстныхъ охотниковъ до всевозможныхъ представленій, и, сверхъ того, во всякое время года, бываетъ большое стеченіе

иностранныхъ, жадныхъ до удовольствій и любопытныхъ, какъ подобаетъ быть каждому порядочному туристу.—Наконецъ,—и это не послѣдняя причина: — парижскіе театры не велики, такъ-что самыя большіе изъ нихъ развѣ не многимъ просторнѣе нашего Михайловскаго, отчего почти во всѣхъ, для увеличенія выручки, мѣста для сидѣнія, не исключая ложъ, такъ тѣсны и безпокойны, что высидѣть въ нихъ цѣлый спектакль едвали не подвигъ.

Издавна вошло въ обыкновеніе раздѣлять парижскіе театры на первоклассные, т. е. королевскіе, вѣрнѣе сказать, получающіе отъ казны ежегодное вспоможеніе, *subvention*, и бульварные, содержимыя частными автряненерами, безъ всякаго пособія со стороны правительства; но это раздѣленіе не вѣрно, такъ-какъ нѣкоторые бульварные театры въ сущности стоятъ гораздо выше въ общественномъ мнѣніи, нежели королевскіе, и потому гораздо приличнѣе раздѣлять ихъ на два главные разряда — *бонтоныя* и *простонародныя*. — Число первыхъ, со включеніемъ цирковъ, простирается до 15; всѣ-же остальные за тѣмъ принадлежатъ къ разряду простонародныхъ, которые достаточно поименовать, безъ дальнѣйшихъ распространеній.

Самымъ бонтонымъ театромъ почитается—*Итальянская Опера*, находящаяся въ залѣ Вантадуръ, куда она перешла года за три, послѣ пожара, уничтожившаго прежній театръ. —Большою частію, по старинной привычкѣ, парижане называютъ этотъ театръ *буффами*; но названіе это не официальное. — Зала итальянскаго театра одна изъ лучшихъ въ Парижѣ, какъ по наружному блеску, такъ и по удобству; впрочемъ театръ этотъ самый дорогой.—Цѣна лучшимъ мѣстамъ — *сталь д'оркестръ* — 12 франковъ, но какъ эти мѣста скупаются большою частію напередъ расчетливыми барышниками, то настоящая цѣнность ихъ гораздо выше и не рѣдко втрое и вчетверо противъ назначенной цѣны.

Главные артисты Итальянской Оперы — *Лаблаши* съ сыномъ, *Джулія Гризи*, *Маріо*, *Персілли* и *Ронкони*, заступившія мѣсто Тамбурины. — Во время пребыванія моего въ Парижѣ Итальянская Опера была закрыта, но какъ впоследствии мнѣ удалось слышать всѣхъ ихъ въ Лондонѣ, то и скажу объ нихъ нѣсколько словъ по крайнему своему разумію.

Первый теноръ — *Маріо* (*графъ Кандія*), заступилъ мѣ-

сто Рубини, послѣ того, какъ Сальви оставилъ Парижъ. — Голосъ у него удивительный, необыкновенной свѣжости, методы пропасть, только по мнѣнію знатоковъ, далеко ему еще до Рубини. — Какъ актеръ, онъ также недуренъ, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ еще много усовершенствуется. Впрочемъ, и въ настоящее время, по удаленіи Рубини со сцены, онъ, безспорно, первый теноръ Европы, послѣ Иванова и Тихачка.

Главный бассъ — *Лаблашъ*, артистъ, какому нѣтъ равнаго вида. — Чудный актеръ и чудный пѣвецъ, онъ баловень публики, безпрестанно опасасоющейся, чтобы и онъ не послѣдовалъ примѣру своихъ прежнихъ товарищей, и не предпочелъ бы нашъ холодный свѣръ, и въ особенности наши русскіе рубль, вѣчно — движущемуся Парижу и его взыскательной и непостоянной публикѣ. — Впрочемъ, опасенія эти, по видимому, напрасны: Лаблашъ слишкомъ толстъ, и слѣдственно тяжелъ на подъемъ для дальнихъ путешествій.

Баритонъ — *Ронкам*, поступившій вмѣсто Тамбурины, досихъ-поръ еще не изгладилъ изъ памяти парижанъ своего предшественника. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что онъ прекрасенъ и пользуется вполне заслуженною любовью публики.

Главная пѣвица (прималонна) — *Джумля Гризи* занимаетъ первыя женскія роли въ такъ-называемыхъ *opéra-seria* (въ лирической драмѣ.) Голосъ ея утратилъ отчасти свою свѣжость, но необыкновенное искусство владѣть имъ, неожиданные порывы страсти и много игры заставляютъ забывать публику этотъ неизбежный недостатокъ.

Сопрано — *Персілли* — я лично не слышалъ, но знаю, что она занимаетъ то же амплуа, что у насъ занимала Виардо, т. е. первыя роли въ комическихъ операхъ (*opéra bouffa*), и что она пользуется полною благосклонностію публики.

Контральто — *Брамбилла*, пѣвица уже спавшая съ голоса и по-видимому пѣвшая въ прошлую зиму въ послѣдній разъ въ Парижъ. (*)

Наконецъ *Лаблашъ сынъ*, молодой пѣвецъ, дублирующий въ

(*) Мѣсто ея заступила *Альбони*, пѣвшая въ нынѣшній сезонъ въ Лондонѣ съ такимъ необыкновеннымъ успѣхомъ, что одна только Жюлли Диндъ соперничала съ нею.

ныхъ случаяхъ своего отца и общающій, кажется, сдѣлается въ свой чередъ знаменитостію.—Въ настоящее время онъ обладаетъ пріятнымъ голосомъ, въ игрѣ его много комизма.

Число новыхъ оперъ, ежегодно представляемыхъ на этомъ театрѣ, весьма ограничено: двѣ или три, не болѣе, и столько же возобновленій.

Вторымъ театромъ почитается *Большая Опера*, вначе *Королевская Академія Музыки*. — Театръ этотъ помѣщается близъ Итальянскаго-бульвара, въ улицѣ Лепелетье.—Зданіе его деревянное, построенное въ 1820 году, по упраздненіи и сломкѣ прежней залы, у подъезда которой лишился жизни герцогъ Беррійскій. — Вначалѣ опера была переведена сюда на время, до постройки новой залы, но потомъ дѣло затянулось и вотъ уже 27 лѣтъ, опера все находится во временномъ зданіи. — Цѣна мѣстамъ таже, что и въ Итальянской Оперѣ, но какъ здѣсь менѣе злоупотребленій, то цѣна эта рѣзко увеличивается.

Какъ этотъ театръ посвященъ не одной только оперѣ, но и балету, то и труппа его двойная: *оперная* и *балетная*.

Въ первой изъ нихъ главные сюжеты — *Дюпре*, *Беттини*, *Баруале* и *г-жа Штольца*. (*)

Про *Дюпре* можно сказать почти то-же, что и про Гризи, только онъ окончателно потерялъ свой голосъ и потому, вѣроятно, скоро сойдетъ со сцены.—Несмотря, однакожъ, на это, онъ нѣрѣдко приводитъ слушателей въ неизъяснимый восторгъ, но не какъ пѣвецъ, а въ качествѣ актера.—Впрочемъ, по мнѣнію знатоковъ, онъ никогда не могъ равняться съ Нурри, потеря котораго съ каждымъ годомъ становится чувствительнѣе.

Предполагаемый преемникъ его — *Беттини*. Пѣвецъ этотъ итальянецъ по происхожденію, и потому едва-ли будетъ имѣть успѣхъ во Французской оперѣ. — Голосъ его объемистъ и довольно пріятенъ, но у него нѣтъ игры и произношеніе его

(*) Нынѣшнею зимою освистали ее въ оперѣ — пастичіо Россіи «*Робертъ Брюсъ*», что и побудило ее оставить Парижъ. Какъ слышно, теперь она ангажирована въ Неаполь, на театръ Сан-Карло.—Амплуа ея передали на время г-жи *Нау* (Nau), однакожъ она едва-ли займетъ его окончателно: поговаривали о передачѣ его г-жѣ *Віардо-Гарси*, но это не состоялось. По послѣднимъ извѣстіямъ на мѣсто г-жи *Штольца* поступила молодая пѣвица *Миссонъ*, и съ перваго дебюта имѣла огромный успѣхъ.

неправильно — два важные недостатка, которыхъ выискательная парижская публика долго терпѣть не станетъ.

Баруале — бастъ, и едва-ли не самый сильный въ мірѣ. Когда онъ поетъ — голосъ его покрываетъ оркестръ. Какъ актеръ, онъ мало замѣчательнъ, впрочемъ, въ немъ замѣтно стараніе совершенствоваться. — Пока многого сказать объ немъ нельзя: вѣрно только то, что если онъ не самая большая, то, покрайней-мѣрѣ, самая громкая театральная знаменитость.

Чтоже касается до г-жи *Штольцъ*, она имѣла страстныхъ поклонниковъ и непримиримыхъ враговъ, почему весьма естественно предполагать, что она была не безъ дарованія, ибо одна только ничтожность не имѣетъ враговъ.

Изъ балетныхъ знаменитостей Большая Опера обладаетъ теперь только двумя: *Карлотою Гризи* и *Плункеттъ* (*). — Обѣ хороши, но послѣдняя граціознѣе, даромъ, что не пользуется равною извѣстностію; однакожъ, ни та, ни другая не могутъ выдержать малѣйшаго сравненія ни съ Тальони, ни съ Фанни Эльслеръ.

Особенно-хорошихъ танцоровъ нѣтъ; кор-де-балетъ хорошъ, но также не чрезвычайный. Вообще у насъ балетъ лучше. — Декораціи прекрасны, обстановка нерѣдко великолѣпна, только не лучше и не великолѣпнѣе нашихъ.

Третій оперный театръ — *Комическая Опера*. — Театръ этотъ помѣщается близъ Итальянскаго-бульвара, въ такъ называемой залѣ Фаваръ, въ которой до 1838 г. играла Итальянская труппа. — Зала театра хороша и помѣщеніе довольно удобно; цѣна мѣстамъ (**), 6 франковъ.

Было время, на этомъ театрѣ пѣли Эллевию, Мартень, г-жа Буланже и другіе; потомъ здѣсь — же отличались г-жи Казимиръ и Даморо-Чинти; наконецъ, еще недавно здѣсь была Анна Тиллонъ. Увы, два эти прошли и теперь на театрѣ Комической Оперы нѣтъ ни одного таланта, кромѣ тенора *Роже*,

(*) На нынѣшнюю (1847г.) зиму ангажированы еще въ Парижъ *Черитте* и Лондонская знаменитость *Розати*... первая дѣйствительно хороша, во вторая — ужасъ!

(**) Говоря о цѣнѣ мѣсть, мы подразумеваемъ только лучшія — *сталь д'оркестръ*. Полная ложа, разумѣется, гораздо дороже, а брать купонъ не всегда пріятно; кому же во всѣхъ парижскихъ театрахъ ложи такъ тѣсны, что сидѣть въ нихъ чрезвычайно непріятно.

выходящаго изъ общаго разряда; но это, однакожь, ничуть не мешаетъ этому театру быть однимъ изъ любимѣйшихъ для Парижанъ.

Впрочемъ, въ послѣднее время дебютировала здѣсь молодая пѣвица *Шартонъ*, которая, можно надѣяться, возвратитъ отчасти Комической — Оперѣ прежній ея блескъ. Пѣвица эта обладаетъ прекраснымъ, звучнымъ голосомъ, и съ перваго — же дебюта доказала, что она съ тѣмъ вмѣстѣ хорошая актриса. — Въ особенноти понравилась она въ *Черномъ Домино* Обера, гдѣ ей хорошо содѣйствовалъ *Гапри* въ лицѣ Жюль Переца. — Изъ прочихъ пѣвцовъ довольно сносны *Моккеръ* и *Моро — Сенти*, впрочемъ оба они только — что сносны.

Въ числѣ чисто-драматическихъ театровъ занимаетъ первое мѣсто — не по достоинству, а по принятой классификаціи — такъ называемый *Французскій Театръ* или *Comedie française*, назначенный для высокой комедіи и трагедіи. — Театръ этотъ построенъ въ концѣ прошлаго столѣтія (въ 1790 г.) и примыкаетъ къ Пале-Ройялю, со стороны улицы Ришлье. — Театральная зала довольно вѣтка, но не дурна (°); цѣна мѣстамъ 6 фр.

Вообще публика не любитъ Французскій Театръ, гдѣ болшою частію даются пьесы старыя и давно всякъ наскучившія. Поэтому зала театра почти всегда бываетъ пуста, по-крайней-мѣрѣ въ тѣ представленія, въ которыхъ не участвуетъ *Рашель*, единственная его знаменитость съ тѣхъ поръ, какъ несравненная старушка Марсъ оставила сцену, а Плесси предпочла Петербургъ Парижу.

Рашель, какъ извѣстно, жидовка. По-видимому ей можетъ быть теперь около 30 лѣтъ. — Собой она не красавица, но высока ростомъ, прекрасно сложена, имѣетъ черты лица правильныя и выразительныя черныя глаза, ктому-же у ней голосъ звучный, способный на всѣ-возможныя интонаціи, и много вѣлчавости въ походкѣ и жестахъ. Произношеніе у ней правильное, чисто французское, души пропасть и, наконецъ, по временамъ, совершенно неожиданно, сильныя порывы страсти. Все это вмѣстѣ составляетъ весьма понятную причину ея необыкновеннаго успѣха, усиливающагося еще тѣмъ, что она совѣстливо изучаетъ каждую роль, не пренебрегая ничымъ совѣтомъ и ника-

(°) Въ концѣ прошлаго іюля театръ закрыли по случаю передѣлокъ.

кою бездѣлицою. Притомъ она не слѣдуетъ театральнымъ преданіямъ и играетъ такъ—сказать по вдохновенію.—Когда она на сценѣ, поневолю забываешь посредственности, ее окружающія, и даже—что труднѣе—всю невыносимую скуку играемыхъ ею пьесъ. Но за то, едва она сошла со сцены, нѣтъ почти никакой возможности удержаться отъ звоты, слушая эти безконечные монологи классической выкройки, которыми въ прежнее блаженное время восхищались наши дѣды и отцы, но отъ которыхъ намъ больно спится, по выраженію Фамусова въ «Горѣ отъ ума.»

Другою трагическою знаменитостію французскаго театра считается *Лижье*, но какъ онъ, такъ и *Бовале* знаменитости развѣ потому только, что *когда большіе люди переведутся, маленькіе становятся великими*—мудрое и глубокомысленное изреченіе Гамлета! Впрочемъ, можетъ-быть, въ старые годы оба они были хороши, но теперь во всякомъ случаѣ это только развалины.

Комическая часть французскаго-театра богаче. Конечно, онъ уже потерялъ и *Марсъ*, и *Плесси*, и *Вольнисъ*, тоже не устоявшую противъ русскихъ рублей, которые, того и гляди, переманяютъ всѣ театральныя знаменитости цѣлаго Парижа; но все-таки въ немъ есть еще нѣсколько хорошихъ комиковъ въ высокомъ значеніи этого слова и двѣ три даровитыя актрисы.

Комики эти—*Сансонъ*, *Ренье* и *Прово*; актрисы г-жи *Меленъ*, *Анаисъ Броганъ* и *Жюдитъ*,—по-счастію мнѣ удалось видѣть всѣхъ трехъ комиковъ вмѣстѣ въ извѣстной комедіи Скриба «*Бертранъ и Ратонъ*», которая, къ слову будь сказано, была разыграна прекрасно и съ необыкновенною совокупностію, что довольно рѣдко случается въ Парижѣ, гдѣ большею частію на каждомъ театрѣ два-три актера хорошихъ, а все остальное дрянъ.

Сансонъ—актеръ не молодой, но за то отлично знающій сцену и ея условія.—Вдохновенія въ немъ нѣтъ: каждый жестъ, каждая интонація, самый взглядъ рассчитаны у него напередъ, и все это съ удивительною вѣрностію.—Это актеръ, играющій старый репертуаръ по театральнымъ традиціямъ, а новый—послѣ долгаго и глубокаго изученія каждой роли.—Можно сказать утвердительно, что въ немъ недостат-

ковъ нѣтъ, за исключеніемъ развѣ слабости голоса. Впрочемъ, самыя качества его должны быть причиною, что въ нѣкоторыхъ роляхъ онъ какъ-будто не на своемъ мѣстѣ, и такова роль *Фиаро*, переданная ему послѣ несчастія, случившагося съ его товарищемъ, Монрозомъ.

Прово менѣе придерживается традицій, игра его такъ-сказать откровеннѣе и, глядя на него, другой разъ нельзя удержаться отъ смѣха. Онъ особенно мастеръ придавать какую-то комическую важность своимъ ролямъ. Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ пьесахъ онъ удивителенъ и именно въ извѣстной комедіи *Le mari à la campague* (Мужъ въ деревнѣ), гдѣ онъ играетъ роль, занимаемую у насъ Готти.

Третій комикъ, *Ренье*, не прибѣгая къ фарсамъ, заставляетъ хохотать отъ души. Въ немъ, по-видимому, нѣтъ и слѣда традицій, такъ много въ немъ веселости и жизни.—Къ—сожалѣнію, въ репертуарѣ Французскаго Театра, рѣдко подновляемомъ, мало ролей ему свойственныхъ, почему прекрасное дарованіе его не можетъ выказаться вполнѣ, или только изрѣдка.

г-жа *Меленъ*—актриса даровитая, играющая съ одинаковымъ успѣхомъ какъ въ комедіи, такъ и въ трагедіи, но настоящій родъ ея—драма.—Прежде она играла не то въ *Gaite*, не то въ Амбигю-Комикъ, откуда перешла на сцену Французскаго театра по требованію Виктора Гюго, назначившаго ей главную женскую роль въ трагедіи *Бурграфы*.—Съ переменною сцены она потеряла отчасти свою важность: на бульварѣ она занимала первое мѣсто и, если вѣрить слухамъ, не разъ приводила зрителей въ восторгъ; здѣсь-же проходитъ она почти незамѣтно, какъ-будто-бы ее вовсе не бывало; впрочемъ главною причиною этого—недостатокъ ролей по ея средствамъ.

Анаисъ и *Броанъ* мнѣ не удалось видѣть, но говорятъ онѣ хороши въ роляхъ *первыхъ кокетокъ*. Обѣ играютъ по традиціямъ.

Наконецъ, *Жюдитъ*—актриса молодая, тоже перешедшая на сцену Французскаго—Театра съ одной изъ бульварныхъ сценъ; но только для нея переходъ этотъ не такъ чувствителенъ, она не обязана, по существу ролей, умѣрять свои движенія и удерживать въ себѣ избытокъ силъ и жизни. Она не играетъ въ трагедіи: драматическая икота не по ея части;

но за то въ комедіа она вмѣла уже нѣсколько значительныхъ успѣховъ, да еще въ какихъ роляхъ... въ роляхъ Плесси и Вольнисть!

Почти все прочіе артисты Французскаго—Театра нестерпимо дурны и въ этомъ отношеніи въ-особенности славится *Мальярэ*, одинъ изъ двухъ первыхъ любовниковъ, впрочемъ и другой, *Брендо* (*Brindeau*), не можетъ похвастаться своими успѣхами. (*)

За Французскимъ—театромъ, по принятому въ Парижѣ распределенію, слѣдуетъ *Одеонъ*, въ прежніе годы называвшійся вторымъ французскимъ театромъ. Дѣйствительно, было время, когда *Одеонъ* считалъ въ числѣ своихъ артистовъ Тальму, Марсъ и другія знаменитости, но это золотое время прошло, кажется, невозвратно и теперь *Одеонъ* едва ли не самый дурной изъ парижскихъ театровъ, — разумѣется, не говоря о простонародныхъ. — Причиною этого можно полагать отдаленіе его отъ центра города, онъ находится по ту сторону Сены, въ знаменитомъ Сен-Жерменскомъ предмѣстіи. Поэтому *Одеонъ* то и дѣло переходитъ отъ одного содержателя къ другому, но какъ большою частію онъ остается почти пустъ, то содержатели его заботятся только о томъ, какъ свести концы, не помышляя о невозможномъ улучшеніи и принсканіи хорошихъ артистовъ.—Лично я въ *Одеонѣ* не-былъ, по случаю временнаго закрытія театра, но говорятъ, что зала его хороша и удобна; цѣна мѣстамъ 5 франковъ.

Изъ извѣстныхъ артистовъ только двое играли въ послѣднее время на *Одеонѣ*: бывшій директоръ его, *Бокажэ* и г-жа *Дорваль*.

Первый былъ долгое время на театрѣ *Драматической Гимназии* и вмѣлъ тогда большой успѣхъ. Нынѣ, говорятъ журналы, онъ устарѣлъ, впрочемъ и то сказать, парижскимъ журналамъ, какъ и нашимъ, не всегда можно вѣрить.

Что-же касается до г-жи *Дорваль*, то она считается до сихъ поръ лучшею драматическою актрисою Франціи. Теперь она уже не молода, однакожъ еще недавно вмѣла колоссальный ус-

---

(*) Замѣчательно, что въ самомъ Парижѣ только два хорошихъ *jeunes premiers*: *Брессанъ* и *Лафербергъ*, оба такъ сказаны воспитанные въ Петербургѣ.

пѣхъ въ модной драмѣ *Мари-Жаннз*. — Золотымъ временемъ ея было то, когда она играла, вмѣстѣ съ Фредерикомъ Леметромъ, на театрѣ Сен-Мартенскихъ воротъ: нынѣ играютъ они на разныхъ сценахъ и это не мало вредитъ полному очарованію зрителя, производя на него почти то-же впечатлѣніе, какъ видъ великана возлѣ карлика.

Понменованные доселѣ театры считаются въ числѣ первоклассныхъ и получаютъ отъ правительства ежегодное вспоможеніе. — Къ этому-же разряду принадлежитъ, но безъ полученія пособія, новый театръ, основанный Александромъ Дюма, именно *Историческій*, Богъ-вѣсть почему такъ названный.

Театръ этотъ—*Théâtre Historique*—открытъ въ прошломъ году и зала его, безъ сомнѣнія, лучшая въ Парижѣ. Самое устройство его не похоже на всѣ прочіе театры, такъ-какъ ложи расположены не полукругомъ по обыкновенію, а оваломъ, отчего изъ всѣхъ ложъ одинаково хорошо видно и слышно. — Первою пьесою, данною на этомъ театрѣ была *Королева-Марио*, перелѣпанная, или вѣрнѣе сказать заимствованная Александромъ Дюма изъ его-же собственнаго романа, и успѣхъ которой по сію пору еще продолжается. — Труппа историческаго театра составлена довольно хорошо, хотя въ числѣ ея нѣтъ ни одной знаменитости. — Цѣна мѣстамъ 4 франка.

Лучшіе артисты—*Меленз*, *Лаферьерз* и г-жа *Моро-Сенти*.

Первый, *Меленз*—актеръ съ дарованіемъ, совѣтливый и опытный, у котораго вырываются иногда прекрасныя минуты, но какъ говорятъ, онъ нѣсколько холоденъ.

Второй, *Лаферьерз*—старый знакомецъ и любимецъ петербургской публики, котораго самъ Брессанъ не совершенно заставилъ позабыть. — Главное достоинство его—благородство манеръ и много одушевленія; но, къ-сожалѣнію, дирекція театра не даетъ ему случая выказаться вполне, и потому онъ здѣсь не пользуется тѣмъ успѣхомъ, котораго можно бы ожидать. Впрочемъ нѣкоторые журналы обратили уже на это вниманіе и откровенно высказали дирекціи свое мнѣніе.

Послѣдняя, г-жа *Моро-Сенти*, — талантъ не первоклассный, но актриса хорошая и не дюженная. — Прежде она была, кажется, пѣвицею, но спала съ голоса и рѣшилась попытать счастья на другой сценѣ. — Нѣтъ сомнѣнія, что

при томъ рвеніи, которое замѣтно въ ней, при такомъ руководителѣ, какъ Дюма, она можетъ, со временемъ, сдѣлаться актрисою замѣчательною, только прежде всего необходимо ей отвыкнуть отъ излишней плаксивости и поменѣе рисоваться на сценѣ.

Важный недостатокъ труппы Историческаго-Театра — *преувеличеніе характеровъ и вообще нѣкоторая напыщенность въ толь*, свойственная одной только мелодрамѣ. Кажется, что причиною этого самый родъ играемыхъ пьесъ, нѣсколько сбивающихся на мелодраму и, къ-сожаленію, перемежаемыхъ иногда музыкою, что сильно охлаждаетъ зрителя. — Впрочемъ, театръ этотъ основанъ и въ художественномъ отношеніи управляемъ Дюма, и потому смѣло можно надѣяться, что всѣ недостатки его скоро исчезнутъ и онъ сдѣлается однимъ изъ первыхъ въ Парижѣ.

Изъ такъ-называемыхъ бульварныхъ театровъ, первый, по принятой классификаціи—*Водевильный* (du Vaudeville), расположенный на Биржевой площади. — Театръ этотъ, подобно всѣмъ прочимъ бульварнымъ театрамъ, не такъ удобенъ и красивъ, какъ предыдущіе. — Цѣна мѣстамъ, какъ и во всѣхъ прочихъ, 4 франка. — Самое названіе театра показываетъ родъ представляемыхъ имъ пьесъ.

Актеровъ, пользующихся большою извѣстностію, на Водевильномъ-театрѣ нѣтъ. Лучшіе — директоръ его *Локруа*, который, къ-сожалѣнію, почти не играетъ, почему, не видавъ его лично и мало зная про него по слухамъ, судить объ немъ не могу; *Феликсъ* и *Барду*, артисты съ каждымъ днемъ болѣе любимые публикою и молодой же еще *гріміеръ Монталанъ*, сынъ бывшаго петербургскаго актера, общающій, со временемъ сдѣлается хорошимъ артистомъ, и наконецъ *Невилъ*, большой мастеръ на передразниванья прочихъ актеровъ.

Гораздо богаче женская часть труппы Водевилья.—Въ числѣ его актрисъ *Дошъ*, *Натали*, *Дарсье* и недавно еще поступила въ его составъ *Цоль-Эрнестъ*.

Первую, *Дошъ*, я лично не видалъ, но говорятъ она дѣйствительно хорошая актриса и хороша собою; еще недавно она производила фюгг, а парижская публика баловать не любитъ. — Впрочемъ, если вѣрять скандальной хроникѣ Парижа, есть нѣкоторыя причины думать, что и она,

можетъ - быть, скоро послѣдуетъ примѣру Плесси и Вольнисъ.

Вторая — *Натали* — прекрасная артистка, до-чрезвычайности напоминающая манерою игры и интонаціями голоса нашу Алланъ, которую, признаться, всегда вспомнишь съ сожалѣніемъ. Ктому-же она молода и хороша собою, такъ и не мудрено, что она пользуется большимъ успѣхомъ въ Парижѣ. Въ послѣднее время она въ-особенности производила эффектъ въ комедіи — водевилѣ *Послѣдняя любовь* (le dernier amour).

Дарсье — весьма молодая и не совсѣмъ еще опытная актриса, но она полагаетъ много надежды въ будущемъ. Торжествомъ ея водевилъ *«Виконтесса Лолотта»* (la Vicomtesse Lolotte).

Послѣдняя — *Поль-Эриестъ* еще недавно была на сценѣ *Разнообразія*, гдѣ умѣла выказаться подлѣ самаго Буффе, что доказываетъ въ ней несомнѣнное дарованіе.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще съ похвалою о г-жѣ *Гюльменъ*, которая въ настоящую пору лучшая дуэнья Парижа. Впрочемъ, со времени бѣгства къ намъ покойной Бра, Парижъ не имѣлъ еще ни одной актрисы въ этомъ родѣ, которая могла-бы хотя нѣсколько сравниться съ нею.

Прежде труппа Водевиля была одною изъ лучшихъ въ Парижѣ, но, по-несчастію, театръ этотъ былъ въ послѣднее время въ рукахъ братьевъ Коньяръ и они его нѣсколько разстроили. Нынѣ, съ переменною дирекціи, участь его вѣроятно, снова улучшится. (*)

Второй изъ числа бульварныхъ театровъ, представляющихъ одни только водевили *Жимназъ драматикъ* (театръ Драматической Гимназіи). Онъ находится на бульварѣ Бонъ-Нуviel и отличается хорошимъ тономъ своихъ пьесъ. — Передъ Июльскою революціею театръ этотъ, подъ названіемъ *Театръ де Мадамъ* (герцогини Беррійской), пользовался особымъ покровительствомъ Двора и имѣлъ обыкновеннымъ поставщикомъ

(*) Слышно, что въ составъ его опять поступаетъ г-жа *Альберъ*. Пока были уже нѣкоторые дебюты болѣе или менѣе удачные, и въ числѣ ихъ г. *Вольниса*, мужа Петербургской актрисы, который, по словамъ журналовъ, имѣлъ большой успѣхъ.

Скриба. — Въ то время Жимназъ переходилъ отъ успѣха къ успѣху и былъ едвали не лучшей театрѣ въ Парижѣ; но послѣ *трехъ дней* счастье его поколебалось, Скрибъ удалился, лучшие артисты разсѣялись и онъ быстро сталъ приходить въ упадокъ, въ-особенности съ 1836 г., когда его оставили Аланы. — Впоследствии дѣла его снова стали поправляться и теперь онъ опять чуть-ли не самый пріятный изъ Парижскихъ театровъ, тѣмъ болѣе, что и прежній поставщикъ его, Скрибъ, снова къ нему возвратился. — Зала Жимназа, какъ и всѣхъ бульварныхъ театровъ, не велика, но отдѣлана съ большимъ вкусомъ, чѣмъ прочія.

Въ числѣ артистовъ первое мѣсто занимаетъ — *Роза Шери*, недавно вышедшая за мужъ за директора театра Монтиньи и потому называемая иными журналами по имени своего мужа. — Артистка эта очень молода и прекрасное дарованіе ея не совсѣмъ еще развилось; но и такова, какъ есть, она считается теперь *первою* изъ молодыхъ артистокъ Парижа. — По правдѣ сказать, на меня лично она сильнаго впечатлѣнія не произвела, но, можетъ-быть, это произошло оттого, что я ее видѣлъ въ одной изъ самыхъ нелѣпныхъ пьесъ, *Un changement de main*, сюжетъ которой будто-бы взятъ изъ русской исторіи. — Главныя свойства ея — благородство и непринужденность манеръ. Изъ ролей ея пока лучшія въ пьесахъ *Кларисса Гарло* и *Ирена или Магнетизмъ*; какъ въ той, такъ и въ другой она имѣла колоссальный успѣхъ.

Вмѣстѣ съ нею отличается, ничѣмъ ей не уступаая, другой прекрасный талантъ, о которомъ долго еще будетъ помнить и сожалѣть Петербургъ, а именно *Брессанъ*. Въ Парижѣ, или вѣрнѣе сказать въ Жимназѣ, ему нѣтъ довольно простора выказать въ полномъ блескѣ свое рѣдкое дарованіе, самый родъ пьесъ, представляемыхъ на этой сценѣ, слишкомъ мелокъ и незначителенъ для него, привыкшаго къ репертуару большой важности. А какъ притомъ парижане по сию пору не могутъ простить ему бѣгство его въ Петербургъ, то, по этимъ двумъ причинамъ, онъ не пользуется у себя на родинѣ тѣмъ уваженіемъ, которое слѣдовало бы имѣть къ его прекрасному и разнообразному дарованію. Впрочемъ, за этимъ дѣломъ не станетъ и уже теперь парижская публика начинаетъ одумываться, только *наше* артистѣ смотритъ вол-

комъ въ лѣсъ и при первомъ случаѣ дастъ снова тягу на сѣверь. (*)

За этими двумя первоклассными артистами слѣдуютъ комикъ *Амаръ*, живой, веселой, разнообразный и большой мастеръ на пьсенки (**), и актеры *Фервиль* и *Тимранъ*, изъ которыхъ первый болѣе принадлежитъ къ разряду комиковъ, собственно говоря *financier*, а второй къ числу такъ-называемыхъ *первыхъ ролей и благородныхъ отцовъ*.

Изъ актрисъ лучше прочихъ, но ничуть не замѣчательныя — *Дезире*, *Мельси* и *Мартъ*, всѣ три что называется *utilités* (полезности).

Наконецъ, можно назвать еще очень молодаго человѣка — *Десланъ*, который подаетъ хорошія надежды въ роляхъ любовниковъ.

Третій театръ для водевилей *Варьете* (Разнообразія), находящійся на Монмартрскомъ бульварѣ, возлѣ пассажа де Понарама, — Театръ этотъ старѣйшій изъ всѣхъ водевильныхъ и постоянно пользовался благосклонностію публики. — Въ старыя годы на немъ играли Брюнне, Потье, Одри и Лепентръ ст., артисты, заслужившіе европейскую извѣстность. Теперь всѣ они перемерли или сошли со сцены, но, по-счастью, преемники ихъ, хотя не совершенно въ томъ-же родѣ, ни чѣмъ не хуже ихъ и на-волосъ не уступаютъ своимъ знаменитымъ предшественникамъ.

Главная знаменитость этого счастливаго театра *Буффе*, тотъ самый, который, по мнѣнію В. А. Каратыгина, лучший актеръ въ цѣломъ мірѣ. Къ-несчастью, его не было въ Парижѣ во время моего пребыванія; но, говорятъ, онъ одинаково превосходитъ въ комическихъ и высоко-драматическихъ роляхъ, что есть верхъ искусства и доступно только немногимъ избраннымъ. Теперь онъ не молодъ, однакожъ, до сихъ поръ играетъ

(*) *Брессанъ* самъ швъ сказалъ, что онъ почелъ-бы себя счастливымъ, если могъ-бы возвратиться въ Петербургъ. — Впрочемъ, не онъ одинъ желаетъ возврата въ Россію: желаніе это разделяютъ также *Лаферьеръ* и *Женевъ*. Вотъ настоящій *благородный отецъ!*

(**) Съ пѣкогорыхъ поръ на Парижскихъ театрахъ завелась мода пѣть въ антрактахъ пьсенки комическаго содержанія. На подобныя пѣсни большіе мастера *Амаръ*, *Гобманъ* и *Дежазо*.

въ *Gamin de Paris* (Парижскій уличный мальчишка) и, занимая роль *16 лѣтняго мальчика*, приводитъ публику въ невыразимый восторгъ.—Чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе объ его чрезвычайномъ дарованіи, должно сказать, что, при переходѣ его изъ Жимназа въ Варьете, дирекція послѣдняго не только поколебалась, но почла себя счастливою приобрѣсти такого артиста взносомъ за него *100.000 франковъ* неустойки, не говоря уже объ огромномъ содержаніи.

Другой извѣстный комикъ этого театра, *Верне*, нѣсколько устарѣлъ, однакожъ до сихъ поръ хорошъ; и гораздо лучше своего петербургскаго однофамильца.

За тѣмъ слѣдуетъ *Ариаль*, въ настоящее время любимѣйшій комикъ Парижа, но котораго тоже мнѣ не случилось видѣть. Говорятъ, онъ на сценѣ чрезвычайно веселъ и однимъ появленіемъ своимъ возбуждаетъ громкій смѣхъ въ партерѣ, и, что всего замѣчательнѣе, не прибѣгая никогда къ фарсамъ.

Остальные комики Варьете—*Гобманъ*, преимущественно неподражаемый въ роляхъ англичанъ; *Ленектръ* мл. актеръ не молодой, но знающій прекрасно сцену, чрезвычайно естественный и тоже никогда не прибѣгающій къ фарсамъ; *Ребаръ*, приводящій въ смѣхъ своею наружностію и игра котораго отличается какимъ-то особымъ простодушіемъ, и, наконецъ *Коппъ*, молодой актеръ, недавно перешедшій въ Парижъ съ провинціальной сцены, гдѣ онъ пользовался большимъ успѣхомъ, занимая первыя комическія роли.

Въ числѣ артистокъ, театръ де Варьете тоже имѣетъ двѣ знаменитости:

Первая—*Дежазе* въ особенности славится въ роляхъ мальчиковъ, но въ подобной роли видѣть мнѣ ее не удалось, и потому, быть-можетъ, она не произвела на меня полного эффекта. Но и въ женскихъ роляхъ она удивительно хороша и, при необыкновенной свѣжости голоса, невольно заставляетъ позабыть, что ей около 50 лѣтъ. Послѣднимъ ея торжествомъ былъ водевиль *Словесная мельница* (*le moulin à paroles*), гдѣ она представляетъ мельничиху, болтушку и кокетку, съ такимъ удивительнымъ совершенствомъ, что и повѣрить трудно. Съиграть лучше—невозможно! и можно поручиться, что ни одна изъ хорошихъ и вертлявыхъ парижскихъ актрисъ, даже при

дарованіи, не сравнится съ нею въ этой роли, даромъ, что она уже не молода и не хороша.

Другая знаменитость — *Флора*, неподражаемая въ сантиментальныхъ старухахъ и въ другихъ тому подобныхъ комическихъ роляхъ. Главное ея достоинство — необыкновенная веселость и живость не по лѣтамъ.

Изъ актеровъ, не комическихъ, прекрасенъ *Лафонъ*, занимающій тоже амплау, что у насъ Алланъ. Достоинства его — ловкость, соединенная съ благородствомъ манеръ и много одушевленія.

Изъ молодыхъ актрисъ Варьете можно упомянуть о *Сен-Маркъ* и *Лажье*, какъ подающихъ нѣкоторыя надежды. — Злые языки утверждаютъ, что послѣдняя въ особенности *подаетъ ихъ черезъ чуръ*, не смотря на то (а можетъ быть потому именно), что ей всего только 16 лѣтъ съ небольшимъ.

Четвертый и послѣдній изъ водевильныхъ театровъ — *Палероальскій* (театръ дю Пале-Рояль), находящійся въ самомъ Пале-Рояль, со стороны улицы Вивьенъ — Театръ этотъ самый забавный въ Парижѣ и, подобно предъидущему, отличается коллекціею комиковъ. Собственно говоря, вся мужская часть Палероальской труппы состоитъ исключительно изъ комиковъ, кромѣ одного только пресквернаго *jeune premier*, который и держится болѣе для проформы, ради принятаго обыкновенія. По этому самому распредѣленіе Палероальскихъ артистовъ — вещь невозможная, и тѣмъ болѣе, что всѣ они прекрасны, хотя въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного первокласснаго таланта.

Комики эти — *Сенвиль*, преимущественно играющій роли смѣшныхъ стариковъ; *Альсидъ Тузе*, занимающій амплау простяковъ (*); *Гиасентъ*, известный преимущественно по огромному носу; *Грассо*, удивительный въ роляхъ эксцентрическихъ, и, наконецъ, *Демешиль*, *Люге* и *Леритъе*, таланты односвойственные, забавные, но которыхъ трудно опредѣлить по неизмѣнно отличительныхъ особенностей.

Изъ актрисъ въ Пале-Рояль замѣчательна только одна — *Скриванекъ*, поступившая на роли Дежазе. — Конечно, пока еще она не можетъ заставить позабыть свою предшественницу, но от-

(*) Предшественникомъ его былъ нашъ Поль Минне.

чаиваться ей нечего: дарованія въ ней много, веселости также, и ко всему этому граціозность, т. е. такія три свойства, съ которыми она далеко уйдетъ при вѣкоторомъ стараніи, а оно, какъ можно судить, въ ней также есть.

Пьесы Палерояльскаго-театра часто имѣютъ большой успѣхъ. Въ нынѣшнемъ году модными пьесами были *Порохъ и хлопчатая бумага* (*Poudre et coton*), фарсъ, выдержавшій до 150 представленій; *Отецъ по случаю* (*Un père d'occasion*), прекрасный водевиль Поль-де-Кока и *Альманахъ 25000 адресовъ* (*L'Almanach des 25000 adresses*), пьеса Вильнѣва и Лафоржа. Нельзя также не упомянуть о другомъ водевилѣ Поль-де-Кока, имѣвшемъ большой успѣхъ: *Ванны на дому* (*Les bains à domicile*), гдѣ такъ уморительны *Сенвилъ* и *Альсидъ Тузе*: одинъ посинѣлый отъ холода и весь изъзябшій, сѣдя въ холодной ваннѣ; другою, напротивъ, раскраснѣвшій, какъ ракъ, отъ горячей. — Конечно, подобнаго рода пьесы не совершенно пристойны, впрочемъ въ отношеніи принятыхъ приличій, а не нравственности, и потому нѣтъ причины ихъ не допускать. Что за бѣда если посмѣются? il n'y a pas d'atteinte aux mœurs — говорятъ французы, и они правы!

Слѣдующіе за симъ три театра, въ которые не возбраненъ входъ порядочнымъ людямъ, посвящены преимущественно кровавымъ драмамъ и мелодрамамъ, напоминающимъ блаженное время такъ называемой *неустовой школы*.

Первый изъ нихъ—*театръ Сен-Мартенскихъ Воротъ*, бывшій послѣ июльскихъ дней, подъ управленіемъ покойнаго Гареля, самымъ моднымъ театромъ Париза и переходившій тогда отъ одного успѣха къ другому. — Нынѣ дѣло его не въ такомъ блестящемъ положеніи и изъ всѣхъ знаменитостей, когда-то блиставшихъ на его сценѣ, остался ей вѣренъ одинъ только *Фредерикъ Леметръ* — артистъ геніальный, который тогда уже былъ его лучшею, главною знаменитостію.

Тому, кто лично не видалъ этого артиста — Протея, нѣтъ возможности постичь всю прелесть, глубину и разнообразіе его дарованія. *Фредерикъ Леметръ* одинаково превосходенъ въ самыхъ драматическихъ и комическихъ роляхъ, и, смотря на него, переходить отъ слезъ къ смѣху и на оборотъ. — Нѣтъ роли, которую онъ не сыгралъ бы въ совершенствѣ, самую благородную и самую низкую. За что онъ ни возмется, все

выходить на диво! Силою дарованія онъ проникъ въ сокровеннѣйшія изгибы человѣческаго сердца, и какъ свѣтлыя, такъ и темныя стороны его равно ему знакомы. Онъ, кажется, все знаетъ, все испыталъ, все почувствовалъ, потому-что нѣтъ чувства, нѣтъ характера, котораго онъ не передалъ бы съ поразительною и часто ужасающею истиною. — Главное, удивительное достоинство его—необыкновенное разнообразіе, такъ-что перемѣна лица и фигуры ему ни по чемъ; притомъ онъ всегда самобытенъ и заклятой врагъ традицій и подражаній. При созданіи новой роли онъ прелается единственно своему вдохновенію, и не было пока примѣра, чтобы оно его обмануло. Нѣтъ, можетъ быть, артиста, который имѣлъ бы такъ много блестящихъ успѣховъ, какъ онъ; послѣднимъ была нелъная, но эффектная драма *Парижскій вѣтошникъ* (*Le chiffonnier de Paris*), въ которой онъ верхъ совершенства. — Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя его роли невозможны для всякаго другаго артиста, какъ бы великъ ни былъ его талантъ: таковы, сверхъ поименованной роли *вѣтошника*, *Vautrin*, въ драмѣ того же названія, (*) и въ особенности роль Робертъ-Макера (**), потому-что подобныя роли людей самаго низшаго класса труднѣе передавать въ ихъ удивительной и иногда звѣрской простотѣ, нежели всѣ роли трагическихъ героевъ, въ которыхъ, съ помощью громкаго голоса, при благородной фигурѣ и умѣньи держаться, успѣхъ почти несомнителенъ. (***)

За исключеніемъ Фредерика Леметра, нѣтъ ни одной знаменитости на театрѣ Сен-Мартевскихъ воротъ, впрочемъ труппа его недурна и въ составѣ ея есть нѣсколько хорошихъ артистовъ.

(*) Драма *Vautrin*, соч. Бальзака, представлена была всего только одинъ разъ и имѣла колоссальный успѣхъ: сълужющее представленіе не допустила полиція, испуганная безпривратностію пьесы.

(**) Пьеса, носящая это названіе производила *фуроръ* въ тридцатыхъ годахъ, но впоследствии, какъ предъидущая и недавно еще *Парижскія тайны*, запрещена правительствомъ. Кстати о послѣдней пьесѣ, въ ней Фредерикъ Леметръ игралъ роль *Жака-Феррана* и говорятъ такъ, что у зрителей волосы становились дыбомъ. Тотъ, кто его знаетъ, повѣритъ, что это не преувеличено.

(***) Изъ всѣхъ трагическихъ артистовъ только два произвели на меня сильное вѣсѣ атлѣніе: Фредерикъ Леметръ, въ роли вѣтошника, и В. А. Каратыгинъ въ «Заколдованномъ домѣ.»

Лучшій изъ нихъ *Кларансъ*, молодой артистъ, занимающій отчасти такъ-называемыя *первыя роли*, отчасти же роли *любовниковъ*, и снискавшій себѣ въ нихъ нѣкоторую извѣстность. Вообще это роли самыя трудныя и неблагодарныя, тѣмъ болѣе чести артисту, побѣдившему эти трудности и умѣвшему заставить публику замѣтить себя подлѣ самаго *Фредерика Леметра*. (*)

Другой изъ этихъ артистовъ — *Жемма*, занимающій съ успѣхомъ роли *благородныхъ отцовъ*, въ которыхъ онъ дѣйствительно благороденъ; актеръ этотъ не старъ, и при стараніи выдвинется еще впередъ.

Наконецъ *г-жа Кларисъ*, драматическая актриса, не совершенно еще опытная, но которая успѣла, однакожь, сдѣлать себѣ имя удачнымъ созданіемъ главной роли въ драмѣ *La Grâce de Dieu*, извѣстной у насъ подъ названіемъ *La nouvelle Fanchon*, (*Материнское благословеніе*) памятной петербургской публикѣ по чудной игрѣ г-жи *Альберъ*. Въ ней одинъ недостатокъ: она немножко шепеляетъ.

Второй театръ — *De la Gaité* (*Веселости*), находящійся на бульварѣ *Тампль*, вопреки своему названію, даетъ преимущественно кровавыя драмы, напшигованныя такъ-сказать убійствами и насиліемъ, или же пьесы волшебныя, отличающіяся постановкою на сцену, декораціями и машинами. — По этой причинѣ труппа его не отличается — даровитыми артистами; однакожь, по временамъ, нѣкоторые изъ его пьесъ имѣютъ большой успѣхъ и такова была въ послѣднее время чудовищная драма *Лондонскіе душиатели* (*Les étouffeurs de Londres*).

Послѣдній театръ — *Амбию - Комикъ* (*Комической смѣси*) находится на *Сен-Мартенскомъ* — бульварѣ и былъ до-сихъ-поръ преимущественно посвященъ пьесамъ народнымъ; но нынѣ его совершенно возобновили и повидимому онъ перемѣнитъ родъ представленій.

(*) Артистовъ, занимающихъ подобное амплуа, весьма не много въ настоящее время въ Парижѣ, и вотъ ихъ имена по достоинству: *Бресанъ*, *Лаферьеръ*, *Меленъ*, *Лафонъ*, *Кларансъ* и, наконецъ, *Мондидье*; но повторяю опять: всѣхъ лучше первый.

Составъ труппы этого театра недуренъ: между артистами его есть нѣсколько хорошихъ, хотя число ихъ весьма ограничено; впрочемъ вотъ ихъ имена:

Мондидье — актеръ молодой, занимающій главныя роли, который снискалъ уже себѣ извѣстность по рачительному и совѣтливому исполненію ихъ, и въ особенности по олушвлению, съ которымъ онъ играетъ.

Женьесъ — артистъ — пенсіонеръ петербургскихъ театровъ, занимающій теперь роли *благородныхъ отцовъ* и нѣкоторыя *первыя* роли. Несмотря на прекрасное дарованіе, онъ мало имѣетъ успѣха, по недостатку ролей.

Сара Феликсъ — сестра Рашели, молодая актриса, полная увлеченія и которая манерою игры часто напоминаетъ свою знаменитую сестру, не подражая ей, впрочемъ, нисколько. При стараніи и при болящемъ навыкѣ изъ нея выйдетъ замѣчательный талантъ. Притомъ она прекрасная пѣвица, одаренная рѣдкимъ контральто.

Наконецъ, къ числу зрѣлищъ для порядочной публики должно отнести еще два Цирка *Національный* въ Елисейскихъ поляхъ (*Галлуа*) и *Гипподромъ* близъ Триумфальныхъ воротъ Звѣзды (*Франкони*). — Составъ ихъ труппы не можетъ быть, по существу своему, предметомъ этой статьи; достаточно сказать, что представленія Галлуа и Франкони составляютъ одно изъ занимательнѣйшихъ зрѣлищъ Парижа и что въ ихъ труппѣ находится искуснѣйшій клоунъ нашего времени — *Оріоль*. — Тутъ-же нынѣшнимъ лѣтомъ показываемъ былъ испанскій карликъ *Дон — Франческо — Гидальи*, который ростомъ ниже извѣстнаго Тома-Пуса.

Слѣдующіе за тѣмъ театры чисто-простонародные; въ нихъ изъ бонтонной публики одни только мужчины изрѣдка отваживаются идти, и то еще почти никогда; впрочемъ они все не непристойны: просто не хороши.

Драматическихъ шалостей (*Folies dramatiques*)

Забавнаго отдохновенія (*Delassement comique*.)

Бомарше, основанный Женьесомъ.

Контъ. Играютъ дѣти.

Де-Фюанбюль, на которомъ находится *Поль*, преемникъ извѣстнаго Дебюро.

Люксамбургскій.

Батиньольскій.

Монмартрскій.

Лазари.

Сент-Антуанскихъ Воротъ.

Пантеонъ.

Сен-Марсельскій.

Наконецъ, къ числу театровъ слѣдуетъ еще отнести Театръ *Серафень* (кукольный), назначенный для дѣтей, и такъ называемый *Концертъ — Спектакль*, гдѣ чередуется концертъ съ представленіемъ, преимущественно волшебнымъ.

ТЕАТРАЛЬНІЯ

АКТОВЫЕ

АКТОВЫЕ

Субсидіи театровъ Парижа въ 1870 году. Въ 1870 году театры Парижа получили субсидіи отъ государства въ суммѣ 1,200,000 франковъ. Эти субсидіи были предназначены для поддержанія театровъ въ періодъ ихъ упадка, вызваннаго революціей 1848 года. Въ 1870 году театры получили субсидіи въ суммѣ 1,200,000 франковъ. Эти субсидіи были предназначены для поддержанія театровъ въ періодъ ихъ упадка, вызваннаго революціей 1848 года.

(См. также въ Календарѣ)

Вотъ эти театры Парижа, которые существуютъ до сих поръ. Но они не такъ много говорятъ, потому что они не такъ много говорятъ. Но они не такъ много говорятъ, потому что они не такъ много говорятъ. Но они не такъ много говорятъ, потому что они не такъ много говорятъ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЪТОШИСЬ.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Судъ Царя Соломона. Драма въ двухъ дѣйствіяхъ, подражаніе Кенье.

Герой изъ Тысячи одной ночи. Оригинальный водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. г. Толченова 4.

Семейная Война или все на своихъ мѣстахъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго на русскіе нравы.

Артисты между собою или чей фаитъ вынется, что тому дѣлать? Интермедія въ одномъ дѣйствіи.

(Бенефисъ г. Толченова 4)

Вотъ три новыя пьесы—объ которыхъ сказать ровно нечего! Но объ нихъ должно говорить, потому—что онѣ удостоились чести представленія.

Кенье написалъ трагедію въ пяти актахъ въ стихахъ, весьма слабую по вымыслу, но довольно сильную по нѣкоторымъ сценамъ

и удачнымъ выраженіямъ и мыслямъ. У насъ—изъ пяти актовъ выкинуто для краткости только три, изъ всѣхъ удачныхъ и эффектныхъ сценъ—сохранена только одна послѣдняя.

И это то произведеніе именуется: *Судъ царя Соломона*.

Герой изъ Тысячи одной ночи — есть герой изъ мелкой чиновничьей петербургской жизни. Вся интрига основана на томъ, что у двухъ друзей — горемыкъ, Перушкина и Прутикова, только одно платье. Когда одинъ уходитъ со двора, другой лежитъ въ постели, когда одинъ ѣсть, другой голодаетъ; когда одинъ счастливъ въ любви, другой счастливъ въ сновидѣніяхъ. Задача — недурна, и выполнена довольно недурно, хотя и перомъ еще неопытнымъ. Водевиль этотъ принадлежитъ къ разряду французскихъ фарсовъ, которыхъ вся цѣль посмѣшить зрителей на четверть часа. Авторъ его молодой актеръ Толченевъ 4, котораго весь недостатокъ состоитъ въ томъ, что онъ самъ играетъ въ своемъ произведеніи. При перевѣсѣ въ немъ авторскаго самолюбія, надъ самолюбіемъ сценическимъ, пьеса его много-бы выиграла.

Семейная война — есть изображеніе въ лицахъ тысячелѣтняго правила: что двѣ женщины вмѣстѣ не уживаются. Страсть властвовать до того въ нихъ развита, что онѣ не терпятъ соперничества въ одномъ домѣ. Мать хочетъ властвовать надъ женою своего сына; теща хочетъ быть хозяйкою въ домѣ зятя—это уже аксіома, и на ней основано болѣе тысячи пьесъ, но насмѣшка не исправитъ женской природы. И потому, каждая новая пьеса на эту старую тему, если она только составлена мало-мальски съ искусствомъ, всегда произведетъ эффектъ. Такъ было и съ *семейною войною*. Мы не рассказываемъ ея содержанія, потому—что призагаемъ ее цѣликомъ при вышней книжкѣ.

Артисты между собою — не то, что артисты передъ публикою, и публикѣ совсѣмъ бы не слѣдовало знать тѣхъ, ничего не значущихъ разговоровъ; которые они ведутъ между собою.

Гибель фрегата Медузы. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ, танцами (*медведей*), сраженіями, (за сценою) маршами и великолѣпнымъ спектаклемъ (!?!!) соч. *Шарля Нойе*. Переводъ съ Французскаго *П. Л.*

Емелюшка дурачекъ, Оригинальная комедія—водевиль, въ одномъ дѣйствіи. соч. *К. Гр. К.*

— (Бенефисъ г. Шеллева)

Въ Парижѣ есть бульварный театръ, называемый La Gaîté — театръ веселости, который отличается тѣмъ, что въ немъ даютъ прескучныя пьесы. Объ немъ одинъ остроумный французскій листокъ 365 разъ въ году, вмѣсто всякой критики, пишетъ только слѣдующія двѣ строки:

C'est ici
Qu' on est mal assis.

(Здѣсь—то сидѣть прескверно.)

Но этотъ театръ обладаетъ однимъ достоинствомъ: онъ имѣетъ отличнаго декоратора — машиниста. Дирекція это знаетъ и пользуется своимъ средствомъ. Декораторъ придумаетъ прекрасныя декораціи пустыни, симуна, пирамидъ — и вотъ къ нимъ заказываютъ пьесу; онъ написалъ море, бурю, корабль — въ два дни готовъ къ нимъ текстъ. Можно себѣ представить каковы должны быть драмы, написанныя для декорацій! Но публикѣ какое дѣло до драмы; она ходитъ смотрѣть декорацію и машины: и прекрасно — сборъ есть, изъ чего-же больше и биться?

Гибель фрегата Медузы — одна изъ пьесъ этого театра. Вотъ ей происхожденіе: знаменитый живописецъ Жерико написалъ прекрасную картину, изображающую плотъ, на которомъ спасается несчастный экипажъ Медузы. Картина эта поставлена въ Луврскомъ Музеѣ и всегда привлекаетъ толпы зрителей. Ловкій декораторъ театра *Веселости*, гдѣ сидѣтъ такъ скучно, тотчасъ смѣкнулъ, что недурно бы поставить эту картину на сцену, придумавъ къ ней еще хоть-бы бурю, кораблекрушеніе, abordажъ, тропическіе крестины, однимъ словомъ, разнаго морского добра. Вздумано—сдѣлано. Сысканъ нѣкій Нойе, который придѣлалъ къ картинамъ пояснительный текстъ, родъ программы въ лицахъ — и пьеса пошла въ ходъ. Парижане, жадные до новостей, бросились смотрѣть картину Жерико въ дѣйствицъ, такъ, какъ мы бѣгаемъ къ Лерату смотрѣть на картину Штейбена «Петръ на Ладожскомъ озерѣ.»

Искать драмы въ этой пояснительной программѣ нельзя и не должно. Это наборъ разныхъ морскихъ и заморскихъ сценъ, нанизанныхъ на живую нитку, безъ всякой логической связи. Фактура пьесы болѣе, чѣмъ обыкновенная: Герой пьесы, какъ обыкновенно, удалецъ — молодець, глуповатый, многорѣчивый и хвастунъ — это Пьеръ Бенаръ — идеалъ доблести. Второе лицо, ужъ разу-

мѣется, злодѣй, заправскій, такъ уже созданный отъ вѣка, который рѣжетъ, топить и отравляетъ людей — собственно для своего удовольствія. Это Матье — Люшаръ — *воплощеніе порока*. Третье лицо — страдалецъ, безотвѣтная жертва, угнетенная невинность, бѣдный Макаръ, на котораго все обрушивается: это Артуръ де Марсей — *олицетвореніе гонимой добродѣтели*. Для связи прикинута къ нимъ любовница Пьера — Марія, дѣвица *бѣдныхъ, но благородныхъ родителей*. Между этими-то лицами разыгрывается драма. *Порокъ* сватается на невестѣ *Доблести*, та ему отказываетъ. *Порокъ* мститъ *Доблести*, возбуждая въ ней ненависть и ревность къ *Добродѣтели*. Изъ этого заваривается каша, приправленная бурей, полькою медвѣдей, пьянымъ матросомъ, попойками и проч. и оканчивается кораблекрушеніемъ, во время котораго очень кстати враги узнаютъ другъ въ другѣ братьевъ. *Порокъ* утопаетъ въ морѣ, *Добродѣтель* всплываетъ на поверхность, *Угнетенная невинность* спасена. Все это, — въ тѣхъ формахъ и съ тѣми подробностями, которыя мы находимъ въ пьесѣ, — едва ли могло бы случиться въ жизни, но въ драмѣ оно дѣлается очень легко, потому-что, какъ мы уже сказали: *Доблесть* — молодцовата, да глуповата, *Добродѣтель* — безгласна, а *Порокъ* — яръ и дерзокъ.

Но какое дѣло до всей этой возни на сценѣ, смотрите *декорации* — и дѣло съ концомъ, а декорации, дѣйствительно, стоятъ того, чтобы ихъ посмотреть.

Емелюшка-дурачекъ — названъ *оригинальною комедію-водевилемъ*. Во-первыхъ — это не комедія, ибо въ ней не только нѣтъ характеровъ и мысли, но даже нѣтъ завязки, хода, и развязки. Во-вторыхъ — это не водевиль, потому-что, кромѣ просьбы автора, чтобы ему похлопали, въ немъ нѣтъ никакихъ куплетовъ. Въ третьихъ — тутъ нѣтъ ничего оригинальнаго — ибо все по ниточкѣ vybrano изъ повѣсти Вельгмана и другихъ водевилей. Въ четвертыхъ — это такая пошлость, которой не могъ спасти даже Мартыновъ, и о которой нельзя говорить съ приличіемъ и благопристойностію.

Г-жа Самойлова 1 пѣла новую русскую пѣсню на слова Пушкина: «*Девушки, подруженьки*.» Мы укажемъ ей на другую музыку, на тѣ же слова, г-жи Анитовой, которая гораздо оригинальнѣе этой, болѣе проникнута духомъ русской народности и богаче по вымыслу. Совѣтуемъ ее попробовать: она произведетъ вдвое болѣе впечатлѣнія.

Этотъ бенефисъ замѣчательнъ тѣмъ, что *бенефициантъ въ немъ неучаствовалъ*.

За короля. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, съ эпилогомъ. (Изъ романа *Олленъ Камеронъ*.)

Чуть-чуть въ Казань не уехали. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. А. Кононова.

Гусарская Столика, или еще Подмосквовныя проказы. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи.

(Бенефисъ 1-жи Гриневоі).

Прекрасный романъ, приписываемый Валтеръ-Скотту, — «*Олленъ Камеронъ*», напечатанный года четыре тому въ «Библиотекѣ для Чтенія» вѣроятно извѣстенъ каждому изъ нашихъ читателей. Содержаніе драмы «*За Короля*» взято изъ этого романа. Мы знаемъ мало повѣствованій, которыя ложились бы такъ ловко въ драму, какъ этотъ романъ, полный жизни, движенія, интереса, историческаго правдоподобія, богатый драматическими положеніями и характерами. Къ несчастію, онъ попалъ въ самыя неискusstvenныя руки — и вышла не драма, а какая-то кутерьма, безъ всякой мысли, чуждая даже тѣхъ красотъ, которыя просто слѣдовало бы выписать изъ романа.

Люди, бѣдные творчествомъ, полагаютъ, что гораздо легче взять чужой вымыселъ и выкроить изъ него пьесу, украсивъ себя такимъ образомъ, за сходную цѣну, павыми перьями. Но они въ жестокомъ заблужденіи: скорѣе и легче можно придумать что-нибудь свое — посредственное, чѣмъ чужое хорошее — передать хорошо. Мы уже имѣли случай говорить разъ о передѣлкахъ изъ романовъ и повѣстей, по поводу драмы «*Монте-Кристо*» и теперь повторять своихъ словъ не станемъ, хотя они вполне подходятъ къ пьесѣ «*За Короля*». Скажемъ только, что эта драма, кромѣ утомительнѣйшей скуки, никакого впечатлѣнія не производитъ. При величайшихъ недостаткахъ драматическаго творчества, она обличаетъ, сверхъ того, въ авторѣ совершенное незнаніе сцены. Остается пожалѣть, что романъ этотъ не попалъ въ лучшія руки: изъ него могла бы выдти превосходнѣйшая драма.

Г. Каратыгинъ 1. — въ роли Кромвеля, типически схватилъ *наружность* этого замѣчательнаго лица. Это живой портретъ Протектора, что-же касается до внутренняго характера, онъ передать его не могъ, за отсутствіемъ его въ самой роли.

Чуть-чуть въ Казань не уехали. Казанскій помѣщикъ Зачураевъ — скупъ, жена его капризна и расточительна, оттого между ними непрерывныя стычки. Побѣда всегда на сторонѣ жены, по-

тому что Зачураевъ, въ качествѣ водевильнаго помѣщика, обязанъ быть глупъ. У Зачураевой есть двоюродный братъ Склонскій, который прѣхалъ съ нею повидаться. Мужъ—съ дуру—принимаетъ его за любовника, не имѣя на то никакого повода, и хочетъ увезти жену въ Казань. Но жена рекомендуетъ ему своего брата и всѣ вмѣстѣ ѣдутъ въ театръ. Отъ души желаемъ имъ не попасть на такую пьесу, какъ эта!

Гусарская столетка—пьеса давно уже оправдавшая свой успѣхъ. Она возобновлена для г-жи Жулевой, этой молодой, умной и старательной актрисы, обещающей быть первымъ украшеніемъ нашего водевиля и благородной комедіи.

Г-жа Жулева чрезвычайно мила—въ юнкерѣ Ллевѣ, но признаемся откровенно, мы съ сожалѣніемъ и боязнью смотримъ на нее въ этой роли. Послѣ г-жи Асенковой всѣ эти роли не игрались, потому что для выполнения ихъ не было актрисы; г-жа Жулева своимъ свѣжимъ, пріятнымъ талантомъ, своимъ одушевленнымъ пріемомъ, своей задушевной наивностью, сильно напоминаетъ незабвенную Асенкову и навѣрное замѣнитъ ее на нашей сценѣ, но дай Богъ, чтобы она замѣнила ее не въ роляхъ, не принадлежащихъ ей по полу и не могущихъ развить ея замѣчательныхъ дарованій.

Есть, роли переодѣванія, въ которыхъ нельзя отказать молодому женскому кокетству, но это роли не *мужскія*. Дѣвушка, нарядившаяся временно мужчиной, именно тѣмъ и интересна на сценѣ, что въ ней сквозь костюмъ проглядываетъ ея женская натура, привычки и стыдливость ея пола. Таковы роли въ «Женщина-полковникъ» — «Дѣвушка-гусаръ» — и проч. Но всѣ эти роли молодыхъ волокитъ, забубенныхъ юнкеровъ, матушкиныхъ сынковъ, недорослей-королей—сущая пагуба для юнаго женскаго таланта и должны по праву принадлежать *мужчинамъ*.

О. К.

иногда... театральная... постановка... артисты... режиссер... декорации... костюмы... музыка... свет... звук... сценография... актерская игра... диалог... монолог... мимика... пантомима... танец... гимнастика... акробатика... жонглирование... фокусничество... клоунада... цирк... оперетта... балет... оперный театр... драматический театр... комедия... трагедия... пастораль... фарс... водеvil... оперетта... балет... оперный театр... драматический театр... комедия... трагедия... пастораль... фарс... водеvil...

МИХАЙЛОВСКИЙ ТЕАТРЪ.

ФРАНЦУЗСКІЕ СПЕКТАКЛИ.

Duchesse de Marzan. Драма въ трехъ актахъ съ прологомъ изъ двухъ картинъ (1-е представленіе).

Содержаніе этой драмы мы уже рассказали въ № 5-мъ въ *Обзорный иностранный театровъ.*

Г-жа Вольнисъ играла роль Елены. Что можно сказать объ игрѣ этой артистки?.. Что она хороша, прекрасна, превосходна, восхитительна? Всѣ эти эпитеты будутъ для ней недостаточны, Характеръ убитой горемъ и сознаниемъ проступка женщины, горячей любви матери и наконецъ самопожертвованія для обличенія преступленія, передала она съ дивнымъ совершенствомъ. Сцена, гдѣ она въ избавителѣ своего сына видитъ бывшего своего жениха—истинно поразительна!

Г. Давлунъ пріятно удивилъ и восхитилъ насъ ролью Гектора Мальи. Мы всегда видѣли въ немъ полезнаго артиста, но эта роль заставила обратить на него особенное вниманіе: Лучше выполнить такую трудную и характерную роль злодья — невозможно.

Г. Латуизъ. Тоже новое приобрѣтеніе нашей Французской труппы. Онъ выполнилъ здѣсь роль Самуила очень хорошо. Публика оцѣнила его игру и наградила вызовомъ.

Дѣтей Елены—Гастона и Генриха, играли *Г-жи Мейеръ* и *Фальконъ.* Они были обѣ хороши.

L'Ecole des Viellards. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. (1 представленіе).

Школа Стариковъ Казимира де-ла-Виня пьеса уже извѣстная, и какъ всѣ прочіе школы оканчивается къ общему благополучію, и главное въ пользу тѣхъ лицъ, которымъ она служитъ школою, Такъ и здѣсь. Старикъ д'Анвилъ, женившись на молодой, вѣтренной и капризной женщинѣ, къ концу пятого акта, успѣваетъ образовать изъ нее скромную, кроткую, и главное вѣрную супругу. Сюжетъ конченъ, поговоримъ лучше о самой супругѣ.

Роль Гортензін играла г-жа Плесси. Хвалить ее—значить повторять уже сказанное,—переписывать уже написанное. Это не первый дебютъ ея. Игра ея уже не требуетъ никакого разбора. Достаточно только сказать, что и въ этой пьесѣ она была хороша по обыкновенію. Лучшія ея мѣста были: настойчивость ея въ 1-мъ актѣ, бореніе чувствъ благоразумія и вѣтренности избалованной женщины въ 3-мъ, и наконецъ послѣдняя сцена примиренія въ 5-мъ актѣ.

Г. Алланъ въ роли старика д'Анвила, былъ также очень хорошъ.

Une chambre a deux lits, (Шутка въ 1 дѣйствіи). Les brodeuses de la reine. (Водевиль въ 1 дѣйствіи). Le muet d'Angouville. (Драма въ 2-хъ дѣйствіяхъ). и La Cachoucha ou trois coeurs tous neufs (Фарсъ въ 1 дѣйствіи). Бенефисъ г-жи Ирма-Убри. (Послѣднія три пьесы въ первый разъ).

Г-жа Ирма, поступившая на нашу сцену въ концѣ прошлаго года, приобрѣла уже себѣ репутацію ролями мужчинъ—повѣсь, танцами довольно вольными и проч. Бенефисъ ея замѣчательнъ по своему разнообразію и продолжительности. (Отъ 6½ до 12¼ часовъ ночи).

Начался онъ извѣстнымъ фарсомъ: «Chambre a deux lits, который былъ данъ для съѣзда каретъ. За нимъ слѣдовали:

Les brodeuses de la reine. Водевиль длинный и довольно скучный: Одна изъ золотошвейекъ королевы—Мери де Буфле, которая есть въ то же время и гусарскій полковникъ, дурачить всѣхъ вообще работниковъ, своихъ товарокъ,—а въ особенности ихъ надзирательницу, г-жу Пенелону Де ла Рошъ-Эгю. Полковникъ этотъ, вотъ видите ли, по собственнымъ видамъ передѣлся въ платьѣ золотошвейки, и волочится за одной изъ нихъ, именно за Изабеллой.—Успѣвъ уже довольно сдѣлать, онъ является опять въ своемъ видѣ и увозитъ ее. Вслѣдствіе этого нѣкій кавалеръ де Бель Шассъ, который волочился за ними обѣими (такъ золотошвейка—полковникъ былъ хорошъ) остается въ дуракахъ.—Мораль очевидна.

Къ *1-юй Ирмь*, игравшей роль полковника, очень идетъ гусарскій мундиръ. Больше объ ней и о пьесѣ сказать нечего.

Вотъ другое дѣло пьеса: *Le Muet d'Ingonville*, дай Богъ, чтобы побольше явилось на нашей сценѣ пьесъ съ подобнымъ содержаниемъ и выполнениемъ.

Молодой нѣмой Жоржъ, сирота, живетъ въ домѣ графини де Роврай, своей дальней родственницы, которая въ эту минуту выдаетъ дочь свою Марію за ея двоюроднаго брата Генриха. Но Генрихъ не достоинъ руки Маріи: онъ игрокъ и въ надеждѣ на приданое будущей жены проигралъ значительную сумму денегъ. Ихъ у него требуютъ, а у него нѣтъ ни гроша. Что долго думать, онъ рѣшается взять ихъ изъ шкатулки управляющаго тайкомъ. Жоржъ любитъ Марію, но это остается тайною для всѣхъ, кромѣ матроса Тоби, его друга, и потому, чтобы небыть свидѣтелемъ свадьбы Маріи, онъ рѣшается самъ сдѣлаться матросомъ, и уходитъ тайно изъ дому. Пропажа денегъ и Жоржа случилась почти въ одно и тоже время. Его подозрѣваютъ въ воровствѣ. Но онъ самъ не успѣлъ скрыться. Его принимаютъ за подозрительнаго человѣка, и преслѣдуютъ до замка, гдѣ онъ скрывается. Изъ сосѣдней комнаты онъ слышитъ обвиненія, на него возводимыя и въ негодованіи выбѣгаетъ. У него спрашиваютъ причину его побѣга — онъ упорствуетъ отвѣтомъ. Тогда Тоби, въ его оправданіе, рассказываетъ его любовь къ Маріи, и что она сама не совсѣмъ равнодушна къ нему. Отецъ Генриха желаетъ разъяснить это дѣло. Находятъ записку, гдѣ принуждаютъ Генриха заплатить проигранныя деньги. — Тогда узнаютъ все. Хотя онъ и положилъ снова въ шкатулку управляющаго взятыя деньги, но онъ обвиненъ. Бракъ его съ Маріей теперь невозможенъ, и онъ, чтобы смыть пятно, долженъ отправиться въ долгое путешествіе. Старикъ же Роврай, узнавъ въ Жоржѣ, по медальону, находящемуся на его груди — своего сына, котораго онъ давно покинулъ по обстоятельствамъ вмѣстѣ съ женою, усыновляетъ его, и переписываетъ для него контрактъ на свадьбу съ Маріею. Вотъ канва, на которой трое авторовъ и въ томъ числѣ знаменитый комикъ *Буффе* начертали многіе сильныя и истинно прекрасныя сцены.

Происхожденіе этой пьесы было случайное. Нѣсколько лѣтъ тому знаменитому Буффе докторъ запретилъ говорить на сценѣ въ продолженіи цѣлаго года, иначе не ручались за его жизнь. У него зарождалась горловая чахотка. Не оставаться же ему нѣмымъ на сценѣ, онъ долженъ былъ сзвѣсѣмъ не играть. Такое было мнѣніе публики. Но не такъ думалъ Буффе. Меньше, чѣмъ въ мѣсяцъ, поспѣла эта пьеса, и онъ въ роли Жоржа, не только показалъ новую

сторону своего гениальнаго таланта, но и доставилъ театру цѣлый рядъ полныхъ зборовъ.

Г-жа Вольнисъ, игравшая у насъ роль *Жоржа*, была лучше, чѣмъ прекрасна, если можно такъ выразиться. Незнаемъ, подражала ли она *Буффе* или нѣтъ, но только увѣрены, что сыграть такую трудную и сильную роль едва ли можно лучше ея. — Мимика ея такъ понятна и поразительна, что весь театръ заливался слезами отъ ея разказовъ. Особенно сильна была сцена, гдѣ она разказываетъ о гибели корабля, на которомъ она пыла съ своей матерью, о смерти матери, о ея похоронахъ, какъ послѣ она сама отрыла ее изъ могилы и унесла съ собою. — Если актеръ словами успѣлъ произвести подобный эффектъ, котораго она достигла только пантомимой, то онъ заслужилъ бы большое одобреніе. *Г-жа Вольнисъ* съ каждою новою ролью пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе любовь публики. Въ день ея представленія, театръ почти всегда полонъ, тутъ видны истинные любители изящнаго, истинные цѣнители драматическаго искусства.

Роль матроса *Тоби* игралъ *г. Руже*, о выполненіи этой роли нельзя умолчать. Онъ дѣйствительно былъ хорошъ. Роль эта не комическая, а довольно сильная, и *Руже* съ большимъ успѣхомъ передалъ типъ добряка матроса, готоваго для своего друга на всякое самопожертвованіе.—

Cachoucha ou les trois cocurs tout neufs—фарсъ довольно смѣшной и забавный! У стараго *Мартина*, учителя танцованія, онъ же и содержатель, публичной библіотеки (*Vergne*) трое дочерей, одаренныхъ самыми разнородными талантами. Желая упрочить ихъ будущность, онъ знакомится съ однимъ книгопродавцемъ, у котораго 18 человѣкъ дѣтей, все мальчики. *Мартинъ* выбираетъ изъ нихъ только троихъ — самыхъ лучшихъ, и посылаетъ сватать своихъ дочерей. Эти молодые люди истинно невинные сердца, какъ выражается объ нихъ афиша. Они дѣлаютъ тысячу неловкостей, и смѣшатъ до умору. Молодые дѣвушки, чтобъ обольстить своихъ жениховъ пускаются выказывать всѣ свои таланты. *M-elle Анна* поетъ имъ романсъ. *Фальконъ*, которая очень любитъ комедію, декламируетъ сильную сцену изъ «*Венеціанской актрисы*», приводящую въ трепетъ молодыхъ людей, и наконецъ *Ирма* танцуетъ качучу, ей подражаютъ и другія сестры, потомъ мало по малу и женихи. *Г-да Руже, Курси и Пешена* были очень хороши въ роляхъ молодыхъ невинныхъ людей. — *Г-жа Ирма* танцуетъ качучу съ рѣдкимъ искусствомъ. *Верне* въ роли танцмейстера смѣшилъ до слезъ.

Simon terre neuve, un tuteur de vingt ans (первый дебютъ г.

Монжоза, экзе-артиста второго Французскаго Театра, ангажированнаго Дирекціею на амбуа первых любовниковъ) и Les trois polkas.

Объ первыя пьесы даны въ 1-й разъ по возобновленію. Сюжетъ ихъ извѣстенъ. Обѣ были и на русской сценѣ (*Симонъ Сиротинка* и *Двадцатилѣтній опекунъ*) Мы скажемъ только о выполненіи.—

Роль Симона игралъ г. *Латушъ*. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ незадолго до г-жи *Волькисъ* и уже теперь приобрѣлъ любовь нашей публики. Онъ вполне этого заслуживаетъ. Роль Симона была выполнена имъ прекрасно. Сильные мѣста онъ произноситъ особенно хорошо. Куплетъ поетъ съ чувствомъ и энергіею. Вообще у насъ теперь нѣтъ недостатка ни на какое амбуа, особенно съ пріѣздомъ перваго любовника г. Монжоза.

Г. *Монжозъ* въ роли Фелкса (двадцати-лѣтній опекунъ) от-рекомендовалъ себя самымъ выгоднѣйшимъ образомъ. Съ перваго дебюта заслужилъ онъ сочувствіе всей массы публики. Прекрасный ростъ, въ высокой степени красивая сценическая наружность, изящныя манеры, нѣжный и выразительный органъ голоса, сильная и одушевленная игра, сразу привязали къ нему всѣхъ. Это такой сюжетъ, котораго только не доставало нашей Французской труппѣ, чтобы быть одною изъ первыхъ въ Европѣ. По первому дебюту этого артиста можно смѣло предсказать ему блестящую будущность. Къ тому же онъ еще слишкомъ молодъ, ему кажется не болѣе 20-ти лѣтъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ слѣующихъ его ролей, и заранѣе увѣрены, что это будетъ истинное наслажденіе для всѣхъ любителей искусства. А. А.

ОБОЗРѢНІЕ

ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ.

Парижскій театральнй міръ кипитъ жизнью и надеждами. Почти всѣ главнѣйшіе театры, Французскій, Одеонъ, Большая Опера, Водевиль, Веселости, получили новыхъ директоровъ, въ первыхъ трехъ сверхъ того произведены или производятся важныя преобразованія.

Большая Опера, совершенно упавшая въ несчастное управленіе г. Леона Пилле и г-жи Штольцъ, при новой дирекціи быстро оживаетъ и поднимается. Ревнивой царицъ, которая теперь, равно какъ и отставной директоръ, находится въ Миланъ, а оттуда собирается, для поправленія здоровья, въ Неаполь, явилось столько пріемницъ, что только выбирай, до-сихъ-поръ г-жи Дамронъ и Массонъ дѣлятъ между собою ея наслѣдство, какъ въ репертуаръ, такъ и въ восторгахъ публики; но въ непродолжительномъ времени ожидаютъ дебютовъ двухъ другихъ вновь ангажированныхъ пѣвицъ: г-жи Бергъ, въ роль *Матильды*, въ *Вильгельмъ Телль*, и г-жи Жюлианъ-ванъ-Гельдеръ, въ новой оперѣ Верди. Дюпре утѣшается неистовыми восторгами давнишнихъ своимъ знакомыхъ, парижанъ, въ не совсемъ пріятномъ результатъ своей артистической поѣздки въ Германію; рядомъ съ нимъ являются Борда и Путье, недавно вызванный изъ

Италія; онъ дебютировалъ съ огромнымъ успѣхомъ въ роли *Мазаниелло* въ *Фенелль*; нѣкоторые дерзкіе языки осмѣливаются даже говорить, что онъ опасный соперникъ царю французскихъ теноровъ. Басы—все прежніе любимцы парижской публики, Баруале и Алваръ. Репертуаръ до-сихъ-поръ заключается въ однихъ старыхъ произведеніяхъ, съ новою обстановкою; но общаются много новостей: балетъ *Марморная дѣвушка*, для дебюта г-жи Черито и ея мужа, Сенъ-Леона, большую оперу Обера, оперу Верди, неизгнанную еще оперу Довидзетти, написанную имъ не за долго до болѣзни, и большой балетъ съ музыкою Адольфа Алана.

Кстати о балетахъ! Дирекція Большой Оперы затѣваетъ огромную реформу въ этой области искусства: уничтожить танцоровъ! Мужчины будутъ участвовать только въ ансамбляхъ, все же соло будутъ предоставлены однѣмъ женщинамъ, не знаемъ, какъ другіе, а мы съ своей стороны, скажемъ отъ души спасибо тому, кто избавитъ насъ отъ весьма неизящнаго вертѣнія на одной ногѣ съ распростертыми руками, и отвратительныхъ прыжковъ съ ломаніемъ на воздухъ ногъ, спины и рукъ!

Французскій Театръ еще не открылъ своихъ представленій, но неокончанію работъ въ залѣ; но общается вскорѣ явится въ совершенно обновленномъ видѣ, съ новою жизнью и новымъ направленіемъ.

Театръ Одеона, о которомъ одинъ острякъ очень основательно замѣчалъ, *qu'il n'est jamais si bien fermé que lorsqu'il est ouvert*, также преобразованъ въ самомъ основаніи, и получилъ названіе *Второго Французскаго Театра*. Въ прологѣ, данномъ для открытія его, и служащемъ будто программю его будущей дѣятельности, онъ объявляетъ себя ревнителемъ истиннаго искусства и преслѣдователемъ всѣхъ литературныхъ и нелитературныхъ спекулянтовъ, которые оскверняютъ искусство, обращая его въ орудіе для достиженія своихъ эгоистическихъ и корыстныхъ видовъ. Задача прекрасная, но будетъ ли она исполнена?

Въ будущемъ много, а въ настоящемъ—покаместъ ничего, кромѣ дюжины новыхъ пьесъ, по большой части дюжиныхъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

DEUX LOUPS DE MER. (Два корсара.) Водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Бризбарра и Шарль Потье. (Театръ Веселости).

Робертъ и Моренъ, два старые корсара, затмѣваютъ своею дружбою Ореста и Пилада, Дамона и Писопа. Оба влюблены въ какую-то Магдалину Бернаръ; такъ-какъ у нихъ все общее, то они разумеется ввѣряютъ другъ другу и свою любовь, отчего между ними начинается состязаніе въ великодушіи; оно кончается тѣмъ, что Моренъ признается, что Магдалина его дочь, плодъ давнишней шалости. Но у Магдалины есть мать; она можетъ возстать противъ такого предосудительнаго предположенія, обличить обманщика; — какъ бы не такъ! почтенная матушка при первомъ словѣ восклицаетъ: Такъ это былъ ты! И Моренъ, въ довершеніе своего саможертвованія, женится на матери въ тотъ самый день, какъ Робертъ женится на дочери.

Успѣхомъ своимъ пьеса обязана некоторымъ черезъ-чуръ крупнымъ словцамъ, отъ которыхъ публика помирала со смѣху.

ROSE ET MARGUARITE. (Роза и Маргарита.) Водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Шарль Деное и Леонса (Театръ Водевилья).

У стараго чудака, барона Девилье двѣ внучки, которыхъ воспитаніе и пристройство ввѣрено богатому банкиру, Жаку Перрену, который печется о нихъ, какъ о родныхъ, и проситъ руки одной изъ нихъ. Но невѣста груститъ; можно догадываться, что она любитъ другаго, хотя она не открывала своей тайны даже сестрѣ; пріездъ Жюля де Сенъ-Ива все объясняетъ; его-то любитъ Маргарита, и союзъ съ Перреномъ отравитъ всю ея жизнь. Роза находитъ средство помочь бѣдѣ, не обидѣвъ ни сестры, ни добраго Перрена, благодѣтеля ихъ семейства; перемѣнивъ имена въ свадебныхъ приглашеніяхъ, она объявляетъ о своемъ бракосочетаніи съ Перреномъ, и сестры

своей съ Сент-Ивомъ. Всѣ довольны, и молодые, и баронъ Девилье, которому все равно за кого бы ни отдалъ внучекъ, лишь бы ихъ выдать. Олимпъ только двоюродный братецъ Фредерикъ ропщетъ; онъ хотѣлъ руки Маргариты, а ему преллагали руку Розы, да и ту, мимо его носа, отдали другому, съ этого времени онъ даетъ слово во всю жизнь не давать покою ни той, ни другой четѣ.

Роза довольна своею судьбою, до-тѣхъ-поръ, пока не привъзжаетъ ей сестра съ мужемъ; сравнивая съ нимъ Перрева, она невольно сознается, что мужъ ей старъ, что онъ любитъ не такъ, какъ бы она желала; Фредерикъ, привыкшій въ мутной водѣ ловить рыбу, разставляетъ свои сѣти вокругъ Розы; Перренъ, своимъ прямымъ умомъ и благородствомъ разрушаетъ его планы и принуждаетъ его ретироваться; Роза, тронутая довѣріемъ мужа, отдается ему всею душою.

Отразивъ опасность отъ своего семейства, Перренъ заботится о спокойствіи Сент-Ива и Маргариты. Фредерикъ, съ досады на первую неудачу, обратилъ свои виды въ эту сторону; Маргарита давно уже начала подозревать вѣрность мужа, Фредерикъ растравляетъ рану ея сердца, доставляя ей перехваченныя записки Жюля. Перренъ успѣваетъ образумить невѣрнаго супруга, Роза вымаливаетъ ему у Маргариты прощеніе, они мирятся, а Фредерикъ, опять отбитый, рѣшается сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ и мирнымъ братомъ.

Пьеса хорошо ведена и занимательна, она имѣла большой успѣхъ.

LE SUISSE DE MARLY. (Марліійскій швейцаръ). Водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Лёвена и Брунсвика.* (Театръ *Разнообразія*).

Дѣйствіе происходитъ въ царствованіе Людовика XV, въ то время, когда были въ модѣ порошки, посредствомъ которыхъ плуты и интригантки такъ часто дѣлались неожиданно обладателями милліоновъ. Почтенный швейцаръ Марлійскаго дворца открываетъ, что супруга его схоронила четырехъ му-

жей, ему и западаетъ въ голову мысль, что сожительница его занимается *убійствомъ*, и что ему не миновать участи своихъ предшественниковъ; въ каждомъ блюдѣ бонтся овъ яду, и чѣмъ слаще блюдо, тѣмъ оно ему страшнѣе. Къ довершенію его страха, жена его даетъ убѣжище какой-то таинственной четѣ; безпрестанно вертится около нея, перешептывается съ ними, нѣтъ сомнѣнія, что это ея сообщники. Онъ бы, не дожидаясь яду, умеръ отъ безпокойства и страху, если бы счастливый случай не открылъ ему, что четыре покойные мужа принадлежали не его супругѣ, а ея сестрѣ, вслѣдъ за тѣмъ объясняется, что и чета, наводившая на него такой ужасъ, скрывалась у него только отъ родственниковъ, не одобрявшихъ ея любви.

Г. Зальнахъ, успокоившись, съ жадностью ѣстъ грибы и пирожки, и благословляетъ жену и супружество.

Пьеска довольно милая и веселая.

LE BONHEUR SOUS LA MAIN (Счастье подъ рукою), водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Леонса и Нюса*. (Театръ Палерояля.)

Гаври принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые, имѣя счастье подъ рукою, не замѣчаютъ его, не хватаютъ на легу, а когда прозываютъ его, бранятъ судьбу на чемъ свѣтъ стоитъ. Онъ молодъ, хорошъ собою, богатъ; у него прекрасная сосѣдка, молодая, богатая вдовушка, способная покорить самое жестокое сердце; казалось бы, влюбиться, жениться, и дѣло съ концомъ! Гаври посящаетъ вдовушку, гуляетъ съ нею по полямъ и лѣсамъ, говоритъ ей всякій вздоръ, а о любви — ни слова. А сердце вдовушки такъ жаждетъ любви! всѣми силами зоветъ жаваго супруга, который утѣшилъ бы ее въ утратѣ покойнаго! Ксчастью у Гаври есть добрый пріятель, Шевалье де Брасье; зная всѣ водевильныя уловки, онъ поднимается на хитрость, чтобы обрязумить Гаври; онъ подбиваетъ мичмана, Жюля, молодаго челоуька, который мняегъ невѣсть чуть не каждый день, посвататься къ Гортензіи. Ревность открываетъ глаза Гаври; онъ просить руки вдовушки, и получаетъ

ее; Жюль же не горюетъ, онъ влюбляется въ Аделину, сестру Гаври, и женится на ней.

Большой успѣхъ.

LA FILLEULE А Nicot (Крестница Никѡ,) водевилъ въ одномъ дѣйствіи, соч. Делины (театръ Разнообразія).

Сядина въ бороду, а бѣсъ въ ребро! говоритъ пословица. Г. Никѡ, испыталъ это на дѣлѣ; голова его скоро будетъ бѣла какъ лунь, а онъ тѣмъ не менѣе очень чувствителенъ къ плутовскимъ глазкамъ и свѣжему личику своей крестницы, Туанетты. А эта Туанетта ни кто иная, какъ офицеръ Французской арміи, пожалованный въ крестницы добраго Голландца его невестою, Бригиттою (замѣтьте, что у стараго грѣховодника есть еще и невеста!); настоящая же Туанетта, скрывается у своего возлюбленнаго, Кабоша. Переряженный офицеръ выманываетъ у влюбленнаго старика пропускъ въ австрійскій лагерь. Съ помощью этой хитрости, Французы торжествуютъ и вся область покоряется трехцвѣтному знамени. Офицеръ уступаетъ свое мѣсто настоящей Туанеттѣ, которая выходитъ за Кабоша, а старикъ Никѡ мирится съ Бригиттою и женится.

Презабавная путаница.

SIMON LE VOLEUR (Симонъ воръ), драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, соч. Лорансена. (Театръ веселости).

Старая пѣсня о дворянинѣ управителѣ, который наговариваетъ на честнаго фермера Симона; за то, что жена Симона недоступна его любви, прогнанный какъ воръ, обезславленный, Симонъ избавляется отъ тюрьмы только благодаря революціи; Комитетъ общей безопасности назначаетъ его военнымъ комис-

саромъ въ Нормандію; прежній помѣщикъ его попадаетъ въ его руки; Симонъ возвращаетъ ему имѣніе; а помѣщикъ, убѣдившись въ невинности фермера, отдаетъ дочь за его сына. Все это длинно, длинно, поучительно и чинно, и весьма полезно на сонъ грядущій. Тутъ есть все условія мелодрамы, революціонеры и аристократы, эмигранты и савкюлоты, правоученія и Marseillaise; а зрители все это приправили звъками всѣхъ формъ и размъровъ; не доставало только — свистковъ.

La femme à deux maris (Двумужница), комедія — водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Поль-де-Кока* и *Байе* (Театръ *Драматической Гимназіи*).

Вы все, читавшіе дивныя приключенія Робинсона Крузо, вѣрно не воображали, чтобы очаровательная книга Дефо могла разрушить спокойствіе и семейное счастье чловѣка? Гг. *Поль-де-Кокъ* и *Байе* увѣряютъ, что оно такъ: Бало женился на вдовѣ моряка Бризрока, погибшаго, по общему мнѣнію, во время кораблекрушенія; онъ былъ спокоенъ и счастливъ до тѣхъ поръ, пока не попалъ ему подъ руку эта очаровательная книга: «почему знать, подумалъ онъ, можетъ быть и покойный мужъ моей Адольфины не погибъ, а живетъ на какомъ нибудь дикомъ островѣ; и чего добраго, грянетъ мнѣ вдругъ на голову, и увезетъ мою жену, быть царицею заведенной пмъ колоніи!» Эта мысль не даетъ ему покою ни днемъ, ни ночью. Вообразите же себѣ его отчаяніе, его ужасъ, когда, въ одинъ прекрасный день, является незнакомый чловѣкъ, называетъ себя Бризрокомъ, и требуетъ вымачи жены. Что дѣлать бланому мужу чужой жены? поставить ее на карту? защищать свое добро силою оружія? Нѣтъ, онъ придумываетъ другое средство, поитъ Бризрока въ надеждѣ, что онъ забудетъ свои права. Бризрокъ пьетъ пренсправно, но за каждымъ стаканомъ пунша все грознѣе и грознѣе повторяетъ свое требованіе и, вышедши наконецъ изъ терпѣнія, вламывается въ ком-

нату Адольфины. Балò ни живъ ни мервъ; Бризрокъ скоро возвращается, ведя за руку Гортензію, пріятельницу Адольфинича а въ противоположныхъ дверяхъ является сама Адольфина. Дѣло объясняется: Бризрокъ дѣйствительно Бризрокъ, но не мужъ Адольфины, а его двоюродный братъ и мужъ Гортензій; онъ пришелъ дѣйствительно за женою, которая, какъ онъ воображаетъ, въ отсутствіе его вышла за другаго; Гортензія объясняетъ ему, что она бѣжала изъ супружескаго дома, услышавъ, что мужъ везетъ съ собою изъ Бразиліи какую-то мамзель Ирму, и скрывалась у своей пріятельницы Адольфины. Бризрокъ успокоиваетъ жену и г. Балò, сказавъ первой, что мамзель Ирма просто бразильская обезьяна, которую онъ везъ ей въ подарокъ, а второму подтвердивъ смерть мужа Адольфины. Всѣ остаются довольны, въ томъ числѣ и зрители, которые всегда рады случаю отъ души посмѣяться.

—

LE PASSÉ ET L'AVENIR (Прошедшее и будущее), прологъ въ одномъ дѣйствіи, соч. *Мишеля Карре*, и *Шарля Наррел*. (Театръ *Одеона*).

Оскаръ Дюбюиссонъ, драматическій писатель, имѣющій прее высокое понятіе о своемъ талантѣ, шатается взадъ и впередъ по пустымъ заламъ *Одеона*, въ ожиданіи директора, который занятъ чтеніемъ пьесы одного молодаго поэта. Бѣдный театр! восклицаетъ Дюбюиссонъ; онъ воображаетъ, что молодые люди его поставятъ на ноги! Вотъ я другое дѣло; у меня въ головѣ цѣлая дюжина плановъ, кромѣ рукописи; которая въ рукахъ директора; я охотно поддержу театръ, и разработаю себя самому хорошее состояніе; пусть только играютъ однѣ мои пьесы, которыя я напишу олимпъ, или съ своими сотрудниками; театръ можно будетъ назвать моимъ именемъ! — Сладкія мечты поэта прерываетъ г. Гранденъ, провинціальный дялюшка, пріѣхавшій въ Парижъ искать своей племянницы, бѣжавшей съ однимъ молодымъ поэтомъ, чтобы дебютировать въ *Одеонѣ*. Между тѣмъ, какъ Дюбюиссонъ съ жадностью слу-

ашеть въ подробности дѣла, чтобы воспользоваться ими для будущей своей пьесы, является Анри, тотъ самый молодой чело­вѣкъ, котораго драма въ чтеніи; Гранденъ узнаетъ въ немъ обольстителя племянницы, и спрашиваетъ гдѣ она; Анри не знаетъ. — А, это нашъ молодой поэтъ, подхватываетъ Дюбюиссонъ, предлагаетъ ему свою помощь и покровительство, читаетъ ему всю теорію драматическихъ поставщиковъ, смѣется надъ его *реблическими* понятіями о чистотѣ искусства и достоинствѣ поэзій, и проч. и проч. Между тѣмъ, какъ онъ тщетно силится обратить молодаго поэта на правый путь, а дядя по всѣмъ угламъ ищетъ бѣжавшей племянницы, Леонія входитъ въ офицерскомъ мундирѣ, съ пріятельницею своею, Жюльеттою, и объ твердятъ свои роли къ дебюту. Гранденъ бѣсится пуще прежняго; но онъ самъ охотникъ играть на театрахъ любителей, и потому скоро успокаивается, въ особенности, когда представляется случай подсказать Леоніи ея роль. Увлеченный воспоминаніями, Гранденъ читаетъ тираду за тирадою, роль за ролью, и съ такимъ жаромъ, что директоръ уговариваетъ его ангажироваться. Пьеса Анри принята, а драмъ Дюбюиссона отказъ — оставляю васъ на произволь судьбы, восклицаетъ взбѣшенный драматургъ; прошу не надѣяться на мое содѣйствіе!

Мысль этого пролога, какъ мы уже говорили, заключается въ осмѣяніи промышленной литературы, олицетворенной въ Дюбюиссонъ, и противопоставленіи ей чистой безкорыстной литературы, болѣе достойной названія искусства. Эта благородная цель должна была возбудить общее участіе зрителей, не смотря на слабость произведенія; такого рода сочиненіе должно бы сыпать намеками и выходками на современность, дышать сатирою, а въ этой пьесѣ сатира ограничивается лицомъ поэта Дюбюиссона, мастерски списаннаго съ одной изъ нынѣшнихъ знаменитостей французской литературы.

ISABELLE DE CASTILLE (Изабелла, Кастильская) драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ соч. *Жюль Бажо*, (Театръ *Одеона*).

Кастильская инфанта Изабелла приходитъ, одѣтая пилигримомъ, къ Португальскому двору, отыскивать своего мужа Дона Педро де-Лара, который оставилъ ее, живетъ при португальскомъ дворѣ подъ именемъ донъ Гомеса, и считается женихомъ Португальской Инфанты Хуаны.

Изабелла застаётъ его въ бесѣдѣ съ Хуаною и открываетъ ей, кто этотъ человекъ. Донъ Педро отвѣчаетъ, что оставилъ ее за то, что отецъ ея отравилъ его отца, и что Папа скоро уничтожитъ соединяющія ихъ узы. Изабелла въ отчаяніи.

При дворѣ Альфонса есть одинъ Мавръ, Омара; котораго невѣста была убита при осадѣ какого-то города однимъ Кастильскимъ воиномъ; онъ поклялся отомстить убійцу, котораго онъ узналъ въ Донъ Педрѣ. Скоро представляется къ тому случаю. Кастильскій король проситъ руки Хуаны; Альфонсъ, хотя и знаетъ любовь дочери къ Дону Педру, не колеблется отдать ей руку; его просьбы, и потомъ его приказанія, а съ другой стороны слова Изабеллы, описывающей вѣроломство ея возлюбленнаго, наконецъ убѣждаютъ Инфанту, она соглашается; и даже рѣшается не видѣть Дона Педро; но первое его слово возвращаетъ ее къ любви. Кастильскій посолъ, донъ Гормасъ, требуетъ отъ имени своего государя выдачи донъ Педро; донъ Альфонсъ отказывается; свадьба разстроивается и открывается война. Омара предлагаетъ дону Гормасу голову донъ Педро въ видъ выкупа за своего брата, находящагося въ плѣну у донъ Санча. Гормасъ, личный врагъ донъ Педро и его дома, соглашается. Мавръ вездѣ стережетъ и преслѣдуетъ донъ Педро, но Изабелла спасаетъ его, не смотря на то, что онъ уже получилъ отъ Папы разводную, и долженъ жениться на Хуанѣ.

Война предаётъ донъ Педро въ руки кастильскаго короля; онъ въ тюрьмѣ и приговоренъ къ казни. Но неутомимая Изабелла полкуила тюремщика, и является къ мужу, котораго она нашла средство спасти. Тронутый ея любовью и преданностью, донъ Педро прощаетъ ее. Они уже выходятъ, но на порогъ останавливаетъ ихъ донъ Гормасъ. Все кончено: Изабелла умоляетъ его, плачетъ, укоряетъ его, клянетъ, онъ ничего не слушаетъ. Вдругъ его самого схватываютъ: открылось, что онъ

отравилъ отца донъ Педро и сложилъ это преступленіе на отца Изабеллы; его ведутъ на казнь.

Въ пятюмъ дѣйствіи донъ Педро объявляетъ своей невестѣ, Хуанѣ, что онъ примирился съ Изабеллою; донъ Альфонсо хватается за мечъ и хочетъ отомстить за оскорбленіе; донъ Педро бросаетъ мечъ и падаетъ къ ногамъ короля, который удаляется, осыпая его проклятіями. Донъ Педро собирается идти съ Изабеллою изъ дворца; мстительный Мавръ поджидаетъ его у выхода, бросается на него, и вонзаетъ ему кинжалъ въ сердце.

Эта драма, произведеніе молодаго человека, впервые выступающаго на драматическое поприще; она скучна, несвязна, и неровна; лица въ ней суетятся безъ всякой видимой причины; характеры шатки и безцвѣтны, кромѣ характера Изабеллы, которой одинъ поддерживаетъ пьесу; языкъ гладокъ, но слабъ и вялъ.

UN CHEVEU BLOND (Блѣлокурый волосъ) комедія—водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Леона Гозлана* (Театръ *Водевилья*.)

Что то въ роль переслащенной пастушеской пьесы съ аристократическими именами, которая вовсе не дѣлаетъ чести г. Гозлану. Молодая маркиза де-Шеневьеръ, племянница и пѣчмица виконта Шатильона, ревнуетъ своего жениха, молодаго герцога де-Рокфелья, и отказываетъ ему, изъ за блѣлокুরаго волоса, которымъ обшита его перчатка. Мать герцога въ отчаяніи; она такъ давно имѣла видъ на Тіанжскій лѣсъ, который долженъ былъ перейти вслѣдствіе этого брака въ ея руки, и теперь все разстроено! Однакоже дѣло объясняется; волосъ оказывается подаркомъ не соперницы, а сестры герцога, и молодая маркиза мирится съ женихомъ, и отдаетъ ему руку и сердце; а старая герцогиня приходитъ въ такой восторгъ отъ Тіанжскаго лѣса, что ни съ того, ни съ другаго отдаетъ свою шестнадцатилѣтнюю дочь за стараго брюзгу и подагрика, виконта Шатильона.

PROMETTE ET TENIR (Дать слово и держать). Комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. Жуо (Театръ Одеона).

Молодой баронъ де Монлюкъ идетъ по слѣдамъ извѣстнаго герцога де Ришле: скутить, мотаетъ, волочитъ, и смѣется надъ поузеніями своего гувернера. Къ несчастію, поставивъ ребромъ послѣдній франкъ, онъ принужденъ обратиться къ провинціалу—дядь, который даетъ ему деньги съ условіемъ, чтобы онъ къ извѣстному сроку исправился, и сталъ порядочнымъ человѣкомъ. Наступаетъ срокъ, а нашъ негодяй и не принимался за исправленіе. Мало того, въ самый день, назначенный ему срокомъ, онъ назначаетъ свиданіе своимъ любовницамъ; являются: гризетка, которой онъ обѣщаль сердце; пѣвица, которой онъ обѣщаль что то подороже сердца, и молоденькая дѣвушка Софія, которую онъ серьезно любилъ; онъ ихъ всѣхъ одну за другою прячетъ въ кабинетъ рѣзкостей гувернера. Представьте себѣ изумленіе и негодованіе дядюшки, когда онъ является, чтобы собственными глазами удостовѣрится въ исправленіи племянника. Тутъ же на бѣду является четвертая красавица, требовать съ гувернера, обещенную награду за свою любовь. Оба негодяи ни живы, ни мертвы. Дѣло однако же улаживается; гризетку проводятъ; пѣвица довольствуется обѣщаніемъ дружбы, баронъ обѣщаетъ жениться на Софій, а гувернеръ, въ уплату своего долга, женится на своей отставной актрисѣ.

Успѣхъ.

LE RÉVEIL DU LION (Пробужденіе льва). Комедія водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Байра и Гена (Театръ Драматической Гимназіи).

Эрнестъ де Фонбланшъ одолжилъ свою квартиру пріятелю своему, парижскому льву, Гектору де Молеону, для вечеринки. Къ несчастію, привѣзжаетъ нечаянно изъ провинціи крестный отецъ Эрнеста. Старикъ хотѣлъ бы отдохнуть съ дороги, а тутъ готовятся пить, танцовать, играть! Г. Фонбланшъ узнаетъ все это изъ валяющейся на столѣ записки къ крестнику, приправленной очень недѣльными отзывами о старой чучель! —

Старая чучела! постойте вы, молодчики! не хуже васъ сумѣемъ попить, поволочиться, поиграть! — Сходятся гости, и между прочими, къ крайнему изумленію Эрнеста, мамзель Леонія, на которую онъ не смѣетъ глазъ поднять. Бѣдняжка думала придти къ г. Фонбланшу, и со смущеніемъ видитъ себя среди такого множества насмѣшливыхъ лицъ и двусмысленныхъ улыбокъ. — Вдругъ, о ливо! входитъ старикъ, въ бѣломъ галстухъ, въ модномъ фракъ, щеголь хоть куда!

Г. Фонбланшъ скоро дѣлается герцемъ праздника. Одного приводитъ въ ужасъ огромною игрою, у другаго въ полчаса отбиваетъ любовницу; рассказываетъ свои дѣла минувшихъ лѣтъ. Между прочимъ, лѣтъ восемнадцать тому, онъ убилъ человека на дуэли; — потомъ послалъ письмо къ вдовѣ убитаго, обѣщая ей навсегда свою помощь и покровительство. Онъ желалъ бы знать, что случилось съ этою женщиною, но не знаетъ, гдѣ искать ее? — Она умерла, говоритъ Леонія, и подаетъ ему письмо, прося его покровительства. — Къ чорту карты и полька, теперъ не до того! Леонія, я обѣщалъ вашей матери не оставить ее и сдержу слово; отдаю вамъ все свое состояніе! Леонія, раздѣляя мнѣніе поэтовъ, что богатство постыло, когда его не съ кѣмъ раздѣлить, обѣщаетъ подѣлиться имъ съ Эрнестомъ, и въ прилачу отдать ему сердце и руку. — А старый левъ возвращается въ свою спокойную провинцію, пока не вызоветъ его оттуда другое доброе дѣло.

Пьеса мила и остроумна, и вполне заслужила свой огромный успѣхъ.

СМѢСЬ.

МИЛАНСКІЙ КАРНАВАЛЪ.

(Повѣсть Луджи Романи).

I.

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ счастливы? говорилъ красивый молодой брюнетъ, стоявшій опершись на спинку кресель, въ которыхъ сидѣла прелестная молодая женщина, и вышивала богатый узоръ разноцвѣтными шелками.

— Повторяю вамъ, что жизнь моя течетъ спокойно и однообразно, и что мнѣ ровно нечего желать.

— Возможно ли, Адель, чтобы въ сердцѣ вашемъ не оставалось ни малѣйшаго слѣда любви, которая, по вашимъ словамъ, должна была быть такъ же вѣчна и безпредѣльна, какъ моя.

— Густавъ, я не говорила о воспоминаніяхъ, которыя могутъ порою возмущать спокойствіе моего сердца. Они моя тайна,— мое горе, если угодно; но, будучи любима мужемъ, старающимся о томъ только, какъ бы мнѣ угодить...

— Да можете ли вы любить человѣка, который могъ бы вамъ быть отцомъ?

— Дружба, благодарность, долгъ связываютъ меня съ нимъ всю жизнь.

— А любовь?

Т. X. Отд. II.

— Ахъ, любовь мнѣ суждено было извѣдать за тѣмъ только, чтобы на одно мгновеніе насладиться ея упоеніемъ, и потомъ всѣми силами стараться ее забыть.

— И вы видно забыли ее, когда при встрѣчѣ со мною, послѣ четырехлѣтней разлуки, никакое волненіе не выразилось въ вашемъ лицѣ, сердце ваше даже не встрепенулось.

— Неблагодарный!

— Не запирайтесь, не запирайтесь; вы совершенно забыли тѣ блаженные дни, когда души наши сливались въ одно и горѣли однимъ пламенемъ. Вы вели свокоиную, свѣтлую жизнь, между тѣмъ, какъ я изнывалъ въ безплодномъ страданіи.

— Густавъ!..

— И теперь, теперь, когда я подлѣ васъ, говорю съ вами, когда меня безпрестанно кидаетъ въ жаръ и въ холодъ, вы спокойно и равнодушно слушаете меня, и смотрите на меня, какъ на посторонняго.

— Ахъ, зачѣмъ оно не такъ въ самомъ дѣлѣ!..

— Какъ, возможно-ли? Неужели я ошибаюсь, и подъ этою спокойною наружностью... Нѣтъ, я не смѣю предаваться этой сладкой мечтѣ... я чувствую, что сошелъ бы съ ума отъ радости. Неужели я могу еще... О Адель, скажитесь надъ несчастнымъ, который любить васъ безпредѣльною любовью.

Густавъ схватилъ руку Адели и прижалъ ее къ сердцу, между тѣмъ, какъ пылающія уста его касались черныхъ, какъ смоль, волосъ молодой женщины.

Адель, дрожа, и будто околдованная страстными рѣчами молодаго человѣка, слабо защищалась противъ его восторговъ. Ружейный выстрѣлъ, раздавшійся невдалекѣ, вырвалъ ихъ изъ обаянія любви, Адель посѣбно вскочила.—Удадитесь, вскричала она въ смущеніи, удалитесь! Вотъ мой мужъ, онъ возвращается съ пріятелями съ охоты.

— Уже поздно, онъ меня видѣлъ, отвѣчалъ Густавъ, выглянувшій между тѣмъ съ балкона, выходявшаго на оживленную окрестность.

— Боже мой! что онъ подумаетъ, найдя меня съ вами наединѣ.

— Стало быть онъ ревнивъ; а вы счастливы!..

— Онъ меня любить, а я его жена.

— Проклятіе! пробормоталъ Густавъ сквозь зубы, и подоидя къ флигелю, стоявшему въ углу изящно убранной комнаты, открылъ его, съѣзъ и пальцы его стали быстро бѣгать по клавишамъ, извлекая рѣзкіе, порывистые звуки, изобличавшіе бурю, кипѣющую въ его сердцѣ. Адель сѣла, и снова принялась за шитье,

стараясь принять спокойный видъ. Громкіе голоса и стукъ прикладовъ объ полъ возвѣщали, что донъ-Роберто и его пріатели вошли въ сосѣдную комнату. Глаза Адели были опущены на работу; но сердце сильно билось въ ея груди, а Густавъ, удерживая свою ярость, старался смягчить рѣзкость акордовъ, вырывавшихся изъ подъ его пальцевъ. Слуга отворилъ дверь и донъ-Роберто съ пріателями, въ охотничьихъ платьяхъ, весело вошли въ комнату и приблизились къ хозяйкѣ. Аделъ, привставъ, встрѣтила улыбкою мужа и его пріателей; но, будучи не въ силахъ выдержать взгляда донъ-Роберта, снова опустила глаза, и яркій румянецъ разлился по ея щекамъ.

— Миѣ помнится, сказалъ донъ-Роберто, глядя поочередно на жену и на Густава, что я когда-то уже видѣлъ этого молодого человѣка.

— Не мудрено, отвѣчала Аделъ; онъ былъ очень коротокъ въ нашемъ домѣ, и до отъѣзда своего въ Америку, гдѣ онъ пробылъ четыре года, бывалъ каждый день у моего отца.

— Помню, Густавъ Д., подхватилъ донъ-Роберто, не спуская глазъ съ молодыхъ людей. Чему же я обязанъ честью видѣть его у себя?

— Находясь случайно на дачѣ на короткое время, я не могъ устоять противъ желанія видѣть вашу супругу и засвидѣтельствовать свое почтеніе дочери человѣка, котораго я всегда уважалъ, и который любилъ меня, какъ сына.

— Ваше посѣщеніе доставило вѣроятно много удовольствія моей женѣ; пріятно увидѣться съ старыми друзьями... не правда ли, Аделъ? ты еще не успокоилась отъ неожиданнаго счастья, не смотря на то, что г. Д... здѣсь уже, кажется, довольно давно.

— Желаніе возобновить знакомство съ тобою удержало его.

— Весьма благодаренъ за честь, отвѣчалъ донъ-Роберто холодно.

— Если мое присутствіе въ вашемъ домѣ вамъ непріятно, мое посѣщеніе будетъ послѣднимъ... сказалъ Густавъ, съ трудомъ скрывая досаду, и сбираясь выйти.

— Прошу остаться; друзья моей жены и миѣ друзья; къ тому же, на дачѣ мы рады каждому новому гостю.

Насталъ часъ обѣда; роскошный столъ оживлялся веселыми шутками и разговорами о разныхъ новостяхъ, о пріятностяхъ дачной жизни и охотѣ. Вставъ изъ-за стола, все общество отправилось гулять, а вечеръ, до поздней ночи, прошелъ въ слушаніи путевыхъ воспоминаній Густава и звуковъ фортепья-

но, на которомъ играли Густавъ и Адель, то по одиначкѣ, то вмѣстѣ.

II.

Послѣ того, Густавъ часто навѣщалъ Адель, но мужъ ни разу не оставлялъ ихъ наединѣ. Донъ-Роберто ясно видѣлъ любовь, пылавшую въ сердцахъ ихъ, и ревность терзала ему душу. Осень подходила къ концу; холодный, рѣзкій вѣтеръ, предвѣстникъ зимы, обнажалъ дачи, и разгонялъ ихъ налетныхъ гостей. Донъ-Роберто назначилъ уже день для переѣзда въ Миланъ; Адель надеялась, что перемѣна мѣста и вихрь Миланской жизни разсѣютъ страсть, разгорѣвшуюся изъ-подъ пепла съ новою силою. Густавъ былъ въ отчаяніи, не имѣя возможности, ни на одинъ мигъ, быть наединѣ съ Аделью; наконецъ, наканунѣ отъѣзда въ городъ, подкарауливъ время, когда донъ-Роберто отправился съ своимъ управляющимъ на сосѣднюю мызу, онъ пришелъ въ ея домъ и велѣлъ доложить о себѣ. Адель не рѣшалась принять его, но онъ былъ уже передъ нею, прежде, чѣмъ она успѣла дать отвѣтъ.

— Адель, вы возвращаетесь въ городъ, и Богъ знаетъ, будетъ ли мнѣ возможно бывать у васъ. Любовь моя къ вамъ первая и единственная любовь во всей моей жизни. Злая судьба не позволила намъ принадлежать другъ другу. Долгъ связываетъ васъ съ мужемъ, но сердце... о, сердце не можетъ рабски повиноваться этимъ человѣческимъ законамъ, и я желаю одного вашего сердца, хочу только изъ вашихъ устъ узнать, отвѣчаетъ ли оно втайнѣ моему сердцу?

— Густавъ, уважьте мое положеніе, не старайтесь поднять завѣсу съ тайнъ моей души. Я уже и тѣмъ преступна, что слушаю ваши рѣчи, когда связана навѣки съ другимъ. Еще непростительнѣе было бы мнѣ поощрять необдуманными словами любовь, которую вы должны стараться подавить и позабыть.

— Забыть! нѣтъ, не могу; жизнь моя связана съ вашею жизнью. Ни время, ни разстояніе не могутъ уменьшить любви, которую я питаю къ вамъ съ самаго дѣтства, и на которую вы отвѣчали взаимностью. Обстоятельства увлекли меня за широкія моря, а положеніе вашего семейства принудило васъ сковать себя невыносимою цѣпью. Люди разлучили насъ; но что за дѣло, если души наши слиты по прежнему?

— Густавъ, страсть ослѣпляетъ васъ и доводитъ до безумія. Ахъ, изъ состраданія ко мнѣ, изъ уваженія къ моей чести, и къ

чести моего мужа, удалитесь, удалитесь отъ меня навсегда. Бѣда, если насъ кто услышитъ; Роберто и такъ уже догадывается о нашей тайной любви...

— Такъ вы еще любите меня? вы любите меня, и я смѣлъ проклинать свою судьбу! О, Адель, какое счастье на землѣ сравнится съ моимъ счастьемъ?

— Молчите! уйдите, скажитесь надъ моею слабостью, не принуждайте меня краснѣть передъ свѣтомъ и передъ собою.

— Краснѣть! когда же любовь была преступленіемъ? Я ничего не требую, ничего не прошу; хочу только знать, что вы въ душѣ любите меня. Видѣть васъ, Адель, быть съ вами одно мгновеніе, слышать изъ устъ вашихъ одно слово утѣшенія: вотъ все, чего я желаю, о чемъ я умоляю у ногъ вашихъ.

— Встаньте, Густавъ, вы губите меня.

— Я люблю васъ!

Въ это мгновеніе вошла горничная и доложила о возвращеніи барина. Густавъ поспѣшно вскочилъ, Адель сказала ему вполголоса:

— Вотъ видите, вы своею безравсудностью отдали меня въ руки горничной.

— Простите, простите меня, отвѣчалъ Густавъ, садясь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Адели.

Донъ-Роберто вошелъ встревоженный; но присутствіе горничной при свиданіи смягчило, повидимому, суровое выраженіе его лица, и онъ сказалъ Адели, съ притворнымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ:

— Я забылъ дома бумагу, безъ которой мое посѣщеніе на мѣзу ни къ чему бы не послужило, и принужденъ былъ воротиться съ подороги.

— Мнѣ жаль, мой другъ, что тебѣ придется идти въ другой разъ.

— Не безпокойся я думаю, намъ можно будетъ съѣздить туда послѣ обѣда вмѣстѣ, въ коляскѣ. Если г-ну Д... угодно будетъ ѣхать съ нами... мы послѣдній день на дачѣ; онъ этимъ продолжитъ свое посѣщеніе.

— Мнѣ совѣстно...

— О, прошу безъ церемоніи; когда мы будемъ въ городѣ, вы сами знаете, дачныя знакомства скоро забываются, а мы съ женою любимъ жить на свободѣ.

— Понимаю, сударь, сказалъ Густавъ, вставъ и взявъ шляпу и трость; понимаю, и не хочу стѣснять вашей свободы. Позвольте мнѣ съ вами проститься и пожелать вамъ добраго пути.

Раскланявшись, Густавъ вышелъ съ стѣсненнымъ сердцемъ и уязвленнымъ самолюбіемъ. Адель не смѣла поднять глазъ на мужа, котораго ревность слишкомъ ясно выказывалась подъ личиною спокойствія. Однакоже Роберто не сказала женѣ ни одного слова, которое могло бы изобличить подозрѣніе, точившее его сердце.

III.

Прошло четыре мѣсяца. Миланъ суетился и веселился; онъ великолѣпно провожалъ карнаваль. Адель и Густавъ встрѣчались нѣсколько разъ, но никогда не удавалось имъ говорить другъ съ другомъ. Донъ-Роберто не спускалъ глазъ съ жены, и одинъ слугитель, тотъ самый, который на дачѣ, поспѣшилъ извѣстить его о посѣщеніи Густава, и вернуть его домой, ходилъ всегда по пятамъ ея, будто ея тѣнь. Адель проводила дни въ скукѣ и печали. И хотя донъ-Роберто тщательно скрывалъ отъ нея свою ревность, она всегда дрожала въ его присутствіи, боясь за безразсудность Густава. Густавъ былъ все такъ же влюбленъ; только изъ уваженія къ Адели, онъ удалялся отъ нея, и рѣшился даже вторично покинуть Европу; но до исполненія этого тягостнаго и необходимаго намѣренія, ему хотѣлось еще разъ видѣться съ своею возлюбленною; для этого онъ написалъ ей, чрезъ горничную, записку, въ которой сообщалъ о своемъ намѣреніи, и о желаніи съ нею проститься. «Если вы откажете мнѣ въ послѣдней милости, вы приведете меня въ отчаяніе, и вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Америку, я можетъ быть отправлюсь туда, откуда еще никто не возвращался.»

Этими словами оканчивалось письмо Густава. Страхась за его жизнь, Адель стала придумывать средство исполнить послѣднее желаніе челоѣка, который любилъ ее съ такимъ постоянствомъ. Это было въ послѣдній день карнавала. Адель до сихъ поръ не показывалась, какъ въ прежніе годы, въ великолѣпныхъ собраніяхъ, оживлявшихъ зимніе вечера столицы. Мужъ приписывалъ это равнодушіе къ развлеченіямъ безпокойству сердца, предавшагося преступной страсти; онъ проводилъ дни и ночи въ постоянной тревогѣ. У Адели была пріятельница, съ которою она была въ дружбѣ съ самаго дѣтства. Эта пріятельница давала въ послѣдній день масляницы дѣтскую вечеринку. Адель уговорила мужа отсутствовать на эту вечеринку. Утромъ, она отправилась къ своей пріятельницѣ, знавшей тайну ея любви, и просила ее помочь ей въ исполненіи послѣдней просьбы бѣднаго Густава. Онъ условился въ полночь оставить вечеринку и ѣхать вмѣстѣ въ со-

провожденіи вѣрнаго знакомаго, въ маскарадъ большаго театра. Воротившись домой, Адель съ помощью горничной приготовила тайно маскарадный нарядъ, а вечеромъ отправилась къ пріятельницѣ; лакей несъ за нею узелокъ, данный ему горничною.

Между тѣмъ, слуга, приставленный для наблюденія за Аделью, подмѣтилъ впродолженіе дня, что у нея съ горничною что-то затѣвается; онъ столько хитрилъ, что наконецъ удалось ему открыть нарядъ, бывшій въ узлѣ. Онъ сообщилъ свое открытіе дону-Роберту; его нельзя было объяснить себѣ иначе, какъ только тѣмъ, что Адель думала ѣхать тайкомъ въ маскарадъ. Мучимый ревностью, донъ-Роберто хотѣлъ ѣхать къ пріятельницѣ Адели, и немедленно увести преступную супругу домой. Однакоже раздумалъ, и рѣшился самъ ѣхать въ театръ, поджидать ее; не сомнѣваясь, что тотчасъ узнаетъ ее по наряду.

IV.

Обширный и великолѣпный театръ Ла-Скалы сіялъ огнями множества люстръ, обливавшихъ яркимъ свѣтомъ веселую толпу, упоенную послѣдними часами удовольствія. Со всѣхъ сторонъ горѣли золото и драгоценныя камни. Богатыя ткани и роскошныя цвѣты служили рамками, изъ которыхъ еще съ большимъ блескомъ выступала красота обворожительныхъ ломбардокъ; разноцвѣтные, короткіе плащи снимали съ мушій обычный ихъ однообразный, мрачный уровень. Вездѣ раздавались веселые разговоры, звонкіе голоса, радостныя восклицанія, сливавшіяся со звуками многочисленнаго оркестра. Два человѣка, въ черныхъ венеціанскихъ домино, стояли уже около часу на подъѣздѣ театра, внимательно разсматривая всѣхъ входящихъ. Изрѣдка они о чемъ-то перешептывались, изъясняя безпокойство и нетерпѣніе.

— Вотъ она наконецъ, сказала одинъ изъ нихъ, указавъ на замаскированную женщину, въ щегольскомъ нарядѣ Бернской крестьянки, шедшую съ двумя другими масками.

— Она, точно она, отвѣчалъ другой.

— Измѣнница!... Ты оставайся здѣсь, жди меня; а я пойду за нею.

Между тѣмъ три маски уже промелькнули въ толпу, наполнявшую партеръ, и шли впередъ, не слушая комплиментовъ, сыпавшихся на ихъ щегольской нарядъ. Черное домино шелъ за ними въ нѣкоторомъ разстояніи, какъ волкъ за овцами. Скоро маски встрѣтили молодаго человѣка, котораго прекрасная, задумчивая физиогномія ясно показывала, что его не занимало происходившее вокругъ него. Швейцарка, послѣ нѣ котораго колебанія, оставила

спутниковъ и подошла къ молодому человѣку, котораго первое ея слово видимо обрадовало. При этомъ видѣ глухой ревъ ярости вырвался изъ груди чернаго домино; прорѣзая окружавшую его толпу, онъ силился нагнать маски, съ которыхъ не спускалъ глазъ. Онѣ повидимому были очень заняты разговоромъ, и шли медленно, не обращая вниманія на окружающихъ; вдругъ здоровая рука сурово сжала руку крестьянки. «Я васъ знаю, сударыня, знаю,» съ бѣшенствомъ кричало черное домино.

— Мой мужъ, прешентала молодая женщина слабымъ голосомъ, прижимаясь со страхомъ къ спутнику.

— Вотъ въ недоброй часъ! пробормоталъ молодой человѣкъ, смутившись; однакожъ онъ скоро оправился.

— Извольте оставить мою даму, сказалъ онъ черному домино повелительнымъ голосомъ, и въ то же время такъ сильно сжалъ ему руку, что боль принудила его выпустить руку крестьянки. Эта нечаянная ссора обратила на себя вниманіе другихъ масокъ, которыя, угадывая по инстинкту причину, старались прикрыть бѣгство любовниковъ; молодой человѣкъ, въ которомъ читатели вѣроятно узнали уже Густава, поспѣшно удалился съ своею спутницею, и умножающаяся толпа масокъ скоро отрѣзала ихъ отъ преслѣдователя. Донъ Роберто бился какъ телецъ, остановленный въ побѣгѣ своею стаею задорныхъ собакъ; онъ старался вырваться изъ очарованнаго круга, вставалъ на цыпочки, чтобы, по крайней мѣрѣ, глазами слѣдить за бѣглецами; но маски все болѣе спланивались стѣною вокругъ него, отвѣчая на его яростныя усилія криками и прыжками, пока наконецъ онъ вовсе не потерялъ изъ виду Швейцарку и ея спутника. Измученный физически и нравственно, онъ, наконецъ, возвратился на подъѣздъ, и спросилъ слугу, не вышла ли Бернская крестьянка съ подругами и Густавомъ. Слуга отвѣчалъ отрицательно, и донъ-Роберто снова принялся за свои поиски. Прошедшись много разъ изъ партера въ ридотто, обѣгавъ всѣ корридоры, обшаривъ всѣ закоулки обширнаго зданія, донъ-Роберто уже отчаявался встрѣтить жену, и, терзаемый бѣшенствомъ и ревностью, рѣшился вернуться домой, чтобы дожидаться Адели и раздавить ее своимъ справедливымъ гнѣвомъ.

V.

Оскорбленный мужъ уже хотѣлъ исполнить намѣреніе, какъ вдругъ, выходя изъ залы Ридотто, столкнулся лицомъ къ лицу съ Швейцаркою, шедшею объ руку съ Густавомъ. Мигомъ онъ бросился къ ней и вскричалъ: На этотъ разъ не увернешься!

— Опять этотъ невѣжа! вскричалъ Густавъ съ презрѣніемъ.

— Избавьте меня отъ этого сумасшедшаго, сказала маска, боязливо прижимаясь къ спутнику.

— Не избавитесь! проревѣлъ донъ-Роберто, схвативъ ее за руку. Вы знаете, кто я; и такъ, ступайте за мною, если не хотите къ своей подлой измѣнѣ присоединить публичнаго позора.

— Отстанте отъ меня, я васъ не знаю.

— Отстаньте же, сударь, сказалъ Густавъ, или я призову стражу, и велю васъ взять.

— Вы же виноваты, и вы мнѣ угрожаете, вскричало черное домино, снимая маску. Узнайте же меня, сударыня, и увидимъ, посмѣете-ли вы не идти за мною...

— Милостивый государь, продолжалъ Густавъ съ жаромъ, какое имѣете вы право преслѣдовать даму, идущую со мною?

— Какъ, какое право? она моя...

— Моя сестра, подхватилъ Густавъ, снимая маску съ лица своей спутницы. Донъ-Роберто, при видѣ этого незнакомаго лица, сталъ будто пораженный громомъ. Ноги его будто приросли къ полу, языкъ отнялся. Послѣ нѣкотораго молчанія, Густавъ продолжалъ:

— Милостивый государь, ради вашихъ лѣтъ и слѣпой вашей ревности, прощаю вамъ оскорбленіе, которое вы нанесли всенародно мнѣ и моей сестрѣ. Пусть этотъ случай будетъ вамъ урокомъ на будущее время, и научить васъ уважать благородную женщину, которую судьба послала вамъ въ супруги. Донъ-Роберто, вперивъ въ него неподвижный взоръ, блѣдный, дрожа всѣмъ тѣломъ, не могъ отвѣчать ни слова; Густавъ успѣшилъ скрыться съ сестрою отъ нескромнаго любопытства окружающихъ, которые принялись смѣяться надъ несчастнымъ домино. Имя его перешло изъ устъ въ уста, и скоро происшествіе стало извѣстно всему знатному обществу, собравшемуся въ Ла - Скалу.

Донъ-Роберто наконецъ опомнился, и видя себя предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ, успѣшилъ удалиться съ мѣста своего позора. Вышедъ изъ театра, не заботясь ни о слугѣ, ни о каретѣ, онъ побрелъ домой пѣшкомъ. Снѣгъ валилъ крупными хлопьями; а Роберто, безъ шляпы, въ легкой одеждѣ, и не замѣчалъ, что подвергался вліянію непогоды. Воротившись домой, онъ успѣшилъ въ спальню жены; она была въ постели и снала спокойнымъ сномъ.

— Неужели, подумалъ онъ, я ошибся!— Терзаемый жестокимъ сомнѣніемъ, стыдясь одной мысли, что сдѣлался предметомъ смѣха всего города, онъ легъ, въ надеждѣ, что сонъ облегчитъ его

страданія; напрасная надежда! мучительныя мысли и лихорадка не давали ему покоя.

Объяснимъ, какъ все это произошло. Скрывшись съ Аделью отъ преслѣдованій дон-Роберта, Густавъ посѣдѣлъ въ ложу, гдѣ была его сестра, и уговорилъ ея помѣняться съ Аделью нарядомъ. Адель потомъ тайно уѣхала домой, а Густавъ пошелъ опять ходить по залѣ съ сестрою, надѣясь встрѣтить дон-Роберта, и доказать ему, что онъ ходитъ не съ его женою. Какъ мы видѣли, ожиданія Густава оправдались. Честь Адели была спасена, а ревность дон-Роберта осмѣяна.

VI.

Недѣлю спустя, подъ вечеръ, народъ толпился около дома дон-Роберта, и смотрѣлъ, какъ съ торжествомъ выносили изъ дома пышный гробъ. Терзанія ревности и ярости, а потомъ простуда, схваченная дономъ Робертомъ, когда онъ шелъ домой, въ снѣгъ, съ непокрытою головою, произвели воспаленіе, которое въ нѣсколько дней свело его въ могилу, оставляя жену его наследницею несметнаго богатства.

Черезъ годъ, въ послѣдній день карнавала, Ла-Скала по обыкновенію блистала тысячами свѣчъ, оглашалась радостными кликами и музыкою. Въ одной богато убранной ложѣ сидѣли красивый молодой брютетъ и прекрасная молодая женщина; счастье блистало въ ихъ глазахъ. То были молодые супруги, Густавъ и Адель.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

(Статья Мери.)

Проходя разъ по улицѣ Ланкри, я замѣтилъ во второмъ этажѣ мѣдную доску съ надписью: *Амбруазъ Фортенъ, четырнадцатый*. Я не припомню подобнаго изумленія съ самаго того дня, какъ удалось мнѣ открыть въ Орлеанѣ такую же доску съ надписью: *Жозефъ Сальмонъ, почетный членъ пожарной команды*. Мнѣ некогда было въ Орлеанѣ заняться раскрытіемъ загадки г. Сальмона, никогда не являвшагося на пожары, а имѣвшаго только право щеголять званіемъ пожарнаго въ общественныхъ торжествахъ; такъ, по крайней мѣрѣ, объяснилъ мнѣ ее Александръ Дюма. На этотъ же разъ мнѣ можно было немедленно навести

справки о г. Фортенѣ. Третьяго дни я отправился къ нему; позвонилъ; лакей отворилъ дверь; и я торжественно произнесъ слова надписи:

— Г. Амбруазъ Фортенъ, четырнадцатый?

— Онъ бываетъ у себя только по вечерамъ, съ шести часовъ до восьми, отвѣчалъ слуга.

— Онъ дѣйствительно четырнадцатый? спросилъ я съ удивительнымъ хладнокровіемъ.

— Какъ же, сударь! отвѣчалъ слуга, чуть не обижаясь моимъ сомнѣніемъ.

Въ шесть часовъ я опять звонилъ въ колокольчикъ г. Амбруаза Фортена, четырнадцатаго. Слуга ввелъ меня въ гостинную, въ которой небыло никакой мебели: только на стѣнѣ висѣли три эстампа, изображавшіе Пиръ Балтазара, Свадьбу Веронеза и блуднаго сына пирующаго съ своими любовницами, съ картины Себастьяна дель Пиомбо.

Скоро отворилась дверь и вошелъ видный молодой человекъ, щегольски одѣтый. Онъ мнѣ вѣжливо поклонился, и сказалъ, натягивая на руку узкую перчатку:

— Я готовъ; сударь, поѣдемте обѣдать.

Я взглянулъ на картины, улыбнулся и пошелъ за нимъ, увлеченный его рѣшительнымъ жестомъ и голосомъ.

Вышедъ на улицу, Фортенъ сказалъ мнѣ: погода прекрасная, намъ можно бы идти пѣшкомъ, если не слишкомъ далеко; гдѣ мы будемъ обѣдать?

— Въ *Café de Paris*, отвѣчалъ я на удачу.

— Тѣмъ лучше, отвѣчалъ онъ; признаюсь, я не охотникъ до домашняго стола.

Я не хотѣлъ самъ просить объясненія занимавшей меня загадки, а ждалъ, чтобы она объяснилась случайно; а между тѣмъ невольно насвистывалъ всѣ извѣстные мнѣ оперные финалы на слова *какая тайна* и т. д.

Дорогою, г. Фортенъ ни о чемъ меня не спрашивалъ, говорилъ о налогѣ на собакъ; о томъ, какъ рѣдка стала рыба съ открытія желѣзной дороги въ Гавръ; о продажѣ африканскихъ мховъ на цвѣточномъ рынкѣ; о духовномъ завѣщаніи покойнаго маркиза д'Алигра; о картинѣ Кутюра; о сломкѣ дома Планша, колыбели французской критики; о новыхъ романахъ Бальзака, Дюма, Жоржъ-Санда, Сулье, Сю; о вечерахъ Теофила Готье; объ иллюстрированномъ изданіи остроумныхъ *Осс* Альфонса Кара; объ успѣхѣ *Школы семействъ*; словомъ, перебралъ цѣлый журналъ, на 27 мая 1847 года. Онъ говорилъ живо, умно, изящно; я уже соби-

рарся предложить таинственному четырнадцатому написать мнѣ все, что онъ говорилъ для будущаго моего фельетона, когда мы вошли въ Café de Paris.

— Дивлюсь, ей Богу, вашему знакомству съ парижскими новостями, сказалъ я, вы просто ходячій фельетонъ.

— Немудрено! отвѣчалъ онъ, въ нашемъ званіи надо все знать, безъ того, что я былъ бы за четырнадцатый?

Я указалъ ему, въ правой комнатѣ, столъ, накрытый на два прибора, и просилъ садится. Г. Фортенъ взглянулъ на меня съ недоумѣніемъ, и сказалъ:

— А гдѣ же сидятъ другіе?

— Да вѣдь насъ двое, отвѣчалъ я, садясь къ столу.

— Двое! воскликнулъ онъ, отходя отъ стола; тутъ видно есть недоразумѣніе; я не понимаю вашего приглашенія; какаго его цѣль?

— Его цѣль, какъ и всякаго приглашенія, — отобѣдать.

Онъ улыбнулся, и сѣлъ противъ меня. Загадка не объяснялась, я рѣшился заговорить о ней первый, и спросить, что значитъ надпись, находящаяся на его дверяхъ.

— Какъ, сказалъ онъ съ удивленіемъ; вы пришли ко мнѣ, не зная моего званія? однако-же оно уже начинаетъ шумѣть въ городѣ.

— Извините меня, до меня еще слухъ о немъ не дошелъ.

— Вы не знаете, что такое четырнадцатый?

— Не знаю.

— Четырнадцатый, продолжалъ онъ, долженъ устранить одно важное неудобство нашего общественнаго порядка. Статистическія изслѣдованія доказали, что въ Парижѣ каждый день, по-крайней-мѣрѣ въ пяти стахъ домахъ, такъ неосмотрительно зовутъ на обѣды, что въ назначенное время оказывается на лицо тринадцать человѣкъ. Что дѣлать въ такомъ случаѣ? надо же уважить хотя бы и бабій предрасудокъ, и возратить спокойствіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и аппетитъ собесѣдникамъ! четырнадцатый какъ разъ отвѣдетъ вліяніе роковаго числа. Стоитъ только обратиться къ намъ и мы немедленно являемся на зовъ.

Однако же, какъ это ремесло не могло бы удовлетворить всѣхъ нашихъ потребностей, то четырнадцатый, умѣющій дать себѣ ходъ своимъ умомъ, исправностью, пріятною бесѣдою, всегда найдетъ случай въ домахъ, куда его приглашаютъ, сбить партію бордо или шампанскаго. По этому четырнадцатый исправляетъ также въ нѣкоторомъ отношеніи должность развѣзжающаго прикащика. Въ настоящее время насъ въ Парижѣ всего пять че-

тырнадцатыхъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что число наше значительно увеличится, какъ скоро мы будемъ внесены въ адресъ-календаръ 1848 года.

Послѣ этого объясненія, мы очень весело пообѣдали, какъ бы насъ было четырнадцать человекъ; прощаясь съ нимъ, я обѣщала часто бывать тринадцатымъ за столомъ у себя или у своихъ друзей, чтобы имѣть удовольствіе приглашать его своею дополнительною единицею отвращать вредныя дѣйствія этого роковаго числа.

ГЕТЕ И ЛОТТА.

Корреспондентъ одной нѣмецкой газеты сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Гёте къ Лоттѣ, бывшей, какъ извѣстно, образцомъ героини его романа «Страданія Вертера.» Я имѣлъ удовольствіе, пишетъ онъ, видѣться въ Неаполѣ, съ резидентомъ нашего двора въ Римѣ; зная, что онъ имѣетъ огромную переписку своихъ родителей съ ихъ другомъ, молодымъ докторомъ Гёте, я обратилъ разговоръ на Гёте. Ксчастью эти письма были при немъ, и онъ предложилъ намъ прочесть ихъ; Извѣстно, что Гёте въ Вецларѣ познакомился съ этою Лоттою, которую онъ представляетъ въ Вертерѣ идеаломъ дѣвической обворожительности. Она была помолвлена за очень хорошаго молодого человека, который служилъ въ то время въ Рейхскаммергерихтѣ и вскорѣ послѣ свадьбы, переѣхалъ въ Ганноверъ; гдѣ жилъ много лѣтъ въ спокойствіи и счастіи. Гёте встрѣтилъ ее въ домѣ амтмана, и пламенно полюбилъ, не смотря на то, что рука ея уже была обѣщана другому. Всѣмъ извѣстно также существованіе этихъ писемъ, заключающихъ исторію его отношеній къ Лоттѣ; но донынѣ никто не имѣетъ яснаго понятія о настоящемъ ихъ взаимномъ отношеніи; никто не знаетъ, что именно въ *Вертерѣ* принадлежитъ къ дѣйствительной жизни автора, и что вымышлено. Слушая эти письма, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что они не только по содержанію, и въ самыхъ подробностяхъ, согласны съ письмами Вертера, но что даже часть писемъ и многія мѣста перенесены въ романъ цѣликомъ. Большая часть сообщенныхъ мнѣ писемъ относится къ 1772 и 1773 годамъ. Въ первомъ письмѣ, изъ Франкфурта, Гёте извѣщаетъ молодыхъ, о добровольномъ своемъ удаленіи отъ нихъ. Онъ понялъ, что ему невозможно было долѣе оставаться близъ Лотты безъ опасности для себя, и безъ соблазна для постороннихъ. И только ясное, открытое сознаніе этого положенія дѣлало возможнымъ то прекрасное, чистое отношеніе, которое пред-

ставляется въ слѣдующихъ письмахъ. Гёте прямо и открыто говорить о своей пламенной любви, какъ о дѣлѣ извѣстномъ и жениху и невѣстѣ, упоминаетъ между прочимъ и о силуэтѣ Лотты. Въ такомъ смыслѣ писаны всѣ его письма до свадьбы. Въ день свадьбы пишетъ онъ письмо, повторенное почти слово въ слово въ Вертерѣ, въ письмѣ отъ 20 февраля; въ немъ онъ проситъ себѣ второе мѣсто въ сердцѣ Лотты. По переселеніи молодыхъ супруговъ въ Ганноверъ, получивъ извѣстіе о первомъ разрѣшеніи отъ бремени Лотты, онъ пишетъ прекрасное письмо; изъявляетъ желаніе быть крестнымъ отцомъ ея сына и надѣется, что младенца назовутъ Вольфгангомъ. Отношеніе его къ супругамъ все тоже; онъ хочетъ быть только признаннымъ обожателемъ Лотты, признавая свою возлюбленную исключительною принадлежностью мужа. Если бы я не читалъ самъ этихъ писемъ, я не повѣрилъ бы возможности такого страннаго взаимнаго положенія. Вскорѣ за тѣмъ Гёте объщаетъ прислать супругамъ подарокъ; этотъ подарокъ—экземпляръ «Страданій Вертера.» Надо сознаться, что это была образцовая нескромность; она тѣмъ непростительнѣе, что въ романѣ болѣе дѣйствительности, чѣмъ можетъ вообразить читатель, Я не могъ скрыть своего изумленія, слушая письма, относящіяся къ этому обстоятельству. Къ тому же мужъ Лотты, другъ Гёте, представленъ въ Альбертѣ, въ такомъ видѣ, что имѣлъ право этимъ обидѣться. Гёте, однако же, не признаетъ справедливости неудовольствія супруговъ; упреки ихъ не произвели на него никакого впечатлѣнія и нисколько не измѣнили его чувствъ ни къ тому, ни къ другому. Онъ успѣлъ отвратить собиравшуюся бурю, и продолжалъ свои дружескія сношенія съ супругами. Переписка его съ ними продолжается до восьмидесятыхъ годовъ; тутъ она становится рѣже, и наконецъ вовсе прекращается. Всѣ эти письма писаны съ тою же свѣжестью и непринужденностью, которыми онъ такъ плѣнялъ нѣмцевъ въ *Гетцъ* и въ *Вертеръ*, и которыми онъ сгонялъ съ нѣмецкаго Парнасса напудренныхъ стариковъ.

Къ сожалѣнію, владѣтель этой переписки не рѣшается издать ея, считая это нарушеніемъ сыновняго почтенія къ памяти матери. Мы однакоже вполне раздѣляемъ мнѣніе автора приведенныхъ строкъ: «что едва ли можно воздвигнуть памятникъ матери, лучше этихъ чувствъ величайшаго гениа нѣмецкой литературы къ такому чистому, благородному существу, высшему идеалу женской природы; это сознаніе любви, въ которой ограниченія соединялось съ свободою, ибо безъ этихъ двухъ условій, отношеніе Гёте и Лотты къ ея мужу въ томъ видѣ, какъ оно является намъ въ ихъ перепискѣ, было-бы рѣшительно невозможно.» Будемъ же на-

дѣяться, что знаменитый сынъ Лотты не долго будетъ танць отъ образованнаго міра свое драгоценное сокровище!

КРУШЕНІЕ АЭРОСТАТА.

Недавно былъ въ Лондонѣ несчастный случай, рассказанный слѣдующимъ образомъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ этой воздушной драмы.

Сильное желаніе видѣть Лондонъ ночью съ значительной высоты, побудило меня удержать мѣсто въ челнокѣ Джипсона, обьявившаго, что онъ намеренъ подняться въ воздушномъ шарѣ въ ночи 6-го іюля; въ одиннадцать часовъ я отправился въ Воксалъ, откуда шаръ долженъ былъ подняться.

Мы взяли съ собою разные съѣсные припасы, потому-что, по чрезвычайной темнотѣ ночи, Джипсонъ думалъ опуститься только на слѣдующій день. Положивъ шесть или восемь мѣшковъ песку для баласту, мы велѣли отпустить веревки, оркестръ заигралъ пѣсню *Off she goes*; зрители проводили насъ громкими восклицаніями, и шаръ понесся вверхъ съ необычайною быстротою, сначала по прямой линіи, а потомъ описывая довольно большіе круги. Первая наша попытка зажечь фейерверкъ была неудачна; во второй разъ мы успѣли, какъ нельзя лучше; наши разноцвѣтные огни кружившіеся и крестившіеся подъ нами, должны были произвести чудный эффектъ изъ саду Воксала.

Что касается до насъ самихъ, намъ было не до ракетъ; мы слишкомъ были заняты дивною панорамою, разстилавшеюся подъ нами. Невозможно себѣ представить, что такое Лондонъ, когда смотрѣть на него ночью съ четырехъ тысячъ футовъ высоты. Мы были такъ поражены этимъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ, что не могли даже слова вымолвить отъ восхищенія.

Мы все поднимались, и были уже, по словамъ Джипсона, въ семи тысячахъ футовъ надъ Лондономъ, когда Кокевель, принявшій на себя управленіе клапаномъ, и сидѣвшій на обручѣ, находящемся надъ челнокомъ, сказалъ Джипсону, что шаръ надувался до тугости, отъ чрезвычайной рѣдкости атмосферы, на такой высотѣ. Джипсонъ немедленно велѣлъ ему выпустить нѣсколько газу чрезъ верхній клапанъ. Кокевель исполнилъ приказаніе, и мы услышали шумъ, подобный въ маломъ видѣ шуму пара, выходящаго изъ паровика; въ то же время нижняя часть шара стала сжиматься, и уходитъ въ верхнюю часть.

— Боже мой, что тамъ такое? спросилъ Джипсонъ.

— Клапанъ сдвинулся, отвѣчалъ Коксвель, мы пропали!

Въ то же мгновеніе шаръ сталъ опускаться съ ужасною быстротою; и надъ головами нашими раздался шумъ, похожій на шумъ парусовъ, когда корабль поворачиваетъ оверштагъ. Этотъ шумъ происходилъ отъ тренія множества шелковыхъ полосъ, которыя, не будучи болѣе удерживаемы изнутри газомъ, сжимались и мотались во всѣ стороны. Съ тѣмъ вмѣстѣ онѣ все болѣе и болѣе уходили въ верхнюю часть шара.

Двое изъ насъ не могли удержаться отъ крика ужаса; одинъ изъ моихъ спутниковъ, не знаю кто именно, сказалъ, что надо выбросить весь лишній грузъ, и облегчить шаръ; я тотчасъ бросилъ два мѣшка песку, бывшіе у меня на колѣнахъ; между тѣмъ Коксвель сошелъ съ обруча въ челнокъ, и мы всѣ четверо стали поспѣшно выбрасывать все, что у насъ было; съѣстные припасы, бутылки вина легли вмѣстѣ съ мѣшками песку; но быстрота паденія не уменьшалась.

Въ добавокъ, мы около очутились среди пущенныхъ нами ракетъ, которыя еще не догорѣли и носились по воздуху, зацѣпляясь иногда за веревки шара; причеъ отъ точка сыпались изъ нихъ тысячи искръ. Наконецъ, къ довершенію нашего бѣдственнаго положенія, насъ со всѣхъ сторонъ окружили тучи, подулъ сильный вѣтеръ, молніи засверкали во всѣхъ направленіяхъ, и шаръ опускавшійся до тѣхъ поръ перпендикулярно, сталъ ужасно колебаться. Мы были въ то время, если не ошибаюсь, въ одной миліи отъ земли.

«Что вы чувствовали?» спрашивали меня на слѣдующій день пріятили. Читатели, вѣроятно, мысленно дѣлаютъ мнѣ тотъ же вопросъ. Сначала, какъ только клапанъ сталъ выпускать газъ, я сохранялъ спокойствіе и хладнокровіе, которымъ теперь самъ дивлюсь; только всѣ мои впечатлѣнія стали несравненно живѣе. Я и теперь еще вижу огни Лондона, будто они у меня передъ глазами; и кажется ввѣкъ буду ихъ имѣть передъ собою. Помню также, что я искалъ глазами фейерверка въ Воксалѣ и Темзы, думая про себя, что единственное намъ спасеніе—упасть въ воду.

Мы опускались не болѣе двухъ минутъ; я бросилъ бумажный конвертъ, и скорость, съ которою мы опередили его, дала мнѣ понятіе о непомерной быстротѣ нашего паденія. Нѣсколько спустя, огненные параллелограммы, образуемые площадями, стали примѣтно увеличиваться, и колебанія шара прекратились, хотя челнокъ все еще сильно качало. Наконецъ, мы могли разглядѣть приближающіяся крыши домовъ; тутъ мы вскричали всѣ разомъ: «держаться крѣпче!» Ксчастью, челнокъ не коснулся ни одной

крыши, а пролетѣлъ прямо на землю. Приближаясь къ землѣ, я ухватился за обручъ и привскочилъ, чтобы нѣсколько умѣрить силу перваго удара.

Насъ всѣхъ выбросило изъ челнока, и мы такъ зацупались въ веревки, что упавъ въ Темзу, какъ я надѣялся, мы бы непременно погибли. Шаръ, котораго часть зацѣпилась за какіе то дѣса, былъ совершенно пустъ. Безъ сомнѣнія, мы были обязаны своимъ спасеніемъ прочностн сѣтки, обвивавшей верхнюю его часть. Пустое полотно, удерживаемое сѣткою, въ видѣ зонтика, служило намъ парашютомъ.

Мы упали въ одну изъ новыхъ улицъ между Воксаломъ и Belgrade-Boards, около одной мили отъ сада, изъ котораго поднялись. По какому-то чуду ни на комъ изъ насъ не было опасныхъ ушибовъ; мы отдѣлались нѣсколькими пустыми царапинами. Едва мы опустились на землю, насъ окружила многочисленная толпа, сбѣжавшая къ намъ на помощь, и изъявлявшая своими попеченіями и кликами свою радость о нашемъ почти невѣроятномъ спасеніи. Я немедленно сѣлъ въ коляску какого-то не знакомаго челоуѣка, вызвавшагося довести меня до Воксала; я спѣшилъ успокоить брата и нѣсколькихъ друзей, къ которымъ уже дошла молва, будто мы всѣ четверо разбились въ прахъ.

ДОБРЫЙ МУЖЬ.

Разказъ Жуля Сандо.

Однажды утромъ я гулялъ одинъ, въ задумчивости, вдоль огородовъ, въ окрѣстностяхъ Ванна. День былъ прекрасный. Долина начинала высвобождаться изъ легкой завѣсы тумана; сквозь листья видѣлась сельская церковь: колоколь звонилъ за упокой, но этотъ погребальный звонъ не только не нарушалъ спокойствія картины, но на противъ придавалъ ей еще особую прелесть.

Я шелъ медленно, прислушиваясь къ неяснымъ звукамъ сельской жизни, какъ вдругъ замѣтилъ крестьянина, который съ обыкновеннымъ, чуть не религиознымъ усердіемъ обрѣзалъ вѣтки на кустахъ, составлявшихъ изгородь. Какъ скоро онъ гдѣ нибудь замѣчалъ побѣгъ переходившій за опредѣленную черту, онъ поспѣшно срѣзалъ его. Никогда, я думаю, не бывали шпалеры стрижены съ такимъ тщаніемъ; можно было подумать, что этотъ челоуѣкъ всю жизнь свою ходилъ за Версальскимъ паркомъ. Боя-

рышникъ падалъ бѣлымъ руномъ подъ его ножомъ, и покрывалъ землю душистымъ сѣгомъ. Въ походкѣ, во всѣхъ движеніяхъ крестьянина было какое то величіе, какая то торжественность, невольна останавливавшая мое вниманіе. Казалось, будто онъ исполнялъ обѣтъ; съ каждою срѣзанною вѣткою, съ сердца его спадалъ тяжелый грузъ, и улыбка удовольствія проходила по его губамъ. Онъ очевидно дѣйствовалъ подъ вліяніемъ какой-то таинственной мысли; движенія и поступки его, казалось, повиновались посторонней волѣ. Нельзя было сомнѣваться, что безпощадный ножъ его срѣзалъ побѣги не за тѣмъ, чтобъ дать болѣе силы и крѣпости кустамъ, а съ какою нибудь другою цѣлью. Я еще болѣе въ этомъ убѣдился, когда онъ обернувшись случайно назадъ, увидѣлъ забытую имъ вѣтвь, воротился съ выраженіемъ страха въ лицѣ, и почти съ яростью срѣзалъ вѣтвь, послѣ чего лицо его успокоилось и просвѣтлѣло.

Съ любопытствомъ слѣдилъ я за этимъ новымъ Тарквиніемъ, который съ самодовольствіемъ смотрѣлъ на цвѣты и вѣтви, покрывавшіе дорогу, будто на поверженныя непріятельскія головы. Я хотѣлъ просить его объяснить мнѣ видѣнное мною зрѣлище, но въ это мгновеніе послышалось погребальное пѣніе, и на поворотѣ дороги показались похороны. Лице крестьянина подернулось сильнымъ безпокойствомъ. Онъ быстро окинулъ подстриженные имъ кустарники, будто желая увѣриться въ исправномъ исполненіи своего дѣла. Четыре крестьянина несли на плечахъ гробъ, накрытый чернымъ покровомъ. Впереди шелъ священникъ и читалъ молитву; за гробомъ слѣдовала довольно спокойно и равнодушно толпа деревенскихъ бабъ и ребятишекъ. По мѣрѣ приближенія гроба, безпокойство моего чудака усиливалось. Онъ ходилъ вокругъ носильщиковъ, и присматривалъ за ихъ ношею, какъ за новорожденнымъ младенцемъ.

— Легче, ребята, легче, говорилъ онъ; осторожно! Идите по срединѣ дороги, не жмитесь къ огороду, далеко-ли до грѣха?

И потъ крупными каплями катился по лицу его.

Это продолжалось до самыхъ воротъ кладбища. Ни за какимъ царскимъ сыномъ въ его колыбели не ухаживали съ такою нѣжною заботливостью. Когда гробъ опустили въ землю и закопали могилу, толпа разсѣялась, а я продолжалъ свою прогулку, не заботясь о явленіи, такъ сильно подстрекнувшимъ сначала мое любопытство.

Подъ вечеръ, проходя по деревнѣ, я увидѣлъ того же крестьянина; сидѣвшаго у воротъ своей избы, на каменной скамьѣ,

и смотрѣвшаго свѣтлымъ довольнымъ взоромъ на заходящее солнце; въ лицѣ его не было и слѣда давишняго безпокойства. Узнавъ его, я вспомнилъ, что видѣлъ утромъ, и сѣлъ подлѣ него.

— Ты крѣпко поработалъ давича, старикъ, сказала я ему; но скажи мнѣ ради Бога, съ какихъ поръ завелось обыкновеніе подстригать полисадники въ маѣ мѣсяцѣ?

— Въ маѣ мѣсяцѣ? да отъ кого вы это слышали? возразилъ онъ, взглянувъ на меня съ изумленіемъ.

— Да что же ты дѣлалъ давича, утромъ?

— Давича, другое дѣло, отвѣчалъ онъ, покачавъ головою; и продолжалъ съ простодушіемъ:

— Давича хоронили мою жену.

— За чѣмъ же ты срѣзалъ вѣтви по дорогѣ?

— За чѣмъ, сударь? А вотъ, я вамъ сейчасъ скажу; дѣло самое простое.

И обратясь ко мнѣ, онъ сказалъ съ простодушною откровенностію:

— Жена моя умерла вчера въ другой разъ.

— Какъ въ другой разъ?

— Да такъ же, сударь. Она уже умирала разъ, назадъ тому года два; да какъ повесли ее на кладбище, гробъ дорогою зацѣпился за сучокъ, около той же изгороди, гдѣ вы меня видѣли давича, упалъ, открылся, и жена моя встала; она, знать, только что уснула, и проснулась отъ толчка. Такъ вотъ, какъ моя жена умерла въ другой разъ, и надо было опять нести ее на кладбище, я и пошелъ впередъ подстричь огородъ.

Послѣдніе слова были сказаны такъ просто, что невозможно было подозрѣвать въ нихъ и тѣни злаго умысла. Сколько людей встаютъ на ходули, чтобы разсказать случай, котораго даже и не видали; онъ же разсказывалъ, съ простодушіемъ героя древности, происшествіе, въ которомъ самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ, и не подозрѣвалъ даже странности и оригинальности своего разсказа. Не читавъ никогда ни Задига, ни Жюконда, онъ безъ своего вѣдома прибавлялъ новую страничку къ сказкамъ Вольтера и Лафонтена.

ВЕНГЕРСКАЯ ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Начало венгерской драматической литературы принадлежитъ къ довольно позднему времени. Безпрестанныя войны Венгровъ

съ Турками, а потомъ продолжительная борьба съ Габсбургскимъ домомъ за религіозную и политическую свободу ихъ родины не позволяли у нихъ развиваться вообще никакому искусству; а когда наступило болѣе благопріятное, спокойное время, развитію народной драмы у Венгровъ стало препятствовать преобладаніе въ городахъ нѣмецкого элемента.

Однакоже, усилія венгерскихъ историковъ Майлата, Тольди, Эндрѣди, успѣли открыть слѣды, хотя весьма слабыя, венгерскаго театра въ средніе вѣка. Такъ напр. лѣтописцы рассказываютъ, что у короля Владислава IV. (ум. въ 1290 г.) были *лимики*; далѣе упоминаютъ объ одномъ монахѣ, который въ концѣ XV вѣка въ проповѣдяхъ своихъ возставалъ противъ театральныхъ пьесъ; наконецъ, говорятъ, что Турки потому только пошли на короля Людвига II, въ Могачъ, что до нихъ дошелъ слухъ, будто Венгры совсѣмъ изъѣжились отъ вліянія роскошной жизни, пировъ и театровъ.

Изъ этихъ театральныхъ пьесъ и пьесъ не сохранилось ничего; должно довольствоваться одними догадками. Вѣроятно, что драма въ Венгрии, какъ и вездѣ на Западѣ, родилась изъ священныя представленія, мистерій; которыя впоследствии, около половины XV вѣка, начали смѣшаться и свѣтскими драмами. Древнѣйшія, сохранившіяся до нашего времени, драмы на венгерскомъ языкѣ принадлежатъ ко второй половинѣ XVI вѣка. Одна изъ нихъ народная драма Павла Каради *Мельхиоръ Балаша*, другая подражаніе греческой *Электры*, подъ названіемъ *Клитемнестра*, сочиненіе *Борнелмиса*. Первая писана въ 1569, вторая въ 1580 году. Изъ XVII вѣка сохранились также только два произведенія, неизмѣющія, какъ и два первыхъ, никакого литературнаго достоинства, и любопытныя только какъ древности. Одно, неизвѣстнаго автора, названо *Трагикомедією*, и есть ничто иное, какъ безвкусная аллегорія, какихъ много встрѣчается и у первыхъ нѣмецкихъ драматурговъ, напр. у Ганса Сакса. Дѣйствующія лица, кромѣ смерти и бога ада Плутона, одни олицетворенія добродѣтелей и пороковъ. Дѣйствіе заключается въ борьбѣ тѣхъ и другихъ. Сначала торжествуютъ пороки; но тутъ является смерть и отдастъ ихъ Плутону. Надъ отдѣльными строфами, изъ которыхъ составлена пьеса, показаны напѣвы извѣстныхъ народныхъ и воинскихъ пьесъ, изъ чего должно заключить что пьеса эта плясъ. —

Другая драма того времени, есть «Споръ Юпитера и Плутона,» сочиненіе *Георга Фельвинци*.

Мольнаръ упоминаетъ еще о нѣсколькихъ затерянныхъ комедіяхъ, патріотическаго содержанія, воспѣвавшихъ войны съ турками.

Нѣкоторое понятіе о состояніи театра въ то время даетъ привиллегія императора *Леопольда I*, 1692 года, которою дозволяется одному *Клаузенбургскому* гражданину, во время земскихъ сеймовъ, ярмарокъ, и проч. давать въ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ *Семиградскаго княжества* драматическія представленія на маджарскомъ и латинскомъ языкахъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы въ этихъ представленіяхъ небыло ничего противнаго нравственности, и чтобы всѣ пьесы были предварительно представляемы мѣстному начальству, которое имѣло право измѣнять ихъ по своему усмотрѣнію. Слѣдовательно драматическое искусство съ самаго начала подчинено было строгой ценсурѣ.

Въ восемнадцатомъ столѣтіи соперничество езуитскихъ школъ почти совершенно уничтожило странствующія труппы. Сочиняли пьесы для этихъ новыхъ театровъ преподаватели, а разыгрывали ихъ воспитанники; изъ этого уже можно составить себѣ понятіе о ихъ направленіи и содержаніи. Особенною славою въ то время пользовались *Кувачъ*, *Фалуци*, *Иллои* и *Керештени*; всѣ они нынче совершенно забыты, и не могли бы выдержать самой снисходительной критики.

Съ 1790 года открывается новый періодъ, тутъ начало настоящаго развитія венгерской драмы. Явилось нѣсколько драматурговъ, которыхъ произведенія, хотя и слабыя, свидѣтельствовали однакоже о значительномъ успѣхѣ общественнаго вкуса; сюда принадлежатъ *Шимай*, *Шошъ*, *Эндрѣди*, *Сентьоби*, *Дугоничъ* и нѣкоторые другіе. Но пальму первенства стяжалъ безспорно *Бешеный*, глава французско-классической школы въ Венгріи; онъ написалъ нѣсколько трагедій въ-шестистопныхъ стихахъ, которые не безъ достоинства.

Маджарскій репертуаръ обогатился въ это время слишкомъ сотнею пьесъ, болѣе чѣмъ на половину, разумѣется, переводныхъ, съ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго. Много приобрѣлъ онъ произведеній, не стоившихъ перевода, ибо рядомъ съ *Шиллеромъ*, *Гёте*, *Шекспиромъ* и *Корнелемъ*, переводили и *Коцебу*, и даже *Шекенелера*; однакоже Маджары познакомились

со многими знаменитыми иностранными писателями, могшими имъ служить образцами для дальнѣйшаго развитія собственной, оригинальной драмы.

Въ 1790 году образовалась въ Офенѣ, по случаю бывшаго тамъ общаго сейма, маджарская труппа, подъ управленіемъ графа Радая и писателя Карници; въ 1792 году образовалась такая же труппа въ Клаузенбургѣ, подъ управленіемъ барона Вешелени. Первая давала riprodimento трехъ лѣтъ случайныя представленія на нѣмецкихъ театрахъ столицы. Однакоже она не могла долго держаться, по равнодушію къ ней публики. Образованные классы предпочитали рожающейся маджарской драмѣ, нѣмецкую, бывшую въ то время на высшей степени своего развитія; а въ низшихъ классахъ небыло еще того духа народности, который одинъ могъ дать ей возможность выдержать опасное соперничество. Въ 1793 году Офенская труппа привуждена была соединиться съ Клаузенбургскою.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, до 1820 года, нѣсколько разъ пытались основать Маджарскій театръ рядомъ съ нѣмецкимъ. Въ столицѣ всѣ эти попытки не имѣли никакого успѣха; въ другихъ городахъ удержалось труппъ двадцать, изъ которыхъ большая часть, впрочемъ, въ крайне бѣдственномъ положеніи. Дѣйствія нѣкоторыхъ ревнителей отечественной литературы и Сейма Пестскаго комитета въ пользу народныхъ театровъ были слишкомъ частны и одновременны, чтобы дать значительный результатъ.

Между-тѣмъ любовь къ отечественной литературѣ стала быстро развиваться, въ особенности, когда получила пищу въ некоторыхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ новѣйшихъ писателей. Первое мѣсто между ними занимаютъ Адамъ Хорватъ, Владиславъ Тотъ, Алоишъ Секмиклоши, Шебештиенъ, Фай и Александръ Кишфалуди. Но главою настоящихъ драматурговъ, возродителемъ Маджарскаго театра является братъ послѣдняго Карлъ Кишфалуди.

Первыя произведенія Кишфалуди писаны немного небрежно; но этотъ недостатокъ выкупается многими гениальными чертами. Онъ долженъ былъ прежде всего позаботиться о созданіи репертуара для маджарской труппы, игравшей въ Пестѣ, чтобы не дать по прежнему застыть участію публики. Онъ такъ ревностно принялся за это дѣло, что въ самое короткое время

далъ десять трагедій и комедій. Одну трагедію, въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, онъ написалъ менѣе, чѣмъ въ недѣлю.

Позднѣйшія его сочиненія писаны не такъ поспѣшно, и потому обработки гораздо тщательнѣе. Выборъ сюжетовъ очень много содѣйствовалъ ихъ огромному успѣху; содержаніе ихъ всегда заимствовано изъ отечественной жизни; трагедіи представляютъ эпизоды изъ исторіи Венгріи; комедіи его, которыя вообще гораздо лучше его трагедій, осмѣиваютъ и бичуютъ слабости и пороки венгерскаго общества.

Успѣхи и слава Кишфалуди имѣли благотворный результатъ для венгерской литературы; они побудили многихъ молодыхъ писателей идти по его слѣдамъ, и посвящать свои таланты на развитіе отечественной драмы.

Важное значеніе въ исторіи драмы имѣетъ также основаніе Маджарской Академіи въ 1830 году. Новая Академія учредила для драматическихъ писателей премію въ сто червонцевъ, которая дается поочередно драмъ или комедіи. Общаніе награды возбудило сильное соревнованіе; многія изъ произведеній, присланныхъ на конкурсъ были бы отпаднымъ явленіемъ и въ болѣе богатой литературѣ. Впрочемъ, эта премія имѣла и свою невыгодную сторону. Имѣя въ виду удостоиться награды, писатели стали преимущественно заботиться объ удовлетвореніи строгихъ требованій судей, пренебрегая иногда требованіями массы публики, которымъ писатель, разумѣется, не долженъ подчиняться рабски, во которыхъ онъ не долженъ также безусловно презирать.

Съ этого времени стали сильно ощущать необходимость постоянного народнаго театра въ столицѣ. Кашавская труппа, бывшая въ то время лучшею въ Венгріи, предложила свои услуги. Представленія ея въ Офенѣ, въ 1835 году, имѣли такой успѣхъ, что сеймъ Пестскаго комитета рѣшился ангажировать ее, сначала только на полгода. Такимъ образомъ, учредился нынѣшній Маджарскій театръ. Первыми его директорами были Дебевтрей и литераторъ Андрей Фай.

По истеченіи пробнаго полугодія, Пестскій сеймъ положилъ построить для отечественнаго театра зданіе, которое и было окончено осенью 1837 года. Для обезпеченія существованія этого театра, общій сеймъ 1839 года объявилъ его народнымъ учрежденіемъ, и приписалъ ему капиталъ въ 400,000 гульде-

новъ. Но выборъ перваго директора, Дартай, былъ неулаченъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, онъ объявилъ себя несостоятельнымъ, хотя маджарскіе журналы утверждаютъ, что театръ шелъ успѣшно, и что сборы значительно превосходили расходы. Изъ этого должно заключить, что Дартай велъ денежныя дѣла не совсѣмъ чисто.—Участіе общаго сейма спасло театръ, управленіе ввѣрено депутату Пестскаго комитета, графу Гелеону Радаго, который привелъ въ порядокъ его финансовыя дѣла, нѣсколько не вредя своею бережливостію совершенству художественной части.

Изъ множества нынѣшнихъ маджарскихъ драматическихъ писателей, мы назовемъ только самыхъ замѣчательныхъ. Уваженіемъ знатоковъ болѣе всѣхъ пользуется Вѣрѣсмарти, занимающій также почетное мѣсто между маджарскими лириками. Его справедливо упрекаютъ въ томъ, что у него слишкомъ преобладаетъ лирическій элементъ; почему онъ не въ мнѣсти у массы зрителей, привыкшихъ къ театральнымъ эффектамъ.—Любимецъ публики, какъ драматическій писатель и какъ актеръ, Сиглицети; человекъ съ дѣйствительнымъ талантомъ. У него есть глубины характеровъ; можно также найти недостатки въ планахъ; но дѣйствіе у него всегда быстро и увлекательно. Его комедіи, заимствованныя изъ народной жизни, веселы и остроумны.—Первое мѣсто послѣ него занимаетъ Цако, также какъ и онъ, актеръ.

Назовемъ еще нѣсколько писателей, выступившихъ на поприще поэзіи, и которыхъ слава еще въ будущемъ; сюда принадлежатъ: баронъ Йошика, графъ Ладиславъ Текелп, баронъ Эйтвешъ, Гааль, Надъи, Гарай, Кути, Дьюрманъ, Оберникъ, Кованъ, Ваготъ, Лаврентій Тотъ, Дюши, Дегре, и другіе.—Многіе изъ нихъ принадлежатъ къ разнымъ политическимъ партіямъ Венгріи, и потому борьба этихъ партій нѣсколько играетъ большую роль въ ихъ произведеніяхъ. Это можетъ быть и вредитъ ихъ поэтическому достоинству и исторической истинѣ, но за то даетъ имъ живой интересъ, и не мало содѣйствуетъ богатству сборовъ.

Въ послѣднее время Академія учредила особый комитетъ, который обязанъ разсматривать произведенія иностранныхъ литературъ, предлагать для перевода тѣ изъ нихъ, которыя стоятъ перевода, и разсматривать и награждать по заслугамъ

представляемые переводы. Вслѣдствіе этого распоряженія явилось множество переводовъ старинныхъ и новыхъ драматическихъ произведеній, между прочими очень хорошіе переводы Кальдерона, Гёте и Шиллера. Одна писательница, Эмилія Лемуанъ, трудится надъ полнымъ переводомъ Шекспира.

Число пьесъ, составляющихъ теперь маджарскій репертуаръ доходитъ до тысячи; правда, что Маджары, указывая на нихъ, забываютъ собственную свою поговорку: non numerantur sed ponderantur; что большая часть этихъ произведеній черезъ нѣсколько лѣтъ будутъ забыты; — но все таки это число свидѣтельствуетъ о ревностномъ стремленіи къ образованію своей литературы. Замѣтимъ еще, что это стремленіе искренно и безкорыстно; чего мы напрасно стали бы искать у многихъ старшихъ ихъ братьевъ. —

ДЖАНЪ БАТТИСТА ПЕРГОЛЕЗЕ.

Изъ всѣхъ предметовъ человѣческихъ знаній, наименѣе обработана до-сихъ-поръ исторія искусствъ, и изъ искусствъ самая жалкая доля досталась музыкѣ; едва найдется небольшое число біографій, написанныхъ добросовѣстно и съ званіемъ дѣла.

Примѣромъ небрежности біографовъ можетъ служить множество біографій Перголезе, составленныхъ Фетисомъ, Канту, и другими писателями, пользующимися общимъ довѣріемъ; почти каждый фактъ въ нихъ искаженъ, почти каждое число ошибочно. Только въ недавнее время, итальянскій ученый, маркизъ Виллароза сталъ добросовѣстно собирать матеріалы для его біографіи, рылся въ архивахъ и собирать свѣденія у старожиловъ, между прочими у аббата Сперавцы и адвоката Сиджисмонди. Изъ этихъ матеріаловъ французскій писатель Лафожъ составилъ біографію, которую мы сообщаемъ читателямъ.

Много было споровъ о мѣстѣ рожденія Перголезе; одни считали мѣстомъ его рожденія городъ Іови; другіе, напимъръ Фетисъ, утверждали, что онъ родился въ Перголь, въ Урбинскомъ герцогствѣ, и назывался Іези; и что прозваніе Перголезе онъ получилъ отъ мѣста своего роженія; третьи считали его родиною деревню Казарію близъ Неаполя, по Казерт-

ской дорогѣ, словомъ, каждый по произволу повторялъ ошибочныя извѣстія того или другаго стариннаго біографа. Наконецъ, маркизъ Виллароза рѣшился раскрыть этотъ вопросъ, и приказалъ для того рассмотреть приходскія метрическія книги въ Казарин и Іези; результатъ этихъ розысканій былъ вполне удовлетворителенъ:

Въ метрическихъ книгахъ города Іези отыскалось свидѣтельство о рожденіи нашего композитора, въ которомъ показано, что Джанъ-Баттиста Перголезе крещенъ 4 января 1710 года, и родился въ предъидущую ночь, въ десять часовъ; что онъ сынъ Андрея Перголезе и Анны Витторіи, и названъ именемъ крестнаго отца, Джана-Баттиста Франчіоліни, который, равно какъ и крестная мать, Джентилина Оворати, принадлежалъ къ мѣстному дворянству. Изъ послѣдняго обстоятельства можно заключить, что и самъ Перголезе происходилъ не изъ самаго низшаго сословія, какъ полагаютъ его біографы. Наконецъ, этотъ документъ рѣшительно опровергаетъ мнѣніе Файоля и Фетиса, будто онъ родился, по первому, въ 1704, по второму въ 1707 году, и оправдываетъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что онъ умеръ двадцати шести лѣтъ.

Музыкальное образованіе Перголезе получалъ въ Консерваторіи *бѣдныхъ во имя Іисуса Христа* (de Poveri di Gesu-Cristo), а не св. Онуфрія. Что привело Перголезе въ Неаполь, намѣреніе ли заняться изученіемъ музыки или какое другое обстоятельство, неизвѣстно. Изъ помѣщенія его въ заведеніе, назначенное исключительно для бѣдныхъ, можно заключить, что семейство его обдѣяло. Какъ бы то ни было, но Перголезе учился сначала на скрипкѣ, подъ руководствомъ Доминика де-Маттеуса. Играя на скрипкѣ, онъ вставлялъ въ пьесы хроматическія пассажи и украшенія самой оригинальной формы, и съ такимъ вкусомъ и искусствомъ, что соученики его приходили въ изумленіе. Они пересказали это де-Маттеусу, который спрятался, чтобы, подслушать своего ученика, и такъ же былъ пораженъ его раннимъ талантомъ; онъ обнялъ ребенка и спросилъ, кто научилъ его этимъ пассажамъ.—Никто, отвѣчалъ ребенокъ, они мнѣ сами приходятъ подъ пальцы.—Не можешь ли ихъ записать? — Попробую.—И на слѣдующій день Перголезе дѣйствительно подалъ учителю сонатину, наполненную такими пассажами, равно замѣчательными изяществомъ и новостью.

Разсмотрѣвъ ее, де Маттенсъ понялъ, что ученикъ его долженъ преимущественно посвятить себя композиціи, и представилъ его Гаэтану Греко, преподававшему въ Консерваторіи контрапунктъ. Начавъ курсъ подъ руководствомъ этого знаменитаго профессора Перголезе сталъ тотчасъ писать для скрипки. По смерти Греко, мѣсто его занялъ Франческо Дуранте, у котораго Перголезе продолжалъ свое ученіе до того времени, когда Дуранте былъ призванъ ко двору императора Карла VI. Тогда Перголезе перешелъ въ руки Франческо Фео, и у него кончилъ свой курсъ.

Первымъ сочиненіемъ Перголезе, еще до выхода его изъ Консерваторіи, была ораторія *Санъ Гульельмо д'Аквианія*, исполненная лѣтомъ 1731 года въ церкви монашествующихъ канониковъ во имя Спасителя. Въ монастырѣ воспитывалось множество молодыхъ людей, которые участвовали во всѣхъ ихъ бесѣлахъ, и для которыхъ они устраивали отъ времени до времени духовные концерты. Новая ораторія была такъ хорошо принята, что слава о молодомъ композиторѣ тотчасъ распространилась по городу, и доставила ему покровительство князя Стильяно-Коломвы, князя Авеллино-Карачіоло и герцога Малдалони-Карабры, бывшихъ въ то время первыми покровителями всѣхъ молодыхъ артистовъ.

За тѣмъ Перголезе сталъ писать комическія сцены и интермедіи, которыя были тогда въ большомъ ходу. Въ концѣ же 1731 года была играна на театрѣ св. Варооломея, давно уже не существующемъ, его первая опера *Саллустія*, въ которой главныя партіи занимали г-жа Факинелли и Кастратъ Николд Гримальди, пользовавшіеся у современниковъ весьма громкою славою. Опера имѣла большой успѣхъ; въ особенности арія втораго дѣйствія *Perquaste amare lagrime*, возбудила всеобщій восторгъ своимъ патетическимъ стилемъ, новостью и замысловатостью аккомпанимента.

Въ числѣ первыхъ сочиненій Перголезе считаютъ обыкновенно интермедію *Amor fu l'uomo sieso*, данную на театрѣ *Флорентинцевъ*, и оперу серію *Резимиро*, игранную на театрѣ св. Варооломея. Рассказываютъ, что эти два произведенія, нынѣ утраченныя, не имѣли успѣха, и что авторъ, огорченный неудачею, на нѣкоторое время отказался отъ театра. Но, кажется, это предположеніе придуманно за тѣмъ только, чтобы пополнить

пробѣлъ, который останется въ его жизни, если принять, что онъ жилъ до тридцати или даже тридцати двухъ лѣтъ.

Въ томъ же 1731 году, слѣдовательно на 22-мъ году жизни, онъ поставилъ кромѣ *Саллустіи* извѣстную интермедію *Барыня-служанка* (*la serva padrona*), которую первоначально исполняли Джиокомо Коррадо и Челеста Рессе. Впоследствии это произведеніе обошло все театры Италіи и Европы, породило подражанія на нѣсколькихъ языкахъ, и вездѣ было принято съ равнымъ восторгомъ.

Вскорѣ послѣ того четыре кантаты Перголезе, нѣсколько разъ исполненныя въ разныхъ обществахъ, были напечатаны контробасистомъ Джиаккино Бруно. Первая издана съ однимъ основнымъ басомъ, прочія со скрипками и альтомъ. Каждая состоитъ изъ двухъ арій, общепотребительнаго въ то время покроя; послѣдняя изъ нихъ знаменитая кантата Орфея.

Послѣ ужаснаго землетрясенія 1731 года, Неапольское городское начальство сочло необходимымъ дать городу новаго хранителя, для защиты его отъ этого бича, и избрало св. Эмидіа, епископа Аскольскаго. Перголезе поручено написать музыку къ готовившемуся по этому случаю торжеству. Это порученіе опровергаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ біографовъ, будто сочиненія его не имѣли успѣха при его жизни; если бы это мнѣніе было основательно, то какимъ же образомъ, не смотря на свою молодость, онъ получилъ бы такое важное порученіе, между тѣмъ, какъ въ Неаполѣ было множество композиторовъ, пользовавшихся многолѣтнею славою?

Вслѣдствіе этого порученія, Перголезе написалъ, въ 1732 году, мессу на десять голосовъ съ двумя оркестрами, которая всѣхъ поразила выразительностью, силою гармоніи, и строгостью стиля. Сверхъ того, онъ написалъ къ тѣмъ же торжествамъ нѣсколько духовныхъ въсенъ на пять голосовъ съ оркестромъ: *Domine ad adjuvandum*, *Dixit*, *Confitebar* и *Laudate*. Все эти сочиненія возбудили всеобщій восторгъ въ толпѣ слушателей, привлеченныхъ благочестіемъ, и ихъ долго продолжали пѣть въ Сервитской церкви Божьей Матери всѣхъ скорбящихъ, которой праздникъ торжествовался съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ на счетъ герцога Маддалони — Корафы, основателя одного изъ придворъ церкви, и бывшаго покровителемъ Перголезе еще въ Консерваторіи.

Разсказываютъ, что передъ главною пробой этой десятиголовой мессы, Перголезе пожелалъ узнать мнѣніе знаменитаго Леонарда Лео. Принявъ приглашеніе довольно холодно, Лео общалъ однако же быть на пробѣ; но потомъ изъявилъ свое удивленіе смѣлости молодого человѣка, недавно еще представлявшаго ему небольшую мессу, довольно недурную для перваго опыта, и такъ скоро званшаго его на другую мессу. Однакоже успѣхъ новаго произведенія превзошелъ всѣ ожиданія, и маститый маэстро, прослушавъ его, бросился на шею молодому собрату, осыпая его искренними и заслуженными похвалами.

Перголезе впослѣдствіи переделалъ эту же мессу на четыре хора, какъ полагаютъ для церкви Доминиканскаго монастыря, въ которой онъ часто игралъ на органѣ во время часовъ передъ великимъ погостомъ; онъ исполнялъ эту обязанность когда былъ еще въ Консерваторіи. Полагаютъ также, что эти переделки мессы на четыре хора должны еще существовать въ доминиканской библіотекѣ въ Неаполь.

Между тѣмъ композиторъ не оставлялъ драматической музыки; въ 1732 году поставилъ онъ на театрѣ Флорентинцевъ оперу-буффу на неаполитанскомъ нарѣчій подъ названіемъ *Влюбленный монахъ*, возобновленную въ 1734 году и долго еще державшуюся по смерти автора; что доказываетъ необыкновенный успѣхъ. Въ 1733 году на театрѣ св. Варооломея поставленъ его *Гордый племянникъ*, и возобновлена *Барыня-служанка*. Въ слѣдующемъ году написалъ онъ для того же театра *Андріана въ Сиріи*, и интермедію *Ливіетто и Троколло*, имѣвшую такой же успѣхъ, какъ *Барыня-служанка*. Наконецъ, въ 1735 году онъ поставилъ комическую оперу *Фламинію*, возобновленную послѣ его смерти. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ писалъ еще другія оперы до отъезда своего изъ Неаполя, но до-сихъ-поръ не отысканы даже ихъ названія.

Нѣкоторые біографы утверждаютъ, что Перголезе былъ приглашенъ въ Церковную Область, чтобы занять должность капельмейстера при церкви Божьей Матери въ Лоретѣ (la santa casa). Это обстоятельство едва ли на чемъ-либо основано; впрочемъ для рѣшенія вопроса надо бы рассмотреть архивы этой знаменитой церкви. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ приглашенъ не въ 1735 году, потому-что онъ пробылъ въ Неаполь весь 1734 и большую часть 1735 года; и только въ концѣ послѣдняго года

отправился въ Римъ, ставить свою *Олимпіаду*, которая была ему заказана къ карнавалу.

Римляны не разъ упрекали въ предубѣжденіи противъ всего, что сколько нибудь не согласно съ ихъ привычками. Всѣмъ извѣстно, что они осуждали многія произведенія, признанныя впоследствии образцовыми; наиримѣръ *Il matrimonio segreto* Чимарозы, и *Севильскаго цирюльника* Россини. Перголезе подвергся той же участи. Его *Олимпіада*, на текстъ Метастазія, не имѣла успѣха на театрѣ Тординова. Въ числѣ обстоятельствъ, содѣйствовавшихъ ея неуспѣху, есть одно, на которое до сихъ поръ не обращали вниманія: онъ не первый писалъ музыку къ этой пьесѣ; она уже была положена на музыку Кальдароу, подъ надзоромъ самаго Метастазія; кромѣ его писали къ ней музыку и нѣкоторые другіе композиторы. Не мудрено, что главныя нумера партитуры Кальдары были еще свѣжи въ памяти слушателей, когда Перголезе явился съ совершенно новою мелодією, и болѣе сильною гармонією, чѣмъ слышанныя въ Римѣ до него. Это обстоятельство должно было усилить предубѣжденія противъ его музыки. Какъ бы то ни было, но для красоты арій и дуэтовъ, ни полная чувства мелодія, разлитая по всей партитурѣ, ни энергія и выразительность речитативовъ, ничто не могло умилостивить приверженцевъ рутины, жаловавшихся на сложность акомпанимента. Рассказываютъ, что Дуни, писавшій въ то же время и для того же театра *Герона*, представленнаго съ огромнымъ успѣхомъ, принялся за работу, только когда прослушалъ *Олимпіаду*, и одинъ понялъ ея достоинства. Онъ старался утѣшить Перголезе, говоря только, что такая подробная отдѣлка мелодіи и гармоніи не годится для большой залы, гдѣ многое теряется; что эти заслуги могутъ быть оценены только въ небольшомъ кругу, и что тамъ опера его будетъ всеми уважена. Замѣтимъ мимоходомъ, что Дуни былъ однихъ почти лѣтъ съ Перголезе (онъ родился въ 1709 году), и могъ въ послѣдствіи убѣдиться въ справедливости своего сужденія; могъ даже видѣть, что эту оперу ждалъ успѣхъ несравненно обширнѣйшій, чѣмъ онъ предполагалъ; ибо вскорѣ послѣ преждевременной смерти автора, всѣ большіе театры стали наперерывъ ставить ее. Всегда, рано или поздно должно наступить время, когда гений восторжествуетъ надъ общимъ вкусомъ и измѣняетъ его; когда онъ заставляетъ людей

понять то, что сначала казалось непостижимымъ, онъ рано или поздно проложитъ себѣ путь сквозь туманъ, окружающій предубѣжденные умы, и голосъ его, обращаясь къ чувству и уму, долженъ рано или поздно быть услышанъ.

Сколько разъ утверждали, будто неудача *Олимпиады* была причиною смерти Перголезе: это мнѣніе неосновательно; онъ уже былъ боленъ, когда прихалъ въ Римъ. Вѣроятно, что его усиленные занятія и неумѣренная страсть къ женщинамъ, разстроили его слабое сложеніе и ввергли его въ чахотку; онъ еще въ Неаполь часто харкалъ кровью и страдалъ изнурительными лихорадками, которыя еще усилились подъ вреднымъ вліяніемъ Римскаго климата. По возвращеніи его въ Неаполь, чахотка его открылась въ самомъ грозномъ видѣ, и онъ успѣлъ написать одинъ только *Стабатъ*, который болѣе всѣхъ его произведеній, упрочиваетъ за нимъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи музыки.

Любовитно знать, по какому случаю онъ написалъ это дивное произведеніе. Въ Неаполь было религиозное братство, состоявшее подъ покровительствомъ Божіей Матери *всѣхъ скорблщихъ*, которое существуетъ до нынѣ при церкви св. Фердинанда; оно собиралось тогда въ капуцинской церкви св. Людовика *Дворцоваго*, нынѣ уже не существующей. Каждый годъ въ мартъ мѣсяцъ, по пятницамъ, совершался выносъ св. даровъ; и при этомъ обрялѣ пѣли *Стабатъ* Александра Скарлатти, писанный на дьяканта и альты съ двумя скрипками. Члены братства, соскучившись слушать всегда одно и то же, рѣшились заказать другой *Стабатъ*, и обратились къ Перголезе, который обязался написать его за 40 червонцевъ (съ небольшимъ 40 руб. асс.), которые выданы ему впередъ. Между тѣмъ, онъ принужденъ былъ вскорѣ ѣхать въ Римъ, не успѣвъ исполнить обѣщанія, о которомъ ему напомнили по возвращеніи его. Онъ немедленно принялся за работу, несмотря на изнурительную болѣзнь, которой успѣхи побудили врачей велѣть ему перѣхать въ Поццуоло, куда часто посылали чахоточныхъ. Несмотря на истощеніе силъ, Перголезе не отходилъ отъ работы; Франческо-Фео, другъ и бывшій учитель его, зашедшій навѣстить его, засталъ его въ постели dokonчивающимъ свой *Стабатъ*. На упреки его въ нерадѣніи о своемъ здоровьи, молодой композиторъ съ трудомъ отвѣчалъ, что честь повелѣваетъ ему

кончить сочиненіе, за которое онъ получилъ деньги впередъ, а что если онъ и успѣетъ его дописать, оно вѣроятно будетъ довольно слабо, вслѣдствіе его крайняго изнуренія. Возвратясь, спустя нѣсколько дней въ Поццуоло, Фео засталъ своего ученика въ совершенно безнадежномъ состояніи, но слышалъ изъ его умирающихъ устъ, что Стабатъ окончень и отосланъ по назначенію.

Такимъ образомъ, кончилось краткое, но обильное поприще Перголезе; онъ умеръ 16 марта, 1736 года, какъ видно изъ списка умершихъ Поццуольской соборной церкви, въ которой онъ похороненъ на слѣдующій день. Ему было отъ роду 26 лѣтъ, 2 мѣсяца и 12 дней.

Изъ изложеннаго вамъ видно, какъ неосновательно мнѣніе нѣкоторыхъ, будто Перголезе умеръ отъ яду. Правда, къ несчастію, что зависть и вражда часто прокрадываются въ сердца художниковъ, въ особенности когда соперникъ ихъ молодъ и общаетъ богатую будущность; но никогда онъ не выражаются въ такихъ злодѣйствахъ; подобныя преступленія рождаются совсѣмъ не въ этомъ кругѣ общегитія. Смерть Перголезе должно приписывать единственно болѣзни, которой зародышь, можетъ быть, былъ въ немъ съ рожденія, и которая развита неумѣреннымъ трудомъ и невоздержною жизнью.

Почти цѣлое столѣтіе не было никакой надписи на мѣстѣ, гдѣ лежитъ прахъ Перголезе, за нѣсколько лѣтъ только Доменико Кориньяно, владѣлецъ поляннаго списка *Стабата*, завѣщаннаго имъ передъ смертію Монте—Кассинскому монастырю, поставилъ на могилѣ его въ Поццуольской соборной церкви, надгробный камень, съ слѣдующею простою надписью, въ которой мы замѣтимъ только, на девятой строкѣ, ошибочное означеніе дня погребенія вмѣсто дня смерти:

IOANNI BAPTISTAE PERGOLESIO

DOMO AESI

QUI AB AETATE PRIMA

NEAPOLIM MUSICAE ADDISCENDAE STUDIO CONCEDENS

IN COLLEGIUM SUB TITULO PAUPERUM I. CHRISTI ADSCITUS

MUSICIS FACIENDIS MODIS
 SUOS INTER AEQUALES LONHE PRAESTITIT
 PUTEOLIS DECESSIT XVII KAL. APRIL. AN, MDCCXXXVI
 QUO VALETUDINIS CAUSSA CESSERAT
 VIXIT AN. XXVI MENS. II DIES XIII.
 DOMINICUS CORIGLIANUS
 EX MARCHIONIB. RIGNANI EQVES HIEROSOLYMITANUS.
 NECLARISSIMI MEMORIA INTERCIDERET
 MON. P.
 CAROLO ROSINIO EPISCOPO PUTEOLANO ANNUENTE.

Другой памятникъ, который слѣдовало бы воздвигнуть ему, есть полное изданіе не утраченныхъ его сочиненій, находящихся въ разныхъ библіотекахъ. Вотъ самый полный ихъ перечень.

Духовныя сочиненія. 1) *Месса*, на два хора; находится въ библіотекѣ Неапольской музыкальной Консерваторіи. 2) *Месса* на два голоса съ инструментами; тамъ же. 3) *Месса* на десять голосовъ, въ двухъ хорахъ, и на оркестръ; находится во многихъ библіотекахъ, между прочимъ у Лорда Нортамптона. 3). Та же, переделанная на четыре хора, въ библіотекѣ, Доминиканскаго монастыря въ Неаполь. 4) *Месса* (*Kyrie Gloria*), на четыре голоса съ оркестромъ, издана въ Вѣнѣ. 5) *Месса* на пять голосовъ съ оркестромъ. 6 и 7) Два *Domine ad adjuvandum*, одинъ на четыре, другой на пять голосовъ. 8 и 9) Два *Dixit Dominus*, первый на два хора съ двумя оркестрами; другой на четыре голоса съ двумя скрипками, альтомъ, контробасомъ и органомъ. 10 и 11) Два *Confitebor tibi, Domine*, одинъ на пять голосовъ, другой на четыре. 12 и 13) Два *Laudate pueri Dominum*, одинъ на пять голосовъ съ оркестромъ, другой на одинъ голосъ съ инструментами. 14 и 15) Два *Lactatussum*, одинъ на два дисканта и два баса, другой на пять голосовъ съ оркестромъ. 16) *Stabat*, на два голоса съ квартетомъ, былъ много разъ печатанъ въ партитурѣ, и въ переложеніяхъ на фортепьяно. Пантіелло издалъ его съ прибавленіемъ духовыхъ инструментовъ. 17) *Miserere* на четыре голоса. 18) *Salve regina*, на одинъ голосъ съ квартетомъ; печатанъ нѣсколько разъ. 19) Еще *Salve regina*. 20) *Antiphona*; находится въ Королевской Музыкальной Консерваторіи въ Неаполь. 21

Tuoni ecclesiastici co' loro versetti. 22) Motetto. 23) Dies irae на двисканта и альты съ квартетомъ.

Театральныя сочиненія. 1) *Саллюстія*, опера въ трехъ дѣйствіяхъ. 2) *Фламиніо*, въ 3 дѣйствіяхъ. 3) *Влюбленный монахъ*, въ 3 дѣйствіяхъ. 4) *Андріанъ въ Сиріи*, въ 3 дѣйствіяхъ. 5) *Гордый плыникъ*, въ 3 дѣйствіяхъ. 6) *Олимпіада*, въ 3 дѣйствіяхъ. 7) *Барыня-служанка*, интермедія въ 2 дѣйствіяхъ. 8) *Хитрая поселянка*, интермедія въ 2 дѣйствіяхъ. Вся эти сочиненія находятся въ королевской музыкальной библиотекѣ, въ Неаполь. 9) *Учитель музыки*, интермедія въ 2 дѣйствіяхъ. 10) *Осмьянный ревнивецъ*, интермедія въ 2 дѣйствіяхъ. Последнія два произведенія, можетъ быть собственно и не принадлежать ему, а только набраны изъ его сочиненій. — Къ драматическимъ произведеніямъ должно отнести: 11) большую арію *Nacqui agli affanni in seno*.

Ораторіи. 1) *San Guglielmo d'Aquitania*, въ трехъ частяхъ; находится въ библиотекѣ королевской консерваторіи, въ Неаполь; 2) *Oratorio sacro per la nascita del Bedentore*, въ библиотекѣ Доминиканскаго монастыря, въ Неаполь.

Камерная музыка. 1.) Шесть кантатъ на сопрано, которыя были печатаны; въ числѣ ихъ находится знаменитая кантата *Орфей*. 2.) *Изонъ*, кантата на пять голосовъ. 3.) *Иссипила*, кантата для сопрано. 4.) Нѣсколько другихъ кантатъ безъ названій. 5.) *Scherzo Scherzo coi sarrusini ds Pochuoli*.

Инструментальная музыка. 1.) Скрипичный концертъ; находится въ библиотекѣ королевской консерваторіи въ Неаполь. 2) 30 тріо на двѣ скрипки и виолончель, печатанные въ Англіи и въ Голландіи.

Этотъ списокъ произведеній композитора, умершаго на двадцать седьмомъ году, доказываетъ его необыкновенную плодovitость, одинъ изъ признаковъ гевія. А между тѣмъ, если со вниманіемъ рассмотреть сочиненія его предшественниковъ и современниковъ, онъ въ сущности не выше ихъ; у него не больше выразительности, чѣмъ у Александра Скарлатти; въ гармоніи его не больше энергіи, чѣмъ у Лео, а Порпора евали не превосходить его въ важности и пѣвучести мелодій, и въ умѣнь вести речитативъ. Главное достоинство Перголезе то, что онъ умѣлъ усвоить себѣ, и слить въ своихъ произведеніяхъ качества, являвшіяся у его предшественниковъ порознь, или

случайно. Въ драматической музыкѣ его заслуги неоцѣнимы; онъ далъ ей богатство содержанія и полноту, неслыханныя до того на театрѣ; онъ усилилъ оркестръ, не введеніемъ новыхъ инструментовъ, а усиленіемъ голосовъ, наконецъ, онъ болѣе кого либо направилъ музыку къ выраженію, къ драматизму; онъ окончательнo ввелъ какъ въ мелодію, такъ и въ гармонію многіе интервалы и формулы, на которыя до него композиторы покушались только съ робостью.

Противъ музыки Перголезе сдѣлано одно только возраженіе, заслуживающее вниманія, не потому только, что это сужденіе отца Мартини, но потому что оно отчасти основательно. Мартини замѣтилъ, что, если сравнить *Стабатъ* и *Барыню-служанку*, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, эти два произведенія совершенно сходны; въ обоихъ одинъ стиль, одинаковые пассажи, одинаковыя формы выраженія, всегда пѣжныя и граціозныя. Это замѣчаніе справедливо; но во многихъ случаяхъ, при принятой въ наше время музыкальной системѣ, едва ли можетъ быть иначе; развѣ предписать себѣ напередъ условныя ограниченія или правила относительно выбора тоновъ, или употребленія тѣхъ или другихъ инструментовъ, тѣхъ или другихъ формъ; въ противномъ случаѣ всегда будетъ, хотя и отдаленное, сродство между драматическою музыкою и римско-церковною.

Но если произведенія Перголезе подвергались съ одной стороны критикѣ Мартини, которая впрочемъ относится къ одной только частности, то можно бы составить цѣлую книгу изъ безчисленныхъ похвалъ, расточавшихся имъ со всѣхъ сторонъ. Многія изъ нихъ даже преувеличены; но этому причиною была не реакція общественнаго мнѣнія, какъ утверждаютъ некоторые біографы; такая реакція была бы бесполезна, потому что онъ только въ Римѣ своею *Олимпіадою* испыталъ неудачу; главною же причиною тому было участіе, внушенное его преждевременною, несчастною кончиною, и въ особенности слухомъ, хотя и неосновательнымъ, о его отравленіи. Нѣтъ сомнѣнія, что это обстоятельство не мало содѣйствовало обширности и быстротѣ его вліянія не только въ Италіи, но и во всей Европѣ. Съ его смерти всѣ композиторы стали болѣе или менѣе стремиться къ точному, драматическому выраженію словъ.

Кромѣ Италіи, въ особенности оцутительно было вліяніе

Перголезе во Франціи, гдѣ прозведенія его явились на итальянской сценѣ, въ 1751 году. Но оно не распространилось далѣе сцены. Изъ его школы вышли два главные представителя французской оперы, Монсивьи и Гретри.

Заключимъ еще однимъ замѣчаніемъ. Перголезе не разъ сравнивали съ Рафаэлемъ, не естественнѣе ли его сравнить съ Доминиканомъ?

НОЧЬ ВЪ ДИЛИЖАНСЪ.

(Разсказъ Варенна.)

Въ холодную, снѣжную, декабрьскую ночь, я возвращался изъ Анжера въ Парижъ. Я былъ одинъ въ купе дилижанса, и очень желалъ оставаться одинъ до конца поѣздки. Для того я старался, посредствомъ нѣсколькихъ сигаръ, снискать себѣ благорасположеніе и покровительство кондуктора. Но я только что успѣлъ уснуть преспокойнымъ сномъ, какъ на меня вдругъ пахнуло холодомъ, и я проснулся. Мой предатель кондукторъ, стараясь дать нѣжное выраженіе своему сиплему голосу, извинялся въ томъ, что долженъ впустить въ купе даму. Я былъ въ отчаяніи; въ бѣшенствѣ своемъ, я кажется ругнулъ порядкомъ предателя. Между тѣмъ, дама вошла и усѣлась въ свободный уголъ. Молода ли она была, или стара, хороша или дурна—я и знать не хотѣлъ; да если бы и захотѣлъ, шляпка, вуаль, салонъ, а всего болѣе темнота ночи, не позволили бы мнѣ удовлетворить своего любопытства. Я старался было снова уснуть; но извѣстно, что сонъ принадлежитъ къ тѣмъ упрямымъ и своевольнымъ существамъ, которые находятъ на людей, когда ихъ не ждуть, а попробуйте только позвать его, заламается, и не дождетесь. Такъ точно было со мною. Видя, что мнѣ не сомкнуть глазъ во всю ночь, я сталъ, для препровожденія времени, гадать, кто-бы могла быть посланная мнѣ случаемъ сосѣдка.

—Эта загадка не хуже другой, подумалъ я, взберусь же

я на Киеверонскую гору, и, подобно Лаіеву сыну, смѣло предстану передъ сфинкса. Чтожь, не отгадаю—не съѣсть!

Сосѣдка молчала. Можетъ быть она счастливѣе меня — спитъ! Эта мысль взбѣсила меня, какъ несправедливость судьбы! что же было причиною моей бессонницы, какъ не приходъ моей спутницы?

—Такъ-то! подумалъ я; мнѣ не спится; не дамъ же спать и ей; будемъ бесѣдовать.

Съ этимъ злобнымъ намѣреніемъ, я опустилъ стекло, чтобы имѣть случай извиниться и завязать разговоръ. Морозъ былъ такой, что страшно носъ высунуть. Два глупыя чиха, которыми меня вѣроятно каралъ Богъ, принудили меня одуматься, и поднять стекло. Я усердно сталъ извиняться въ своей непостижимой опрометчивости.

—О, бѣда не велика! отвѣчала она; это немножко очистило воздухъ. Когда я вошла въ карету, въ ней нестерпимо пахло сигарами...

—Вѣроятно трубкою, сударыня. Все злодей кондукторъ; все время, какъ онъ говорилъ съ нами, была у него трубка въ зубахъ... этотъ народъ право...

—Трубка или сигара, развѣ не одно и тоже?

—Какъ можно говорить, что сигара и трубка одно и тоже, это просто ересь! сигары въ отношеніи къ трубкѣ тоже, что образованный человѣкъ въ отношеніи къ дикарю.

—Въ самомъ дѣлѣ?

—Изъ вашего отвращенія къ табаку, я заключаю, что у васъ, подъ Орлеаномъ, немного отстали отъ вѣка; но благодаря желѣзнымъ дорогамъ, свѣтило просвѣщенія скоро...

—Стало-быть, по вашему сигара свѣтило просвѣщенія? Видите что! а вѣдь у насъ ви кто-бы объ этомъ и не подумалъ; да хоть бы я, напримѣръ; мнѣ бы это никогда не пришло въ голову; мы такъ отстали подъ Орлеаномъ!

—О, сударыня, позвольте,—я не говорю...

—Хорошо, хорошо; я увѣрена, что вы бѣдныхъ орлеанцевъ считаете чуть не дикарями; они вамъ жалки, потому что предпочитаютъ табачному дыму чистый воздухъ... перво-бытныи, какъ они сами. А я вамъ скажу, что я завидую ихъ долѣ, и жалѣю о золотомъ вѣкѣ, когда цивилизація, надо же называть эту чуму по имени, не заражала еще нашихъ

бульваровъ, улицъ и пассажей—воюю газа, асфальта и сигаръ, трехъ извъ нашего вѣка.

—Вы стало-быть изволите жить въ Парижѣ?

—Можетъ быть; во всякомъ случаѣ я теперъ изъ самолюбія должна говорить вамъ, что живу въ Парижѣ.

—О, я въ этомъ былъ увѣренъ. Я это угадалъ съ перваго разу, я имѣю даръ угадывать по фізіономіи.

—Въ потьмахъ, ничего не видя? развѣ по нарѣчію? подхватила она смѣясь.

—Вы удвоиваете, сударыня, досаду мою на темноту, обрекающую меня на эту участь.

—Почемъ знать! оно можетъ быть къ лучшему?!

—О, сударыня, вы не можете быть лучше, чѣмъ я васъ воображаю...

—О, такъ вы и границу опредѣлили! возразила моя спутница съ громкимъ смѣхомъ; ну, а если бы я переходила за нее!

—О, тогда я долженъ благодарить темноту, охраняющую меня отъ опасности видѣть васъ; ибо увидѣвъ васъ, пропала бы моя головушка!

—Кромѣ шутокъ?... Пожалуй, подумаешь, что часто кружилась ваша головушка, когда вы такъ мало на нее надѣтесь; на этотъ разъ, однакоже, можете быть спокойны...

—То-есть, вы же дадите средство удержать ее? — Хорошо, согласенъ!

—На что? спросила она, холодно.

—Да... на счастье, предуготовленное мнѣ благодѣтельнымъ случаемъ...

—Скажите несчастье! подхватила она съ прежнею веселостью; вы безъ ропоту соглашаетесь на несчастье просидѣть цѣлую ночь въ дилижансѣ съ уродливою старухою.

—Нѣтъ, я стою на своемъ; развѣ не счастье, въ декабрѣ, въ такой трескучій морозъ, встрѣтиться въ дилижансѣ; съ умною женщиною; я предвижу, будетъ мнѣ нужно мужество, только по пріѣздѣ въ Парижъ, когда мнѣ придется съ вами расставаться.

—Позвольте.... вы сами себѣ противорѣчите. Если вы допускаете во мнѣ сколько нибудь ума, какъ же вы можете во-

ображать, что я приму всё ваши комплименты за наличный деньги? Комплименты суть мелкія деньги лжи; берегитесь разсыпаться ихъ вправо и влѣво, можно дойти и до самаго капитала.

— Неужели вы думаете, сударыня, что бываютъ случаи, когда трудно не высказать того, что думаешь?

— А, вы теперь пустились въ разсужденіе; оно и лучше.

— Чтожъ дѣлать, когда вы отвергаете чувство!

— У васъ видно, чувства растутъ какъ грибы, въ одну ночь, въ потьмахъ.

— Смѣйтесь, смѣйтесь; неужели вы не вѣрите тѣмъ мгновеннымъ впечатлѣніямъ, тѣмъ электрическимъ искрамъ?..

— Крючкообразнымъ атомамъ, передовымъ стражамъ сердца, проводникамъ чувства, микроскопическимъ повѣреннымъ, которыя опредѣляютъ сочувствіе и вражду?.. Какъ можно, не вѣрить имъ значить отвергать то, что очевидно.

— Завидую вамъ, что вы можете шутить...

— Такимъ важнымъ предметомъ, не такъ ли?

— Станемъ говорить дѣло.

— Стало бытъ вы согласитесь, что до сихъ поръ говорилъ вздоръ.

— Боже милостивый! или вы думаете, что такъ легко быть всегда благоразумнымъ? Говорятъ, что адъ богатъ добрыми намѣреніями, потому что чертъ всегда умѣетъ обращать ихъ въ свою пользу. Да вотъ, посудите сами; вотъ вамъ въ двухъ словахъ, что было со мною. Одинъ мой старшій товарищъ по Политехнической Школѣ, вздумалъ покончить... того бишь, жениться.

— А, это значитъ покончить?

— То есть... это выраженіе, которое... ну словомъ, значитъ, что когда на все помотришь, переберешь всё положенія въ жизни, подъ конецъ всегда убѣдишься, что всего лучше жениться.

— Нечего сказать, объясненіе ловко.

— Говорили моему пріятелю о какой то хорошенькой пріѣзжей изъ Анжера...

— Которая такъ же желала покончить? подхватила моя спутница.

— Приданое было недурно; увидѣть — полюбить... —

— Приданое?

— Нѣтъ, невѣсту; все это было дѣломъ...

— Нотаріуса.

— Именно такъ; у него было первое свиданіе. И вотъ женихъ и невѣста отправляются въ Анжеръ, сыграть свадьбу; онъ упоенный сладкими надеждами, съ полными чемоданами платья, шалей, шляпъ; а слѣдовательно и невѣста, довольная. Мы когда-то дали слово, при каждомъ случаѣ служить другъ другу свидѣтелями. Онъ былъ моимъ секундантомъ на дуэли; пришла и моя очередь. Дѣло вѣдь не шуточное, жениться! Я не могъ уклониться, и поѣхалъ вслѣдъ за поклажею, и прочими принадлежностями свадьбы. Только такое важное обстоятельство могло побудить меня растаться съ Парижемъ въ самое пріятное время; не безъ труда согласился я присоединить къ своей должности свидѣтеля еще должность шафера, налагавшую на меня обязанность стоять противъ какого то мальчишки, поставленнаго на скамейку, и держать надъ головами молодыхъ аметь, символъ общаго крова, долженствующаго пріютить ихъ супружескую жизнь. Во время обряда вздумалось мнѣ взглянуть, какъ люди смотрятъ подъ этимъ бѣлымъ атласнымъ кровомъ; увидѣвъ спокойствіе моего пріятеля и довѣрчивую робость его невѣсты, я подумалъ про себя:

«— А вѣдь тутъ должно быть счастье.»

Это было рѣшительною минутою въ моей жизни; я рѣшился остепениться; всѣми силами души звалъ ангела, которому бы мнѣ посвятить свою жизнь. Возвращаясь въ Парижъ, признаюсь, я желалъ одного: чтобъ ничто не нарушило благодѣтельнаго расположенія моего сердца, и, для большей безопасности, быть одному въ купе дилижанса. Сознавая слабость своей новорожденной добродѣтели, я хотѣлъ держать ее, какъ нѣжное растеніе, подъ колпакомъ, чтобы охранять отъ угрожающихъ ей опасностей; я уже принялъ мѣры на этотъ счетъ съ кондукторомъ, который сначала было поступилъ какъ порядочный и смысленный человѣкъ, но потомъ вдругъ отворилъ дверцу и сказалъ, что должно впустить даму. Даму! чего я наиболѣе страшился. Вы входите, я васъ вижу...

— Ну ужъ не лгите, вы меня не видали.

— Ваша правда, я васъ не вижу, но угадываю васъ. Тррр-

вотъ все мое зданіе благихъ намѣреній рушится, будто сложено изъ картъ, а дьяволъ посмѣивается за угломъ.

— Въ которомъ году вы вышли изъ Политехнической Школы, спросила она спокойно.

— Да, около 1828.

— Такъ вы вѣроятно знали тамъ молодаго Деласюза?

— Высокій, блондинъ? Какъ же. Я довольно давно потерялъ его изъ виду; а то мы были пріятели.

— Какія бываютъ встрѣчи! думала ли я, что буду ѣхать съ товарищемъ моего сына?

— Какъ? вашего сына? это не возможно.

— Оно однакоже такъ: Леонъ Деласюзъ мой сынъ. Вы скажете, что было кокетствомъ съ моей стороны, такъ долго поддерживать ваше заблужденіе, чтожъ прикажете? кокетство слабость, отъ которой всего труднѣе женщинамъ отказаться. Къ тому же, вы отчасти сами виноваты; вы сами такъ хорошо мнѣ содѣйствовали.

— И вамъ можно было меня такъ ловко провести!.... но голосъ...

— Да; по голосу можно бы меня считать вѣсколькими годами моложе. Впрочемъ, каждый злой поступокъ ведетъ за собою наказаніе. Пока я васъ обманывала и молодилась, я привуждена была отказываться отъ табаку; а вы знаете, когда кто привыкъ....

— Какъ же вы мнѣ говорили, что терпѣть не можете табаку?

— Курительнаго, такъ; а рапе со вѣмъ другое дѣло. Вотъ уже двадцатый годъ, какъ я нюхаю табакъ; меня приучилъ къ нему еще первый мужъ мой Деласюзъ.

Двадцатый годъ нюхаетъ табакъ; была за вторымъ мужемъ; сынъ мнѣ товарищъ! подумалъ я, приходя въ ужасъ отъ своего промаху. Хорошъ! потянулся за Эдипомъ, а попалъ на Юкасту.

Между тѣмъ моя сосѣдка, чтобы въ конецъ разочаровать меня, съ наслажденіемъ вдохнула обильную понюшку табаку.

— Чтобы угѣшить ваше самолюбіе, продолжала она, я скажу вамъ, что вы не первые дали такой промахъ. Хотя у меня сынъ, давно уже вышедшій изъ ребятъ, однакоже я по таліи не похожа на матушку; а въ Парижѣ есть люди, которые

идутъ за женщиною, основываясь на одной ея талии. Глупо, да такъ ужъ водится. Я не разъ удостоивалась этой смѣлой чести, могу сказать безъ похвалыбы. Недавно еще... я должна вамъ это разказать въ наказаніе за свое давшнее кокетство... какой то господинъ шелъ за мною отъ самыхъ бульваровъ до Перевозной улицы. Мнѣ идти было еще далеко; но я тутъ сжалилась надъ нимъ, приподняла вуаль, и обернулась къ нему. Когда онъ увидѣлъ мое лицо, которое, къ несчастію, нисколько не соотвѣтствуетъ моей талии, онъ сдѣлалъ такую смѣшную рожу, что я и сказать не могу:

«Сознайтесь, сударь, сказала я ему, что я вамъ оказываю большую услугу.»

Но мой молодецъ, не отвѣчая ни слова, бросился въ проѣзжавшій мимо омнибусъ, и поминай какъ звали.

При этихъ словахъ, уши мои огмасились новою сладострастною понюшкою табаку.

— Что до васъ, любезный мой спутникъ, продолжала она, вы бы должны только напередъ подумать: ну рѣшилась ли бы молодая, хорошенькая женщина, какою вамъ угодно было обрабатывать меня, таскаться по большимъ дорогамъ одна, и еще ночью.

Не знаю, долго ли продолжалось нравоученіе моеи собесѣдницы. Голосъ ея, видно, смягчилъ непреклоннаго Морфея, и я заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Дилижансъ катилъ по гладкой дорогѣ.

На послѣдней станціи передъ Парижемъ, кондукторъ спустилъ спереди стекло, и просунувъ безцеремонно голову, сказалъ мнѣ.

— Чтожъ вы, сударь, сего-дня не выкурите со мною сигарочки? Вотъ уже стало свѣтать; она бы васъ разогрѣла!

— И то правда! отвѣчалъ я, переходя къ нему въ кабріолетъ.

Тяжелый дилижансъ прокатилъ по Парижскимъ улицамъ, не слушая шуточекъ и остротъ насмѣшливыхъ пѣшеходовъ, и торжественно вѣхалъ на дворъ заведенія дилижансовъ и транспортовъ.

Когда я сошелъ съ имперіала, первый, понавшійся мнѣ на глаза, былъ мой школьный товарищъ и пріятель, Леонъ Деласюзь.

— Здорово братъ! вотъ пріятная встрѣча!
 — А ты какими судьбами, и откуда?..
 — Изъ Анжера, со свадьбы Сентива... помнишь?.. что былъ съ нами въ школь?.. и имѣлъ удовольствіе ѣхать обратно съ твоею матушкою...

— Съ матушкою? съ моею женою, развѣ?..
 — Какъ, женою?..
 — Да такъ же! съ женою, съ вашего позволенія? подхватила прелестная молодая женщина, съ очаровательною улыбкою, бросаясь на шею мужу.

— Да скажи же, братъ, гдѣ у тебя были глаза?
 — Въ потьмахъ, мой другъ, отвѣчала насмѣшница, вѣдь можно только угадывать, какой бы ни былъ даръ читать въ физиономіи.

— Если мы такъ нечаянно встрѣтились, старый товарищъ, сказалъ Деласюзъ, пожимая мнѣ руку, такъ, надѣюсь, не за тѣмъ, чтобы снова разойтись... Приходи ко мнѣ... На спней улицѣ, № 40... въ шесть часовъ, для тебя всегда будетъ приборъ на столѣ... до свиданія!

И они ушли.
 А я... стоялъ какъ вкопанный, и могъ бы идти подъ пару Лотовой женѣ, смотрѣвшей вслѣдъ ангелу, еще долго послѣ того, какъ онъ скрылся.

НЕКРОЛОГЪ ФРЕДЕРИКА СУЛЬЕ.

Франція лишилась одного изъ знаменитѣйшихъ и плодovitѣйшихъ своихъ драматурговъ и романистовъ. 23 сентября умеръ, въ деревнѣ Биеврѣ, близъ Парижа, послѣ трехъ-мѣсячныхъ страданій, авторъ *Записокъ дьявола* и *Безвѣстныхъ драмъ*, Фредерикъ Сулье.

Самымъ трогательнымъ образомъ описываетъ смерть его Ашиль Колленъ, бывшій впродолженіе пятнадцати лѣтъ его секретаремъ и другомъ, въ письмѣ къ Матарелю, сотруднику одного Парижскаго журнала.

«Что мнѣ писать вамъ, любезный другъ? Исторіи бѣднаго, добраго Фредерика Сулье я теперь не помню; я помню одну

его смерти. Произведенія его вамъ всѣ извѣстны; а біографическихъ подробностей я теперь не въ состояннн связать, и не хочу ихъ даже припоминать; третьяго дня я былъ полонъ его жизни, теперь же полонъ одной его смерти, и немогу ни о чемъ писать вамъ, кромѣ одной его смерти.

«Скоро три мѣсяца, какъ смерть его были рѣшена; какъ только онъ заболѣлъ, онъ почувствовалъ, что эта болѣзнь будетъ послѣднею его болѣзнью; и съ того времени въ каждомъ своемъ словѣ, въ каждомъ дѣйствіи, въ каждой мысли онъ имѣлъ въ виду свою неизбежную кончину. Имъ овладѣла пагубная увѣренность въ близкой смерти. Тщетно онъ старался разогнать эту мысль, одна только сила молитвы могла на время разсѣвать ее. Онъ молилъ Бога не пресѣкать еще его дней, дать ему прожить еще два года, хоть одинъ годъ, дать ему только время докончить набросанные имъ очерки, дописать творенія, которыхъ тайна должна была сойти съ нимъ въ могилу; высказать въ послѣднемъ словѣ вновь открытій ему талантъ, котораго онъ еще не успѣлъ передать другимъ.

«Эта молитва не была услышана; но Богъ, которому одному извѣстна безконечность его благодати, вѣроятно готовилъ ему лучшее утѣшеніе; съ приближеніемъ смерти посѣтила его вѣра. Съ этого времени онъ сталъ еще болѣе прежняго спокоенъ, кротокъ и дружелюбенъ. Попеченія наши не могли спасти его и онъ не обманывался этою ложною надеждою; но ему пріятны были эти попеченія, и онъ старался вознаграждать насъ дружескими выраженіями благодарности. Онъ безпрестанно твердилъ намъ: я не царь, и не царскій сынъ, а сомнѣваюсь, чтобы когда либо царь или царскій сынъ былъ предметомъ такихъ попеченій, былъ окруженъ такими преданными друзьями, какъ я.

«Правда, мы упорно боролись съ болѣзнью, и если она восторжествовала надъ нашими усиліями, то по крайней мѣрѣ никогда она не застигала насъ въ располхъ. На третій день по открытіи болѣзни, двое врачей поселились у его постели, и съ тѣхъ поръ не проходило часу, чтобы тотъ или другой не были при немъ; гг. Массе и Буало чередовались; одинъ проводилъ при больномъ весь день, другой всю ночь, и оба сходились съ г. Рекамье, пріѣзжавшимъ на консультацію каждый день утромъ и вечеромъ. Кромѣ двухъ врачей, друзеи

Фредерика Сулье, при немъ была постоянно сестра милосердія. Если ночь предвидѣлась спокойная, то при больномъ сидѣлъ Боро, (директоръ театра *Амбию*), или Буле, или Викторъ Про-во, или я; когда страданія его усиливались, мы сходились всѣ четверо, будто надѣялись чрезъ соединеніе свое умножить свои силы противъ болѣзни; также приходила къ нему г-жа Боро съ матерью, мужественная, великодушная г-жа Боро, которая никому не довѣряла кромѣ себя, не полагалось даже ни на знаніе врача, ни на неутомимое усердіе сестры милосердія, ни на нашу дружбу.

«Однакоже, какъ видите, всѣ наши усилія остались безъ успѣха, ибо мы не могли сохранить этого великаго таланта литерату-рѣ, этого прекраснаго сердца всѣмъ любившимъ его, подобно вамъ; но попеченія наши были усладою его въ болѣзни, потребность дружбы усиливалась въ немъ по мѣрѣ приближенія послѣдняго часа. Участіе публики помогло намъ въ этомъ случаѣ. Я говорилъ ему, какъ его всѣ любили, говорилъ, что болѣзнь его была предметомъ всѣхъ разговоровъ; исчислялъ ему особъ, безпрестанно освѣдомлявшихся о состояніи его здоровья; одинъ разъ, тронутый до слезъ, онъ сказалъ: «Чѣмъ же я заслужи-лъ все это?»—Тѣмъ, отвѣчала г-жа Боро, что вы были добрымъ человѣкомъ!» Это собственное ея выраженіе, старайтесь его прочесть такъ какъ оно было сказано, и оно васъ тронетъ до глубины души. Добрый человѣкъ; какая лестная хвала для того, кого можно также назвать великимъ человѣкомъ!

«На слѣдующій день я положилъ на свое бюро бѣлый листъ бумаги, на которомъ всѣ, призжавшіе въ іюль освѣдомить-ся о состояніи больнаго, записывали свои имена; вечеромъ, когда я взялъ листъ, на немъ было двѣсти подписей.

«Это было единственнымъ утѣшеніемъ убитому его серд-цу.

«Между тѣмъ, среди безпрестанныхъ колебаній нашихъ, между надеждою и скорбью, среди попеременнаго ослабленія и усиленія болѣзни, смерть довершала свое дѣло. Въ ночи съ 22 на 23-е сентября онъ почувствовалъ ея приближеніе; увя! мы не ожидали ея такъ скоро! Онъ наклонился къ г. Массе, и сказалъ ему:

«Докторъ, бываетъ часъ, когда между врачомъ и больнымъ

уже не можетъ быть тайны; скажите мнѣ прямо и откровенно, скоро ли придетъ смерть?»

Желая отворотить отвѣтъ, я подошелъ къ нему и спросилъ, не озябъ ли онъ.

«Нѣтъ, не озябъ, отвѣчалъ онъ, я уже мертвецъ.»

Послѣ нѣкотораго молчанія онъ опять заговорилъ ясно и спокойно, какъ человѣкъ, наблюдающій и анализирующій какое либо явленіе. «Вотъ начало конца,» сказалъ онъ. И дѣйствительно наступилъ его предсмертный часъ. Больной ждалъ его и встрѣтилъ съ спокойнымъ духомъ.

«Не давайте мнѣ болѣе лекарствъ; сказала онъ; я ничего не буду принимать; отнимите кружку съ кипяткомъ отъ моихъ ногъ, не мучьте меня, не уговаривайте меня, оставьте меня въ покоѣ, не развлекайте меня; я хочу приготовиться къ смерти.

Приготовившись такимъ образомъ къ смерти, онъ созвалъ всѣхъ ходившихъ за нимъ во время болѣзни; призвалъ даже своего слугу, желая видѣть вокругъ себя всѣхъ своихъ домашнихъ.

«Всѣ приходите ко мнѣ, говорилъ онъ, я хочу всѣхъ видѣть.» Тогда, въ эту торжественную минуту, не допускавшую ни обмана, ни тайны, съ нимъ стали говорить о его смерти. «Какъ она долго не идетъ!» говорилъ онъ, а ему отвѣчали: «Потерпите, скоро кончатся всѣ ваши страданія.»

Онъ съ любовью смотрѣлъ на насъ, говорилъ слабымъ голосомъ: «Я васъ еще вижу, еще живу,» и называлъ насъ всѣхъ поименно.

Было одно ужасное мгновеніе. Смерть, приближавшаяся до тѣхъ поръ спокойно, безъ всякаго признака борьбы, вдругъ приняла болѣе грозный видъ; мы думали, что болѣзнь удушитъ его.

Тогда сестра милосердія принялась читать вслухъ отходныя молитвы. Фредерикъ Сулье повторялъ ихъ за нею, и мы молились съ нимъ и за него, среди слезъ рыданій. Но часъ смерти еще не приспѣлъ; удушье приостановилось. По лѣвую руку Фредерика Сулье сидѣлъ Бери, по правую г-жа Бери; Бери держалъ его лѣвую руку: «Мой другъ, сказалъ ему больной, эта рука уже помертвѣла, она не чувствуетъ руки друга, если хочешь руку, которая моглабы отвѣчать на твое пожатіе,

возьми эту.» И протянулъ ему правую руку. Другая рука была уже мертва.

«Невозможно себѣ представить ничего подобнаго спокойствію и свѣтлости духа, тихо разливавшихся по лицу отлѣтавшаго отъ насъ друга. Прощаясь съ нами, онъ пожелалъ каждому изъ насъ оставить что либо на память; роздалъ свой портретъ, часы, табакерку. Г-жа Бери, хотѣла надѣть ему назадъ на палецъ перстень, говоря, что возьметъ его послѣ: «Послѣ!...» сказалъ онъ, слабымъ голосомъ; нѣтъ! съ покойника вещей не берутъ: онѣ приносятъ несчастіе.

«Нашъ добрый другъ, въ часъ смерти, казался преображеннымъ; мысль его возносила, рѣчь его была безсмертнѣй языкъ поэзіи. Онъ говорилъ, и говорилъ все стихами. Онъ говорилъ стихи ко всемъ окружающимъ его; къ обоимъ врачамъ, къ друзьямъ, бывшимъ при немъ; къ отсутствующимъ артистамъ, содѣйствовавшимъ его успѣхамъ; мы слушали съ напряженнымъ вниманіемъ; къ несчастью, икота прерывала его слова, и не всегда позволяла намъ ихъ разслушать. Я взялъ перо, и сталъ писать подъ его диктовку. Почти пятнадцать лѣтъ былъ я его секретаремъ и Богъ по благодати своей позволилъ мнѣ записать послѣднія его слова.

«Я вамъ не сообщаю его стиховъ; Бери взялъ ихъ, и прочтетъ ихъ вамъ на его могилѣ.

«Кто бы въ эту предсмертную минуту вошелъ къ намъ, увидалъ бы насъ лишенныхъ послѣдняго мужества, бѣдную сестру—смущенную, всѣхъ насъ—въ слезахъ, одну больную, возведши глаза къ небу, казалось, каждымъ дыханіемъ ловилъ блаженство вѣчнаго покоя.

«Лицо его сіяло такою твердою вѣрою, такою належдою, что Бери подвелъ къ нему сына, и просилъ благословить ребенка.» Дитя, сказалъ Фредерикъ Сулье, рано дала тебѣ сульба быть свидѣтелемъ такого поучительнаго зрѣлища, люби отца, люби мать, будь добръ ко всемъ; кто никому не слышалъ зла, умираетъ спокойно, какъ я. Смотри!» Потомъ онъ просилъ Бери утѣшить его отца, котораго онъ такъ любилъ и съ которымъ не успѣлъ проститься передъ смертью.

«Прошло еще нѣсколько минутъ, и глаза его, отуманились, не сходя однакожъ съ насъ, составлявшихъ вокругъ него будто одну семью. Голова его упала назадъ, двѣ слезы выкатились

изъ глазъ его, ... его уже небыло. Такъ скончался добрый человекъ, который будетъ человекомъ знаменитымъ, хотя онъ высказалъ только не большую частицу своего дарованія. Только знавшимъ его известно, что еще крылось въ его сердцѣ и его головѣ; но вамъ уже слѣдуетъ пересказать это, вы перескажете лучше меня. Что до меня, мое дѣло исполнено; будьте отголоскомъ всеобщей скорби; мнѣ же, ничтожному, остается скорбѣть втайнѣ, и всю жизнь гордиться однимъ тѣмъ, что я любилъ Сулье, жилъ при немъ, былъ повѣреннымъ всехъ его тайнъ; тѣмъ, наконецъ, что я могу сказать: онъ смотрѣлъ на меня, какъ на друга, и всегда называлъ меня братомъ.

АШИЛЬ КОЛМЕНЬ.

Въ субботу, 25-го сентября, набалзамированное тѣло Фредерика Сулье перевезено изъ Бивра въ Парижъ, на квартиру г. Антони Бери, гдѣ оно было выставлено весь слѣдующій день, и привлекло многочисленную, безпрестанно смѣнявшуюся толпу.

27-го Сентября тѣло прелано землѣ, съ большимъ торжествомъ. Съ самаго утра народъ толпился по Вандомской и примыкающимъ къ ней улицамъ. Общество драматическихъ писателей и общество литераторовъ явилось на печальное торжество почти въ полномъ составѣ.

Между прочими политическими, литературными и артистическими знаменатостями, были на похоронахъ: баронъ Тейлоръ, Бюло, (управляющій Французскимъ театромъ), Несторъ Рокпланъ, (директоръ Большой Оперы), депутаты Ляльберъ и Эмиль Жирарденъ, Каве, (директоръ Академіи Художествъ), Викторъ Гюго, Поль Лакруа, Александръ Дюма, Еженъ Сю, Жюль Жаненъ, Адольфъ Аданъ, Адольфъ Дюма, Бельмонтель, Эдуардъ Монне, (королевскій комиссаръ при лирическихъ театрахъ), Антони Бери, и проч. Артисты театра Амбигю явились все до послѣдняго. Шестіе заключали Гюйонъ, Биньонъ и множество отличнѣйшихъ артистовъ Парижскихъ театровъ съ безчисленными друзьями покойнаго.

Въ одиннадцать часовъ шествіе медленно и въ порядкѣ потянулось къ Тампльской улицѣ. Едва только одна четверть слѣдовавшихъ за гробомъ могла помѣститься въ церкви св. Елисаветы. Началась служба, съ музыкою, написанною Артюсомъ, даровитымъ капельмейстеромъ театра Амбигю. Особенно сильное впечатлѣніе на слушателей произвело скрипичное соло, извлеченное изъ *Муриційскихъ любовниковъ*.

На хорахъ было множество дамъ въ траурѣ; это были артистки театра, бывшаго поприщемъ долгихъ и блистательныхъ успѣховъ покойнаго. Кисти балдахина держали Викторъ Гюго, Тейлоръ, Бюло и Севиньи.

Служба кончилась въ часъ и поѣздъ отправился далѣе; по улицамъ и бульварамъ тѣснилась такая толпа, что шествіе не могло слѣдовать въ прежнемъ порядкѣ, и съ затрудненіемъ вошло на кладбище отца Лашеза.

Достигши приготовленной могилы, поѣздъ остановился. Безчисленная толпа народа занимала высоты кладбища; священники провознесли надъ гробомъ обычныя молитвы, и затѣмъ, какъ скоро можно было водворить молчаніе, Викторъ Гюго, отряженный обществомъ драматическихъ писателей, произнесъ растроганнымъ голосомъ слѣдующую рѣчь:

«Гг. драматическіе писатели удостоили меня чести быть ихъ представителемъ въ этотъ день скорби и сказать отъ имени ихъ прощальное слово тому благородному сердцу, тому глубокому уму, тому прекрасному, безкорыстному дарованію, которыя были всѣмъ намъ извѣстны подъ именемъ Фредерика Сулье. Это великая обязанность, которая должна быть исполнена съ мужественною скорбью, достойною твердаго, благороднаго человѣка, котораго вы оплакиваете. Увы! смерть быстра, и несповѣдима тайна ея выборовъ; не ждетъ она съдины, чтобы разить свою жертву. Грустная, тяжелая истина! Воздѣлыватели умственного поля похищаются прежде, чѣмъ успѣютъ довершить трудъ свой. Едва прошло четыре года съ того дня, какъ мы всѣ, преклонялись здѣсь надъ могилою Казимира Делавиня; и вотъ, нынче, мы, почти все тѣ же, преклоняемся передъ гробомъ Фредерика Сулье.

«Не ждите отъ меня подробнаго перечня произведеній Фредерика Сулье, всегда пользовавшихся такимъ всеобщимъ одобреніемъ. Позвольте мнѣ только попытаться представить вамъ

въ немногихъ словахъ, възвать, такъ сказать, изъ гроба, нравственную личность этого замѣчательнаго писателя.

«Въ драмахъ, въ романахъ, въ стихотвореніяхъ, Фредерикъ Сулье вездѣ является поэтомъ мыслителемъ, всегда стремящимся къ выраженію идеи, избравшимъ себя определенное назначеніе. Въ нашъ великій періодъ литературной дѣятельности, въ который гений, никогда не разлучается съ независимостью, чего, сказать къ чести нашего вѣка, не бывало въ другія періоды, Фредерикъ Сулье былъ изъ числа тѣхъ дѣятелей, которые возвеличиваютъ свои дарованія благородствомъ души. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые хотятъ всемъ быть обязаны своему труду, которые въ мысли видятъ орудіе безкорыстной дѣятельности, въ театрѣ средство поученія, которые уважаютъ и поэзію и народъ; къ людямъ смѣлымъ, но принимающимъ полную отвѣтственность за свою смѣлость, потому что они никогда не забываютъ, что писатель есть сановникъ, что поэтъ есть жрецъ. Желая совершить многое, онъ трудился поспѣшно, будто предчувствуя, что рано назначено ему сойти съ поприща. Талантъ его заключался въ его душѣ, всегда исполненной благородною и здравою энергіею. Изъ нея происходила эта дивная сила, являвшаяся мыслителю глубиною мысли, а толпѣ—могуществомъ слова. Онъ жилъ сердцемъ и сердцемъ же умеръ.

«Но онъ не могъ жаловаться: онъ получилъ прекрасную награду; эта награда заключалась въ многократныхъ успѣхахъ, въ громкой славѣ и всеобщемъ уваженіи и любви. Онъ равно былъ любимъ и тѣми, которые видали его каждый день, и тѣми, которые никогда не видали его: и друзьями, и публикою; и онъ заслуживалъ эту любовь публики потому, что никогда не терялъ изъ виду двойственной цѣли: независимости и пользы.

«Онъ умеръ какъ мудрецъ, который въруеть, потому что мыслить; онъ умеръ тихо, спокойно, съ светлою улыбкою юности и поучительнымъ умиленіемъ старца. Разумѣется, что онъ не могъ безъ сожалѣнія видѣть себя принужденнымъ оставить дѣло цивилизаціи, на которое соединили свои силы все писатели нашего вѣка, отозваннымъ ранѣе того великаго часу, можетъ быть уже близкаго, когда все совѣсти и все умы обратятся на благое дѣло будущности. Безъ сомнѣнія, онъ былъ способенъ на это святое дѣло, ибо сердце его было полно со-

страданія и восторга, душа его безпрестанно обращалась къ народу, потому что въ немъ соединяются всѣ скорби, въ немъ сосредоточивается всякое величіе.

«Друзья его знаютъ, произведенія его, успѣхи свидѣлствуютъ, что вся жизнь Фредерика Сулье была посвящена глубоко, строгому изученію законовъ разума, великихъ истинъ политики, великихъ тайнъ общественнаго устройства; смерть прервала его созерцанія и перенесла его въ другой міръ, созерцать другіе законы, другія истины, другія тайны!

«Еще одно слово, господа! Да узнаетъ толпа, окружающая насъ и съ такимъ вниманіемъ слушающая мои слова, этотъ великодушный, трудолюбивый, мыслящій народъ, не упускающій ни одного скорбнаго торжества и слыющій за гробомъ писателя, какъ за гробомъ друга; да помнитъ этотъ проникательный народъ, что когда мыслители, писатели, поэты, приносятъ къ этой общей бѣдѣ, отверзтой передъ всѣми людьми, кого либо изъ своихъ братьевъ, они идутъ безъ смущенія, безъ безпокойства, безъ страха, полные непоколебимой вѣры въ будущую жизнь, безъ которой земная жизнь наша не была бы достойна ни Бога, дарующаго ее, ни чловѣка, получающаго ее. Мыслящій всегда довѣряетъ Богу и спокойными, ясными очами, иногда и съ радостью, смотритъ въ бездонную могилу; онъ знаетъ, что она готовитъ темницу тѣлу, но что душа въ ней окривляется свободою.

«О, благородныя души оплакиваемыхъ нами усопшихъ, души, которыя подобно той, съ которою мы теперь расстаемся, стремились въ здѣшнемъ мірѣ къ одной цѣли, горѣли однимъ желаніемъ, просили одной награды за свои труды, свѣта истины и свободы, нѣтъ! Тѣ души не ошибаются! Нѣтъ! Ихъ не ожидаютъ во мракѣ смерти страшная неволя, тяжелыя оковы ничтожества! Онѣ продолжаютъ, въ болѣе яркомъ свѣтѣ, свое высокое стремленіе въ безсмертной цѣли. Онѣ были свободны въ поэзій, въ искусствѣ, въ мысли; онѣ будутъ свободны и въ могилѣ!»

Вдохновенныя слова поэта глубоко потрясли слушателей, которые неоднократно прерывали ихъ единодушными возгласами одобренія.

Послѣ Виктора Гюго, произнесъ рѣчь баронъ Тейлоръ, отъ имени общества артистовъ; потомъ Беро сказалъ прощальное

слово своему покойному другу, любившему его, какъ брата.

Въ заключеніе своего слова, въ которомъ онъ трогательными чертами изобразилъ послѣднія минуты покойнаго, Берг прочелъ слѣдующіе стихи, сочиненные Фредерикомъ Сулье передъ самою смертью:

Louise, noble coeur, ange aux regards si doux,
 Quand l'ange de la mort, presque vaincu par vous,
 Oubliait de frapper sa victime expirante,
 Pour le pauvre martyr, vous, l'image vivante
 De tous célestes dons et de toutes vertus,
 Que vous dire, âme d'or, ma sainte bienfaisante?
 Vous m'avez tenu lieu, soeur, de ma soeur absente,
 Mère, d'une mère qui n'est plus.

Je n'achèverai point mon pénible labeur!
 Plus de récolte... hélas! imprudent moissonneur,
 Hâtant tous les travaux, fait à ma forte taille,
 Je jetais au grenier le froment et la paille,
 De mon rude labeur nourrissant ma maison,
 Sans m'informer, comment s'écoulait la moisson.

Viens près de moi, Béraud, et vous, Massé, Collin,
 Prés de moi, près de moi... car voici bientôt l'heure,
 Voici qu'on me revêt de ma robe de lin
 Pour entrez dignement dans...

(Луиза, благородная душа, кроткій ангель, ты, которая, въ тѣ часы, когда ангель смерти, побѣжденный вашими усиліями, переставалъ разить жертву, умиравшую подъ его ударами, являясь бѣдному страдальцу живымъ образомъ всѣхъ даровъ неба и всѣхъ добродѣтелей! Что мнѣ сказать тебѣ, моя святая благодѣтельница? Сестра—ты замѣнила мнѣ отсутствующую сестру; мать—ты замѣнила мнѣ давно почившую мать!

«Не свершить мнѣ уже своего труднаго дѣла! Не собрать, мнѣ уже жатвы.. Увы, безпечный пахарь, я торопилъ труды которые считалъ себѣ по силамъ, бросалъ въ амбаръ зерно и соломѣ, и кормилъ семью плодомъ своего тяжелаго труда, не забываясь о томъ, какъ выходила жатва.

Подойди ко мнѣ, Боро... И ты, Массе, Коленъ, Сюла, Сюда...
 Скоро наступитъ часъ, скоро надѣнутъ на меня мою бѣлую
 ризу, чтобы приетойно вступить въ...)

«И голосъ его, прибавилъ Боро, замолкъ; глаза его, оста-
 новленные холодомъ смерти, медленно потухли; двѣ крупныя
 слезы покатались по его щекамъ, ... и потомъ потекли наши
 слезы, которымъ вѣкъ не изсякнуть.»

Когда Боро кончилъ свое слово, Адольфъ Дюма произнесъ
 слѣдующіе стихи, которые были неоднократно прерываемы
 одобрительными восклицаніями публики:

Avant de le quitter, sur sa tombe où nous sommes,
 Une dernière larme, un dernier mot d'adieu,
 Devant tous ses amis, la lumière des hommes,
 Et devant ce soleil la lumière de Dieu.

Voulez vous que je dise à cette fosse ouverte,
 A cet homme couché comme un enfant qui dort:
 Toi tu n'es que l'oubli caché sous l'herbe verte,
 Toi, qu'un second néant.—La gloire après la mort!

Faut il vous dire, á vous, cet horrible mensonge;
 Puissans rois couronnés du monde intelligent,
 Rêvez votre grandeur, vous ne rêvez qu'un songe,
 Et voilà vos six pieds.—Même pour un géant!

Non, c'est mentir au mort et tromper vos larmes,
 Le désespoir s'aveugle et se ferme les yeux,
 C'est Achille en fureur, ne trouvant plus ses armes,
 Et jetant sa colére à la face des cieux.

Non, non, il faut le dire aux hommes de notre age,
 Depuis quatre mille ans la gloire est une foi;
 Non, non, il faut le dire aux hommes de courage:
 Votre oeuvre vous couronne et le génie est roi!

Voilà la vérité, jusqu'au bord de la tombe;
 Dans ces vastes vergers que la mort a détruits,
 Quand un homme s'abat, c'est un arbre qui tombe,
 Sa génération en recueille les fruits.

Ses lettres, c'est le monde enflammé de lumières,
 C'est la parole humaine, un verbe flamboyant,
 Il éclate en partant dans le sein de vos mères,
 En montant il éclaire, il éclaire en tombant.

Et la postérité; ce mot de tous les âges,
 Ce mot de tous les morts et de tous les vivans,
 N'est pas un mot perdu sur les lèvres des sages,
 Que nos pères ont dit pour tromper leurs enfans.

Dans ce grand livre ouvert, qu'on appelle l'histoire,
 Je ne sais pas un homme, et pas un nom fameux,
 Qui ne dise: Etes—vous les amans de la gloire!
 Si vous l'avez aimée, épousez—la comme eux.

Non, on nous l'a trop dit avec indifférence,
 Non, nous ne sommes pas les morts du lendemain;
 Non, nous sommes ce siècle, et nous sommes la France,
 Et la langue française est l'empire romain.

Nous avons fait mentir tant de choses et d'autres
 Qu'on vent même égarer un mort à son trépas,
 Non, le génie est là, gardé par des apôtres...
 Crucifiez le Dieu, la mort ne l'aura pas!

Celui-ci, Frédéric, des oeuvres de sa plume
 Quand il travaillait l'homme, et travaillait la chair;
 A battu son métal comme sur son enclume,
 Car il savait que l'homme est plus dur que le fer.

Deux torches dans les mains, le roman et le drame,
 J'en atteste son coeur au fond de ce tombeau,
 Quand il allait brûler un vice dans votre ame,
 La flamme de la torchie allumait un flambeau.

Il avait vu de loin bien des oeuvres promises
 Bien des monstres couvant leurs monstrueux péchés,
 Et bien des passions qu'il n'avait pas soumises,
 Dans le monde, hurlant comme des appétits...

Mais Dieu vint le trouver sur le bord de sa couche,
Et lui dit de partir, calme et les yeux ouverts;
Et Frédéric Soulié, le sourire à la bouche,
Meurt comme André Chénier, en récitant des vers.

Maintenant il est là, maintenant il repose,
Maintenant votre tour, travaillez fossoyeurs!
La gloire va sortir de cette tombe close,
Et c'est le doigt de Dieu qui va l'ouvrir ailleurs.

(Прежде, чѣмъ его оставимъ, на могилѣ его прольемъ еще послѣднюю слезу, скажемъ послѣднее—прости, перелезъ всѣми друзьями его—свѣтомъ людей, и передъ солнцемъ—свѣтомъ Боживъ.)

Сказать ли этой отверзтой могилѣ, сказать ли человѣку, покоящемуся въ ней, какъ уснувшій ребенокъ: «Ты одинъ прахъ, забытый подъ зеленою травою; ты—ничто!—Слава за гробомъ!»

Сказать ли вамъ эту страшную ложь, вѣнчаные цари міра мысля: «мечтайте о своемъ величїи! оно одинъ пустой сонъ; вотъ вамъ шесть шаговъ! — Даже и для великана!»

Нѣтъ, это значитъ: лгать передъ усопшимъ, обманывать ваши слезы; отчаяніе увлекается и закрываетъ глаза; — и какъ Ахиллесъ, утратившій свое оружіе, коритъ небо въ безумной своей ярости.

Нѣтъ, вѣтъ, надо твердить людямъ нашего вѣка: уже четыре тысячи лѣтъ живетъ вѣра въ славу; — Нѣтъ, нѣтъ, надо твердить сильнымъ душою: дѣла вѣнчаютъ васъ, генїи — царствуютъ надъ міромъ.

Вотъ истина, даже на краю могилы; когда въ этихъ обширныхъ садахъ, разрушенныхъ смертью, падетъ человѣкъ; — то падетъ дерево; его поколеніе соберетъ съ него плоды.

Письмена его — міръ, пылающій свѣтомъ; человеческое слово — горящій глаголъ; онъ разражается въ недрахъ вашихъ матерей, свѣтитъ—когда восходить, свѣтитъ во время паденія.

А потомство,—этотъ возгласъ всѣхъ вѣковъ, всѣхъ мертвыхъ и живыхъ, не пустое слово въ устахъ мудрецовъ, вымышленное отцами нашими, чтобы обманывать дѣтей.

Въ великой открытой книгѣ, называемый исторїею, незнаю я ни одного знаменитаго человѣка, ни одного славнаго имени, кото-

рое бы не твердило: Если вы любите славу—обвѣчайтесь съ нею, подобно намъ.

Нѣтъ, слишкомъ часто увѣряютъ насъ равнодушно, нѣтъ, мы не завтрашній прахъ; мы—цѣлый вѣкъ, мы Франція, ея языкъ — римская имперія.

Мы столько вещей обращали въ ложь, что хотимъ обмануть и мертваго въ могилѣ; нѣтъ, гений хранятъ избранные; распните его, но онъ не умретъ!

Когда Фредерикъ, въ произведеніяхъ своего пера, обработки-валъ челоуька, ковалъ металлъ, какъ на наковальнѣ, ибо зналъ, что челоуькъ тверже желѣза.

Когда съ двумя свѣточами въ рукахъ, романомъ и лрамою, ссылаюсь на сердце его въ могилѣ, онъ хотѣлъ сжечь порокъ въ вашихъ душахъ, онъ огнемъ своего свѣточа возжигалъ новый свѣтильникъ.

Онъ видѣлъ вдали много заветныхъ трудовъ, видѣлъ на свѣтѣ много чудовищъ, вскармливающихъ свои уродливыя исчадія, много не поборенныхъ еще страстей, ревущихъ, какъ голодныя звѣри...

Но Богъ склонился къ его ложу, и велѣлъ ему идти спокойному, съ свѣтлыми очами; и Фредерикъ Сулье умеръ, какъ Андрей Шенье, съ улыбкою и стихами на устахъ.

И вотъ онъ теперь покоится въ могилѣ! кончайте-же свое дѣло, могильщики! Но слава взойдетъ изъ зарытой могилы; перстъ Божій укажетъ ей иной путь!»

Полагали, что Сальванди произнесетъ рѣчь отъ имени общества литераторовъ; но по случаю его отсутствія, эту обязанность принялъ на себя Поль Лакруа; рѣчь его была проста, по пристойна и трогательна.

Толпа, слѣдовавшая за гробомъ, желала, чтобы любимецъ ея, Александръ Дюма, также сказалъ слово въ память своего друга; но Дюма могъ только плакать; горестъ не позволяла ему говорить.

Когда всѣ друзья простились съ покойникомъ, могилу стали засыпать и вся толпа мало-по-малу разошлась, сожалея объ утратѣ челоуька, котораго имя она такъ часто съ радостью встрѣчала подъ столбцами газетныхъ фельетововъ.

Заклучимъ свою статью, въ ожиданіи болѣе подробной біографіи, письмомъ, писаннымъ за нѣсколько лѣтъ самимъ Фре-

дерикомъ Сулье, къ редактору *Биографа*, просившему у него свидѣній о его жизни и литературной дѣятельности.

«Я родился въ Фуа, въ Аріежскомъ департаментѣ, 23 декабря 1800 года. Рожденіе мое разстроило здоровье моей матери. Она черезъ нѣсколько дней покинула мой родной городъ; и хотя я нѣсколько разъ бывалъ въ томъ департаментѣ, и даже въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Фуа, однако-же самаго города никогда не видалъ. До четырехъ лѣтъ я жилъ съ матерью въ городѣ Мирпуа. Отецъ мой служилъ по финансовой части, и долженъ былъ часто переезжать съ мѣста на мѣсто. Въ 1804 году онъ взялъ меня съ собою; въ 1808 году повезъ меня въ Нантъ, гдѣ я началъ свое ученіе. Въ 1815 году переехали мы въ Пуатье, здѣсь я прошелъ риторическій классъ.

«Первый шагъ мой на литературномъ поприщѣ принудилъ меня выйти изъ коллегіи. Намъ задавали какія-то сочиненія въ родѣ апологовъ: мнѣ вздумалось однажды написать его французскими стихами. Учителю нашему, двадцати-пяти-лѣтнему семинаристу, поступокъ мой показался такою дерзостью, что онъ выгналъ меня изъ класса, говоря, что я имѣлъ безстыдство выдавать за свое сочиненіе стишки, выкраденные вѣроятно изъ какого-нибудь нумера *Меркуря*.

«Я не жаловался отцу, который зналъ, что я еще съ двѣнадцати лѣтъ пописывалъ тайкомъ стихи. Онъ отправился къ учителю, но получилъ отъ него въ отвѣтъ только «что школьнику не позволительно писать французскіе стихи.» — Но вы требуете отъ того же самаго школьника латинскихъ стиховъ?—«О, это совсѣмъ другое дѣло, возразилъ учитель: я учу его, какъ пишутся латинскіе стихи, да и есть у него на то *Gradus ad Parnassum*.

«Привожу этотъ анекдотъ, не какъ очень любопытное событіе, а только ради отвѣта учителя. Отецъ взялъ меня изъ коллегіи, и самъ сталъ проходить со мною курсъ философіи. Онъ самъ былъ на двадцать первомъ году профессоромъ философіи въ Тулузскомъ Университетѣ, и бросилъ эту должность въ 1792 году, чтобы вступить въ военную службу. Онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ старшаго адъютанта, вслѣдствіе болѣзни, схваченной имъ на рекогносцировкахъ въ Альпахъ, передъ Италійскимъ походомъ. Но, обращаюсь къ себѣ.

«Вскорѣ по выходѣ моемъ изъ коллегіи, отецъ мой обви-

невный въ бонапартизмѣ, былъ отрѣшенъ отъ должности. Онъ поѣхалъ въ Парижъ, и взялъ меня съ собою. Тутъ я кончилъ свое ученіе; прошелъ курсъ правовѣдѣнія довольно плохо; но успѣлъ отличиться безпокойствомъ и былъ исключенъ изъ училища за подписаніе либеральныхъ прошеній, и за дѣятельное участіе въ бунтѣ противъ декана; меня перевели, вмѣстѣ съ некоторыми товарищами, въ Ренское училище, гдѣ мы докончили свой курсъ правовѣдѣнія подъ надзоромъ полиціи; я былъ на замѣчаніи, какъ карбонарій. Я воспользовался своимъ изгнаніемъ, чтобы завести сношенія между Парижскими и Ренскими конвентами.

«Окончивъ курсъ правовѣдѣнія, я отправился къ отцу въ Лаваль, гдѣ онъ получилъ прежнюю свою должность. Я вступилъ въ службу въ его канцелярію и служилъ до 1824 года, когда отецъ мой вторично отставленъ, за подачу голоса на выборахъ не согласно съ видами начальства. Позвольте мнѣ, кстати, сказать нѣсколько словъ объ отцѣ. Два раза онъ былъ отставляемъ; значитъ ли это, что онъ былъ человекъ неспособный или безпокойный? Мое сужденіе, можетъ быть, будутъ подозрѣвать въ пристрастіи, но я могу сказать положительно, потому-что слова мои подтверждаютъ всѣ знающіе моего отца, онъ превосходно зналъ свою часть (прямые налоги); труды его не разъ удостоивались одобренія Наполеона, что онъ можетъ быть слишкомъ хорошо помнилъ; въ этомъ вся его вина. Онъ сожалѣлъ о времени, когда, забитый въ далекую провинцію, безъ связей, безъ покровительства, безъ искательства, онъ быстро подвигался на службу, благодаря однимъ своимъ заслугамъ. Простите мнѣ это отступленіе.

«По отставленіи моего отца, я и самъ оставилъ службу, и поѣхалъ съ нимъ въ Парижъ. Въ провинціи я написалъ въ досужія минуты нѣсколько стихотвореній; я ихъ издалъ подъ названіемъ *Amours françaises*. Эта книжечка прошла почти незамѣченною; на нее обратили вниманіе только развѣ въ немногихъ гостивыхъ, гдѣ еще водился обычай народныхъ чтеній. Тутъ я познакомился со всеми почти людьми, занимавшими, или впоследствии занимавшими мѣста въ литературѣ.

«Казимиръ Делавинъ ободрялъ меня чрезвычайно любезно, и я подружился съ Александромъ Дюма, когда онъ отличался еще одною красотою почерка. Успѣхъ мой былъ слишкомъ не-

значителенъ, чтобы я могъ надѣяться безбѣднаго существованія отъ литературныхъ трудовъ; я принялъ управленіе механическимъ столярнымъ заведеніемъ; и въ то же время, какъ изготовлялъ паркетъ и оконныя рамы, написалъ *Ромео и Жульетту*.

«Это было въ 1827 году. Пьеса моя была принята единодушно французскимъ театромъ. Но театръ рѣшилъ, не зная пьесы, предпочесть ей трагедію, которую Арно сынъ обещалъ написать на тотъ же сюжетъ. Когда трагедія была написана, ее приняли, но предпочли ей переводъ Шекспировой трагедіи Эмиля Дешана. Я все это узналъ случайно. Я отнесъ свою рукопись въ Одеонъ. Величайшихъ хлопотъ стоило мнѣ добиться ея выслушанія; въ этомъ мнѣ помогъ Жюль Жаневъ, который уже въ то время имѣлъ вѣсть и приводилъ всѣхъ директоровъ въ трепетъ своими фельетонами въ журналъ *Фигаро*. Моя пьеса принята, съиграна, осыпана рукоплесканіями. Съ этой минуты я рѣшительно пошелъ въ литераторы.

Съ этого времени, вотъ вся моя литературная жизнь: я поставилъ на сцену Одеона *Христина*, драму въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, упавшую самымъ блистательнымъ образомъ. Я писалъ эту драму съ любовью, и былъ чрезвычайно огорченъ ея неудачею; въ особенности огорчала меня измѣна журналистовъ, которые, возбудивъ насъ, молодыхъ людей, открывать себѣ новые пути, оставили насъ и наше дѣло при первомъ опытѣ. *Христина* тѣмъ не менѣе—лучшее мое произведеніе. Я бросилъ театръ, и сталъ работать въ журналы, преимущественно въ *Меркуріа* и *Фигаро*.

«Въ 1830 году, я поставилъ пьеску въ двухъ дѣйствіяхъ: *Ночь герцога Монфора*, которая доставила мнѣ гораздо болѣе денегъ, чѣмъ мои двѣ трагедіи, несмотря на ея посредственность. Наступила Іюльская Революція; я принялъ въ ней участіе, дрался; получилъ крестъ, который впрочемъ ничего не доказываетъ; но, какъ бы то ни было, я дрался. Въ это время я работалъ въ журналы *La Mode* и *Voleur*, вмѣстѣ съ Балзакомъ и Сю.

«Несмотря на неудачи мои на театрѣ, я еще разъ попыталъ счастья, написалъ съ г-мъ Каве пьесу, въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ; подъ названіемъ: *Дворяне и мѣщане*. Она опять упала. Я рѣшился вовсе отказаться отъ театра, несмотря на

ободревіе моихъ пріятелей, которые объясняли мои неудачи избыткомъ драматическаго элемента. Я продолжалъ писать почти для всѣхъ журналовъ и сборниковъ.

«Наконецъ, я снова выступилъ на театрѣ *Семействомъ Люизины*, (1831) имѣвшимъ довольно хорошиі успѣхъ. За тѣмъ я написалъ *Клотильду* (1832), которую много бранили и еще болѣе играли; *Приключеніе при Карль IX*, (1834) которое также порядкомъ раскритиковано и часто играно. Въ одно время съ *Клотильдою* я издалъ романъ *Два трупа*, который называли лучшимъ моимъ произведеніемъ.

«Вскорѣ за тѣмъ я собралъ, подъ названіемъ *Port de Créteil*, нѣсколько повѣстей и разсказовъ, частью еще не изданныхъ, частью помѣщенныхъ въ журналахъ. Потомъ я напечатала романъ *Виконтъ де Везье*; а прежде, чѣмъ выйдетъ ваша статья, выйдетъ еще романъ въ двухъ частяхъ, *Манетизёръ*.

Въ итогъ оказывается, что съ тѣхъ поръ, какъ я началъ писать, я поставилъ девять пьесъ (я забылъ въ нихъ исчисленіи *Человѣка въ блузѣ* и *Короля Сицилійскаго*), изъ которыхъ четыре въ пяти, и три въ трехъ дѣйствіяхъ; изъ нихъ четыре удержались на репертуарѣ Французскаго Театра. Кроме того, я издалъ девять томовъ; шесть томовъ историческихъ романовъ, два тома повѣстей, и одинъ томикъ стихотвореній. Наконецъ, едва-ли найдете сборникъ, въ которомъ бы не было моихъ статей; я участвовалъ въ *Cent-et-un*, въ *Paris moderne*, въ *Europe litteraire*, въ *La Mode*, въ *Revue de Paris*, въ *Musée des familles*, въ *Journal des enfans*, и проч. и проч.

«Вотъ всѣ, или почти всѣ свидѣнія, какія я могу вамъ дать, можетъ быть ихъ и слишкомъ много; поступайте съ ними, какъ знаете.

«Вотъ въ точности мое имя: Мельхиоръ-Фредерикъ Сулье.»

Эта автобіографія останавливается на 1834 году; въ другой разъ мы постараемся дополнить ее свидѣніями о литературной дѣятельности Фредерика Сулье съ этого времени до самой смерти, и оцѣнкою главнѣйшихъ его произведеній.

ПИСЬМО ГЕКТОРА БЕРЛЮЗА ОБЪ РОССІИ.

Я только что воротился изъ Россіи любезный Гёмберъ, и чувствую потребность немедленно дать вамъ отчетъ въ многочисленныхъ музыкальныхъ странствіяхъ, совершенныхъ мною въ послѣдніе пятнадцать мѣсяцевъ. Вы столько разъ поддерживали меня въ пылу боя, ободряли меня въ часы унынія, успокоивали меня на счетъ будущаго, сравнивая его съ прошедшимъ; въ васъ есть такое живое и благородное чувство прекраснаго, такое религиозное уваженіе къ истинѣ, такое твердое вѣрованіе въ величіе и могущество искусства, что разсказъ о моихъ изслѣдованіяхъ и открытіяхъ по Европѣ, непременно займетъ васъ, и я не могу обратиться съ ними къ человѣку, болѣе васъ способному ихъ оцѣнить и готовому принять въ нихъ участіе. Я знаю, что не смотря на высокіе помыслы, наполняющіе ваше сердце, и на важные труды, которые вы совершаете въ томъ уголку міра, въ которомъ благосклонность короля доставила вамъ такое пріятное убѣжище, вы не могли забыть, ни на одинъ мигъ, поэзіи и музыки. Любовь ваша къ этимъ двумъ сестрамъ была слишкомъ глубока и чиста, чтобы ей измѣниться, и я увѣренъ, что вы часто, съ горныхъ вершинъ своего острова, прислушиваетесь къ музыкальнымъ и литературнымъ извѣстіямъ, которыя сѣверный вѣтеръ заноситъ къ вамъ изъ Парижа. А между тѣмъ, мнѣ Парижъ кажется скученъ и унылъ, въ особенности послѣ моего послѣдняго путешествія! И какъ я завидую, среди нашего лѣтняго зноя, вашимъ благоуханнымъ прогулкамъ среди померанцовыхъ лѣсовъ Сардиніи, и ночнымъ концертамъ Средиземнаго моря, и даже навнымъ пѣснямъ сардинскихъ пахарей, этихъ европейскихъ африканцевъ, этихъ людей древняго міра въ настоящемъ времени! *Non nobis deus haec otia fecit.*

Возвращаясь изъ Россіи, какъ и въ прошломъ году, послѣ долгихъ странствій по Австріи, Богеміи и Венгріи, я нашелъ Парижъ по прежнему занятымъ преимущественно матерьяльными интересами, невнимательнымъ и равнодушнымъ ко всему, что занимаетъ поэтовъ и артистовъ; по прежнему онъ ловилъ подлѣя и зазорныя дѣла, и смѣялся сухимъ, рѣзкимъ смѣхомъ, каждому случаю удовлетворить этой отвратительной страсти; по прежнему адская вонь кипящаго асфальта мѣшалась съ запахомъ скверныхъ сигаръ; по прежнему таскались по улицамъ скучающія и наскучившія другимъ лица; по прежнему артисты были всѣ въ уныніи, умные люди изнурены, и вездѣ толкались безсмысленныя толпы; театры по прежнему чахлы, умираютъ, или уже умерли; таже шарманка каждый день въ тотъ же часъ пицтитъ ту же пѣсню; по прежнему вездѣ предла-

гаютъ и защищаютъ тѣ же дикія мнѣнія, хвалятъ тѣ же произведенія, поклоняются тѣмъ же нечѣснымъ людямъ.

Словомъ, все это представляется мнѣ чѣмъ то жалкимъ до нельзя, а умъ мой не въ такомъ настроивѣ, чтобы видѣть вещи въ радужныхъ цвѣтахъ. Вы помните томительную тоску, мучившую насъ въ молодости, на слѣдующій день послѣ бала или праздника, когда насъ изнуряло какое то безпокойство, какое то неопредѣленное страданіе души, горестъ, сѣтованіе безъ причины и безъ предмета, пламенное влеченіе къ чему-то неизвѣстному, какая-то невыразимая тревога всего существа. Мнѣ самому совѣстно сознаться, но я тоже ощущаю теперь. Для меня пришелъ слѣдующій день послѣ большого трехмѣсячнаго праздника, который мнѣ дали въ Россіи. Я чувствую отсутствіе большихъ оркестровъ и хоровъ покорныхъ, усердныхъ, пылкихъ, которыми я управлялъ каждый день съ такимъ удовольствіемъ; даже изнуренія долгихъ пробъ; чувствую отсутствіе этой публки, вѣжливой, блестящей, внимательной, энтузіастической; этихъ тяжелыхъ волненій большихъ концертовъ, въ которыхъ музыкантъ, дирижирующій ими, говоритъ толпѣ тысячею голосовъ оркестра и хоровъ; недостаетъ вокругъ меня тѣхъ многообразныхъ впечатлѣній, которыя производятъ на непредубѣжденныхъ слушателей новѣйшія созданія искусства; словомъ эта неподвижность послѣ такого движенія, это бездѣйствіе послѣ такой дѣятельности, это безмолвіе послѣ такихъ потоковъ гармоніи, наводятъ на меня такую тоску, что съ самаго моего возвращенія меня преслѣдуетъ одна мысль, съ которою я тщетно борюсь и днемъ и ночью, мысль сѣсть на корабль и отправиться въ путешествіе вокругъ свѣта: И надо же судьбѣ, будто на зло моимъ благоразумнымъ намѣреніямъ, искушать меня при мѣромъ, столкнувъ меня третьяго дня съ однимъ изъ нашихъ старыхъ пріятелей, съ виртуозомъ Гальмою, только что возвратившимся изъ Кантона! Можете судить, съ какимъ любопытствомъ я спрашивалъ его о Китаѣ, о Малайскихъ островахъ, о мысѣ Горнѣ, о Бразиліи, о Чили, о Перу, о всѣхъ посѣщенныхъ имъ земляхъ; съ какою жадностью я разсматривалъ привезенныя имъ рѣдкости и диковины! Я дрожалъ отъ восторга, и будь у меня царство, я бы вѣрно вскричалъ подобно Ричарду III: «все царство за корабль!» Но не имѣя ни корабля, ни царства, я остаюсь въ томъ городишкѣ, который тянется, по словамъ престестнаго нашего поэта Мери, отъ улицы Монблана, до Монмартрскаго предмѣстья, и который люди называютъ Парижемъ, и шатаюсь каждый вечеръ по его улицамъ, повторяя на всевозможные лады и размѣры стихи *Рюмблза*:

Ah ça, mais on s'ennuie horriblement ici?

К счастью, права новая поговорка: Penui porte conseil; скука внушила мнѣ средство забывать Парижъ, не выѣзжая изъ него: мысленно посѣщать далекія мѣста, въ которыхъ я былъ, артистовъ, съ которыми я разговаривалъ, памятники, которыми я любовался, учрежденія, которыя я изслѣдовалъ; другими словами, писать къ вамъ, выбирая однакоже дни и часы, когда сплннь оставляетъ меня въ покоѣ, чтобы не слишкомъ наскучить вамъ. Но почему знать, будете-ли вы даже читать мои письма? Я воображаю себѣ, какъ вы спите подъ тѣнью лимонной рощи, подобно счастливому старцу римскаго поэта, подъ тихій говоръ трудолюбивыхъ пчелъ, собирающихъ медъ съ цвѣтовъ вокругъ васъ. Съ Вигрилемъ или Горациемъ въ рукахъ, на что вамъ моя проза, когда ихъ дивная поэзія убаюкиваетъ васъ? К счастью, я знаю средство разбудить васъ, не навлекая на себя вашего гнѣва; слушайте: я буду говорить о..... Глукъ; о Глукъ, слышите? его родинѣ, въ которой я побывалъ, о Моцартѣ, о Гайднѣ, о Бетховенѣ, которые всѣ, какъ и Глукъ, долго проживали въ Вѣнѣ.... я знаю что ради этихъ волшебныхъ именъ, вы простите мой незванный набѣгъ. Теперь начинаю.

Изъ проѣзда моего изъ Парижа въ Вѣну я сохранилъ только два замѣчательныя воспоминанія: во первыхъ, о страшной боли (не нравственной боли, не стройте тутъ романа, не старайтесь угадать, рѣчь идетъ просто о препрозаической боли въ боку); которая принудила меня остановиться въ Панси, и почти ждать тамъ смерти, что очень не мудро, потому что вѣдь на то мы и родимся; во вторыхъ, о какомъ то учителѣ слова Божія, котораго я видѣлъ изъ оконъ гостиницы въ Аугсбургѣ. Этотъ проповѣдникъ, основатель какого-то новаго-христіанства, которое быстро растроstrаняется по Баваріи и Саксоніи, сѣдился въ дилижансѣ, когда трактирщикъ, въ волненіи, показалъ мнѣ его; я не припомню его имени; но у него живое, умное лицо, и онъ вообще кажется предобримъ малымъ. — Этотъ переѣздъ, по большой части на долгихъ, какъ ѣздить въ Италиі, былъ чрезвычайно медленъ; тѣмъ болѣе что, когда я пріѣхалъ въ Регенсбургъ, послѣдній пароходъ уже ушелъ; и я, пробывъ два дня въ этомъ большомъ городишкѣ, вмѣсто того, чтобы быстро спуститься по рѣкѣ, будто на облакѣ, принужденъ былъ выдержать мучительную тряску телеги до Линца. Сколько вѣковъ разстоянія между этими двумя образами ѣзды! Выѣзжая изъ Регенсбурга, я могъ считать себя современникомъ Фридриха Барбаруссы; въ Линцѣ, вступая на палубу щегольскаго, быстрого парохода, я былъ въ

1845 году. Имена этихъ двухъ городовъ напоминаютъ мнѣ замѣчаніе, не разъ дѣланное мною на глупый обычай, который водится въ Европѣ, исказить и измѣнять имена нѣкоторыхъ городовъ, перевода ихъ съ одного языка на другой. За чѣмъ, напримѣръ, Французы говорятъ Londres вмѣсто London, или Италіянцы Parigi вмѣсто Paris? Когда я ѣздилъ по Германіи, у меня была карта Германіи, съ которою я часто справлялся; Линцъ я на ней находилъ, потому что намъ, во Франціи, угодно называть этотъ городъ и писать его имя одинаково съ нѣмцами; Ратисбона (*) же я никакъ не могъ отыскать, потому что это имя нашего изобрѣтенія, и не представляетъ ни малѣйшаго сходства съ Регенсбургомъ, настоящимъ названіемъ города, котораго я искалъ. Нѣкоторыя имена, и притомъ самыя мудренныя, мы удостоиваемъ сохраненія, а другія искажаемъ, Богъ знаетъ за чѣмъ. Мы говоримъ, напримѣръ, Штутгартъ, Карlsruэ, Дармштадтъ, Виртембергъ, какъ туземцы, а вслѣдъ за тѣмъ Ваіегн обратили въ Bavière, München въ Munich, Donau въ Danube! Въ этихъ названіяхъ еще покрайней мѣрѣ есть сходство, хотя и отдаленное; а какое сходство между Регенсбургомъ и Ратисбоною? Чтобы мы сказали о нѣмцахъ, еслибы имъ вздумалось Ліонъ величать какимъ нибудь Миттенбергомъ, а Парижъ какимъ нибудь Триффенштейномъ?

Сходя съ парохода въ Вѣнѣ, я могъ тутъ же составить себѣ понятіе о страсти Австрійцевъ къ музыкѣ: одинъ изъ таможенныхъ служителей, осматривая тюки и чемоданы, снесенныя съ парохода, увидѣлъ мое имя, и вскричалъ (разумѣется по французски), «Гдѣ же онъ? гдѣ онъ? — Здѣсь. — О, Боже мой! г. Берліозъ! что такое съ вами случилось? мы ждемъ васъ уже другую недѣлю; всѣ наши газеты объявили о выѣздѣ вашемъ изъ Парижа, и о вашихъ концертахъ въ Вѣнѣ. Намъ уже безпокойно ваше отсутствіе.» Я поблагодарилъ, какъ умѣлъ, добраго таможенного, думая про себя, что никогда не будутъ такъ безпокойтса обо мнѣ таможенныя пристава у Парижскихъ заставъ. —

(Продолженіе въ будущемъ №.)

(*) Почтенный маэстро ошибается, названіе это не французская выдумна, а древнее римское наименованіе древняго города Ratisbona, поренна-
ченное нѣмцами въ Регенсбургъ. Ред.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Новое средство покорять суровыя сердца. Разсказываютъ, что одинъ молодой человекъ страстно влюбившись въ хорошенькую парижанку, истощилъ все средства тронуть ея сердца, но безъ успѣха; ни записки, ни цвѣты, ни подарки, ничто не помогало. Наконецъ онъ рѣшился на отчаянное средство. Одынившись разнощикомъ писемъ, онъ пришелъ къ своей возлюбленной и вручилъ ей письмо отъ самого себя, въ которомъ говорилъ ей, что ея суровость принуждаетъ его искать смерти, и что если она хочетъ его видѣть, то можетъ найти его въ числѣ утопленниковъ.

«Несчастный!» воскликнула лѣвшушка, прочитавъ письмо. «Вотъ, какъ онъ меня любилъ! можетъ быть я еще успѣю спасти его.

И не слушая никакихъ убожденій, бросилась въ квартиру молодаго человека.

А между тѣмъ ложный разнощикъ, оставшись одинъ съ горничною, успѣлъ посредствомъ золота склонить ее на свою сторону и увѣряться въ ея помощи.

Черезъ часъ хозяйка воротилась. «Опоздала», воскликнула она съ отчаяніемъ.» Несчастный уже ушелъ съ квартиры... Я поспѣшила въ Моргю, но не посмѣла войти въ страшный домъ.

«Ахъ, сударыня, если бы вы знали!..»

«Что такое?»

«Переводчики сейчасъ принесли молодаго человека, котораго вытащили изъ воды: онъ шепталъ имя...

«Мое! Боже мой! Онъ и при смерти думалъ обо мнѣ; надо спасти его...»

«Тш! онъ спитъ; сонъ ему можетъ быть поможетъ!

«Дай Богъ!»

Молодой человекъ прекрасно сыгралъ роль утопленника, и въ награду изъ собственныхъ устъ красавицы узналъ, что сердце ея не можетъ протрѣпаться такой отчаянной любви.

Литераторъ-спекулянтъ въ нашъ промышленный вѣкъ не рѣдкость. Но всѣхъ перещегоолялъ одинъ Берлинскій романистъ. Онъ заключилъ съ молодымъ, и еще, какъ видно, неопытнымъ издателемъ контрактъ, которымъ обязался написать романъ, получая за него плату по листамъ; забыли только опредѣлять число томовъ романа. Романистъ, которому ничего не стоить растянуть книгу, потому—что онъ долго надъ нею не задумывается, доставляетъ издателю листъ за листомъ, томъ за томомъ, а конца романа не видать; уже три поколѣнія въ немъ перелюбились, переженились, пережили и перестрадали; а конца все еще нѣтъ. Наконецъ, самъ издатель испугался; чтобы заплатить неутомному писателю, ему придется отказаться отъ всѣхъ другихъ платежей. Но какъ романистъ и слышать не хотѣлъ о стѣсненіи въ границахъ своего произведенія, то издатель, наконецъ, рѣшился отказаться ему на отръзъ. Литераторъ требуетъ исполненія контракта судебнымъ порядкомъ.

Г-жа Альбертацци, извѣстная въ свое время пѣвица, долго украшавшая парижскую Италіанскую Оперу, недавно скончалась въ Англии; ей было только 35 лѣтъ, но она уже нѣсколько лѣтъ не могла являться на сценѣ, вслѣдствіе потери голоса.

Находчивость и эксцентрическія выходки Листа, давно уже известны всему міру. Рассказываютъ новый, любопытный примѣръ. Возвращаясь изъ Одессы въ Вѣну, онъ остановился въ какомъ-то небольшомъ нѣмецкомъ городѣ, и объявилъ концертъ; одно обстоятельство безпокоило его; въ городѣ не было довольно большой залы для вмѣщенія множества народа, какое онъ привыкъ видѣть въ своихъ концертахъ. Каково же было его изумленіе, когда въ назначенный часъ въ залъ оказалось только человекъ сорокъ и тѣ были сердиты, и будто стыдились, что попали въ такой ничтожный, повидимому, концертъ. Продавъ съ часъ, не соберется ли побольше народу, перестро-

ивъ раза три свой роуль, Листъ былъ наконецъ принужденъ покориться судьбѣ, и играть для сорока слушателей. Но между тѣмъ, какъ онъ игралъ свою фантазію на Довъ-Жуана, прекрасная мысль мелькнула въ его головѣ. Онъ всталъ, не кончивъ пьесы, и сказалъ публикѣ: «Милостивые государи, съ вастъ будетъ музыки, я полагаю, съ меня также; не угодно ли вамъ будетъ сдѣлать мнѣ честь, отужинать со мною?» Разумѣется, что восторженное ура было отвѣтомъ на это странное предложеніе. Virtuozъ не поскунился, отираясь съ гостями въ лучшую гостиницу, онъ заказалъ ужинъ на славу. Гости разстались съ хозяиномъ уже перелъ разсвѣтомъ, и въ восторгъ другъ отъ друга. На слѣдующій день, хитрый virtuozъ объявилъ второй концертъ; на этотъ разъ собралось до двухъ тысячъ человекъ; что ихъ привлекло? талантъ ли Листа, или надежда вкусно поужинать на его деньги? Незнаемъ. Вѣроятно, впрочемъ, что публика сложится, и заплатитъ ему за ужинъ обѣдомъ, на который его еще, пожалуй, повесутъ на рукахъ.

—

Англійскій драматургъ Даніэль Ли, авторъ многихъ превосходныхъ пьесъ, какъ извѣстно, умеръ въ домѣ сумасшедшихъ. Не смотря на разстройство ума, онъ написалъ тутъ лучшую свою трагедію, *Королевы-соперницы*. Онъ писалъ ее обыкновенно ночью, при свѣтѣ луны; потому-что начальство боялось давать огонь сумасшедшему. Однажды, пока онъ работалъ, облако заволокло луну. Выведенный изъ терпѣнія, и боясь упустить мысль, онъ поднялъ глаза къ небу и сказалъ повелительнымъ голосомъ: «*Юпитеръ, вставай, и сними съ луны!*» Приказаніе не было исполнено, облако сгустилось, и луна совсѣмъ скрылась. «Вотъ болванъ! сказалъ Даніэль Ли, захохотавъ, я ему велѣлъ снять съ луны, а онъ ее загасилъ.» Съ этимъ онъ легъ спать, отложивъ работу до другаго раза.

—

Зоитики въ Североамериканскихъ штатахъ, если вѣрять одной Нью-Йоркской газетѣ, считаются *res nullius aut res com-*

things и принадлежать по праву prime occupanti. Каждый беретъ, безъ зазрѣнія совѣсти, первый попавшійся ему зонтикъ, только бы не былъ онъ у кого въ рукахъ; точно такъ, какъ у насъ самый честный человекъ, не посовѣстится присвоить себѣ чужую собаку. Бостонскій судья Роджерсъ, который вѣроятно испыталъ на себѣ неудобство этого обычая, положилъ слѣдующее рѣшеніе: «Зонтикъ есть законная собственность, и потому взять чужой зонтикъ есть дѣло незаконное.» Вслѣдствіе этого рѣшенія Джонъ Магони, за покражу зонтика приговоренъ къ штрафу въ 18 долларовъ. Этотъ приговоръ возбудилъ въ виновномъ сильное негодованіе, потому-что онъ твердо убѣжденъ, что зонтикъ принадлежитъ всемъ, и что никакой судья не можетъ его признать неотъемлемою собственностью того или другаго лица.

Новый композиторъ производитъ фуроръ въ Германіи: англичанинъ *Генри Литольфъ*, извѣстный до-сихъ-поръ, какъ пьянствитель; онъ написалъ большую романтическую оперу, *Кинастская мѣвеста*, которая представлена съ необыкновеннымъ успѣхомъ въ Брауншвейгѣ. Говорятъ, что это произведеніе обличаетъ въ молодомъ композиторѣ драматическій талантъ, который едва-ли уступитъ Мейерберову.

Забавный процессъ занимаетъ теперь Парижъ. Два театра, Комическая опера и Національная Опера, которая должна открыться въ теченіи осени, хотятъ поставить одну и ту же оперу, *Алину, царицу Голкондскую*. Національная Опера объявила Комической Оперѣ, что ей одной принадлежитъ право играть это произведеніе, по договору ея съ наследниками автора либретто. Комическая Опера отвѣчала, что она получила тоже исключительное право отъ вдовы композитора, Бертонна. Обѣ дирекціи намѣрены начать процессъ.

России, бывшій нѣкогда царемъ композиторовъ, а потомъ сдѣлавшійся царемъ гастрономовъ и откупщикомъ рыбныхъ лововъ, выступилъ на новое поприще. Болонцы избрали его въ начальники своей національной гвардіи, говорятъ, онъ очень дѣятельно занимается ея устройствомъ и очень забавенъ въ мундирѣ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТЕАТРАЛЬНЫЯ ВѢСТИ.

На дняхъ открытъ Циркъ Императорскихъ Театровъ и открытъ блистательнымъ образомъ. Повидимому, конскія ристанія сдѣлались съ нѣкотораго времени однимъ изъ любимѣйшихъ зрѣлищъ нашей публики, это доказало существованіе въ одно время двухъ большихъ Цирковъ, *Гверры* и *Лежара*, которые оба постоянно бывали полны зрителей. Дирекція нашихъ театровъ, всегда заботящаяся объ удовлетвореніи желаній публики, соединила теперь лучшихъ, европейскихъ артистовъ-вольтижеровъ, и подъ своимъ управленіемъ открыла временный Циркъ, близъ Александринскаго Театра. Начиная отъ вышности этого Цирка, опрятной, даже роскошной, съ удобными помѣщеніями, до малѣйшей малости все въ немъ измѣнилось—къ лучшему. Костюмы роскошны, оркестръ прекрасенъ, лошади превосходны. Кромѣ знаменитостей, уже извѣстныхъ нашей публикѣ, гг. Кюзана, Бюклея, Дежара, Шансле, Віоля, г-жъ Дежаръ, Камиллы Леру, Поливы Кюзанъ, Дирекція вновь ангажировала наѣздницъ г-жъ Бланшь, Фортюне, прелестную танцовщицу на лошади Лору Бассенъ, которая въ прошломъ годѣ очаровывала парижанъ и гг. Рембера, Карона и Огюста. При такомъ составѣ труппы, нечего и говорить объ успѣхѣ представленій: аплодисманамъ и вызовамъ нѣтъ конца. Эти главные опоры труппы поддерживаются второстепенными артистами и нѣсколькими воспитанницами Театральнаго Училища, г-ми Воробьевскою, Читау, Федоровой, Лютцъ, которыя въ короткое время оказали изумительные успѣхи въ наѣздничествѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что отнынѣ Циркъ сдѣлается однимъ изъ любимѣйшихъ сборищъ нашей публики и что любопытство ея постоянно будетъ подстрѣкаемо

разнообразіемъ его спектаклей, и тѣмъ великолѣпіемъ обстановокъ, которое на нашихъ театрахъ неистощимо въ изобрѣтеніяхъ!

Опера открыта! Г-жа Фрецолини дебютировала!—Это два событія въ нашей артистической жизни, о которыхъ надо говорить со всѣмъ уваженіемъ, какое они заслуживаютъ. Мы предоставляемъ себѣ побесѣдовать съ читателями объ этомъ предметѣ въ болѣе обширной и обстоятельной статьѣ. Скажемъ только, что наша Итальянская Опера, при теперешнемъ своемъ составѣ, одна изъ первѣйшихъ и самыхъ слаженныхъ оперъ въ Европѣ, и что она смѣло можетъ войти въ состязаніе съ знаменитой Парижской Оперой, которую мы имѣли случай слышать въ прошломъ году и которая, кромѣ роскоши обстановки, уступитъ нашей и въ самой совокупности (ensemble) игры и голосовъ.

Оперный театръ нашъ недавно украсился еще новымъ балетомъ «Пахита», созданіемъ новѣйшей хореографинъ, и новымъ танцовщикомъ Петипа. Обо всемъ этомъ мы дадимъ подробный отчетъ въ слѣдующей книжкѣ.

АНЕКДОТЫ.

Гари Монье никакъ не могъ пробыть хоть четверть часа за работой въ своей мастерской. По сосѣдству съ нимъ жилъ нѣкто В.... который имѣлъ обыкновеніе приходить къ нему, переворачивать въ его картины верхъ-дномъ, подымать, какъ говорится содомъ и гомору въ квартирѣ карикатуриста и надождавъ ему до смерти, прося рассказать какую нибудь шутку. Монье, уѣзжая въ Голландію, не безъ удовольствія думалъ про себя: «наконецъ то мой пріятель уберется отъ меня, и какъ наказаніе привяжется къ кому нибудь другому. Я увѣренъ что по пріѣздѣ, я его ужъ не увижу.» Не тутъ то было! лишь только онъ показалъ носъ въ Парижъ, какъ уже другъ явился съ своей докучливою просьбою. Наконецъ то я васъ нашель,

вскричалъ онъ, обвиняя карикатуриста, теперь вы отъ меня не отдѣляетесь, у васъ должно быть съ три короба разныхъ шутокъ и уморительныхъ приключеній. рассказывайте же, рассказывайте скорѣй! Монье взбѣсился не на шутку...

Между тѣмъ нужно сказать, что Монье, какъ и весь его собратія по живописи, былъ заклятый врагъ національной гвардіи и Дисциплинарный Совѣтъ приговорилъ его къ 8-ми дневному заключенію подъ арестъ. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ два муниципала явились, спрашивая Монье.

—Онъ сію секунду придетъ! отвѣчалъ карикатуристъ! Въ скорости за тѣмъ дверь отворилась и вошелъ любитель смѣшныхъ приключеній и шутокъ.

—Ахъ, здравствуй любезный Монье, закричалъ настоящій Монье, дѣлая знакъ своему вампиру и шепнувъ ему на ухо «молчите, это будетъ презабавная шутка, презанимательное приключеніе! только не мѣшайте мнѣ.»

В. довольный, тѣмъ, что пособить Монье въ его шуткѣ, не говоритъ ни слова, и съ величайшею важностію слѣдуетъ за муниципалами на гаубтвахту. Только на другой день спохватился онъ, что презабавную шутку, и презанимательное приключеніе Монье съигралъ съ нимъ не на шутку! Онъ тотчасъ же пошелъ жаловаться на него и объявилъ, что онъ совсемъ не Монье, котораго нужно было арестовать а... Но его не послушали. На седьмой день Монье пошелъ навѣстить своего пріятеля въ его заключеніи. Ну что, не правдали, что мы съ тобою славно подшутили надъ этими муниципалами и разыграли презабавное приключеніе?

Другъ не отвѣчалъ ни слова, онъ отвернулъ отъ него свою голову и съ тѣхъ поръ Монье не видалъ его въ лицо.

Однажды къ знаменитому Энгре явился скульпторъ, у котораго не было работы. Великій живописецъ лежалъ въ постель, закутавъ совершенно голову въ бумажный халатъ.

— Г. Энгре, я скульпторъ Х.

А! Такъ это вы скульпторъ Х.

— Г. Энгре, у меня нѣтъ работы.

А! такъ у васъ нѣтъ работы?

— Г. Энгре, я отецъ семейства.

А! такъ вы отецъ семейства.

— Г. Энгре. Я просилъ работы въ министерствѣ, но мнѣ не отвѣчали ни слова!

Энгре повернулся къ нему спиною и заснулъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ уже храпѣлъ во всю ивановскую!..

Взбѣшенный скульпторъ пошелъ отъ него, проклиная хлѣнокровіе великаго живописца къ нуждамъ и бѣдамъ своихъ собратьевъ—художниковъ.

Восемь дней спустя послѣ этого посѣщенія скульпторъ получилъ заказъ на статую для городской ратуши, въ объявленіи къ нему было сказано, что заказъ этотъ предоставляется ему вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ и ручательства со стороны г. Энгре.

У всякаго своя манера одолжать!

Скажи, пожалуйста, какъ ты засыпаешь съ такою безлювою кредиторовъ? спросила однажды вѣжная тетюшка своего племянника. Ничего—съ! отвѣчалъ онъ, я славно сплю, вѣдь это только имъ не спится!....

Въ программѣ одного женскаго пансіона, между прочимъ, пренаивно сказано:

«При выходѣ изъ нашего заведенія, каждая дѣвушка во всей тонкости знаетъ все, что только нужно знать женщинамъ!»

Однажды офицеръ жаловался маршалу Риньяё на товарища, который его обидѣлъ, и даже нанесъ ему ударъ. — «А развѣ съ вами не было шпаги?» спросилъ его маршалъ. «Никакъ нѣтъ, полковникъ!» Ну такъ покрайней мѣрѣ ножа? — «И того не случилось!» — «Э! чортъ возьми, такъ у васъ вѣрно была зубочистка!»

797. 7021

ПРОГРАММА.

I. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Пьесы, *игранныя на сценѣ*, трагедіи, драмы, комедіи, водевили.
2. Пьесы драматическія, не игранныя, по почему-либо особенно замѣчательныя.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА.

1. Біографіи артистовъ, драматическихъ писателей, композиторовъ, музыкантовъ, великихъ художниковъ и вообще людей, замѣчательныхъ въ области искусства, или имѣющихъ отношеніе къ театру.
2. Записки и мемуары, касающіеся до театра.
3. Драматическая бібліографія.

III. ПОВѢСТИ и РОМАНЫ, русскіе и переводные.

IV. ЮМОРИСТИКА, могущая служить матеріаломъ для драматическихъ теорій.

V. СМѢСЬ:

1. Анекдоты, острые слова и мелочи.
2. Театральные слухи и извѣстія.
3. Водевильные куплеты.

VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. С. Петербургскіе театры: *русскій, оперный, французскій, нѣмецкій.*
2. Московскіе театры.
3. Провинціальныя театры.
4. Концерты и свѣдѣнія обо всемъ замѣчательномъ въ области искусствъ.

VII. ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Музыка водевильныхъ куплетовъ.
2. Портреты артистовъ.

«Репертуаръ и Пантеонъ театровъ» выходитъ *аккуратно*

5-го числа каждаго мѣсяца.

Цена за годовое изданіе «Пантеона и Репертуара русской сцены», съ 12-ю гравюрами и портретами на стали, состоящее изъ 12 книжекъ въ 20 листовъ компактной печати каждая, —
10 руб. сер.

Съ пересылкою въ города или на домъ, 11 руб. 50 коп. сер.

Подписка НА **1848** ГОДЪ принимается:

Въ С. Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ П. А. Ратькова,
на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Голландской церкви.

Въ Москвѣ: въ Университетской книжной лавкѣ П. В.
Базунова.

Въ Газетныхъ Экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ.

NB.

Просяпть покорно всѣхъ, имѣющихъ дѣло до «Репертуара и Пантеона», а равно иногородныхъ, желающихъ подписаться на будущій 1848 годъ, обращаться въ редакцію, къ Федору Алексѣевичу Кони, въ Вознесенскомъ переулкѣ, въ домѣ Шпакельберга.